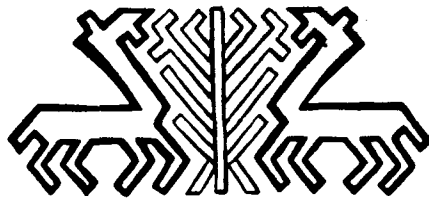

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1
1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

РЗФ

АКАДЕМИЯ НАУК

НОД

ОВЫЙ О

В
АНА

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

П19
4

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛГОГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. В. Бабушкина

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов.
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черёмушkinsкая, 19

Т-00084 Подписано к печати 17/II—1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Тираж 1900 экз. Бум. л. 6¹/₂ Заказ 3597 Печ. л. 17,81+4 вкл. Уч.-изд. л. 21,7

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПОБЕДНОМУ ПУТИ

(К 40-летию советских республик Кавказа)

40 лет назад, в 1920—1921 гг., на всем Кавказе была окончательно установлена Советская власть и образованы национальные советские республики. В тысячелетней истории народов Кавказа это событие открыло новую эру, ту эру, начало которой в истории всего человечества было положено победой Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Созданные в огне битв, в героические годы борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией, советские республики Северного Кавказа и Закавказья своим рождением были обязаны Великому Октябрю, являясь его детищем. У их колыбели стоял основатель Коммунистической партии и организатор первого в мире социалистического государства В. И. Ленин, под непосредственным руководством которого советские республики Кавказа сделали свои первые шаги. Следуя мудрым заветам великого вождя, осуществляя под водительством Коммунистической партии вместе с другими народами Советского Союза начертанный Лениным план строительства новой жизни, народы Кавказа за сорок лет Советской власти достигли таких высот в своем политическом, экономическом и культурном развитии, что эти четыре десятилетия по своей значимости намного превосходят весь ранее пройденный исторический путь.

На примере народов Кавказа можно еще раз убедиться в правоте гениального предвидения основоположников научного социализма — Маркса и Энгельса — о том, что весь предшествующий победе социалистической революции период составит лишь предысторию человеческого общества. Если мы мысленно окинем взглядом все историческое прошлое народов Кавказа и попытаемся оценить те колоссальные изменения, которые произошли во всех областях их жизни за последние сорок лет, то поистине мы можем сказать, что эти народы только после установления Советской власти, избавившей их от векового гнета и эксплуатации, начали творить свою подлинную историю.

* * *

Как и другие народы СССР, народы Кавказа прошли длительный и тяжелый путь, прежде чем они обрели свободу и счастье.

Прекрасный край, щедро наделенный природными богатствами, населенный трудолюбивыми и талантливыми народами с древними культурными традициями, Кавказ, занимающий к тому же важное географическое положение, на протяжении многих веков был объектом захватнических вожделений и ареной бесчисленных столкновений соперничавших мировых хищников, начиная с рабовладельческих государств древнего мира.

Несмотря на самоотверженную и упорную борьбу, народам Кавказа зачастую не удавалось отстоять свою независимость, и они подпадали под жестокое и кровавое иго завоевателей, что делало судьбу этих на-

родов особенно тяжелой и трагичной. Им нередко угрожали полное физическое уничтожение или денационализация.

Изнемогая в борьбе с внешними врагами, народы Кавказа искали помощи и защиты у России, стремились соединить свою судьбу с судьбой русского народа, с которым их связывали давние узы и общие интересы. Добровольное присоединение большинства народов Кавказа к Русскому государству господствующие классы царской России использовали в своих корыстных интересах и, объединившись с местными эксплуататорами, беспощадно угнетали трудящиеся массы Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и других областей Кавказа.

Царизм, поддерживавший и опекавший социальные верхи народов Кавказа, превратившиеся в его верных слуг, в то же время душил национальное развитие этих народов, консервировал их социальную и культурную отсталость, проводил по отношению к ним великодержавную, шовинистическую политику. Однако вопреки колониальной политике царизма, разжигавшей национальную рознь, шло неуклонное сближение народов Кавказа с русским народом. С момента присоединения Кавказа к России, на основе экономических связей, особенно усилившихся со второй половины XIX в., расширялись и углублялись общественно-политические и культурные связи, складывалось и крепло единство в революционной борьбе.

Уже первое поколение русских революционеров — декабристы, посланные на Кавказ, установили здесь дружеские связи и оказали прогрессивное влияние на развитие общественной мысли и культуры кавказских народов. Еще более тесными стали связи передовой России с Кавказом, когда на историческую арену выступило второе поколение русских революционеров во главе с Белинским и Герценом, Чернышевским и Добролюбовым. Под их идейным воздействием на Кавказе вырастает замечательная плеяда писателей, общественных и политических деятелей, видящих в великих революционных демократах России своих непосредственных учителей и духовных вождей.

Но ярче всего классовая солидарность и братское сотрудничество трудящихся многонационального Кавказа с русским народом и другими народами России проявились тогда, когда во главе революционного движения нашей страны стали рабочий класс и его партия, выпестованная великим Лениным. Это было время, когда Кавказ стал интенсивно вовлекаться в орбиту развития русского капитализма, когда на Кавказе появились свои кадры пролетариата, влившиеся в состав героического рабочего класса России. Именно в этот период со всей силой сказалось огромное прогрессивное историческое значение присоединения Кавказа к России, сделавшее возможным объединение освободительной борьбы народов Кавказа с борьбой всех угнетенных народов России.

Как в начале своего зарождения, так и в дальнейшем революционное рабочее движение на Кавказе разворачивалось под руководством Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина в неразрывном единстве с общероссийским революционным движением.

Важнейшее место в деятельности большевиков-ленинцев на Кавказе занимала пропаганда идей пролетарского интернационализма и дружбы народов. Выступая против великодержавной колонизаторской политики царизма, кавказские большевики в то же время разоблачали местных буржуазных националистов, которые, подобно царизму, стремились посеять национальную рознь на Кавказе, разъединить и посорить народы Кавказа не только между собой, но и с их старшим братом — великим русским народом.

Принятый на Кавказе с самого начала интернациональный принцип построения партийных организаций, объединявших в своих рядах передовых, сознательных рабочих различных национальностей, был горячо одобрен Лениным, который неоднократно указывал на необходимость

проводить повсюду этот принцип, «столь блестяще испытанный на Кавказе с 1898 года»¹.

Многонациональный по своему составу пролетариат Кавказа повел под руководством Коммунистической партии совместную революционную борьбу, своим примером доказывая трудящимся всех народов Кавказа необходимость объединения своих усилий для успеха борьбы за социальное и национальное освобождение.

Рабочие и крестьяне Кавказа приняли активное участие в первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., показав образцы революционной стойкости и героизма. Еще более мощный размах получило революционное движение на Кавказе после свержения в феврале 1917 г. царизма — в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в то же время развивали свою деятельность и силы контрреволюции. Особую активность после Февральской революции на Кавказе, как и на других национальных окраинах, проявляли буржуазные националисты.

Грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские муссаватисты и другие контрреволюционные партии и организации Кавказа, используя оставшуюся в наследие от царизма национальную рознь, всячески разжигали ее и стремились изолировать трудящихся «своих» национальностей от общения и связей с другими народами, прежде всего с передовыми представителями русского народа, с революционными рабочими и большевиками. Возникшие после свержения царизма «национальные советы» в Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе демагогически выдавали себя за единственных защитников и правомочных представителей «своих» народов. Их националистическая политика оказывала тлетворное влияние на умы трудящихся, мешая созданию единого фронта борьбы с контрреволюцией. Вместе с тем буржуазные националисты Кавказа сразу же после свержения царизма вступили в тесный контакт с российской контрреволюцией, с реакционным казачеством Дона, Кубани, Терека, с империалистами Антанты, пытаясь совместными усилиями приостановить дальнейшее развитие революции в России и на Кавказе. Однако, несмотря на все ухищрения контрреволюционных сил, влияние большевиков к моменту Октябрьской революции значительно возросло во многих районах Кавказа, особенно в важнейших пролетарских центрах.

Весть о победе Октябрьской вооруженного восстания в Петрограде была восторженно встречена трудящимися Кавказа. На многочисленных митингах и собраниях в Тифлисе, Баку, Батуми, Ереване, Александрополе, Петровске, Грозном, Владикавказе, Нальчике, Пятигорске и других городах Кавказа выносились резолюции, приветствующие установление Советской власти в России. Пролетариат Кавказа заявлял о своей готовности рука об руку с рабочими России защищать завоевания Октябрьской революции. Однако вследствие предательства буржуазных националистов и вмешательства иностранных интервентов борьба народов Кавказа за установление Советской власти сразу же осложнилась и затянулась на длительный срок.

С первых же дней Октябрьской революции Кавказ был избран Антантой как один из важнейших плацдармов для борьбы с Советской властью, победившей в Центральной России. По указке и на деньги империалистов США, Англии и Франции спешно сколачивается анти-советская коалиция из контрреволюционных сил Северного Кавказа и Закавказья. Казачьи атаманы и горские «имамы», грузинские меньшевики и белогвардейские генералы, армянские дашнаки и азербайджанские муссаватисты — вся эта контрреволюционная нечисть спланируется на Кавказе, чтобы приостановить победное шествие социалистической

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 485.

революции. Используя относительную малочисленность пролетариата, разьединенность многонационального крестьянства, сословные предрассудки казачества, крайнюю темноту и угнетенность горцев и прочее наследие тяжелого колониального прошлого Кавказа, контрреволюционеры стремились еще более запутать и обострить национальные отношения в крае, разжечь здесь братоубийственную войну и потопить в крови зарождавшуюся Советскую власть.

Свои главные старания буржуазные националисты направили на то, чтобы отторгнуть Кавказ от Советской России, лишить народы Кавказа руководства и братской поддержки великого русского народа в борьбе за власть Советов. Провозглашая «независимость» Кавказа, буржуазные националисты в то же время спешили продать этот богатый край оптом и в розницу различным группировкам международного империализма, заручиться их финансовой, военной и прочей поддержкой для порабощения своих народов.

Центральный Комитет большевистской партии, Советское правительство и лично В. И. Ленин с особым вниманием следили за событиями на Кавказе, направляя и организуя борьбу за Советскую власть в этом отдаленном, но важном районе страны. Попыткам буржуазных националистов Кавказа увлечь за собой народные массы большевистская партия противопоставила неотразимую силу ленинских идей, начертанных на знаменах Советов. Огромную роль в привлечении на сторону Советской власти трудящихся многонационального Кавказа сыграли «Декларация прав народов России» и обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этих исторических документах, провозглашавших основные принципы ленинской национальной политики, народы Кавказа увидели воплощение своих чаяний.

Проясняя классовое сознание народных масс, разоблачая обман и провокации буржуазных националистов, организуя вооруженные силы для борьбы с контрреволюцией, большевистские организации Кавказа добились к марту — апрелю 1918 г. провозглашения Советской власти на значительной части Кавказского края. К этому времени власть Советов установилась на Кубани и Тереке, в Дагестане, Баку и прилегающих к нему районах Азербайджана, в Абхазии и многих районах Западной Грузии. В остальной части Закавказья почва уходила из-под ног узурпировавших власть буржуазных националистов, и нараставшая волна народного гнева готова была окончательно смести их с лица Кавказской земли.

Видя, что пришел их последний час, буржуазные националисты, которые до этого прислуживали империалистам Антанты, бросились в объятия германо-турецких захватчиков и открыли им дорогу на Кавказ. Выполняя волю новых хозяев, грузинские меньшевики в мае 1918 г. вышли из только что созданной по указке Антанты «независимой» Закавказской Республики и объявили о создании «независимой республики Грузии», правительство которой через два дня заключило с кайзеровской Германией договор, превращавший Грузию в колонию немецких империалистов. Примеру грузинских меньшевиков немедленно последовали дашнаки и муссаватисты, объявившие о «независимости» Армении и Азербайджана и отдавшие их на разграбление и растерзание германо-турецким оккупантам.

С помощью германских империалистов грузинские меньшевики свирепо расправились с восставшим под руководством большевиков грузинским народом. При поддержке германского флота меньшевики подавили Советскую власть в Абхазии и на Черноморском побережье Северного Кавказа, захватив его вплоть до Туапсе.

Смертельная угроза нависла и над советским Баку, к которому одновременно рвались германо-турецкие интервенты и империалисты

Антанты, а внутри зрел антисоветский заговор. 31 июля 1918 г. Советская власть в Баку временно пала, и по приглашению эсеров и меньшевиков в город вступили английские интервенты. Вероломно захваченные 26 бакинских комиссаров, в числе которых были С. Г. Шаумян, М. А. Азизбеков, П. А. Джапаридзе, И. А. Фиолетов и другие замечательные большевики, были увезены в Закаспий и зверски убиты английскими интервентами при содействии их эсерово-меньшевистской агентуры.

Стремясь овладеть огромными богатствами Кавказа, особенно нефтью, враждующие группировки международного империализма, возглавлявшиеся Антантой и Германией, были в то же время единодушны в своей ненависти к Советской власти, которую они всеми силами старались уничтожить. В свою очередь буржуазные националисты Кавказа охотно шли в услужение той группировке империалистов, на стороне которой в данный момент был перевес в силах. Когда после краха кайзеровской Германии на Кавказе снова появились империалисты Антанты, грузинские меньшевики, дашнаки, муссаватисты и другие буржуазные националисты незамедлительно вернулись к своим прежним хозяевам и помогли деникинцам подавить Советскую власть на Северном Кавказе.

Несмотря на то, что весь Кавказ в начале 1919 г. оказался под пятой интервентов и их буржуазно-националистической и белогвардейской агентуры, проводившей жесточайший террор, воля народов Кавказа и их революционная энергия не были сломлены. В момент, когда вскормленная империалистами Антанты белогвардейская армия Деникина рвалась к Москве, в тылу у деникинцев ни на минуту не прекращалась борьба горцев Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии и других национальных районов Северного Кавказа. «На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина», — писал В. И. Ленин 19 октября 1919 года в своем обращении «К товарищам-красноармейцам»².

В конце 1919 г. Красная Армия, нанеся деникинцам ряд сокрушительных ударов, погнала их обратно на юг. 9 января 1920 года советские войска освободили Ростов, 27 марта — Новороссийск.

2 апреля 1920 г. Г. К. Орджоникидзе, назначенный председателем Северо-Кавказского революционного комитета, телеграфировал В. И. Ленину из Грозного: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Черноморья, Терской и Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав свои повстанческие ревкомы ранее прихода Красной Армии»³.

Восстановление Советской власти на Северном Кавказе имело огромное значение и для народов Закавказья, вызвав новый подъем борьбы революционных рабочих и крестьян Азербайджана, Армении, Грузии против буржуазно-националистических правительств. По призыву Коммунистической партии Азербайджана в ночь на 28 апреля 1920 года трудящиеся Азербайджана во главе с бакинским пролетариатом подняли вооруженное восстание, обратившись вместе с тем за помощью к Советской России. Днем 28 апреля власть в Баку находилась уже в руках народа, восторженно приветствовавшего вступающую в азербай-

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 51.

³ Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 111.

джанскую столицу Красную Армию во главе с Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кировым и А. И. Микояном. В тот же день Временный Военно-революционный комитет Азербайджана провозгласил образование Азербайджанской Советской Республики.

Воодушевленный победой своих азербайджанских братьев, на борьбу за власть Советов поднялся и армянский народ. 29 ноября 1920 г. трудящиеся Армении с помощью пришедшей по их зову Красной Армии сбросили кровавое дашнакское иго. Армения стала Советской республикой.

Несколько дольше, чем муссаватисты и дашнаки, сумели продержаться у власти грузинские меньшевики, представлявшие собой наиболее изворотливую агентуру империалистов в Закавказье. Но пришел конец владычеству и этих злейших врагов грузинского народа. В ночь на 12 февраля 1921 года в Грузии под руководством коммунистов началось вооруженное восстание. Образовавшийся 16 февраля Революционный комитет провозгласил в Грузии Советскую Социалистическую Республику и обратился к Председателю Совнаркома РСФСР В. И. Ленину с горячим приветствием и просьбой прийти на помощь грузинским рабочим и крестьянам, ведущим напряженную борьбу с меньшевиками и спешившими им на выручку империалистами Антанты. По решению Советского Правительства Красная Армия выступила на помощь грузинскому народу; из Азербайджана двинулись части 11 армии во главе с Г. К. Орджоникидзе, из Владикавказа через горные перевалы — отдельная бригада во главе с С. М. Кировым. 25 февраля 1921 года Красная Армия и повстанческие отряды вступили в Тифлис.

* * *

Окончательная победа Советской власти на Кавказе позволила Коммунистической партии приступить здесь к реализации национальной политики, основы которой были разработаны В. И. Лениным еще в дореволюционные годы и провозглашены как руководящие принципы Советского государства в первые дни Октябрьской революции.

В октябре 1920 г. Центральным Комитетом партии было принято решение о создании на Северном Кавказе национально-государственных образований, основанных на принципах советской автономии, которая, предоставляя горцам возможность в условиях диктатуры пролетариата самим управлять своими делами и строить новую жизнь применительно к особенностям их быта, являлась в то же время наилучшей формой объединения национальных окраин с Центральной Россией.

В ноябре 1920 г. на съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре и съезде народов Терека во Владикавказе народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным от имени правительства РСФСР была торжественно провозглашена автономия Дагестана и горцев Терской области. В принятых на съездах резолюциях представители народов Дагестана и Терека единодушно приветствовали решение Советской власти предоставить им автономию и заявили, что это еще более скрепит узы братства и нерушимой дружбы, связывающие их с трудowym народом России.

20 января 1921 года постановлением ВЦИК РСФСР было оформлено образование Дагестанской и Горской автономных советских республик. В процессе дальнейшего национально-государственного строительства на Северном Кавказе входившие в Горскую АССР кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши и осетины образовали ряд автономных областей. Получили также национальную автономию адыгейцы и черкесы, проживавшие на территории Кубано-Черноморской области.

В Закавказье с первых же дней образования советских республик Азербайджана, Армении и Грузии Коммунистическая партия поставила задачу всемерного укрепления их связей между собой и с Советской Россией. В. И. Ленин постоянно указывал народам Закавказья, что только в тесном союзе с РСФСР и помогая друг другу они смогут обеспечить себе свободу и независимость и успешно строить социализм. Народы Закавказья, убедившись на опыте, что только братская помощь Советской России спасла их от владычества буржуазно-националистических правителей и иностранных интервентов, спешили укрепить свои связи с РСФСР, заключая с ней союзные договоры, спланивая вокруг нее. Договорные отношения 1920—1921 гг. с РСФСР явились для народов Закавказья важным шагом к объединению со всеми советскими республиками нашей страны в рамках единого Союзного Советского государства, в которое закавказские республики вошли в составе Закавказской Советской Федерации.

Предложение о создании федерации советских республик Закавказья выдвинул В. И. Ленин, считавший, что она будет способствовать скорейшему восстановлению и развитию экономики Азербайджана, Грузии и Армении, укреплению их обороноспособности, ликвидации в Закавказье пережитков национальной вражды.

В марте 1922 г. на полномочной конференции представителей Грузии, Азербайджана и Армении были заложены основы Закавказской федерации, оформившейся в декабре 1922 г. на I Закавказском съезде Советов (в Баку) в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Вместе с тем I съезд Советов Закавказья обратился к ВЦИК РСФСР с предложением созвать объединенный съезд Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР для обсуждения вопроса об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Таким образом, Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР взяли на себя инициативу в осуществлении ленинской идеи добровольного равноправного объединения советских республик нашей страны в единое союзное многонациональное социалистическое государство — СССР.

Вхождение ЗСФСР в СССР обеспечило Советской Грузии, Азербайджану и Армении постоянную помощь и поддержку РСФСР и других братских советских республик, без чего народы Советского Закавказья не смогли бы отстоять свое существование в борьбе против агрессивных сил международного империализма, не смогли бы успешно вести строительство социализма.

* * *

После победоносного окончания гражданской войны перед народами Кавказа, как и перед всеми народами нашей страны, встали новые большие и сложные задачи. В первую очередь необходимо было ликвидировать хозяйственную разруху, восстановить народное хозяйство, укрепить экономическую базу Советской власти. Нужно было быстрее поднять культурный уровень народных масс. Нельзя было забывать и о враждебном империалистическом окружении, требовавшем укрепления обороноспособности всех советских республик.

К строительству новой, социалистической жизни народы Кавказа приступили в братском содружестве со всеми советскими народами под руководством Коммунистической партии и ее гениального вождя В. И. Ленина.

Собравшийся в марте 1921 г. X съезд РКП(б) принял по предложению Ленина огромной исторической важности решение о переходе к новой экономической политике, которая, укрепляя в условиях мирного времени союз рабочего класса с крестьянством, обеспечивала построение социализма в нашей стране. Вместе с тем X съезд РКП(б), обсудив

доклад И. В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в принятой по этому вопросу резолюции наметил систему мероприятий по приобщению к коммунистическому строительству трудящихся ранее угнетенных национальностей. Съезд указал, что теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты и в национальных республиках провозглашена Советская власть, «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию»⁴ и тем самым уничтожить фактическое национальное неравенство, оставшееся в наследство от царизма, помещиков и буржуазии.

14 апреля 1921 года В. И. Ленин в письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики», исходя из своеобразия положения советских республик Кавказа, дал ряд руководящих указаний о путях и методах социалистического строительства в этих республиках. «Горячо приветствуя советские республики Кавказа,— писал В. И. Ленин,— я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе.

Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму».⁵

Развертывая величественную программу социалистического строительства на Кавказе, В. И. Ленин указывал коммунистам Кавказа на необходимость не копировать тактику коммунистов России, а «обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»⁶.

Касаясь задач хозяйственного строительства, которые в это время перед всеми народами нашей страны выдвигались на первый план, Ленин подчеркивал необходимость всемерного развития производительных сил края, указывая на важность широкой и интенсивной разработки нефти, марганца, угля, меди и других горных богатств Кавказа, на необходимость проведения крупных работ по электрификации и орошению в целях не только развития промышленности, но и резкого поднятия земледелия и скотоводства, чтобы сразу улучшить положение местного трудового населения. Намечая мероприятия по развитию социалистической экономики советских республик Кавказа, В. И. Ленин считал, что все эти мероприятия в своей совокупности, и прежде всего электрификация и орошение, пересоздадут край, возродят его, похоронят прошлое, укрепят переход к социализму.⁷

Таким образом, Ленин ставил перед коммунистами Кавказа важнейшую задачу — «удержать и развить Советскую власть как переход к социализму». «Задача,— как указывал Ленин,— трудная, но вполне исполнимая»⁸. Борясь со всякого рода оппортунистами и капитулянтами, выражавшими сомнения в возможности осуществления идей и принципов Коммунистической партии и Советской власти на бывших окраинах царской России, в отсталых национальных районах со слабо развитой промышленностью и малочисленным пролетариатом, В. И. Ленин не раз отмечал, что и в этих, преимущественно аграрных и крестьянских районах вполне возможно укрепление и развитие советского строя при помощи и поддержке Советской России и ее рабочего класса.

В декабре 1920 г., выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин по поводу образования и упрочения советских республик

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, ч. 1, стр. 559.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 295.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 297.

⁸ Там же, стр. 295.

Средней Азии (Бухарской) и Кавказа (Азербайджанской и Армянской) говорил: «Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство»⁹.

Исходя из этих ленинских установок, X съезд партии в своем решении по национальному вопросу подчеркнул, что «советский строй обеспечивает трудящимся ранее угнетенных национальностей постепенное и безболезненное развитие к коммунизму и дает им возможность в своей борьбе против пережитков национального гнета и неравенства и собственных эксплуататорских верхов опереться на революционный опыт и организованную силу пролетариата передовых стран»¹⁰.

С начала 1920-х годов советские республики Кавказа стали получать от Советской России большую материальную помощь, что намного ускорило восстановление разрушенного хозяйства и облегчило положение трудящихся. Эту помощь Советская Россия стала оказывать еще в тот период, когда она сама остро нуждалась во всем и только приступала к заживлению ран, нанесенных гражданской войной и интервенцией. Так, в первые же дни освобождения горцев Северного Кавказа от белогвардейцев в распоряжение председателя Северо-Кавказского ревкома Г. К. Орджоникидзе было направлено 2 млн. аршин мануфактуры, которые Орджоникидзе, как он об этом сообщил в телеграмме Ленину от 6 апреля 1920 года, решил распределить между детьми горцев¹¹.

После освобождения Дагестана по распоряжению Председателя Совнаркома В. И. Ленина Дагестанскому ревкому было отпущено 100 млн. руб. на восстановление разрушенных аулов¹².

Огромную помощь стали получать от Советской России и советские республики Закавказья с самого начала их возникновения. Г. К. Орджоникидзе на I Закавказском съезде Советов (декабрь 1922 г.) по этому поводу говорил: «Разве без материальной помощи Советской России укрепились бы Советская власть здесь? Советская Россия присылала в прошлом году хлеб и продолжает присылать и в этом году. Она дала золото на восстановление оросительной системы на Мугани, она отпустила и в этом году 800 тыс. руб. золотом на закупку тракторов для Мугани. Она отпустила 640 тыс. руб. золотом на восстановление хлопководства в Армении, она, Советская Россия, ассигновала 700 тыс. руб. золотом на постройку гидроэлектрической станции под Тифлисом. А в прошлом году та же Советская Россия отпустила Азербайджану, Грузии, Армении более 8 млн. руб. золотом.

Грузия хочет построить текстильную фабрику. Она обращается к России. Россия отпускает средства на большую текстильную фабрику. То же самое дают товарищам армянам. Таким образом из этого общего резервуара — России — берется все, что можно»¹³.

После образования Союза Советских Социалистических Республик помощь народам Кавказа стала еще больше. Благодаря этому республики Кавказа в годы восстановления народного хозяйства добились быстрого возрождения и дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства. К 1926 г. был не только достигнут, но и по многим показателям превзойден довоенный (1913 г.) уровень развития народного хозяйства Кавказа.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 459—460.

¹⁰ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. 1, стр. 558.

¹¹ Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи, т. I, стр. 112.

¹² Там же, стр. 124.

¹³ Там же, стр. 261.

Взятый Коммунистической партией курс на преодоление фактического неравенства национальностей нашел свое выражение прежде всего в более высоких темпах роста народного хозяйства и особенно промышленности в национальных районах Советского Союза. Ярким примером могут служить республики Кавказа, где уже в восстановительный период стали создаваться новые крупные промышленные очаги. Так, в Грузии в восстановительный период было начато строительство около двадцати крупных промышленных предприятий, из которых девять вступило в эксплуатацию еще до 1926 года.

Когда Коммунистическая партия приступила к широкой реконструкции народного хозяйства и осуществлению ленинского плана социалистической индустриализации СССР, промышленное строительство на Кавказе, естественно, развернулось в еще больших масштабах, чем в восстановительный период. Озабоченная тем, чтобы темпы социалистической индустриализации в национальных районах обеспечивали скорейшее подтягивание их к уровню Центральной России, Коммунистическая партия приняла меры к тому, чтобы капитальные вложения в промышленность экономически отсталых областей Кавказа возрастали быстрее, чем это предусматривалось планами для всей страны в целом. Необходимые для этого средства ассигновывались из союзного бюджета.

Благодаря этим мерам промышленное развитие национальных автономии Северного Кавказа, отличавшихся особой экономической отсталостью, сделало уже к началу первой пятилетки значительные успехи. В 1928 г. валовая продукция крупной промышленности возросла по сравнению с 1913 г. в Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии почти в четыре раза, в Северной Осетии и Дагестане — в два раза.

В годы довоенных пятилеток во всех республиках Кавказа стали сооружаться крупные предприятия тяжелой, легкой и пищевой промышленности, причем особое развитие получили отрасли промышленности, связанные с разработкой природных богатств. Большое внимание было уделено также использованию гидроэнергетических ресурсов, «белому углю», на важное значение которого для развития социалистической экономики советских республик Кавказа указывал еще В. И. Ленин.

Индустриализация республик Кавказа потребовала преодоления больших трудностей, связанных с их общей экономической и культурной отсталостью, приводившей, в частности, к острому недостатку квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. И здесь опять большую помощь на протяжении всех пятилеток народам Кавказа оказали передовые районы Советского Союза, рабочие России и Украины, которые помогали в создании новых, ранее не известных на Кавказе отраслей промышленности — гидроэнергетической, металлургической, машиностроительной, химической, текстильной, стекольной и др.

Борясь за досрочное выполнение первого пятилетнего плана в области промышленности, нефтяники Кавказа в конце марта 1931 г. первыми рапортовали о выполнении нефтяной промышленностью пятилетнего плана в два с половиной года. Это была замечательная победа бакинских и грозненских рабочих, показавших образцы самоотверженного социалистического труда, подобно тому, как в годы гражданской войны они, верные своим революционным традициям, показывали образцы стойкости и мужества в борьбе за победу Советской власти на Кавказе.

За годы двух первых пятилеток в экономике Кавказа произошел коренной перелом. К 1936 году удельный вес промышленности в народном хозяйстве советских республик Закавказья достиг уже 72%. Грузия, Азербайджан и Армения стали индустриально-аграрными рес-

публиками. В Дагестане к концу второй пятилетки доля промышленности в общей продукции народного хозяйства составляла более половины (в 1937 г.— 56%). Преобладание получила промышленность и в экономике других национальных автономий Северного Кавказа.

В результате индустриализации республик Кавказа в промышленное производство уже к концу второй пятилетки было вовлечено большое количество местного населения. В Закавказье, например, численность рабочего класса к концу второй пятилетки выросла по сравнению с дореволюционным периодом почти в пять раз. Серьезные достижения в формировании национальных кадров рабочего класса имелись в результате двух пятилеток и на Северном Кавказе, где до революции почти не было рабочих из среды коренного населения.

Осуществление под руководством Коммунистической партии индустриализации национальных республик Кавказа усилило здесь ведущую роль рабочего класса, укрепило его союз с крестьянством, и тем самым в этом некогда отсталом крае была обеспечена полная победа социализма, которую так гениально предвидел Ленин.

* * *

Успехи социалистической индустриализации СССР создавали необходимые материально-технические предпосылки для перехода к массовой коллективизации крестьянских хозяйств и на Кавказе. Развитие советского тракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения позволило направить в деревни Северного Кавказа и Закавказья тысячи тракторов и различных сельскохозяйственных машин, которые в корне изменили крайне отсталую до этого технику сельского хозяйства Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и национальных областей Северного Кавказа и создавали материально-техническую базу для социалистического преобразования их сельского хозяйства. И здесь опять решающее значение имела помощь более развитых в промышленном отношении центральных областей Советского Союза, откуда в годы коллективизации поступала на Кавказ сельскохозяйственная техника.

Коллективизация сельского хозяйства на Кавказе проходила в еще более трудных условиях, чем индустриализация. Если вообще осуществление этого революционного переворота в советской деревне требовало огромной и напряженной работы по созданию экономических и организационно-политических предпосылок сплошной коллективизации, то тем сложнее было проведение массового социалистического обобществления мелких крестьянских хозяйств в условиях социально-экономически и культурно отсталых национальных районов Кавказа. В быту кавказской деревни еще цепко держались патриархально-феодалные пережитки, затуманивавшие сознание некоторой части трудового крестьянства и облегчавшие кулачеству и другим эксплуататорским элементам ведение подрывной работы против колхозного движения.

В соответствии с указаниями партии, учитывавшей исторические особенности отдельных районов СССР, развертывание коллективизации в республиках Кавказа шло медленнее, чем по СССР в целом.

Ведя терпеливую разъяснительную работу, оказывая колхозам всемерную материальную помощь, создавая все новые и новые машинно-тракторные станции, организационно-хозяйственно укрепляя колхозы, Коммунистическая партия и Советское государство добились того, что преимущества колхозного строя стали совершенно очевидны и для подавляющей части трудового крестьянства Азербайджана, Грузии, Армении. К 1936 году в колхозах Закавказья было объединено уже около 80% крестьянских хозяйств. На Северном Кавказе, более тесно связан-

ном с передовыми сельскохозяйственными районами России, сплошная коллективизация была в основном завершена в годы первой пятилетки.

Коллективизация имела особенно большое значение для подъема благосостояния народов Кавказа, у которых сельское хозяйство отличалось крайней консервативностью, отсталостью и малой производительностью. Объединение мелких распыленных крестьянских хозяйств в колхозы позволило внедрить новую технику, резко поднять культуру земледелия и скотоводства, значительно увеличить продуктивность всех отраслей сельского хозяйства. На полях Кавказа вместо примитивных орудий, нередко целиком сделанных из дерева, стали работать тысячи тракторов и различного рода усовершенствованных машин. В республиках Кавказа началось плановое развитие сельскохозяйственного производства, были значительно расширены посевные площади, большое развитие получили специальные и технические культуры — хлопок, чай, цитрусы, табак и др. Азербайджан был превращен во вторую хлопковую базу Советского Союза, Грузия — в основной район производства чая и цитрусовых.

Победа социалистической системы хозяйства в кавказской деревне означала окончательный и полный переход народов Кавказа от патриархального и мелкотоварного укладов к социалистическому способу производства. Сотни тысяч ранее политически отсталых и подвергавшихся кулацкой эксплуатации крестьян приобщились к активному участию в социалистическом строительстве. С победой коллективизации в кавказской деревне были подорваны все основы старого быта. Коллективизация способствовала изживанию в быту кавказского крестьянства патриархальных, религиозных и других пережитков, тормозивших социалистическое строительство. В горах Северного Кавказа был нанесен сокрушительный удар по адату и шариату, которые кулачество и реакционное мусульманское духовенство пытались использовать в своих интересах.

Осуществилось раскрепощение кавказской крестьянки, которая почувствовала себя равноправной участницей коллективного хозяйства и теперь даже в самых отдаленных горных районах Кавказа стала играть важную роль в производственной и общественной жизни, добилась материальной независимости и полноправия в семье.

В годы первых двух пятилеток на Кавказе, как и во всем Советском Союзе, были достигнуты решающие успехи в осуществлении культурной революции: ликвидирована неграмотность, создана сеть средних школ, вузов, научно-исследовательских учреждений. Выросли кадры национальной интеллигенции, среди которой значительное место заняли женщины. Высокое развитие получили национальная литература и искусство. Бесписьменные народы Северного Кавказа получили свою письменность.

* * *

Возникновение и утверждение социалистического общественного строя сопровождалось образованием и развитием у народов Кавказа новых по типу и характеру национальных связей и привело к формированию на Кавказе социалистических наций и народностей.

Историческая база образования социалистических наций у различных народов Кавказа оказалась неодинаковой, что зависело от того уровня социально-экономического и этнического развития, на котором они находились накануне установления Советской власти. У тех народов Кавказа, которые до Октября 1917 г. в той или иной степени были втянуты в русло капиталистического развития, к этому времени уже успели сложиться буржуазные нации. В таком положении были крупнейшие народы Кавказа — грузины, армяне, азербайджанцы; у них

после установления Советской власти начался процесс формирования социалистических наций на основе преобразования старых буржуазных наций. Иначе протекал процесс формирования социалистических наций у малых народов Закавказья (абхазы, южные осетины и др.), а также у адыгейцев, кабардинцев, балкарцев, северных осетин, чеченцев, дагестанцев и других народов Северного Кавказа, которые не только не успели до революции сложиться в буржуазные нации, но даже не все еще оформились как народности, сохранив много черт родоплеменной структуры, делясь на различные «общества», не имея общего самоназвания и т. д. После Октябрьской революции в процессе социалистического строительства и эти народы Кавказа достигли такого единства в экономическом, политическом и культурном отношении, что консолидировались непосредственно в социалистические нации или народности.

Победа социализма в СССР получила свое законодательное закрепление в Конституции СССР 1936 г. Согласно новой Конституции Закавказская федерация, как выполнившая свою историческую роль, была упразднена, а Грузинская, Азербайджанская и Армянская ССР непосредственно вошли в состав Советского Союза. Три автономные области Северного Кавказа — Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская — были, по новой Конституции, преобразованы в автономные республики, непосредственно входящие в состав РСФСР.

После того как было в основном построено социалистическое общество, перед народами Кавказа, как и всего Советского Союза, открылись еще более светлые перспективы. Однако мирный труд народов СССР был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии.

По зову Коммунистической партии на борьбу с фашистскими захватчиками поднялись все народы Кавказа. Они плечом к плечу с братскими советскими народами мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие сыны Кавказа обессмертили свои имена героическими подвигами, удостоились высокого звания Героев Советского Союза. Сотни тысяч за мужество и отвагу, проявленную в боях, были награждены орденами и медалями СССР. Для борьбы с врагом мобилизовали все свои силы и оставшиеся в тылу трудящиеся Кавказа. Все его народное хозяйство, все его ресурсы и средства были поставлены на службу фронту.

* * *

После победоносного окончания Великой Отечественной войны народы Кавказа вместе с народами всего Советского Союза возвратились к мирному созидательному труду. Благодаря полученной от Советского государства огромной помощи национальные республики и области Северного Кавказа смогли в короткий срок не только восстановить свое хозяйство, но и значительно продвинуться в экономическом развитии. В 1956 г. объем промышленной продукции во всех автономных республиках Северного Кавказа увеличился по сравнению с довоенным годом более чем в два раза, а в Кабардино-Балкарской и Дагестанской АССР — почти в три раза¹⁴.

В Закавказье в послевоенный период продолжало быстро развиваться промышленное строительство, в особенности предприятий тяжелой индустрии и электростанций. В 1959 г. валовая продукция всей промышленности Грузинской ССР возросла по сравнению с 1940 г. в 3,7 раза, Азербайджанской ССР — в 2,6 раза, Армянской — в 7 раз. Валовая же продукция машиностроения и металлообработки за это время уве-

¹⁴ «Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник», М., 1957, стр. 322.

личилась в Грузинской ССР в 9,1 раза, в Азербайджанской — в 6 раз, в Армянской — в 38 раз¹⁵.

Крупнейших успехов добились союзные республики Закавказья в области электрификации. Уже в 1956 г. в Грузинской ССР каждые три дня вырабатывалось столько же электроэнергии, сколько в дореволюционной Грузии было выработано за весь 1913 г. В Армении в 1913 г. было выработано 5,1 млн. *квт·ч*, а в 1956 г. — 2304,2 млн. *квт·ч*, т. е. в 460 раз больше, чем до революции. В Азербайджанской ССР в 1956 г. было выработано 5154 млн. *квт·ч*, т. е. в 2,6 раза больше, чем во всей царской России в 1913 г.¹⁶ В 1959 г. электростанции Грузинской ССР выработали 3150,7 млн. *квт·ч*, Азербайджанской ССР — 6110,2 млн. *квт·ч*, Армянской ССР — 2688,3 млн. *квт·ч*. Это означает увеличение по сравнению с 1913 г. в несколько сот раз.

Ныне республики Закавказья не только ликвидировали былую отсталость в промышленном отношении, но стали крупными поставщиками промышленной продукции для других районов Советского Союза и зарубежных стран. В Грузии большое развитие получили металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Здесь производятся грузовые автомобили, горношахтное оборудование, металлорежущие станки и т. д. Азербайджан теперь не только один из важнейших в СССР районов добычи нефти и ее переработки, но и крупнейший производитель машин и оборудования для нефтяной промышленности; здесь также заново созданы черная и цветная металлургия, химическая и цементная промышленность, стал производится алюминий. В Армении, наряду со значительным увеличением производства меди, созданы новые отрасли цветной металлургии, энергетическое машиностроение, станкостроение, точное приборостроение. одной из ведущих отраслей стала химическая промышленность. Значительное развитие в Закавказье получили промышленность строительных материалов, легкая и пищевая.

На большом подъеме находится сельское хозяйство республик Кавказа. Значительно укрепилась его материально-техническая база. Число тракторов, например в сельском хозяйстве Грузинской ССР, увеличилось с 3,7 тыс. (в пятнадцатисильном исчислении) в 1940 г. до 11,8 тыс. в 1959 г., в Азербайджанской ССР соответственно — с 6,5 тыс. до 20,3 тыс., в Армянской — с 2 тыс. до 7 тыс. Такое же резкое увеличение технической оснащенности сельского хозяйства имеет место и в автономных республиках Северного Кавказа.

Большое значение для дальнейшего крутого подъема сельского хозяйства Кавказа имели решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.), в результате реализации которых значительно выросли посевные площади, увеличились урожайность и валовые сборы всех сельскохозяйственных культур. Так, в Азербайджанской ССР производство зерна увеличилось с 453 тыс. т в 1953 г. до 855 тыс. т, в 1959 г. В Грузинской ССР резко возросло производство чая, ставшее здесь важнейшей сельскохозяйственной культурой. В течение последних пяти-шести лет в республиках Кавказа заложены десятки тысяч гектаров новых садов и виноградников. В одном только Дагестане после 1953 г. было заложено более 40 тыс. га новых садов и виноградников, что в два с лишним раза больше, чем этих насаждений было в Дагестане на протяжении всей его истории. В Азербайджане площадь виноградников увеличилась с 1953 по 1959 г. с 23 тыс. до 46 тыс. га, в Армении соответственно с 18 тыс. до 27 тыс. га, в Грузии с 62 тыс. до 79 тыс. га¹⁷.

¹⁵ «Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник», М., 1960.

¹⁶ «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник», М., 1957.

¹⁷ «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», стр. 378—379.

Вместе с глубочайшими социально-экономическими преобразованиями произошел подлинный переворот в культурной жизни малых и больших народов, населяющих многонациональный Кавказ.

До Октябрьской революции трудящиеся Кавказа прозябали в темноте и невежестве. Даже у наиболее крупных народов Кавказа — грузин, армян, азербайджанцев, имевших древнюю культуру и письменность, подавляющая часть населения была неграмотна, национальная интеллигенция — крайне незначительна и состояла из представителей господствующих классов. У малых же народов Кавказа людей со средним и высшим образованием можно было пересчитать по пальцам.

На всем Кавказе не было ни одного университета, ни одного высшего учебного заведения, которое готовило бы инженеров, архитекторов, агрономов, врачей. Среди национальной интеллигенции почти совершенно не было женщин. ~

За годы Советской власти народы Кавказа достигли замечательных успехов в развитии образования, науки, культуры. В 1959/60 уч. г. число учащихся в общеобразовательных, начальных и средних школах достигло в Грузинской ССР — 666 тыс., в Азербайджанской ССР — 685 тыс., в Армянской ССР — 312 тыс. В Азербайджане, например, число учащихся в общеобразовательных школах увеличилось по сравнению с дореволюционным временем (1914/15 уч. г.) в 9,4 раза, а число девочек-азербайджанок в начальной и средней школе выросло более чем в 91 раз. Ныне в школах Азербайджанской ССР учащихся больше, чем в школах Ирана и Турции вместе взятых, хотя население этих стран во много раз больше, чем население Советского Азербайджана.

Поразительны достижения народов Советского Кавказа в области высшего образования. В настоящее время в Закавказье насчитывается 41 высшее учебное заведение, тогда как до революции здесь было только одно. На Северном Кавказе до революции не было ни одного высшего учебного заведения, а сейчас только в его автономных республиках имеется 11 вузов. Ныне по уровню высшего образования союзные республики Закавказья намного обогнали не только все страны зарубежного Востока, но и самые развитые капиталистические государства мира. Так, на каждые 10 тыс. жителей в Азербайджане приходится почти 100 студентов вузов, в Грузии и Армении — более 100, тогда как в США на то же число жителей приходится 79 студентов, а во Франции — 37.

Высшие и средние специальные учебные заведения республик Кавказа выпускают ежегодно тысячи специалистов. Народы Кавказа располагают теперь многочисленными кадрами учителей, врачей, инженеров, агрономов, зоотехников и других специалистов различных отраслей народного хозяйства и культуры. Число специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве Грузинской ССР, достигло в 1959 г. 179,7 тыс. чел., в Азербайджанской ССР — 110 тыс., в Армянской — 69,8 тыс.¹⁸.

До установления Советской власти на Кавказе полностью отсутствовали национальные научные учреждения. Ныне в Грузии, Азербайджане и Армении имеются свои республиканские академии наук, а в Грузинской и Азербайджанской ССР, кроме того, академии сельскохозяйственных наук. Во всех автономных республиках Северного Кавказа созданы комплексные научно-исследовательские институты, изучающие экономику, историю, язык и литературу населяющих их народов, а в Дагестанской АССР существует филиал Академии наук СССР.

¹⁸ «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», стр. 608—609.

За годы Советской власти у всех народов Кавказа выросли высококвалифицированные научные работники по всем отраслям знания. Сейчас число научных работников армян и грузин превышает 7 тыс., азербайджанцев — 4,3 тыс., осетин — 560, дагестанцев — 420 чел. и т. д.¹⁹ Если до революции на всем Кавказе можно было насчитать лишь несколько человек с ученым званием, то сейчас в одной лишь Грузинской ССР имеется 414 докторов и 3081 кандидат наук²⁰. Ученые Кавказа вносят крупный вклад в развитие советской и мировой науки. Далеко за пределами нашей страны известны имена президента Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумяна, президента Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мухелишвили и других выдающихся ученых Кавказа.

Небывалого расцвета достигли при Советской власти литература и искусство народов Кавказа. У большинства народов Северного Кавказа и малых народов Закавказья национальная литература и профессиональное искусство по существу зародились и оформились только в Советскую эпоху, но и у грузин, азербайджанцев, армян и других народов Кавказа, имеющих богатое культурное наследие, с установлением Советской власти возродились и расцвели все виды и жанры литературы и искусства.

На основе социалистического реализма, творчески используя лучшие национальные традиции, кавказские писатели и художники, композиторы и артисты внесли ценный вклад в сокровищницу социалистической культуры народов Советского Союза. Вместе с огромным ростом профессионального искусства у народов Кавказа, как и у всех народов СССР, большой размах получила художественная самодеятельность. Советский строй создал исключительно благоприятные условия для выявления таившихся в недрах народных масс талантов. Во всех национальных областях и республиках Кавказа появились, наряду с государственными театрами и ансамблями, самодеятельные творческие коллективы, участники которых своим талантом и мастерством вызывают всеобщее восхищение.

Выдающиеся достижения литературы и искусства народов Кавказа неоднократно отмечались на проводимых в Москве декадах, они широко известны в нашей стране и получили признание за рубежом.

Советский строй поднял народы нашей страны, в их числе народы Кавказа, к вершинам культуры, неизмеримо обогатил их духовную жизнь, наполнил ее новым содержанием. Социалистическое содержание культуры народов Кавказа единит ее с культурой всех социалистических наций и народностей Советского Союза. В культуре народов Кавказа все более развиваются те общие черты и новые традиции, которые складываются сейчас, в эпоху развернутого строительства коммунизма, у всех советских народов. Как и вся советская культура, культура народов Кавказа вдохновляется великими идеями марксизма-ленинизма, она обогащается за счет все крепнущих связей с русским и другими братскими народами нашей страны, своими достижениями она все в большей степени обязана тесному творческому содружеству ее деятелей с деятелями культуры других народов Советского Союза.

Все лучшее, что создавалось и создается в культурах братских народов Советского Союза, незамедлительно становится достоянием и народов Кавказа. В свою очередь, выдающиеся достижения культуры народов Кавказа входят неотъемлемой частью в состав всей советской культуры, способствуют ее дальнейшему совершенствованию.

¹⁹ «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», стр. 757.

²⁰ Там же, стр. 753.

* * *

Таким образом, народы Кавказа в условиях советского строя в течение четырех десятилетий покончили со своей прежней отсталостью. «Мы гордимся тем,— говорил Н. С. Хрущев, выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран»²¹.

Отмечая сорокалетие установления Советской власти на Кавказе, народы его уверенно смотрят в свое светлое и радостное будущее, они знают, что, идя вместе со всеми народами Советского Союза по указанному В. И. Лениным пути, они достигнут своей заветной цели — коммунизма.

²¹ «Правда», 24 сентября 1960 г.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*(К методологии изучения истории бесписьменных народов) **

Несколько десятилетий тому назад доклад на данную тему необходимо было бы начать с аргументации положения о том, что каждый народ, независимо от уровня его развития, имеет свою длительную и сложную историю, что деление народов на исторические и неисторические глубоко неверно. На современном этапе нашей науки в этом нет нужды.

Письменные источники по истории огромного большинства народов земного шара отсутствуют или относятся к очень позднему времени. Но от этого их историческое прошлое не становится менее сложным и богатым событиями. Однако в истории бесписьменных народов еще много огромных пробелов, которые должны быть восполнены, без чего невозможно воссоздание подлинной истории всего человечества.

Эти вопросы приобретают особую актуальность в наше время, когда многие бесписьменные народы Азии и Африки в результате упорной борьбы вступили на путь независимости. Развитие национального самосознания всегда способствует пробуждению в народе глубокого интереса к своему историческому прошлому.

При отсутствии памятников письменности источниками для реконструкции истории того или другого народа могут служить данные различных дисциплин: археологии, этнографии, языкознания, этнической антропологии. Не касаясь в докладе археологических и лингвистических вопросов, мы рассмотрим принципы использования этнографических и антропологических материалов в качестве исторического источника, привлекая преимущественно данные из области, наиболее близкой моим научным интересам,— этнографии и антропологии народов Сибири.

* * *

Этнографическая наука в прошлом уделяла недостаточно внимания вопросам конкретной истории отдельных народов, а некоторые школы и направления принципиально игнорировали этот круг проблем. Эволюционная школа в этнографии, составившая важный и прогрессивный этап в истории нашей науки, фиксировала свое внимание на вопросах развития человеческой культуры в целом и отдельных ее элементов, абстрагируясь, как правило, от этнической принадлежности носителей

* Доклад, зачитанный на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (июль — август 1960 г.).

того или другого явления культуры, оставляя в стороне конкретную историю того общества, в котором данный элемент бытует.

Если в исследованиях представителей эволюционной школы такой подход был продиктован принятым ими методом изучения, то в работах так называемой культурно-исторической школы игнорирование не только конкретной истории народа, но и самого понятия об этносе покоится на общих методологических установках этой школы. Для Гребнера и его исследователей «культура» — особая субстанция, не связанная с народом.

Собственно исторические проблемы обходятся и в работах диффузионистской школы, которая видит едва ли не единственную задачу этнографического исследования в прослеживании путей распространения отдельных элементов культуры из центров их возникновения. Мы должны оценить как антиисторические и взгляды сторонников функциональной школы, и воззрения тех американских этнографов, которые заняты конструированием «моделей культуры»; приверженцы этих направлений не ставят своей задачей изучение конкретной истории народов.

Конечно, мы знаем немало старых и новых этнографических трудов, ценных и важных как источники по истории бесписьменных народов. Независимо от того, ставили или не ставили перед собой авторы этнографических исследований проблемы исторического характера, труды крупных ученых всегда в той или иной мере служили их решению. Достаточно вспомнить работы Моргана об ирокезах, Боаса и Свантона о других группах американских индейцев, исследования Риверса о меланезийцах, Штернберга и Богораза о народах Сибири, Биркет-Смита об эскимосах, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Но все же приходится признать, что проблемы конкретной истории бесписьменных народов крайне недостаточно разрабатывались и разрабатываются на основе этнографических материалов.

Успешная разработка этих проблем возможна только с определенных методологических позиций. Только при условии, что мы признаем общую линию поступательного движения народов по пути прогресса, признаем наличие общих закономерностей в развитии человеческого общества, мы можем ставить себе задачу исследовать историю народа по тем явлениям, которые отразились в его материальной и духовной культуре. Это дает нам возможность определения относительной хронологии этих явлений — первый и необходимый шаг к использованию этнографических материалов в качестве исторического источника. Но это только первый шаг, так как необходимым условием исторического исследования является определение абсолютной датировки.

Советская школа видит в культуре того или другого народа выражение определенного этапа развития общества, что ни в какой мере не исключает, а, наоборот, требует глубокого изучения конкретной истории сложения этой культуры, происхождения отдельных ее элементов¹. Отвергая построения культурно-исторической школы и тех направлений в этнографии, которые видят основной фактор истории в миграциях и диффузии отдельных элементов культуры, советская этнография рассматривает миграции и заимствования культурных ценностей в связи с историей тех народов, в культуре которых данное явление прослеживается. Внутренние закономерности развития таких явлений в жизни народа, как заимствование тех или иных культурных достижений от других народов, смешение и миграции, — не независимые друг от друга, а взаимосвязанные процессы. Заимствование — не простой механический акт, оно протекает очень различно, в зависимости от уровня развития

¹ Основные методологические положения советской этнографической школы изложены в работах: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1.

как того, кто заимствует, так и того, от кого заимствуется. Вспомним хотя бы результаты первых контактов австралийцев и полинезийцев с европейцами: полинезийцы, стоявшие на сравнительно высоком уровне развития, знакомые, по-видимому, в прошлом с металлами, быстро заимствовали технику обработки железа, тогда как австралийцы ограничивались использованием стекла от оставляемых европейцами битых бутылок для изготовления наконечников копий в той же технике, какой они обрабатывали камень. Диффузия отдельных элементов культуры — распространение материальных предметов, как и явлений духовной культуры, очень тесно связано и с уровнем культуры, и с направлением хозяйства, и с социальным строем воспринимających и передающих их коллективов. Вряд ли есть надобность доказывать, что миграции имеют различный характер, различные причины и последствия в зависимости от тех же факторов.

* * *

Каковы источники и приемы использования этнографических материалов для воссоздания истории народа? Как известно, для этого всегда широко использовались и используются различные предания, повествующие о «прародине», о происхождении того или другого народа, о взаимоотношениях его с другими народами, о переселениях предков и т. п. Мы знаем, что в ряде случаев эти фольклорные материалы доставляют ценные и заслуживающие доверия сведения. Мы не будем приводить всем хорошо известные данные о полинезийцах и некоторых других народах, прошлое которых нашло более или менее реальное отражение в их этнографических легендах. Однако при интерпретации сюжетов фольклора следует всегда помнить о том, что этногонические предания несут в себе нередко и значительную долю вымысла, значительный элемент позднейших наслоений, а иногда и влияний фольклора других народов. Особую осторожность следует проявлять по отношению к рисункам в преданиях последовательности событий, к реконструкции по этим преданиям реальных условий жизни народа в разные эпохи. Известно, что нередко археологические памятники, бесспорно принадлежащие предкам данного народа, приписываются древнему чуждому населению и наоборот.

Важным источником для изучения этнической истории некоторых народов являются данные о родовых и племенных делениях. Приведем в качестве примера некоторые племенные и родовые названия алтайцев. Наличие у современных южных алтайцев и тувинцев таких племенных наименований, как теленгит, телес, телеут, телек, имеющих в своей основе этноним «теле», служит указанием на то, что в формировании алтайцев и тувинцев приняли участие группы, входившие в состав объединения Теле китайских летописей. Процесс этот должен быть отнесен к VI—VII вв. н. э. Наличие среди алтайцев сеоков найман и кыпчак является отражением событий более позднего времени, когда найманы и кыпчаки распространили свое господство на Алтай (XII в.). Появление у южных алтайцев сеоков чорос, тербет, тумат связано с вхождением их в XVII—XVIII вв. в состав западномонгольского ойратского государства, именуемого также Джунгарией². Можно было бы привести и многие другие примеры из области генеониимики. В работах советских исследователей эти данные широко использовались при решении вопросов этногенеза народов Средней Азии, Сибири и др.³.

² См. Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Изд-во АН СССР, 1953.

³ См. Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX—начале XX в.*, Тр. Ин-та этнографии, Новая серия, т. IX, 1950; Р. Кузеев, *Очерки исторической этнографии башкир*, ч. I (Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.), Уфа, 1957.

Наиболее сложно, но вместе с тем и весьма перспективно использование в качестве исторического источника этнографических данных из области материальной и духовной культуры народов⁴. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который на всех этапах развития этнографической науки занимал важное место,— с вопросом о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития.

В процессе изучения этого вопроса в советской этнографии было выработано понятие о хозяйственно-культурных типах. Хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях. Мы говорим именно о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, так как направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяют особенности культуры народов — типы их поселений и жилищ, средств передвижения, пищи и утвари, одежды и т. п. Речь идет об исторически сложившихся чертах хозяйства и культуры, потому что к одному хозяйственно-культурному типу могут быть отнесены только народы, характеризующиеся близким уровнем развития производительных сил. В ходе истории постепенно изменяется как этот уровень, так и характер влияния на хозяйство и культуру народов окружающей их естественно-географической среды. Вследствие этого и сами хозяйственно-культурные типы не могут не претерпевать с течением времени существенных изменений. Изменения эти могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа зачастую возникает и развивается у тех же самых народов и в той же географической среде совершенно другой тип.

Хозяйственно-культурные типы, выделяемые у народов в разных частях земного шара, имеют различный исторический возраст. Некоторые из них мы можем датировать не только относительно, но и абсолютно, для других — это дело дальнейших исследований⁵.

У народов Северной Сибири к моменту социалистической реконструкции их хозяйства можно выделить несколько хозяйственно-культурных типов. Анализ материалов позволяет проследить их историко-хронологическое соотношение. В качестве древнейшего на территории Сибири мы рассматриваем хозяйственно-культурный тип охотников и рыболовов тайги. Он характеризуется отсутствием выраженной специализации в направлении хозяйства: охота на мясного зверя совмещается с рыболовством, роль которого велика. Упряжное собаководство и оленеводство еще отсутствуют. Этот тип восходит, по-видимому, к древнейшим этапам заселения Сибири человеком, развивается в неолитическое время, продолжает существовать в северных районах на протяжении последующих эпох и сохраняется у отдельных народов почти до наших дней. От этого типа линии развития идут в разных направлениях. В бассейнах крупных рек Сибири, богатых рыбой, возник и развился в неолитическое время хозяйственно-культурный тип оседлых рыболовов, экономической основой которого было рыболовство. С этим типом связано упряжное собаководство, которое, как мы пытались доказать в специальной работе, возникло из более древнего способа использования собаки в помощь охотнику для перевозки скарба в ручной нарте — способа, характерного для охотников и рыболовов тайги.

⁴ См. С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3.

⁵ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы), «Сов. этнография», 1955, № 4.

В специфических условиях арктического побережья, богатого морским зверем, выработался, на основе того же древнего типа охотников и рыболовов, еще один хозяйственно-культурный тип — арктических охотников на морских животных. Упряжное собаководство возникло и развилось здесь, по-видимому, независимо; возможность прокормить значительное количество собак позволила развить этот вид сухопутного транспорта. Археологические материалы дают возможность проследить рассматриваемый тип в его развитом виде по меньшей мере за несколько веков до нашей эры, но восходит он, как можно предполагать, к значительно более древнему времени.

Распространение оленеводства привело к развитию на основе древнего же типа (таежных охотников и рыболовов) нового хозяйственно-культурного типа — таежных охотников-оленьеводов. Мы не располагаем сейчас достаточными данными для определения времени возникновения оленеводства, но можно с достаточным основанием утверждать, что это явление сравнительно позднее, относящееся уже к железному веку. Оленеводство возникло под влиянием коневодства, и распространение его по Сибири было связано, по-видимому, с одной стороны, с движением тунгусоязычных племен из Забайкалья и верховьев Амура, с другой — с миграцией самоедоязычных групп из Алтае-Саянского нагорья. В тайге олень использовался преимущественно для транспорта, под выюк и как верховое животное. Сложение иного хозяйственно-культурного типа — оленьеводов тундры, в котором олень является не столько транспортным животным, сколько основным источником существования, и для которого характерен нартово-упряжной транспорт, относится к более позднему времени, вероятно, уже к началу II тысячелетия нашей эры⁶.

Мы привели материалы по Северной Сибири в качестве примера, чтобы показать, что изучение хозяйственно-культурных типов может помочь не только определить последовательность отдельных хозяйственных и культурных комплексов, но в ряде случаев и решить вопросы об их абсолютной хронологии. А это открывает возможность датировать и различные компоненты в культуре отдельных народов и тем самым — различные этапы их этнической истории.

В материальной и духовной культуре народа отражена его история. Прочитать ту или иную страницу этой истории — дело конкретного исследования в каждом отдельном случае. Приведем лишь несколько примеров такого использования этнографических фактов. Исследователям этнографии Сибири известна сложность проблемы происхождения кетов. В этнографическом материале мы находим убедительные свидетельства их южных связей. Так, летний распахной халат и зимняя шуба кетов по покрою сходны с халатом центральноазиатских народов; их чум по конструктивным особенностям отличается от чума соседних с ними народов, а некоторые детали конструкции остова чума и названия его частей сближают его с жилищем народов Алтае-Саянского нагорья — алтайцев и тувинцев; техника кузнечного дела у кетов по приемам и употребляемым орудиям весьма близка к кузнечной технике шорцев. В связи с этим уместно вспомнить о работах Г. Рамстедта и К. Доннера, которые отмечали словарные совпадения в кетском и тибетском языках. Наряду с южным компонентом в культуре кетов прослеживается и другой аборигенный пласт, с которым связаны бытовавшая у кетов землянка, их зимняя охотничья одежда и некоторые другие элементы⁷.

Нганасаны — жители полуострова Таймыра — являются самым северным народом Евразии, но и у них прослеживаются древние связи с населе-

⁶ См. М. Г. Левин, Problems of Arctic Ethnology and Ethnogenesis, «Acta Arctica», Fasc. XII, Copenhagen, 1960.

⁷ С. И. Вайнштейн, К вопросу об этногенезе кетов, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

нием южных областей Сибири. Эти связи, судя по отдельным элементам материальной культуры нганасанов (форма ножа для кройки шкур, с коленчатым изгибом, лапчатые подвески, нагрудные медные пластины, игольники и др.) и некоторым религиозным обрядам (сооружение культовых каменных ворот), восходят к эпохе распространения в Минусинском крае карасукской культуры (около 1200—800 гг. до н. э.). Проникновение элементов этой культуры на Крайний Север по сложным путям, через многие посредствующие звенья относится, несомненно, к значительно более позднему времени. В составе нганасанов этнографический анализ позволил выявить разные компоненты: древнейший — аборигенный, связанный, по-видимому, с юагирами, тунгусский, самодийский⁸.

Рамки доклада не позволяют нам привести другие примеры использования этнографических материалов для решения вопросов этногенеза — примеры, которые можно было бы почерпнуть из работ советских исследователей по разным народам.

Необходимо подчеркнуть, что роль этнографических материалов в качестве исторического источника ни в коей мере не сводится к изучению проблем этногенеза в узком значении этого термина; это не в меньшей степени относится и к выяснению разных, в том числе и поздних, этапов этнической истории народов. Очень многие явления в культуре народов Сибири, например, кажущиеся на первый взгляд «самобытными», на самом деле образовались под русским влиянием. Это относится к некоторым верованиям, обычаям при сватовстве, похоронах и т. п. Даже в таких исконных промыслах народов Сибири, как охота и рыболовство, мы имеем дело с несомненным заимствованием от русских (техника охоты на соболя сетью-обметом, разнообразные лбвушки на песцов, лисиц, зайцев и др.); так называемый восточносибирский тип упряжного собаководства, вытеснивший в XIX—XX вв. все остальные типы собаководства, был первоначально выработан, по-видимому, русскими старожилами Северо-Западной Сибири. Без учета этих и подобных им этнографических фактов многие важные стороны истории народов оказались бы непонятными.

Значение этнографических материалов в качестве исторического источника не ограничивается областью изучения бесписьменных народов: они весьма важны также для воссоздания истории и тех народов, прошлое которых зафиксировано в многочисленных письменных памятниках. Дело в том, что эти памятники повествуют, как правило, только о политических событиях, династиях, войнах и т. п. Быт, нравы, повседневная жизнь трудящихся масс — подлинных творцов истории — отражены в них совершенно недостаточно. Этнографические материалы нередко являются единственным источником, позволяющим ретроспективным путем восполнить этот пробел. Отмечая значение этнографических материалов, мы должны еще раз подчеркнуть необходимость использования данных разных дисциплин для освещения исторического прошлого народов. Сетую на историков за то, что они мало привлекают этнографический материал, мы должны признать, что этнографы в свою очередь обычно недостаточно используют письменные источники. Китайские известия о народах Восточной, Южной и Средней Азии, сведения арабских авторов о народах Африки, португальские и испанские хроники, относящиеся ко времени первого знакомства европейцев с индейцами Центральной и Южной Америки, русские сообщения XVII—XVIII вв. о народах Сибири и многие другие письменные источники содержат не только собственно исторический, но и богатый этнографический материал.

⁸ См. Б. О. Долгих, Обрядовые сооружения нганасанов и энцев, «Краткие общ. Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951; его же, Происхождение нганасанов, «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XVIII, 1952.

* * *

Переходим к вопросу об использовании данных антропологии в качестве исторического источника⁹. Мы исходим из бесспорного положения о том, что расовые особенности ни в какой степени не определяют направления исторического процесса, что физический тип никак не влияет на форму и содержание культуры народа. Вся история человечества доказывает правильность этого положения. Но отсюда нельзя сделать вывод, что антропологический тип народа не связан с его историей. Напротив, формирование, распространение, смешение антропологических типов — есть следствие исторических процессов. Изменение территории распространения того или другого типа, изменение антропологического состава населения всегда отражает переселения и смешения конкретных племен и народностей, т. е. процессы этнической истории.

Вследствие того, что для роста производительных сил, для развития культуры антропологические особенности безразличны, антропологический тип населения той или иной территории может сохраняться в течение длительных эпох, на протяжении которых уровень развития, культурный облик и даже язык этого населения неузнаваемо изменяются. Поэтому в ряде случаев только антропологические материалы могут засвидетельствовать наличие или отсутствие миграций в прошлом. Прослеживая распределение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеоантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерности в изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на такие вопросы истории народа, на которые данные других дисциплин бессильны дать ответ (автохтонное или пришлое происхождение групп, направление имевших место переселений, характер смешения различных популяций и др.). Приведем несколько примеров.

Одним из сложнейших вопросов древнейшей истории населения Сибири является вопрос о связях его с населением Восточной Европы. Археологические материалы и данные других дисциплин оказываются недостаточными для его разрешения. Ответ находим в данных антропологии.

Лесная полоса Западной Сибири является областью распространения уральской расы, смешанное происхождение которой признается большинством исследователей: по большинству признаков уральская раса занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами. Это смешение типов азиатского и европеоидного происхождения восходит, по-видимому, к древнейшим этапам заселения человеком лесистой полосы Западной Сибири и прилегающей территории Восточной Европы, где в течение длительного последующего периода и протекало формирование переходных по своим морфологическим особенностям вариантов. Палеоантропологические материалы указывают на проникновение европейских элементов в эпоху неолита и энеолита на территорию Прибайкалья; далее, к востоку, европеоидная примесь не прослеживается. Эти материалы указывают, с другой стороны, на проникновение, начиная с неолитического времени, монголоидных по типу групп на территорию Восточной Европы.

Еще один пример, относящийся уже к другой области и к более позднему времени: только на основе палеоантропологических материалов мог быть достаточно освещен вопрос о сменах населения на территории Минусинского края, начиная с эпохи распространения афанасьев-

Основные положения проблемы использования антропологических материалов в качестве исторического источника изложены в статье: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1.

ской культуры, когда здесь жило европеоидное по своему типу население¹⁰.

Антропологические данные позволяют в некоторых случаях не только осветить вопросы о передвижениях отдельных этнических групп, но и определить характер и следствия этих процессов. Так, анализ данных антропологии позволил сформулировать тезис о том, что происхождение тунгусских народов Сибири следует рассматривать как процесс языковой ассимиляции дотунгусского древнего населения, не сопровождавшийся расселением значительных масс людей, и что, напротив, в формировании тюркской и монгольской групп народов важную роль играли переселения в Сибирь из Центральной Азии¹¹. Число примеров могло бы быть увеличено во много раз.

Использование антропологических материалов в исторических целях требует разработки многих методических вопросов. На пути решения исторических задач антропологу приходится сталкиваться с такими проблемами, как влияние различных условий среды на формирование антропологических признаков, как роль изоляции, значение подвижности разных групп, обусловленной типом их хозяйства; приходится учитывать различия в демографических процессах у народов с разным хозяйственным укладом.

Выяснение в каждом конкретном случае вопроса о взаимоотношениях антропологических и лингвистических общностей сопряжено с решением проблемы о путях и времени формирования языковых семей — проблемы, вызывающей и в среде лингвистов, как известно, серьезные дискуссии.

Тот, кому приходится работать в области этнической антропологии, знает, как трудно порою почерпнуть непосредственно из археологической литературы необходимые для интерпретации палеоантропологических материалов сведения. Овладение в равной степени всеми видами источников не под силу специалисту в той или иной области, и естественно, что каждый при разработке вопросов истории бесписьменных народов опирается в первую очередь на материалы своей специальности. Но, исследуя частные вопросы, ограничивая себя определенными этапами этнической истории, опираясь в своих построениях на данные отдельной дисциплины, каждый исследователь должен исходить из широкого понимания исторического процесса в целом, возможно полнее учитывать материалы смежных дисциплин. Только комплексный подход способен уберечь от неоправданных выводов и односторонности, которые могут быть продиктованы исследователю материалами каждой дисциплины в отдельности.

SUMMARY

In the absence of written records, the data provided by different branches of learning may be used as a source for reconstructing the history of different peoples (the data of archeology, ethnography, linguistics, ethnic anthropology, etc.). Thus, in recreating the history of a people, wide recourse is generally made to its legends, telling about its ancient homeland, origin, relations with other peoples, migrations of its ancestors, etc. In many instances this folklore material offers valuable and creditable information. Yet in interpreting folklore motifs one should adopt a critical approach to the sequence of events as presented in the legends and hence to the reconstruction on their basis of the pattern of the people's life at different periods.

¹⁰ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. IV, 1948.

¹¹ См.: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XXXVI, 1958.

An important source for studying the ethnic history of certain peoples are data on their clan and tribal divisions. Soviet researchers make wide recourse to such material in elaborating problems of the ethnic history of the peoples of Central Asia, Siberia, etc.

Especially complicated, though often rewarding, is the use of ethnographic data connected with the material and spiritual culture of different peoples. Here we are confronted by the problem of the reasons accounting for the similarity and dissimilarity in the cultures of different peoples with a more or less equal level of socio-economic development. In studying this problem, Soviet ethnographers have elaborated the concept of economic-cultural types, i. e. the historically emerging patterns of specific economic and cultural features, characteristic of peoples who are approximately on the same level of socio-economic development and live under similar natural conditions.

The economic-cultural types, established among peoples inhabiting different parts of the world, are of different historical age. Some of them can be dated with both relative and absolute accuracy, and this enables us to reconstruct the historical past of these peoples.

Dealing with anthropological material as a historical source, it should be noted that anthropological features have no bearing on the development of productive forces and culture, and the anthropological type of population on a given territory may remain unchanged for long periods. Therefore, in tracing the distribution of anthropological types within different ethnic groups of our time, in comparing them with the anthropological types of preceding epochs and considering the laws guiding the historical variability of anthropological features, anthropologists can often offer definite solutions of such problems in the history of a given people which other branches of learning cannot solve.

In discussing the importance of ethnographical and anthropological material in establishing the historical past of the peoples, one should stress the necessity of using for this purpose the material offered by different fields of research — archeological relics, written sources, linguistic data, etc. Only a comprehensive approach to the problem is proof against unwarranted, one-sided conclusions that may be conceived by a researcher dealing with the data of each branch of learning taken separately.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. И. РОБАКИДЗЕ

НОВЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ГРУЗИНСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

Данные археологии и этнографии дают возможность проследить этапы развития жилища в Грузии, начиная от пещерных стоянок палеолитического человека и наиболее древнего образца срубной техники, датируемого III тысячелетием до н. э. К началу нашей эры строительная культура грузинского народа претерпевает дальнейшее развитие. Письменные источники I в. н. э. (Страбон¹, Витрувий²) указывают на сравнительно высокий уровень развития строительной техники как в Восточной (Иберия), так и в Западной (Колхида) Грузии.

Три основных типа жилища, процесс формирования которых был закончен значительно раньше времени, поддающегося этнографической фиксации, были еще более или менее широко распространены в феодальную эпоху, а в отдельных случаях бытовали вплоть до начала XX в. Их можно считать исторически сложившимися традиционными формами жилища, которые соответствуют трем этнографическим районам Грузии (Горная Грузия, Колхидская низменность, Восточногрузинская равнина), связанным с различными хозяйственно-культурными типами³.

I. Многоэтажное каменное здание (цихе-сахли, сахли). Грузинское горное жилище представляло собой комплекс жилых и хозяйственных помещений, сосредоточенных под одной кровлей. Было распространено в основном в Верхней Сванети, Горной Раче, Хевсурети, Тушету (рис. 1). Особенности его соответствовали типу хозяйства, преобладающее значение в котором занимали скотоводство в сочетании с земледелием, и семейно-общинному укладу. Данному типу жилища, как правило, сопутствовала скученная форма расселения и оборонительные сооружения (рис. 2).

II. Западногрузинский тип жилища. Деревянный дом с двускатной кровлей, центральным очагом, глинобитным полом и крышей из болотного камыша (сadjалабо сахли). Жилые и хозяйственные постройки разбросаны по территории усадьбы. Как правило, этому типу жилища сопутствует усадебная (близкая к хуторской) форма расселения. Было распространено преимущественно в низменных районах Западной Грузии — Имерети, Гурии, Мегрелии, частично в Раче и Лечхуми, а также

¹ Страбон, География, XI, III, § 1, «Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 217.

² Витрувий, Десять книг об архитектуре, кн. II, гл. 1, § 4, М., 1936, стр. 41—42.

³ См. об этом подробнее: А. И. Робакидзе, К вопросу о формах поселения в Сванети; «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, 1958, стр. 59—61; его же, Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем (доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже), М., 1960 (на франц. яз.).

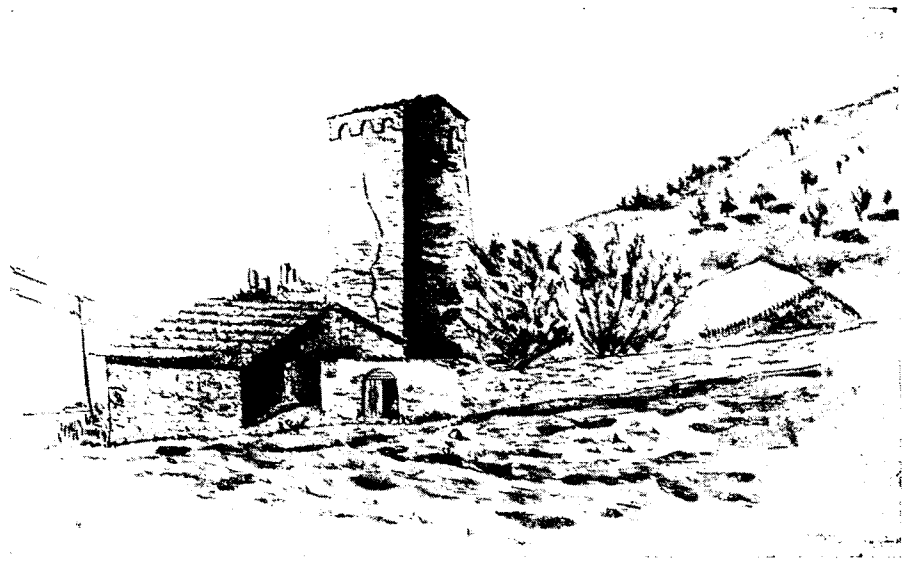

Рис. 1. Сванский жилой дом. Местия, сел. Лагами (по материалам Сванской этнографической экспедиции АН ГрузССР, 1955 г.)

в Абхазии. Соответствовало смешанной форме хозяйства (земледелие и скотоводство), при существенном значении скотоводства, и патриархально-семейному укладу.

III. Восточногрузинский тип «дарбази». Жилище со ступенчатым перекрытием в виде деревянного венца, с глинобитной кровлей, земляным полом, центральным очагом и свето-дымовым отверстием вверху. Было распространено во всех основных провинциях Картли. Этот тип жилища связан с занятием высокоразвитым земледелием (полеводство), в сочетании с подсобным скотоводством, и большой патриархальной семьей.

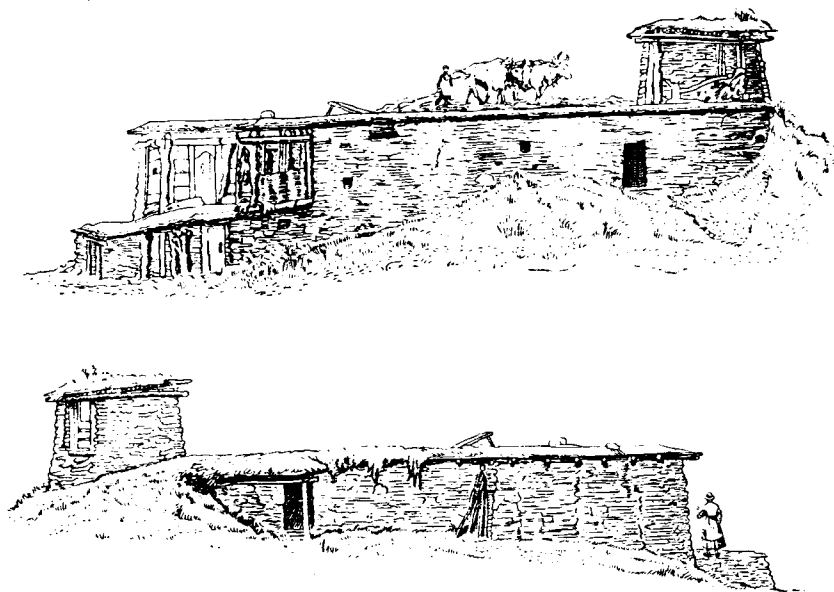

Рис. 2. Хевсурский жилой дом. Вид сбоку (по материалам Музея Грузии АН ГрузССР)

Единый комплекс жилых и хозяйственных помещений, разделенных стенами, был размещен в горизонтальном плане.

В период капитализма грузинское жилище в каждом из названных районов Грузии изменялось по-разному.

В высокогорных районах расселение крестьянства непосредственно не отразилось на типе жилища, за некоторым исключением (Тушети). Более состоятельные крестьяне, в Сванети, например, строили себе второй, а иногда и третий дом, но почти полностью в традиционных формах. Не изменялась и форма расселения.

На Западнотурецкой равнине сохранялся деревянный дом, но уже на цоколе, многокомнатный, с четырехскатной кровлей, окнами, внутренним камином, балконом и деревянным полом. Наиболее состоятельные строили дома из ценных пород дерева, богаче украшали резьбой и лучше обставляли. Форма поселения в основном не изменялась.

На Восточнотурецкой равнине в этот период получили распространение каменные, преимущественно одноэтажные дома с четырехскатной кровлей, нередко многокомнатные; намечается тенденция к выделению хозяйственных помещений в отдельные постройки. У состоятельных крестьян стал обычным двухэтажный каменный дом. Существенных изменений в форме расселения и здесь не наблюдалось.

Неравномерность общественно-экономического развития в трех основных районах Грузии обусловила пережиточное бытование трех исторически сложившихся типов жилища вплоть до установления Советской власти. Утверждение колхозного строя в различных районах Грузии в разное время в свою очередь предопределило различные пути и темпы социалистического переустройства грузинского крестьянского жилища.

В высокогорных районах Грузии сравнительно с другими районами республики, где формирование колхозов началось с 1930 г., к коллективизации сельского хозяйства приступили значительно позднее. Непосредственное влияние на практику жилищного строительства здесь оказало обобществление части скота, в результате чего значительно меньше стала нужда в хлеве в личном хозяйстве колхозников. Это дало возможность коренным образом улучшить санитарно-гигиенические и культурные условия семейного быта.

В горных районах Восточной Грузии процесс социалистического преобразования крестьянского жилища в наиболее типичной форме прослеживается на хевсурском этнографическом материале.

В первые годы установления Советской власти в Грузии преобразование быта хевсур протекало чрезвычайно медленно, что было обусловлено более стойкими формами пережитков патриархального уклада у хевсур. Вследствие этого изменения крестьянского жилища хевсур более или менее ощутимо наблюдаются спустя лишь долгое время после установления в Грузии Советской власти. На начальных этапах изменения в типе жилища в хевсурской деревне сказались на внутренней планировке дома. В частности, во втором этаже, ранее представлявшем собой неделимое помещение, жилая комната стала отделяться от места хранения хозяйственных запасов специальной перегородкой. В отдельных случаях такую комнату стали пристраивать ко второму этажу. Очаг переместился из центра помещения в одну из стен, причем в большинстве случаев появился дымоход.

На втором этапе развития хевсурского дома в советский период появились балкон с перилами и окна; сельскохозяйственный инвентарь стали хранить в первом этаже. Дома стали строить не трех-, а двухэтажными. Однако по-старому под одной кровлей были объединены все основные жилые и хозяйственные постройки.

На обоих этапах строительная техника и материал оставались в основном прежние.

Третий этап в развитии хевсурского дома, начавшийся в самое последнее время, знаменуется строительством домов нового типа с выделением хлева в самостоятельное помещение⁴ (рис. 3).

Новые хевсурские дома — преимущественно двухэтажные, с двух- или четырехскатной кровлей, камином и деревянным полом. Сухая кладка заменена более прочной кладкой на известковом растворе, а плоская глинобитная кровля — черепичной или железной; появился балкон с резными украшениями. Эти дома в основных чертах похожи на новые дома равнинной части Восточной Грузии. И нижний и верхний этажи нового хевсурского дома состоят из отдельных комнат, имеющих определенное назначение и снабженных окнами.

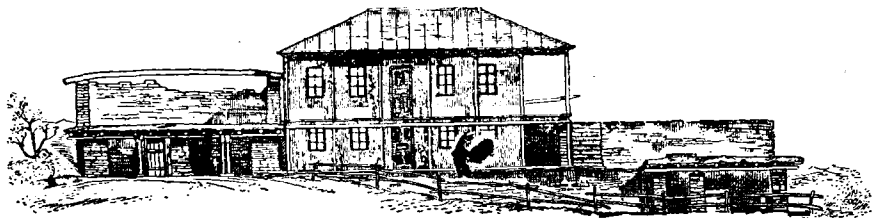

Рис. 3. Новый хевсурский дом. Фасад (по материалам Хевсурской этнографической экспедиции Ин-та истории АН ГрузССР, 1951 г.)

Коренным образом изменилась и планировка селений. Все более широкое внедрение огородничества в быт хевсур вызвало появление приусадебных участков, а это, со своей стороны, обусловило исчезновение былой скупенности.

Старый дом, используемый частично под хлев, претерпел лишь некоторые изменения (повышение потолка, устройство деревянного настила и окон). Разведение крупного рогатого скота все еще является важнейшей отраслью хозяйственной деятельности хевсур.

Аналогичная картина прослеживается и по сванскому этнографическому материалу. Обобществление скота и здесь привело к существенным изменениям жилища, в особенности в назначении нижнего этажа дома — мачуба. Оставшийся в личном пользовании колхозников скот содержится в отдельно построенном помещении. В известной мере потеряли значение ток, который во дворе сванского дома занимал значительное место, и «депани» — навес, на котором производилась сушка колосьев. Расширилась площадь огородов и плодовых садов.

Для первого этапа преобразования сванского крестьянского жилища характерна сегментация площади в обоих этажах дома. Примером этому может служить дом, принадлежащий Екфимию Ратиани (Местия, Лагами). Этот дом был построен в 1900 г. по типу старого сванского дома, но уже без оборонительной башни, и, таким образом, состоял из двух этажей: нижнего — «мачуб» и верхнего — «дарбаз». В процессе перестройки дома в 1955 г. первый этаж был разделен на две части капитальной стеной: жилое помещение было отделено от хлева, в который вел особый вход со двора. Второй этаж был разделен на три помещения: два — под жилище семьи, а третье — под хранилище запасов корма. Во всю длину фасада был пристроен балкон и устроена лестница во второй этаж со двора.

В некоторых домах хлев также оставляют на первом этаже, но отделяют его от жилого помещения капитальной стеной и снабжают отдельным входом со двора.

⁴ Т. А. Очиаури, Новые жилые постройки в Хевсурети, «Материалы по этнографии Грузии», в. VII, Тбилиси, 1955, стр. 43—51 (на груз. яз.).

Для второго этапа переустройства сванских домов характерно размещение хозяйственных служб в особых постройках во дворе. Широкий, украшенный резьбой балкон является неотъемлемой частью жилого дома. В качестве примера в данном случае может служить усадьба Максима Ратиани (Местийский район), двухэтажный дом которого состоит из восьми жилых комнат. Отдельно во дворе стоят хлев, склад для хранения запасов и сельскохозяйственного инвентаря. Дом имеет два двора: один — для производства хозяйственных работ и другой — для отдыха семьи. Ко двору примыкают огород и плодовый сад.

С рассредоточением жилых и хозяйственных построек и увеличением площади двора каждого колхозника, скученная планировка селения, естественно, заменяется постепенно «усадебным» типом расселения (рис. 4).

Материал и строительная техника нового сванского дома в основном остаются прежними. Балкон нового дома, видимо, оформлялся не без влияния западногрузинского зодчества, однако не следует забывать, что и сванский дом имел нечто подобное — «депани».

Изменения в западногрузинском крестьянском жилище коснулись расположения усадьбы, архитектуры дома, размещения в нем жилой площади, а также строительных материалов. Изменились также организация труда и формы взаимопомощи при постройке дома, в основе которых лежит теперь не заинтересованность в обеспечении равноценной услуги, а чувство долга в отношении члена коллектива.

Двор был неотъемлемой частью усадьбы в дореволюционный период и в этом районе. Однако необходимость постоянно заботиться об увеличении площади под посевы, виноградники и огороды сдерживала возможность роста размеров двора и вынуждала пользоваться им лишь для таких насаждений, которые могли служить источником дополнительного дохода. В настоящее время в усадьбах колхозного крестьянства данного района налицо значительное увеличение площади двора, что дает возможность, с одной стороны, расположить подсобные хозяйственные помещения (свинарник, хлев, курятник) на более отдаленном расстоянии от дома, а с другой — широко вводить насаждения, имеющие лишь декоративное значение. Взамен плетней и оград в виде сколоченных стоек появились, по местному выражению, «русские» заборы и живая изгородь. Типична для Мегрелии усадьба Эстате Джоджуа в селении

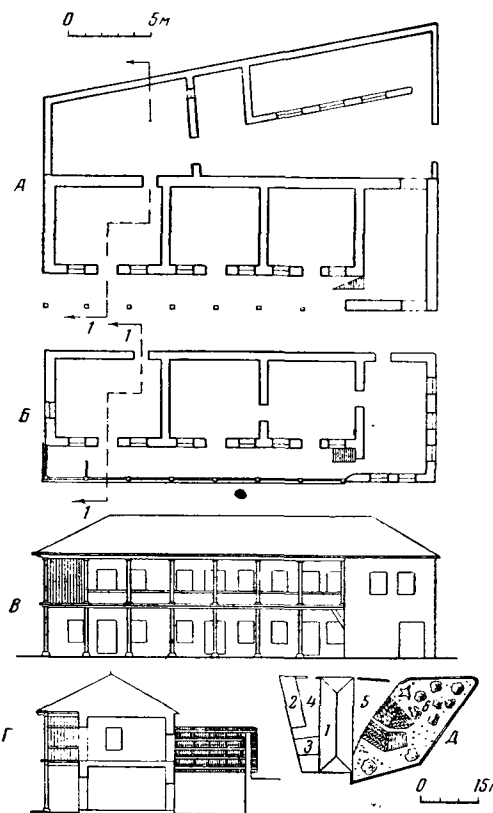

Рис. 4. Новый сванский дом, Местия, *1955 г. А — план I этажа; Б — план II этажа; В — главный фасад; Г — разрез; Д — план усадьбы: 1 — жилой дом; 2 — «ламангар» (хлев); 3 — дарбази; 4 — хозяйственный двор; 5 — двор; 6 — плодовый сад (по материалам Сванской этнографической экспедиции Ин-та истории АН ГрузССР, 1955 г.)

Ахал-Сопели Зугдидского района. Жилой дом — дощатый, двухэтажный, с четырехскатной кровлей из драни — снабжен балконом. Дом стоит в центре двора. К юго-востоку от дома, на некотором расстоянии от него, расположена кухня, а за кухней — помещение для коз, хлеб, кукурузник и курятник. Во дворе находится также небольшой питомник цитрусовых. Неподалеку от дома разбит огород. Во дворе выкопан колодец. Вдоль западной стороны двора высажены два ряда вечнозеленых декоративных деревьев; широкая аллея таких же деревьев ведет от главного входа к фасаду дома. С северной, восточно и южной сторон ко двору примыкает кукурузное поле, с западной — виноградник (рис. 5).

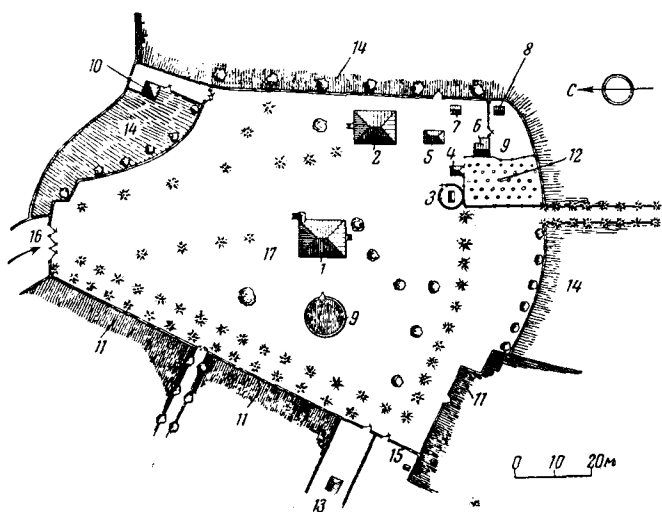

Рис. 5. Усадьба Эстате Джоджуа, сел. Ахал-Сопели Зугдидского р-на: 1 — жилой дом «ода»; 2 — кухня; 3 — колодец; 4 — навес; 5 — «казарма» (помещение для мелкого рогатого скота); 6 — хлеб; 7 — кукурузник; 8 — курятник; 9 — огород; 10 — «марани» (место выделки и хранения вина); 11 — виноградник; 12 — питомник; 13 — «агвара» (огороженное место для скота); 14 — пашня; 15 — уборная; 16 — главный вход; 17 — поле (по материалам Мегрельской этнографической экспедиции Ин-та истории АН ГрузССР, 1952 г.)

Усадьба Кара Хасия в селении Григолиши Зугдидского района состоит из двух дворов — внешнего и внутреннего. На территории внешнего двора хозяева выращивают кукурузу и табак, там же разбит плодовый сад. Один угол двора отведен под хлеб для крупного рогатого скота и коз и под навес для сельскохозяйственного инвентаря. Дом занимает центр внутреннего двора, украшенного вечнозелеными растениями. В углу двора расположена кухня. Жилище Кара Хасия представляет собой двухэтажное дощатое здание, орнаментированное резьбой, с четырехскатной черепичной кровлей, просторным незастекленным балконом и наружной лестницей с навесом. В первом этаже размещены кухня, кладовая и хлеб; во втором — зала и столовая, разделенные перегородкой, и две спальни. В нижней Мегрелии дома строили на каменном цоколе, а позднее перешли к строительству двухэтажных домов, причем первый этаж строили из камня, а второй — из дерева. Широкий и хорошо орнаментированный резьбой балкон (иногда частично или полностью застекленный) составляет необходимую принадлежность нынешнего крестьянского жилища.

Для кровли жилого дома еще продолжают употреблять дрань, но черепица, а местами кровельное железо постепенно занимают ведущее

место. Иногда жилые дома кроют и камышом, но обычно им пользуются только для хозяйственных построек.

Наиболее важные изменения, однако, наблюдаются в распределении жилой площади. В домах старого типа лишь в отдельных случаях прибегали к делению жилой площади на две части, устраивая передвижную или постоянную перегородку.

В настоящее время, при переходе к строительству двухэтажных жилых домов, площадь первого этажа, используемого под хозяйственные помещения, остается неделимой; жилым является второй этаж, где и устраивают комнаты бытового назначения и гостиную⁵.

В Имерети, как и в других районах Грузии, дворы были очень тесны, вследствие стремления хозяев наиболее экономно использовать площадь усадьбы, а все хозяйственные постройки к тому же ставили во дворе. В начале советского периода при переустройстве имеретинских старых домов ограничивались тем, что настилали деревянный пол, прорезали окна и заменяли очаг в центре помещения внутренним камином. Иногда стали делить жилую площадь на комнаты различного назначения⁶.

На более поздней стадии развития крестьянского жилища в Имерети появляется деревянный дом на каменном цоколе, с четырехскатной кровлей из черепицы или драни, с окнами, балконом и сегментированной жилой площадью. Хозяйственные постройки по-прежнему расположены во дворе; старый жилой дом обычно использовали под кухню. Обработка дерева при постройке таких домов была исключительно тщательной. Впоследствии дома стали еще более благоустроенными. Происходит большая сегментация жилой площади, частичное застекление балкона, в результате чего его средняя часть превращается в переднюю. Примером может служить дом Коция Жвания в селе Маяковском Маяковского района: в этом доме имеются, помимо передней, две спальни, рабочая комната, столовая, кладовая и кухня. Кроме того, застекленная

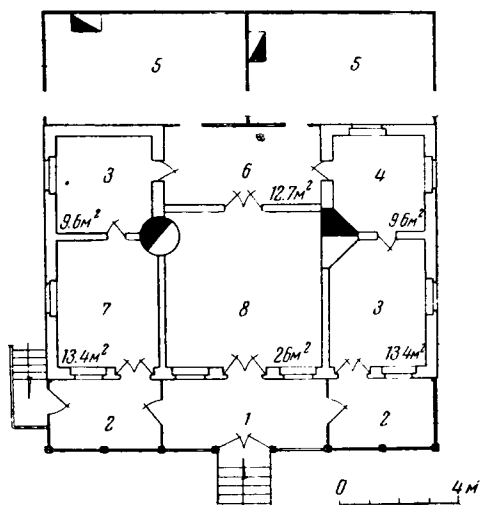

Рис. 6. Жилой дом К. Жвания, сел. Маяковский Маяковского р-на: 1, 2 — балконы; 3 — спальня; 4 — рабочая комната; 5 — пристройка; 6 — хозяйственный балкон; 7 — столовая; 8 — зал (по материалам Имеретинской этнографической экспедиции Ин-та истории АН ГрузССР, 1952 г.)

⁵ Н. С. Толпурия, Материалы Мегрельской этнографической экспедиции 1954 г. Ин-та истории АН Грузинской ССР (Полевые записи, хранятся в архиве Отдела этнографии Ин-та).

⁶ Дж. А. Рухадзе, Материалы Имеретинской этнографической экспедиции 1952 г. Ин-та истории АН Грузинской ССР (Полевые записи, хранятся в архиве Отдела этнографии Ин-та).

часть балкона также образует две комнаты (рис. 6). Типична для этого района и усадьба Э. Сванидзе (рис. 7).

В доме (ода сахли) Василия Чхеидзе в селении Дими (Имерети) застекленные части балкона превратились уже в помещения с кирпичными стенами, что намного увеличило полезную площадь жилища. И здесь центральное место занимает самое большое помещение, отведенное под гостиную.

Необходимо отметить, что жилые дома Чиатура — центра марганцевой промышленности Грузии, развившейся с 80-х гг. XIX в., возводили, хотя по типу сельских домов, но более благоустроенными⁷. В настоя-

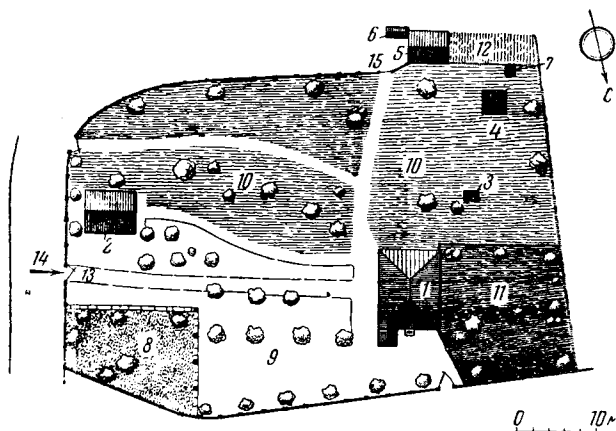

Рис. 7. Усадьба Э. Сванидзе, сел. Маяковский Маяковского р-на: 1 — жилой дом «ода»; 2 — «марани»; 3 — курятник; 4 — кукурузник; 5 — хлев — «ахери»; 6 — свинарник; 7 — уборная; 8 — кладбище; 9 — двор; 10 — пашня; 11 — огород; 12 — табачные насаждения; 13 — главный вход; 14 — дорога; 15 — порог (по материалам Имеретинской этнографической экспедиции, 1952 г.)

щее время в Чиатуре сельские дома строят уже с учетом тех изменений, которые были внесены в быт городскими условиями жизни. Весь верхний этаж такого дома отведен под жилище семьи и состоит из залы, спальни и столовой. В нижнем этаже помещаются кухня и кладовая. Хлев и другие хозяйственные постройки находятся во дворе.

Новые дома строят по плану, который составляется с учетом числа членов семьи, характера их занятий. В отличие от Мегрелии и Абхазии, где все хозяйственные помещения, за исключением хлева, концентрируются в самом доме, в этом районе Имерети в комплекс дома включается лишь кухня. Специфика хозяйственного быта населения данного района, характеризующегося значительным развитием виноградарства и виноделия, обусловила необходимость иметь большое помещение «марани» для выделки и хранения вина, а также для хранения инвентаря, нужного для этой отрасли хозяйства. Марани обычно — четырехугольный сруб, по типу старых жилых домов, с неделимой площадью, земляным полом и двускатной кровлей. Она либо пристроена к дому, либо, чаще, представляет собой отдельную постройку.

Такова в основных чертах картина социалистического преобразования крестьянского жилища населения низменных районов Западной Грузии по материалам двух основных ее областей — Имерети и Мегрелии; на Гурии мы здесь не останавливаемся, ибо в важнейших чертах жилище в ней сходно с жилищем в обеих описанных областях.

⁷ А. И. Робакидзе, Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности, Тбилиси, 1953, стр. 36—42.

Форма расселения в низменных районах Западной Грузии — в основном по-прежнему «усадебного» типа; изменения происходят главным образом за счет сокращения количества хозяйственных помещений во дворе, что увеличило его свободную площадь, и более широкого применения декора.

Для Восточной Грузии, в частности для Картли, мы располагаем материалами, собранными главным образом в Горийском районе, в бассейне р. Лиахви и в Атенском ущелье. После коллективизации сельского хозяйства и оснащения его передовой техникой здесь осуществлено строительство Тирифонской оросительной системы, что позволило навсегда ликвидировать недостаток воды. К большинству селений в настоящее время подведена родниковая вода. Развитие полеводства, а также значительное расширение общей площади фруктовых садов и виноградников имело большое значение для социалистического переустройства хозяйственного быта колхозного крестьянства, в частности для преобразования жилища.

Для современной Картли характерен процесс изменения типа поселений. Скученная планировка заменяется уличной — дома расположены вдоль одной или двух магистралей села. Новый тип поселения, наличие достаточного количества воды и неуклонно увеличивающееся благосостояние колхозников обусловили возможность широкого развития садов, преимущественно плодовых, и более рационального размещения на усадьбе жилых и хозяйственных помещений. Примером может служить усадьба Владимира Джалабадзе в селении Корди Горийского района, занимающая площадь приблизительно 50×30 м². Внутренний дворик находится в северном правом углу усадьбы, в этом дворике стоят жилой дом, кукурузник и свинарник. Кухня выходит во внутренний двор. Остальную площадь усадьбы занимают огород, виноградник и плодовый сад. Изменения в устройстве двора во многом способствовали изменению типа самого жилища, в частности в известной мере обусловили рассредоточение жилых и хозяйственных помещений (рис. 8).

Развитие типа картлийского дарбази, который лежит в основе современного крестьянского жилища, как это было указано выше, прошло ряд этапов. Для этого процесса характерно, как и в других районах Грузии, отделение хозяйственных помещений от жилых.

В настоящее время для селений указанных районов Картли⁸ типичен двухэтажный дом с двух- или четырехскатной черепичной кровлей, деревянным полом, чердаком и внутрисстенным камином. В нижнем этаже находятся кухня, марани, склад сельскохозяйственных орудий и продовольственные запасы семьи. Верхний этаж состоит из спальни, столовой и гостиной. Наблюдается все более широкое применение в строительстве тесаного камня, кирпича и железобетона, которые постепенно вытесняют булыжник. Типична для Картли усадьба Владимира Пичхнарашвили в селении Арбо Горийского района. Дом — каменный двухэтажный, с четырехскатной черепичной кровлей, застекленным балконом. В первом этаже расположены марани, «подвал» и передняя; второй полностью отведен под жилье (рис. 9).

Значительные изменения произошли и в колхозном жилище Цалкинского района. Земледелие здесь, особенно в Нижней Цалке, за годы Советской власти сильно развилось за счет увеличения общей площади под зерновыми культурами, появились фруктовые сады, стало значительно больше огородов.

Беспорядочная планировка поселений, характерная для этого района Восточной Грузии в дореволюционное время, заменилась уличной. Жилые и хозяйственные постройки теперь рассредоточены по усадьбе; образовался двор.

⁸ Н. С. Топурия, Новые жилые постройки в Горийском районе, «Материалы по этнографии Грузии», в. X, Тбилиси, 1959, стр. 67—73 (на груз. яз.).

Для Цалкинского района характерны три основных типа жилища, связанных с последовательными этапами развития современного жилища.

Для Верхней Цалки типично жилище, сохраняющее значительное количество элементов старого. Оно носит комплексный характер: в горизонтальной плоскости объединены, правда, под различными кровлями и с отдельными входами, жилые и хозяйственные помещения. Жилой дом — одноэтажный, с деревянным полом, чердаком, окнами и внутренним камином.

В дальнейшем появляется жилище с двускатной кровлей и балконом, состоящее из двух комнат с большими окнами — гостиной и спальни — и коридора между ними. Хлев обособлен от дома.

Наконец, появляются двухэтажные каменные дома с четырехскатной кровлей; в первом этаже — хозяйственные помещения, во втором — жилые.

Наиболее характерен для современной Цалки последний тип дома, обособленного от хлева, с более рациональным использованием жилой площади и городской обстановкой квартиры⁹.

В сельском хозяйстве Кахети следует отметить усовершенствование виноградарства и виноделия — бывших и ранее важнейшим источником дохода населения в большинстве районов Кахети. Расширилась посевная площадь под зерновые культуры. Получили дальнейшее развитие и другие, ранее известные здесь

отрасли сельского хозяйства. Таким образом, в Кахети, в отличие от прибрежных районов Западной Грузии, не произошло столь коренного изменения профиля хозяйства. Изменения в хозяйственном быту колхозного крестьянства Кахети характеризуются в основном значительным повышением уровня сельскохозяйственного производства.

Изменения сельского жилища в Кахети, имевшие раньше спорадический характер, в настоящее время принимают массовое распространение. Все чаще встречается уличная планировка селений в равнинной части Кахети. В предгорных районах отмечается известное ослабление скученности за счет рассредоточения жилых и хозяйственных построек и образования более или менее благоустроенного двора.

Так, в селении Икалто Телавского района усадьба Н. Ш. Бердзенишвили может быть подразделена на четыре неравномерные части. В одном конце усадьбы расположен жилой дом, построенный из камня и кирпича, в своеобразном их сочетании, а около него — круглая глиняная хлебная печь. Вдоль ограды расположены печь для обжига керамической посуды, конюшня и саманник. В противоположном углу этой же части двора помещаются сеник и курятник. Вокруг дома по задней и боковой его части посажены декоративные деревья. Централь-

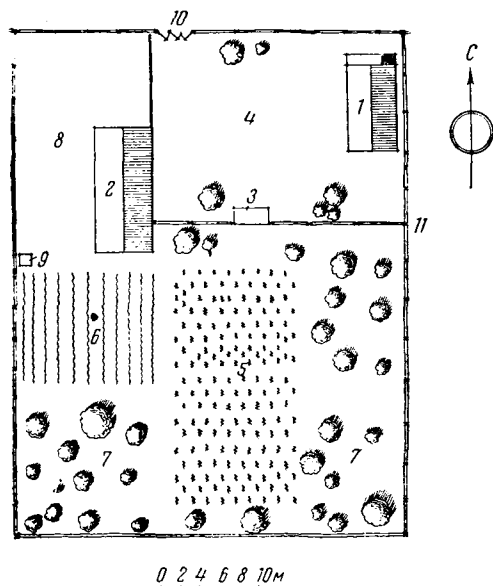

Рис. 8. Усадьба В. Джалабадзе, сел. Корди Горийского р-на: 1 — жилой дом; 2 — кухня; 3 — кукурузник и свинарник; 4 — двор; 5 — виноградник; 6 — огород; 7 — плодовый сад; 8 — пашня; 9 — уборная; 10 — главный вход (по материалам Картлийской этнографической экспедиции Ин-та истории ГрузССР 1952 г.)

⁹ Т. А. Чиковани, Грузинское народное жилище. Тбилиси, 1960, стр. 79—87 (на груз. яз.).

ный участок усадьбы занимает плодовый сад; огород очень невелик. Имеется и виноградник. В длину усадьба — более ста метров (рис. 10).

Марани, имеющаяся в каждом хозяйстве, в большинстве случаев устроена в нижнем этаже дома¹⁰. Таким образом, и в Восточной Грузии, несмотря на некоторые локальные различия в этой обширной области, намечается общая закономерность процесса социалистического преобразования крестьянского жилища.

Для Восточной Грузии характерно массовое строительство двухэтажных домов, преимущественно из тесаного камня или кирпича, а местами — из того и другого материала.

Появление двухэтажных каменных домов и здесь повлекло за собой концентрацию некоторых хозяйственных помещений, (кухня, марани, кладовая) в первом этаже, причем хозяйственные помещения, связанные с животноводством, все более отдаляются от дома.

В Восточной Грузии особенно сильна была скученность планировки селений. Это объясняется главным образом наличием крупных населенных пунктов, которые — в отличие от большинства горных селений Грузии — насчитывали тысячу и свыше домов при отсутствии более или менее отчетливо выделенных кварталов.

Подведем некоторые итоги.

По исключительному или преимущественному распространению той или иной формы важнейших элементов культуры и быта в дореволюционной Грузии, составляющей одну историкоэтнографическую область, в ней выделяются три основных района: горная Грузия, Колхидская низменность и Восточногрузинская равнина, — связанных с различными хозяйственно-культурными типами. Каждому из этих районов соответствовали исторически сложившиеся формы жилища: в горной Грузии сильно укрепленное многоэтажное каменное здание с центральным очагом, причем все жилые и хозяйственные помещения были сконцентрированы под одной кровлей (цихе сахли, сахли); в Колхидской низменности было типичным деревянное четырехугольное в плане одноэтажное жилище (саджалабо сахли) с двух- или четырехскатной кровлей, центральным очагом, с отделенными от жилого дома хозяйственными помещениями; для Восточногрузинской равнины было характерно одноэтажное крестьянское жилище дарбази с деревянным ступенчатым перекрытием, с жилыми и хозяйственными помещениями под одной кровлей и с центральным очагом.

Важнейшими изменениями в процессе социалистического преобразования грузинского крестьянского жилища надо считать: рассредото-

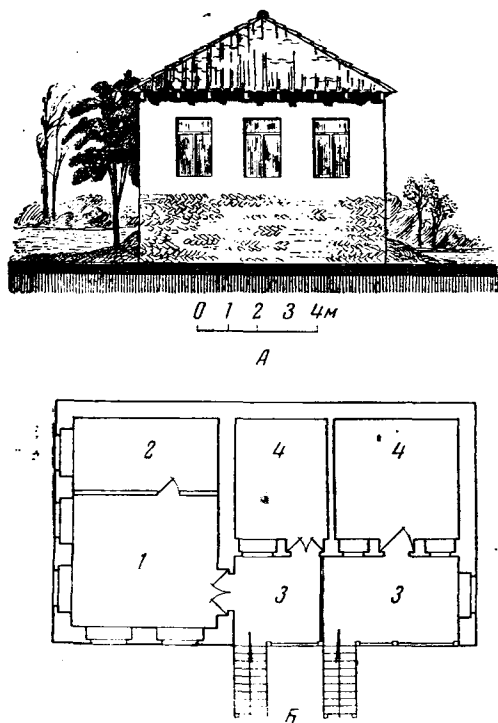

Рис. 9. Жилой дом В. Пичхнарашвили, с. Арбо Горийского р-на (по материалам Картлийской этнографической экспедиции, 1952 г.): А — фасад со стороны улицы; Б — план II этажа: 1 — гостиная; 2 — спальня; 3 — балкон; 4 — комната*

¹⁰ Дж. А. Рухадзе, Жилые постройки в Кахети, «Материалы по этнографии Грузии», в. X, Тбилиси, 1959, стр. 45—64 (на груз. яз.).

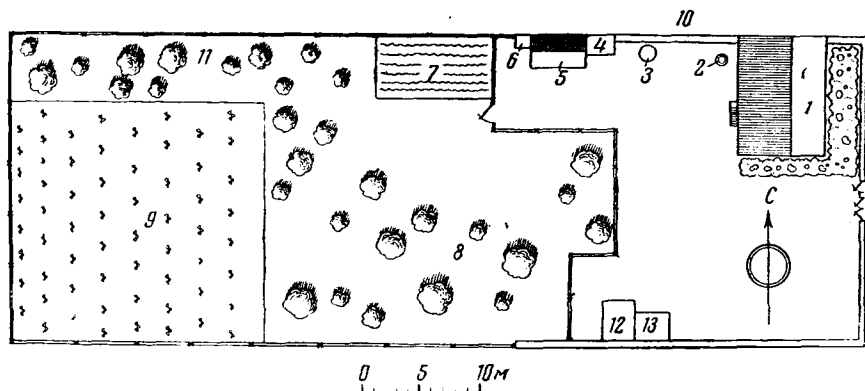

Рис. 10. Усадьба Н. Бердзенишвили, сел. Икалто Телавского р-на: 1 — жилой дом; 2 — хлебная печь; 3 — керамическая печь; 4 — конюшня; 5 — саманник; 6 — уборная; 7 — огород; 8 — сад; 9 — виноградник; 10 — каменная ограда; 11 — проволочная ограда; 12 — сеник; 13 — курятник (по материалам Кахетинской этнографической экспедиции Ин-та истории АН ГрузССР, 1952 г.)

ческие жилых и хозяйственных помещений в тех районах, где раньше они находились под одной кровлей; устройство деревянного пола и потолка, в результате чего центральный очаг был заменен внутрисстенным камином с дымоходом; многокомнатность. Сегментация жилой площади на отдельные комнаты в значительной степени способствовала, помимо всего остального, изживанию пережитков патриархального уклада во внутрисемейных отношениях, а также различных предрассудков, ранее связанных как с центральным очагом, так и с другими частями неделимой площади жилища.

Характерны замена скученной планировки селений уличной и тенденция к распространению поселений «усадебного» (близкого к хуторскому) типа.

SUMMARY

From the point of view of the exclusive or prevailing spread of the forms of major cultural elements and modes of life, pre-revolutionary Georgia — a single historical and ethnographical entity — can be divided into three main parts: highland Georgia, the Colchis lowland, and the East-Georgian plain, each of the three associated with different cultural-economic types. Each area had corresponding types of dwelling, specified by its historical development. Highland Georgia had the fortified many-storeyed stone dwelling with a central hearth, with living premises and storerooms under the same roof (this dwelling is called *tsikhe sakhli*, or *sakhli*). Typical of the Colchis lowlands was a wooden rectangular one-storey dwelling (*sadzhalobo sakhli*) with a two- or four-gabled roof, a central hearth, and outhouses standing apart from living premises. The characteristic dwelling of the East-Georgian plain was a one-storey peasant house (*darbazi*) with a stepped wooden ceiling, with living premises and storerooms under the same roof, with a central hearth.

The major changes that affected the Georgian peasant dwelling in the course of the socialist transformation of life are the separation of living premises from the outhouses where they previously were housed in the same building; the introduction of wooden floors and ceilings, which resulted in the replacement of the central hearth by a built-in fireplace having a flue; the introduction of separate rooms. The division of the living premises into separate rooms also helped to do away with the survivals of the patriarchal way of family life, and with all kind of prejudice formerly connected with the central hearth and other parts of the indivisible interior of the house.

Another characteristic feature is the changed lay-out of the Georgian villages, with streets in place of clusters of houses, and a tendency towards settlements of the farmstead type.

Б. А. КАЛОЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Русско-кавказские связи, как об этом свидетельствуют многочисленные археологические и письменные памятники, восходят к глубокой древности. Нашествие монголов, от которого сильно пострадали народы Северного Кавказа, оказывавшие упорное сопротивление полчищам завоевателей, надолго прервали эти связи. И только со второй половины XVI в. дипломатические и торговые отношения между русским государством, с одной стороны, Кавказом и странами Ближнего Востока — с другой, стали быстро развиваться. Этому предшествовало присоединение к русским землям Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, способствовавшее открытию свободного сообщения по Волге к Каспийскому морю. Волго-Каспийский путь, проходивший до устья Терека и дальше, был до конца XVII в. почти единственным связующим звеном между русским и кавказскими народами.

В развитии русско-кавказских отношений большую роль сыграли гребенские казаки, поселившиеся во второй половине XVI в. на правом берегу Терека. Чеченцы — один из первых народов Восточного Кавказа, установивших дружеские связи со своими соседями, русскими поселенцами. Ко времени появления здесь русских чеченцы жили в основном в горах. По мнению многих авторов, основывавших свои суждения на народных преданиях, формирование близко родственных чеченского и ингушского народов происходило в верховьях Аргуна, откуда они постепенно расселились по другим районам занимаемой ими ныне территории. Чеченский этнограф Умалат Лаудаев писал, что «чеченское племя», как он выражался, «образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам. Оно заняло горы высшего Назрановского скруга и Чеберлой, впоследствии водворилось в Ичк-Керии и Аухе»¹. В многочисленных преданиях, записанных нами в 1959 г. во время экспедиции, сообщается о выходе первоначальных предков многих чеченских тайп (родов) из урочища Нашхи, находящегося в верховьях Аргуна. Указывается также на существование якобы в одном из селений большого медного котла, на котором записаны все крупные чеченские тайпы.

Позже, в связи с ростом численности населения и земельной теснотой, чеченцы в поисках новых мест поселения стали спускаться с гор в лесистые районы и в предгорную полосу, образуя с течением времени ряд самостоятельных обществ (тукумов), которые, судя по источникам, почти ничем не отличались по своему внутреннему устройству от дагестанских, в частности от аварских, вольных обществ². Уже в конце

¹ Умалат Лаудаев. Чеченское племя, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI, Тифлис, 1872, стр. 4.

² См. в кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958; Л. Клуген, Шамиль и Чечня, «Военный сборник», т. IX, 1859, стр. 124.

XVII — начале XVIII в. в Чечне имелось семь таких тукумов — Малхоевский, Галаевский, Нахчимахновский, Чантоевский, Ичкиринский, Шатоевский, Чеберлоевский (среди них выделяются по численности Ичкирия и Шатой), население которых постепенно спускалось на равнины в низовья Терека и поселялось здесь небольшими родовыми хуторами недалеко от гребенских казаков. Нужно отметить, что из всех чеченских обществ ичкиринцы были истари наиболее близкими и дружественными соседями русских поселенцев на Тереке. Говоря о внутреннем устройстве этого тукума, генерал Розен в 1830 г. писал: «Ичкири составляют особенное общество, имеющее около 5000 душ мужского пола жителей, живших разбросанными во множестве маленькими деревушками. Число вооруженных простирается до 2000 чел., в числе коих больше половины конных. Для обороны себя собираться могут не более двух сукотк»³.

Чеченцы, сильно страдавшие от безземелья в горах, не раз предпринимали попытки заселить плодородные равнины; это бывало, вероятно, и до монгольского нашествия, и особенно в последующее время. Однако кочевые племена, контролировавшие данные районы, препятствовали этому. Только после водворения здесь русских горцы получили возможность под их защитой беспрепятственно селиться на равнинах и осваивать новые, плодородные места.

В переселении горцев на равнины и сближении их с русскими поселенцами важную роль играл Терский городок, представлявший собой военное укрепление, основанное русским воеводством во второй половине XVI в. на Тереке при впадении в него р. Сунжи. Это был не только форпост русской колонизации на Северном Кавказе, но и крупный торговый центр. В городке имелось три гостиных двора, много торговых рядов и лавок; трижды в неделю здесь устраивались базары, куда горцы пригоняли рогатый скот, лошадей, привозили ковры, овчины, бурки, домотканное сукно и пр., выменивая их на металлические изделия тульских мастеров, фабричные сукна, ткани и другие товары, доставлявшиеся сюда из волжских городов⁴.

Русский купец Федот Котов, совершивший в 1626 г. путешествие в Персию с остановкой в Терском городке, сообщал о последнем как о значительном торговом и административном центре, игравшем важную роль в развитии русско-горских связей. Он видел здесь не только торговые ряды и дворы, но храмы и монастыри, прекрасные деревянные жилые постройки. По свидетельству этого автора, недалеко от Терского городка находилось большое поселение горцев, в том числе 160 чеченских и ингушских семейств, переселившихся сюда из восточных районов горной Чечни, преимущественно из Ичкирии и Ококи; чеченцы и ингуши встречаются в источниках того времени под названием мичкизѳов, окоцев (окохи, осоки). Котов, говоря о национальном составе населения слобод Терского городка, сообщал: «А против города за рекою слободы великие — черкесская слобода, да окоцкая, да новокрещенных черкас слобода»⁵. В «Книге Большому Чертежу» чеченские и ингушские переселенцы встречаются под несколькими названиями: окохо, осоки, кугени, мичкизы⁶.

В документах, опубликованных в книге С. Балакурова, чеченские и ингушские обитатели слободы Терского городка фигурируют под названием «окоцких людей». В одном из своих прошений на имя русского царя они, говоря о причине появления их в Терском городке, писали:

³ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 285.

⁴ А. Ф. Фадеев, Из истории русско-чеченских связей, «Вестник Моск. гос. ун-та. Историко-филологическая серия», 1959, № 1, стр. 220; Я. Стрейс, Три путешествия, М., 1935, стр. 214.

⁵ «Хождение купца Федота Котова в Персию», М., 1958, стр. 33.

⁶ «Книга Большому Чертежу», М.—Л., 1950, стр. 88.

«Мы, холопы твои, не хотим горским князем и мурзам служить и под ними в веке быти, покиня свои дома и живот весь пометав, с женами своими и детми из Окоцкие землицы утекли душою да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терской городок под твою царскую высокую руку на житие на век»⁷.

Занимаясь земледелием, скотоводством, рыболовством и торговлей, чеченцы и ингуши наряду с другими горцами, не считаясь с опасностью для жизни, сопровождали прибывавших в Терский городок русских послов по многим районам Кавказа и даже в Крым. «И в тех, Государь, службах и посылках,— писали они,— многие наши товарищи окоцкие люди и братья наши племенники головы свои поклали, побиты на смерть, а иные запроданы в дальние земли в житство»⁸.

Из русских посольств второй половины XVI в., пробиравшихся из Терского городка в Грузию через Дарьяльский проход в сопровождении терского воеводы и чеченцев, следует особенно отметить посольства под руководством Звенигородского и Антонова, Писщева и Савина⁹.

Будучи связующим звеном между горскими народами и русскими поселенцами в низовьях Терека, чеченцы из Терского городка вместе с тем немало способствовали и переселению своих сородичей из самых отдаленных горных районов на равнины: «И многие, Государь, горские всякие люди,— писали они в том же прошении,— слыша от нас про твою царскую милость и жалованье... приходили с гор на житье в терский город с женами и с детми»¹⁰.

Не менее важную роль в жизни чеченцев сыграли другие их соседи — русские поселенцы, обосновавшиеся также во второй половине XVI в. на правом берегу Терека на гребне, от которого они получили свое название «гребенские казаки». В новом архивном источнике, опубликованном М. О. Косвеном, даются ценные сведения о появлении этих поселенцев на Кавказе. «Оные гребенские казаки по Тереку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов, только первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют, но за Тереком в гребнях (то есть в горах), и в ущельях, а именно: в урочищах того же гребня, в ущелье Павлаком при гребне и ущелье же Кашлановском и при Пименовском дубе, которые и донныне ниже Балсур или Ортан-реки, при Тереке — реке-ж, по коим местам гребенскими казаками праименовались»¹¹.

Появление русских поселенцев намного ускорило процесс иммиграции чеченцев с гор и образования ими в низовьях Терека и Сунжи значительного числа хуторов и сел. Как говорится во многих преданиях, записанных нами, русские не только оберегали своих соседей от притеснения кабардинских и кумыкских феодалов, контролировавших в то время большую часть нынешней чеченской равнины, но и помогали им строить дома, обрабатывать землю и т. д. Уже через некоторое время рядом с гребенскими казаками возникли такие крупные чеченские селения, как Чечен-аул, Староюрт, Гудермес (ныне г. Губермес), Герменчик, Маиргуп, Тих и др. Среди них особенно важную роль играл в жизни горцев Чечен-аул, являвшийся в то время одним из крупных населенных пунктов в Чечне. О нем У. Лаудаев писал: «Он преуспевал перед прочими, был обширен, лучше обстроен, имел лавки (тукень), на порогах коих виднелись армяне, евреи и кумыки. От име-

⁷ С. А. Белакуров, *Сношения России с Кавказом*, М., 1899, стр. 559.

⁸ Там же, стр. 560.

⁹ «Обзор сношений русских царей с грузинскими», Сборник газеты «Кавказ», второе полугодие 1846 г., Тифлис, 1947, стр. 368; М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис, 1935.

¹⁰ С. А. Белакуров, *Указ. раб.*, стр. 560.

¹¹ М. О. Косвен, *Описание гребенских казаков XVIII в.*, «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 181—182.

ни этого аула чеченцы получают для себя от русских и кабардинцев название шашан и чеченцев»¹².

Вопреки колониальной политике царизма, насаждавшего национальную и религиозную вражду, росла и крепла дружба между трудовым казачеством и чеченцами и ингушами. Эта дружба развивалась на основе классовой солидарности и совместной трудовой деятельности, хозяйственного и культурного сотрудничества. Живя в близком соседстве, казаки и чеченцы передавали друг другу свои достижения в хозяйстве, в области материальной и духовной культуры. Они охотно делились накопленными знаниями и опытом. Природный чеченец, Лаудаев, говоря о больших изменениях, происшедших под влиянием русских в хозяйстве и быте равнинных чеченцев, отмечал, что последние заменили свои первобытные горные сохи плугами, «производили правильное хлебопашество, обзаводились лучшим хозяйством, разводили рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады»¹³.

Особенно широкое развитие получила кукуруза. Появление в Чечне кукурузы, занявшей среди хлебных злаков на равнине и в лесистой полосе ведущее место, относится к началу XIX в. Равнинные земли Чечни считались одним из богатейших хлебных районов Восточного Кавказа; они обеспечивали хлебом всю горную Чечено-Ингушетию и почти весь Нагорный Дагестан. Здесь были специальные хлебные базары (Старые Атаги, Шали, Урус-Мартан и др.), куда приезжали за хлебом не только горцы, но и многие жители из станиц терского казачества. Большую помощь в успешном развитии этой культуры оказали чеченцам их соседи — русские казаки, знакомившие чеченцев с более совершенной техникой сельскохозяйственных орудий (плуги, бороны и пр.). Во время пребывания нашей экспедиции в станицах Гребенской, Шелковской, Червленной и других мы слышали о том, что жители этих станиц, земли которых расположены в основном в песчаных бурунах, не пригодных для возделывания кукурузы, исстари уходили в чеченские селения, нанимаясь на работы по вспашке, уборке урожая и т. д.

Позже в чеченские селения приходили на заработки и другие русские поселенцы, так называемые «иногородные крестьяне». В 1848 г. корреспондент газеты «Кавказ» писал из Ставрополя, что казаки, русские крестьяне и мещане ездят в горские аулы к «князьям и богатым узденям на работы, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»¹⁴.

Очень важную роль в деле сближения горцев с русским населением играла торговля. Крупными торговыми центрами в XVIII и начале XIX в. были чеченские селения Гудермес и Брагуны, расположенные в нижнем течении Сунжи, а также станица Наурская, где ежегодно с 8 по 14 сентября, устраивалась большая ярмарка¹⁵. Большую роль в торговле горцев играли города Кизляр и Моздок. Сюда чеченцы привозили бурки, дмотканное сукно, башлыки, войлочные ковры, шерсть, мед и другие товары. Бурочное и суконное производство было одним из древнейших промыслов чеченцев. Наибольшее развитие оно получило на равнине. Центрами бурочного производства считали здесь селения Дайкураул (ныне. с. Толстово), Староюрт, Белготой и др., находящиеся недалеко от казачьих станиц. Бурки, сукно для черкесок, башлыки покупали преимущественно казаки, воспринявшие многие элементы горского костюма.

¹² Умалат Лаудаев, Указ. раб., стр. 21.

¹³ Газ. «Кавказ», 1848, № 22.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. В. Фадеев, Указ. раб., стр. 225.

Позже исследователь кустарных промыслов горцев Северного Кавказа Марграф, говоря о сбыте чеченского сукна в казачьих станицах, сообщал: «В станицах сукно продается по Тереку, начиная от Моздока до Каспийского моря; ежегодно покупается казаками в Моздоке, Грозном, Кизляре и Хасафюрте около 1700 черкесок и столько же башлыков по средней стоимости первых в 4 руб. 50 коп. и вторых в 1 руб. 50 коп., всего на сумму до 10 тыс. руб.»¹⁶. Важное место в торговле жителей равнины и лесной полосы Чечни занимала также продажа леса в Кизляре и в казачьих станицах. Занятие это, имевшее широкое распространение до 1840 г., было подорвано начавшейся Кавказской войной. Лес чеченцы заготавливали зимой и сплавляли в половодье от 500 до 800 плотов по р. Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра. А. П. Берже отмечал, что за «каждый плот в то время платили от 30 до 50 руб. серебром, что в общей сложности составляло около 2500 руб.»¹⁷.

В большом количестве чеченцы доставляли в казачьи станицы таркалы (колья) для поддержания виноградных лоз, что способствовало развитию виноградарства у их соседей — русских казаков. По данным Берже, чеченцы ежегодно привозили сюда 5—6 тысяч арб виноградных кольев и большое количество обручей и бочарных досок¹⁸.

Весьма важное место в торговом обороте чеченцев занимали также продукты сельского хозяйства и домашних кустарных промыслов. В 1837 г. на одной только Наурской ярмарке было продано крупного рогатого скота на сумму 12 148 руб., лошадей — 1158 руб., овец — 547 руб., зерна (пшеницы и ржи) — 1149 руб., черкесок — 1135 руб., шаровар, башлыков, бурок — 887 руб. Взамен этого чеченцы покупали преимущественно ткани русских текстильных фабрик. Здесь же на станичных ярмарках Терского казачьего войска «широко продавали ситцы Каретникова и Тюрина, нанки — Морозова и Елисеева, сукна — Горячкина и Папкова, а также изделия других промышленных фирм»¹⁹.

Таким образом, вплоть до начала Кавказской войны между казаками и чеченцами равнинной и предгорной полосы существовали широкие торговые и хозяйственные связи. Стремление горцев к дружбе с русским населением и к миру не раз отмечалось современниками. Так, в начале XIX в. майор А. И. Ахвердов, занимавшийся делами Восточного Кавказа, подчеркивал: «Вообще все чеченцы желают и ищут мирное житье»²⁰. Позже, несмотря на расширение военных действий, многие чеченцы и ингуши, обитавшие в долинах Терека и Сунжи, по-прежнему находились в добрых отношениях со своими соседями — русскими, поддерживая с ними торговые связи. Тем не менее война была для Чечни, на территории которой она велась в течение многих лет, весьма тяжелым бедствием. В годы войны прекратились сплав леса в Кизляр и многие станичные ярмарки, что явилось крупным ударом по экономике горцев.

Однако в 1850-х годах в связи с образованием ряда русских укреплений в предгорной Чечне снова происходит оживление торговли и установление дружеских связей между чеченцами, обосновавшимися тут же рядом в больших селах, и русскими, жившими в этих укреплениях. Так, говоря о возникновении еще в ходе Кавказской войны чеченских сел Старые Атаги и Чох-Кири недалеко от крепости Воздвиженской, С. Иванов сообщал: «Русские стали ходить в аул поодиночке, без ору-

¹⁶ О. В. Марграф, Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. 104.

¹⁷ А. П. Берже, Чечня и чеченцы, Тифлис, 1859, стр. 89; см. также: Ев. Максимов, Чеченцы (Историко-географический и статистико-экономический очерк), «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, 1893.

¹⁸ См. А. П. Берже, Указ. раб., стр. 89.

¹⁹ А. В. Фадеев, Указ. раб., стр. 225.

²⁰ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 227.

жия, опасность представлялась только со стороны чеченских собак; некоторые из офицеров засиживались у своих кунаков до поздней ночи, случалось, что и ночевали»²¹. Одновременно с этим развивались торговые отношения между жителями указанных сел и гарнизоном крепости, состоявшим из 6 тыс. чел. Сюда чеченцы сбывали скот, птицу, мед, масло, молоко, яйца, ягоды, овчины для шапок и тулупов, бурки, сафьян, сукно и даже оружие, покупая взамен этого фабричные ткани, домашнюю утварь и т. д.²²

Во второй половине XIX в. в связи с широким проникновением на Кавказ капиталистических отношений и появлением у казаков новых видов сельскохозяйственных орудий, получаемых ими на льготных условиях, хозяйственные и культурные связи между русским населением и горцами значительно расширились. Чеченцы, жившие на равнине, стали применять фабричного производства плуги, бороны, серпы и пр., а также шести-восьмигранные каменные катки для молотбы, заимствованные у русских казаков. В свою очередь горцы передали русскому населению, в частности гребенским казакам, многие черты своего хозяйственно-бытового уклада.

По словам Белинского, гребенцы стали «новыми и удалыми сынами Кавказа, без которых не полна и не определена его физиономия»²³. На это обратил внимание и Л. Н. Толстой, который в середине XIX в. несколько раз приезжал на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу, служившему в станице Старогладковской, а затем в укрепленном лагере возле чеченского селения Староюрт. Живя здесь, Л. Н. Толстой часто бывал в станицах гребенских казаков и в чеченских селениях, проявляя глубокий интерес к быту, фольклору и культурным взаимовлияниям этих народов. Им были записаны здесь старинная народная чеченская песня «Высохнет земля на могиле моей» и кумыкские свадебные песни «Балты» и «Садо». Заинтересовавшись жизнью гребенских казаков и их соседней горцев, Толстой стал приобретать почти всю издававшуюся в то время на Кавказе этнографическую литературу. В его архиве в Ясной Поляне имеются почти все выпуски «Сборника сведений о кавказских горцах», «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказского календаря» и другие издания, собранные писателем в процессе его работы над произведениями о Кавказе. Говоря о влиянии горцев, в частности чеченцев, на гребенских казаков, Толстой писал: «Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев». «Щегольство в одежде,— отмечает он — состоит в подражании черкесу (черкесами называли тогда всех горцев.— Б. К.). Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже с своим братом говорит по-татарски»²⁴.

Влияние соседних горцев на быт гребенских казаков нашло яркое отражение и в песенном творчестве этих поселенцев:

Стены в ней обоюю я персидским ковром,
Галуном твой бешмет по краям разошью и тебе
Пистолет свой заветный отдам.
Дам и шашку тебе с дагестанским клеймом,
И лихого коня с кабардинским седлом²⁵.

²¹ С. Иванов, О сближении русских с горцами на Кавказе, «Военный сборник», т. VII, СПб., 1859, стр. 544.

²² Там же.

²³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1954, стр. 174.

²⁴ Л. Н. Толстой, Казаки, М., 1954, стр. 16—17.

²⁵ П. А. Востриков, Песни, поющиеся в станице Наурской, Терской области, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38, 1908, стр. 34.

Живя в течение веков среди горцев, гребенские казаки имели с ними самые тесные сношения. По словам местных жителей, гребенцы вплоть до второй половины XIX в. широко пользовались тяжелым деревянным плугом грузинского типа, заимствованным ими у обитателей низовьев Терека и Сунжи, большей частью у кумыков и кабардинцев. Казаки восприняли у горцев также молотильные доски, бытующие до сих пор еще в Нагорном Дагестане, Чечне и других районах Кавказа, двухколесную тележку, называвшуюся ими «чеченской арбой»; последняя вплоть до второй половины XIX в. была здесь единственным транспортным средством. Горцы передали соседям — русским казакам — также овец, лошадей определенной породы, формы жилья и его внутреннего устройства, многие элементы своего костюма, нравы, обычаи.

Известный исследователь терского казачьего быта Г. Ткачев отмечал, что гребенские казаки разводили в значительном количестве коней лучшей, так называемой шаулоховской кабардинской породы. По мнению этого автора, гребенцы были не только «конники, но и коноводчики». «Действительно, — пишет он, — занимаемое гребенцами закрытое плато, обильное водопоем и пастбищами, должно было способствовать развитию этого промысла»²⁶.

Особенно большое сходство между гребенскими казаками и горцами отмечается в области материальной культуры. Казаки восприняли почти целиком тип горского жилья и его внутреннее убранство, сохраняя в то же время в нем русские печь, лавки и стол. Наиболее распространенным здесь типом жилья в то время был турлучный дом с двускатной земляной кровлей. Позже, с образованием терского казачьего войска, в гребенских станицах широкое распространение получили срубные дома, занесенные казаками из центральных районов России. Дома эти строились по образцу великорусских изб, которые также имели невысокую двускатную крышу. Они состояли большей частью из двух помещений: первое, входное, — сени, второе, по объему гораздо большее, — изба. Перед каждым домом имелось крылечко со ступенями. Дома богатых казаков обычно состояли из трех-четырёх комнат, среди которых особенно выделялась своим убранством горница (гостиная). Стены домов снаружи обмазывали глиной, а внутри белили, иногда оклеивали обоями. В убранстве жилья здесь сочетались горские и русские черты. Начнем с описания избы — основного жилого помещения дома. При входе в избу с правой стороны находилась большая русская печь: по стенам избы располагались узкие деревянные лавки и скамейки; здесь же находилась почти вся домашняя утварь (деревянная, медная, глиняная), заимствованная почти целиком у горцев. Сени по своему убранству во многом отличались от избы: здесь вдоль стен обычно ставили большие сундуки, обитые жестяными узкими листами, или лавки, которые застилали персидскими коврами или войлоками с чеченским или кумыкским орнаментом. В переднем углу сеней направо от входа вешали иконы. Здесь же на стене висело зеркало, обвитое белым полотенцем со спущенными вниз узорчатыми, расшитыми шелком концами. Освещались сени одним окном; зимой обычно они отапливались.

Двор гребенских казаков был очень большой, наподобие чеченского. По его сторонам располагались сараи, где хранились арбы, сани, сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода; здесь же находились помещения для скота, а также небольшой домик-мазанка, называвшийся «горская сакля» и имевшийся почти в каждом казачьем дворе; там была установлена русская печь, зимой семья проводила здесь

²⁶ Г. А. Ткачев. Станица Червленная. Исторический очерк, Владикавказ, 1912. стр. 41

свободное время, готовила и принимала пищу. Летом сакля становилась необитаемой; семья переходила в соседнее летнее помещение — небольшой плетеный домик, густо обмазанный глиной; домик этот, где находился горский очаг с земляными гарнушками, служил летней кухней и кладовой.

Гребенские казаки восприняли у горцев, в частности у чеченцев, также ряд национальных блюд, среди них — лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т. д., а также любимое кушанье чеченцев и ингушей «датыкадор» — смесь творога с топленным маслом. Наибольшее же распространение получил здесь хенкал (род галушек) — любимое кушанье народов Дагестана. Из мяса гребенцы, как и горцы, предпочитали баранину. Хлеб казаки употребляли пресный, называемый «паста»; по мнению некоторых авторов, он был заимствован у чеченцев²⁷. Большое место в пище казаков занимала сухая, свежая и соленая рыба, а также молочные продукты и плоды. Из напитков широкое распространение имели приготавливавшееся гребенцами виноградное вино, именуемое у них, как и у соседних горцев, чихиром, и так называемый калмыцкий чай (кирпичный), бытующий у многих народов степной полосы Северного Кавказа.

Наконец, гребенские, а позже терские и кубанские казаки почти целиком заимствовали горский мужской костюм (кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, обувь) и его украшения (газыри, пояс, кинжал).

В будни гребенские казаки носили черкеску из чеченского домотканного сукна, ситцевую рубашку, бешмет, шаровары, папаху и обувь городского покроя. В праздники они надевали черкеску из черного фабричного или хорошего горского сукна, сапоги, папаху; украшением черкески служили газыри с металлических или серебряными наконечниками; на узком кавказском поясе с металлическими бляхами висел кинжал дегестанского или чеченского производства, иногда пистолет кубачинского изделия. В непогоду надевали бурку и башлык, большей частью чеченского производства.

Одежда гребенских казачек, по сообщению И. Попко, состояла из узкой длинной рубахи с широкими рукавами, «поверх которой был надет длинный бешмет, тесно стягивавший фигуру»²⁸. Богатые шили бешмет из дорогой шелковой ткани, украшая его серебряными галунами и серебряными с чернью петлями производства кубачинских мастеров. Верхней одеждой казачки служили фуфайка, отличавшаяся от бешмета короткими рукавами, и меховая шуба; верх шубы шили из атласной или шерстяной материи, на груди нашивали серебряные петли. Обувью служили сафьяновые чупяки горского покроя. Зимой носили вязанные шерстяные носки. Волосы женщины заплетали в две косы, которые на темени свертывали в круг. Покрывали голову небольшим шелковым или ситцевым платком, концы которого завязывали на затылке. Сверху накрывали большой тканевый или вязанный платок с загибом посередине. Девушки заплетали волосы в одну косу, спуская ее до талии, голову большей частью повязывали красным шелковым платком. Украшения казачек не отличались от украшений женщин соседних горских народов. Девушки-казачки носили серебряный пояс кавказского образца, на шее — крупный или мелкий янтарь, бусы с припаянными к ним серебряными монетами, в ушах — большие серебряные с чернью серьги, на руках браслеты и кольца.

²⁷ См. А. Ржевский, Терцы, «Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о терском казачьем войске», Владикавказ, 1888, стр. 258.

²⁸ И. Попко, Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк, СПб., 1886, стр. 114

Немало сходных черт у гребенских казаков с горцами имелось и в их семейном и общественном быту. Так, отец в присутствии посторонних стеснялся брать на руки своих детей или ласкать их. Женщина никогда не переходила дорогу мужчине; при появлении мужчины она вставала в знак уважения. Считалось неприличным появление молодой женщины с непокрытой головой на улице.

Гребенские казаки восприняли у горцев музыкальные инструменты и мелодии²⁹. Большой популярностью до сих пор пользуется здесь круговой темпераментный танец «наурская лезгинка», получивший свое название от гребенской станицы Наурской и распространившийся оттуда по всему Терскому и Кубанскому казачьему войску. Наурская лезгинка особенно хорошо исполнялась в станицах Наурской и Червленной, с которыми чеченцы имели более тесные связи. Один из дореволюционных авторов писал: «Наурская — любимый, можно сказать «национальный» танец терских казаков»³⁰.

Наконец, между казаками и горцами, в частности — чеченцами, существовали широкие родственные связи, о чем свидетельствует их физический тип. «Гребенская женщина, — писал И. Попко, — во множестве случаев была местного горского происхождения. Она сообщала гребенцу, увесистому русскому человеку, легкие стати и живые черты южного аборигена, а также заимствовала от него рост и мускульную силу»³¹. Не в меньшей мере горские черты нашли отражение в физическом типе казаков-мужчин, особенно старшего поколения. Высокий рост, смуглый выдающийся нос, черные волосы, почти повсюду встречавшиеся нам в станицах гребенских казаков, — черты, характерные как для казаков, так и для чеченцев. Близость гребенских казаков и чеченцев ярко проявляется не только во внешних чертах, но даже в разговорной речи, в которой выделяется особый горский акцент³².

Смешение казаков с горцами особенно сказывается в станице Червленной, с жителями которой больше всего роднились чеченцы. Кроме того, здесь, как и в других станицах, в период образования Терского казачьего войска поселилось немало горцев, в том числе чеченцев, впоследствии растворившихся среди казаков. Судя по собранным нами преданиям, появление чеченцев в станице Червленной относится ко времени задолго до начала Кавказской войны. Здесь поселились не только отдельные чеченцы, но даже целые группы родственников, бежавшие сюда большей частью по причине кровной мести; принимая другую фамилию, они с течением времени теряли свои национальные черты и становились русскими. Так, к их числу относятся гунийцы, живущие примерно в восьми дворах в станице Червленной под фамилией Гулаевы. Гунийцы — выходцы из Веденского района, где в нескольких небольших хуторах, расположенных на холмистых горах, покрытых густым лесом, живет в основном одна из многочисленных чеченских тайп — Гуной. Центром расселения этой группы считается селение Гуни. Гунийцы живут и в других местах Чечни, в частности в селениях Курчалой и

²⁹ Здесь широко бытовали зурна, свирель, горская двухструнная балалайка, барабан (см. П. А. Востриков, Указ. раб.).

³⁰ Н. Бигаев, Наурская казачья лезгинка, «Терские ведомости», 1912, № 256.

³¹ И. Попко, Указ. раб., стр. 114.

³² В исследованиях М. А. Караулова «Говор гребенских казаков» (СПб., 1902) дается подробная характеристика изменений в языке гребенских казаков, происшедших под влиянием горцев. А. Ржевуский писал, что здесь «на свадьбе можно услышать русские фразы с примесью кумыкских слов» (А. Ржевуский, Указ. раб., стр. 214). Герон повести «Казаки» Л. Н. Толстого — Лукашка, Ерошка и др. — свободно разговаривают «по-татарски» (т. е. по-ногайски и кумыкски), поют «тавлинские» песни. (т. е. песни горцев Дагестана, в частности аварские). «Подъехал Лукашка, остановил лошадь, бойко произнес обычное приветствие, и ногайки, видимо, обрадовались и заговорили с ним свободно, как с своим братом» (Л. Н. Толстой, Указ. соч., стр. 144).

Автуры. С давних пор гунийцы-казаки и гунийцы-чеченцы считают себя родственниками, оказывая друг другу помощь во всех случаях жизни. На это было обращено внимание еще в литературе 70-х годов XIX в. И. М. Попов, собравший много преданий о чеченских гунийцах, сообщал, что «гуноевская фамилия и в настоящее время считает себя родственниками гребенских казаков (Червленая станица), и, наоборот, казаки эти не лишены родственных чувств к гуноевцам, что выражается перепискою между ними и предположением со стороны казаков материальных пособий в случаях крайности их собратьев»³³. Значительно позже на это же обратил внимание и Н. Семенов, не раз побывавший в с. Гуни. «Сами гунийцы,— пишет он,— вовсе не думают отрицать существования тесного родства между ними и казаками станицы Червленой. Родство это бесспорно признают и уважают также и червленцы, чему имеется много доказательств». «Недавно гунийцы,— продолжает он,— рассказывали мне, что если кому-нибудь из них случится попасть в названную станицу, то его принимают с чисто родственною приязнью... Гуниец знает, что в Червленой для него всегда готовы и кров, и пища. В свою очередь червленцы не упускают случая побывать у своих родственников-гунийцев и пользуются от них таким же радушным приемом»³⁴. Во время нашей этнографической экспедиции 80-летний казак-гуниец С. И. Гулаев рассказывал нам, что, когда чеченцы приезжали в станицу Червленую, они, разыскивая своих родственников, обычно спрашивали: «Эй, где живет наш народ гуной?». При встрече родственников, особенно на базаре в Грозном, они делали друг другу подарки. Казаки-гунийцы часто приезжали в чеченские селения к своим родственникам, помогая им убирать кукурузные поля, перевозить хлеб и т. д. Происхождение гунийцев, нашедшее разное толкование в преданиях, остается, к сожалению, пока не выясненным. В одном из преданий, записанных И. М. Поповым, рассказывается: «Считая родоначальником своим Гундала, поселившегося в Ичкерии, мы впоследствии размножились, и, терпя недостаток в земле, некоторые из нашего аула перешли в Чечню и основали аул Алды (Бугун-юрт). Живя в этом ауле, два молодых человека нашей фамилии поссорились между собою, вследствие чего жертвою пал один; убийца, избегая мщения родственников убитого за кровь, бежал в Червленую станицу, где и поселился между казаками. Это было назад тому лет 100. Бежавший из чувства самосохранения, не имея желания возвращаться на родину, принял христианство и женился на русской женщине, имел от нее семь сыновей, которые, считая местом родины названную станицу, основали в ней свою оседлость навсегда, всосав с молоком матери привычки, образ жизни и убеждения гребенцев. Гунойцы добавляют, что цифра потомков от однофамильцев их, бежавших из Алды, в настоящее время можно полагать в половину числа казаков, живущих в Червленой»³⁵. В некоторых преданиях, записанных нами в станице Червленой и в с. Гуни, мы находим почти аналогичные сообщения о гунийцах. По словам упомянутого 80-летнего казака Гулаева, его далекими предками в станице Червленой были три брата из тайпы Гуной, которые, став кровниками на родине, бежали в станицу и жили здесь под фамилией Гулаевы. Позже к ним переселилось еще несколько родственников из с. Салтурой. В другом предании, записанном нами в с. Гуни, рассказывается, что во время принятия чеченцами ислама часть гунийцев, поддерживавшая дружественные связи с червленскими казаками, в знак протеста против распростране-

³³ И. М. Попов, Ичкерия (Историко-топографический очерк), «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, 1870, стр. 12.

³⁴ Н. Семенов, Письмо к редактору, «Терские ведомости», 1887, № 34.

³⁵ И. М. Попов, Указ. раб., стр. 12—13.

ния этой религии переселилась в станицу Червленую и навсегда осталась там. Противоположного взгляда о появлении гунийцев придерживается Н. Семенов, считающий чеченских гунийцев выходцами из станицы Червленной. «По наружному облику мужчины гунийцы,— пишет он,— решительно не отличаются от других чеченцев ичкеринского общества, не говоря уже о женщинах гунийской фамилии, также похожих на женщин-чеченок других фамилий, но между ними, говорят, чаще, чем между последними, попадаются красивые и стройные, напоминающие собою казаков того приреченского района, в котором сохранились остатки древних гребенских казаков»³⁶.

Кроме гунийцев, в станицах гребенских казаков имелось много чеченцев, принявших в свое время русские фамилии. Несмотря на то, что все они являются далекими потомками беглых чеченцев, потерявшими свои национальные черты и ставшими русскими, их по-прежнему называют здесь чеченцами. Так, в станице Червленной к числу таких фамилий относятся Егоркины, Бусунгуровы, Титкины, в станице Гребенской — Закаевы, Костиковы и др.

Однако наряду с переходом чеченцев к русским и поселением их в казачьих станицах бывали и такие случаи, когда русские солдаты и казаки, отказываясь от участия в захватнической войне царизма против горцев, переходили группами и в одиночку в чеченские селения, находя здесь приют и гостеприимство. Живя годами среди горцев, они занимались ремеслами, помогали чеченцам в работе по хозяйству и т. д. В 1866 г. в газете «Кавказ» сообщалось, что русские солдаты, перешедшие в период войны на сторону чеченцев, поселились на берегу озера Кезень-ам. Здесь они построили лодку и ловили рыбу сетями, обучаясь этому делу у горцев. В 1863 г. солдаты были переселены в Кубанскую область³⁷. Многие другие русские солдаты, находясь у горцев, обзаводились семьями и оставались навсегда среди чеченцев.

По свидетельству наших информаторов, из числа таких солдат после окончания Кавказской войны недалеко от Шатоя (ныне центр Советского района) образовались значительные поселения под названием Большая и Малая Варанда, обитатели которых до сих пор считаются русскими, хотя они давно очеченились и почти ничем не отличаются от коренных жителей.

Одним из факторов укрепления дружбы между казаками и чеченцами истари было куначество, сохранившееся даже в суровые годы Кавказской войны. Конечно, царское правительство, переведя еще в 1712 г. гребенских казаков с правого берега Терека на левый, создавало искусственные преграды между русским населением и горами, разжигая между ними вражду и ненависть. Тем не менее традиционные связи, несмотря на препятствия, по-прежнему поддерживались и даже развивались. Одним из крупных препятствий был многоводный Терек, через который в то время не было ни одного моста; зимой сообщение поддерживалось по льду. Современник отмечал, что «после сильных морозов Кубань и Терек замерзают столь крепко, что делается сообщение по льду безопасным по всем направлениям»³⁸. Летом горцы переправлялись через Терек на бурдюках из бараньих и козьих шкур, которые отличались от других кавказских бурдюков тем, что были сшиты шерстью внутрь, а снаружи смазывались жиром или другим веществом, не пропускающим воды; такой бурдюк имел два отверстия: одно для надувания, другое для вкладывания одежды, пищи, оружия и т. д. Пешие чеченцы переправлялись через Терек, привязывая бурдюк к спине, конные брали с собой по два бурдюка; наполнив их своими

³⁶ Н. Семенов, Указ. раб.

³⁷ Газ. «Кавказ», 1866, № 20.

³⁸ Газ. «Кавказ», 1875, № 26.

вешами, они привязывали бурдюки под передние лопатки лошадей и, таким образом, сидя на конях, переправлялись через полноводный Терек³⁹.

Многие авторы, описывая быт казачьих станиц, часто указывают на тесные дружеские связи между терскими казаками и чеченцами через куначество. Наиболее характерен в этом отношении рассказ известного казачьего писателя А. Кулебякина «Кунаки», в котором автор описывает события, происходившие до начала Кавказской войны. Автор показывает, как казаки и чеченцы гордились своей дружбой, передавая ее детям как священный завет от поколения к поколению⁴⁰. Наряду с этим у чеченцев было принято отдавать своих детей в казачьи станицы для обучения их русскому языку. И наоборот, многие казаки стремились обучить своих детей чеченскому языку, для чего отдавали их к своим кунакам в соседние чеченские селения, где они жили годами. Такие формы связи способствовали укреплению дружбы между этими народами.

Одним из многочисленных фактов культурных связей между русскими и чеченцами служит то, что из их среды в первой половине XIX в. вырос крупный художник — академик П. З. Захаров, занявший, как известно, достойное место среди художников России в области портретной живописи. П. З. Захаров создал ряд замечательных полотен, в том числе серию превосходных рисунков и портретов (Лермонтова, Грановского, Ермолова и др.)⁴¹.

После окончания Кавказской войны, когда горцы быстро пошли по пути экономического и культурного развития, дружеские связи между русскими и чеченцами и ингушами еще больше расширились.

Во второй половине XIX в. на территории Чечни возникли крупные нефтяные промыслы, вскоре захваченные иностранными капиталистами. По данным А. В. Фадеева, за десять лет (1893—1902) добыча нефти здесь увеличилась в 4,3 раза (с 8 до 35 млн. пудов), а к 1917 г. достигла 108 млн. пудов⁴². В результате все расширявшейся разработки грозненских нефтяных промыслов и появления новых промышленных предприятий в Грозном у народов Чечено-Ингушетии стал формироваться свой рабочий класс, сыгравший крупную роль в жизни горцев.

Таким образом, русско-чеченские связи, установившиеся еще во второй половине XVI в., сыграли исключительно важную роль в жизни народов Чечено-Ингушетии. Дружеские связи между русскими переселенцами на Терек и чеченцами никогда не прекращались, даже в ходе многолетней Кавказской войны и вопреки политике царских колонизаторов, разжигавших национальную вражду между народами Северного Кавказа. Живя веками в близком соседстве, русские и чеченцы охотно передавали друг другу свои достижения и навыки, накопленные в хозяйстве, материальной и духовной культуре. Оказываемые ими взаимовлияния в дальнейшем все более укреплялись, особенно после Октябрьской революции, принесшей чеченцам, как и всем народам бывшей царской России, освобождение от социального и национального гнета и открывшей им широкие возможности свободного экономического и культурного развития.

³⁹ Газ. «Кавказ», 1875, № 26.

⁴⁰ А. П. Кулебякин, Кунаки (Казачья быль), «Записки Терского о-ва любителей казачьей старины», Владикавказ, 1914, № 2, стр. 74.

⁴¹ Н. Шабаньянц, Захаров Петр Захарович, «Изв. Чечено-ингушского н.-и. ин-та истории языка и литературы», т. II, вып. III, Грозный, 1959.

⁴² А. В. Фадеев, О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России, «Изв. Чечено-ингушского н.-и. ин-та истории, языка и литературы», т. II, вып. I, Грозный, 1960, стр. 28.

SUMMARY

Russo-Caucasian relations date from early times. The Mongol incursion which caused great damage to the peoples of the North Caucasus severed these relations for a long time to come. It was only in the second half of the 16th century that diplomatic and commercial contacts between the Russian state and the Caucasian peoples began to develop rapidly. An important part in this respect was played by the townlet of Terki, founded in the second half of the 16th century on the Terek near its confluence with its tributary, the Sunzha, and also by the Grebni Cossacks who came to settle in this locality, on the right bank of the Terek, somewhat later. The Chechen were among the first peoples of the Eastern Caucasus to establish friendly contacts with their neighbours, the Russian settlers. When the Russians appeared in those parts, the Chechen mostly dwelt in the mountains, although starting with the 15th century they began to descend to the plain, where they formed several tribal settlements. From the time of the settling of the Russians, friendship between the working Cossack population and the Chechen and Ingushes developed on the basis of common labour pursuits, of economic and cultural cooperation. Living side by side, the Cossacks and the Chechen shared the achievements of their material and spiritual cultures. Friendly ties between the Russian settlers on the Terek and Chechen were never broken (not even at the time of the Caucasian War that went on for many years), contrary to the policy of the tsarist administration which strove to fan national discord among the peoples of the North Caucasus. This friendship was further consolidated with the development in the North Caucasus of oil industry, which led to the rise of industrial workers from among the indigenous population.

С. М. АБРАМЗОН

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ И КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ ЗА ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

С чувством законной гордости и глубокого удовлетворения встретил казахский народ в октябре 1960 г. 40-ю годовщину существования своего национального советского государства.

Как известно, 26 августа 1920 г. М. И. Калинин и В. И. Ленин подписали декрет ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. Вскоре, 4 октября того же года, открывшийся в г. Оренбурге первый Учредительный съезд Советов Казахстана провозгласил Казахскую АССР и принял «Декларацию прав трудящихся КАССР»¹. Впервые в истории казахского народа возникло подлинно суверенное казахское государство. Добровольное вступление казахского народа в состав многонациональной Российской Федерации сыграло в его дальнейших судьбах исключительно важную роль.

Возникновению казахской советской государственности предшествовала большая подготовительная работа. В полном соответствии с национальной политикой Коммунистической партии и Советской власти осуществлялись мероприятия по созданию национально-государственных образований, построенных на принципах советской автономии. Исходя из этого, при Народном Комиссариате по делам национальностей в 1918 г. среди других был учрежден «Киргизский отдел», в задачу которого входила подготовка к образованию автономной республики казахского народа. О том, какое важное значение придавало этому начинанию Советское правительство, свидетельствует тот факт, что созданное в августе 1920 г. при Президиуме ВЦИК совещание, обсуждавшее вопросы организации Казахской АССР, проходило под председательством В. И. Ленина².

Провозглашение казахской автономии было лишь первым этапом на пути создания казахского советского государства. Оставалась нерешенной задача воссоединения в этом государстве тех казахских земель, которые входили в состав других государственных образований, в особенности Туркестанской республики. В 1924 г. была решена и эта задача. В результате национально-государственного размежевания Средней Азии подавляющее большинство казахского населения (93,4%) было объединено в пределах Казахской АССР. Тем самым было завершено воссоединение казахского народа в едином национальном советском государстве. Наконец, в 1936 г., в соответствии с новой Конституцией СССР, Казахская АССР была преобразована в союзную республику. Таковы основные вехи на пути развития казахской советской го-

¹ А. Мухтаров, М. Имашев, К истории возникновения казахской советской государственности, «Вестник АН КазССР», 1955, № 11, стр. 10.

² Там же, стр. 4, 8.

сударственности, пройденном за сорок лет. За этот короткий исторический срок сбылись вековые чаяния казахского народа. Они превратились в действительность благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей перед казахами, как и перед другими народами царской России, новую эпоху самостоятельного и свободного развития, строительства жизни на социалистических началах, в условиях дружбы и братского сотрудничества со всеми народами Советской страны.

За истекшие сорок лет казахский народ прошел славный путь борьбы и побед. Нужно было преодолеть ожесточенное сопротивление кулацко-байских элементов советизации казахского аула, провести сложную работу по ликвидации патриархально-феодалных отношений, господствовавших в этом ауле, осуществить социалистические преобразования в хозяйстве, создать современную казахскую социалистическую культуру. Под руководством Коммунистической партии, при благородной и бескорыстной помощи со стороны великого русского народа были разрешены как эти, так и другие задачи социалистического переустройства всей жизни казахов. Непосредственная помощь Советского государства и руководство со стороны русского рабочего класса явились решающими факторами небывалого подъема экономики Казахстана и укрепления братской дружбы казахского и русского народов.

Из типичной колонии царизма, служившей сырьевым придатком центральных промышленных областей России, объектом хищнической эксплуатации для англо-французских концессионеров, Казахстан превратился в одну из крупнейших в СССР цветущую, индустриально-аграрную республику.

Казахскому народу, как и другим народам СССР, пришлось пережить суровые испытания Великой Отечественной войны, в которой он проявил высокое мужество, моральную стойкость и героизм. 101 воину-казаху было присвоено звание Героя Советского Союза. В памяти человечества останется бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев. Своим самоотверженным трудом в тылу трудящиеся Казахстана крепили победу над врагом.

Расположенный на стыке Европы и Азии, Казахстан занимает территорию в 2756,2 тыс. кв. км. Это вторая по величине, после РСФСР, республика Советского Союза. Ее территория больше капиталистической Западной Европы и равна площади, занимаемой Индией³.

Эту страну, в природе которой имеются все переходы от безводных, лишенных жизни, пустынь до мощных ледников, населяет свыше двадцати народов и этнографических групп. В Казахской ССР проживает 9309 тыс. чел., в полтора с лишним раза больше, чем в 1926 г.⁴

Из 3581 тыс. казахов, насчитывающихся в СССР, 2755 тыс., или около 77%, живет на территории Казахстана. Хотя число казахов в Казахской ССР, по сравнению с данными переписи 1939 г., увеличилось на 21%, их удельный вес в общей численности населения республики уменьшился с 38% в 1939 г. до 30% в 1959 г.⁵ Это объясняется большим притоком населения из других республик как во время Отечественной войны, так и особенно в послевоенные годы, в связи с развертыванием промышленного строительства и освоением целинных и залежных земель. В составе населения Казахстана крупное место заняли русские

³ К. И. Сатпаев, Природные богатства Казахстана, выявленные за годы Советской власти, «Вестник АН КазССР», 1957, № 10, стр. 3.

⁴ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР между VIII и X съездами Коммунистической партии Казахстана», Алма-Ата, 1960, стр. 6—8.

⁵ «Об уровне образования, национальном составе и возрастной структуре населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года», Сообщение ЦСУ при Совете Министров СССР, «Правда», 4 февраля 1960 г.; «Вестник статистики», 1960, № 10.

и украинцы. За ними по численности следуют татары, узбеки, белорусы, корейцы, уйгуры, дунгане и ряд других народностей⁶. Все вместе, они составляют дружную семью народов социалистического Казахстана.

В духе дружбы и пролетарского интернационализма воспитывает трудящихся Казахстана Коммунистическая партия, всегда боровшаяся как с проявлениями великодержавного шовинизма, так и с местным буржуазным национализмом.

Одной из характерных особенностей демографии Казахстана является изменение соотношения городского и сельского населения, вызванное высокими темпами индустриализации республики. Если в 1913 г. городское население составляло всего 9,7%, то уже в 1959 г. оно составило 44% всего населения⁷.

* * *

Успешное развитие казахского народа базируется на прочном материальном фундаменте социалистической экономики. Утверждение последней привело к ликвидации сохранявшихся в казахском ауле в первые годы после Октябрьской революции патриархально-феодалных отношений, родоплеменной раздробленности и обособленности, к сплочению и консолидации рассеянных на огромных пространствах кочевых групп в единую казахскую социалистическую нацию.

Низкий уровень развития производительных сил Казахстана в прошлом проявлялся в крайне незначительных размерах промышленного производства, сводившегося к предприятиям полукустарного типа по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и по эксплуатации некоторых месторождений нефти, угля, меди и др. Осуществленная как часть социалистической индустриализации всего Советского Союза, индустриализация Казахстана коренным образом изменила характер его экономики. За годы Советской власти казахский народ с братской помощью русского и других народов СССР на месте разоренной империалистической и гражданской войнами отсталой промышленности невиданными темпами создал мощную индустрию с крупнейшими предприятиями тяжелой, легкой и пищевой промышленности. Если в дореволюционное время промышленность Казахстана производила менее 0,5% продукции всех предприятий России, то в настоящее время Казахстан по выпуску продукции находится на третьем месте среди других союзных республик. По сравнению с 1913 г., выпуск валовой продукции промышленности в республике увеличился в 51 раз⁸, в том числе угля в 353 раза, нефти в 12,5 раза⁹. В Казахстане производится почти в пять раз больше электрической энергии, чем вырабатывалось во всей дореволюционной России¹⁰. Уже к 1940 г. промышленность превратилась в ведущую отрасль народного хозяйства республики. По ряду важнейших отраслей тяжелой промышленности Казахстан занял одно из ведущих мест в общесоюзной промышленности. Он является ныне одной из ос-

⁶ «Об уровне образования, национальном составе и возрастной структуре населения СССР...»

⁷ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1959 года», Сообщение ЦСУ при Совете Министров СССР, «Правда», 10 мая 1959 г.

⁸ «Сорок лет Казахской ССР (1920—1960)», Тезисы отдела пропаганды и агитации: ЦК Компартии Казахстана и Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, «Казахстанская правда», 6 октября 1960 г.

⁹ Б. Я. Двоскин, Т. Ш. Шаукенбаев, Сдвиги в размещении производительных сил Казахстана в семилетие 1959—1965 гг. «Изв. АН СССР, Серия географическая», 1960, № 2, стр. 62.

¹⁰ «Сорок лет Казахской ССР...»

новых составных частей третьей металлургической базы СССР. Здесь получила большое развитие цветная металлургия. Казахстан по праву признан главной базой цветной металлургии в СССР. Среди предприятий этой отрасли промышленности — Балхашский медеплавильный комбинат, выросший на пустынном берегу озера Балхаш и давший первую выплавку меди еще в 1938 г.

К введенным и вводимым в ближайшее время в строй крупнейшим индустриальным объектам металлургической промышленности относятся первый в Казахстане Карагандинский металлургический завод полного цикла («Казахстанская Магнитка») в г. Темир-Тау, первая домна которого уже выдала первый чугун, и Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат в Кустанайской области, производительностью 19 млн. т железной руды в год, Павлодарские алюминиевый завод и завод ферросплавов и другие.

По добыче угля Казахстан занимает следующее место после Донбасса и Кузбасса, и Карагандинский угольный бассейн по праву называют третьей всесоюзной кочегаркой. Сейчас в Караганде вместо прежних примитивных ям работают десятки механизированных мощных шахт. Нет больше и в помине грязных, сырых землянок, в которых раньше, при английских концессионерах, жили рабочие, месяцами не имевшие возможности помыться. Чахотка и цынга, свирепствовавшие в прошлом среди рабочих, успешно ликвидированы. Горняки живут в светлых, просторных многоэтажных домах, почти каждая семья имеет отдельную квартиру с водопроводом, ванной, горячим душем.

Не раз один из крупных английских промышленников, небезызвестный Уркварт, добивался у Советского правительства получения концессии на разработку естественных богатств Казахстана. Он писал, обращаясь в Главконцесском: «Не дадите ли вы мне возможность поковыряться в Киргизской степи, около Балхаша и дальше? Раньше чем через 50 лет, а может быть и 100 лет, вы этими местами все равно не займетесь. А я пойду и, может быть, что-нибудь найду».

Советским людям, руководимым Коммунистической партией, понадобилось всего две первых пятилетки, чтобы в широких масштабах начать освоение богатств Казахстана без помощи иностранных капиталистов.

Наряду с перечисленными выше, в Казахстане возведены Лениногорский полиметаллический комбинат, Джезказганский и Чимкентский заводы цветной металлургии, Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения, Чимкентский завод кузнечно-прессового оборудования, Актюбинский химический завод и ряд других. Быстро растет и энергетика Казахстана.

Среди новых крупных источников электроэнергии — Усть-Каменогорская и Бухтарминская гидроэлектростанции на р. Иртыше. По производству электроэнергии на душу населения Казахстан уже опередил Италию и находится на одном уровне с Японией¹¹.

За истекшие 15 послевоенных лет в Казахстане вступили в эксплуатацию более 500 крупных промышленных предприятий. Ныне Казахстан представляет собой гигантскую строительную площадку. Объем капитальных вложений в народное хозяйство в 1956—1959 гг. составил свыше 57 млрд. руб. — в два с лишним раза больше, чем в 1952—1955 гг.¹² Уже сейчас некогда отсталый Казахстан производит промышленной продукции на душу населения столько, сколько производит Италия¹³.

¹¹ Н. С. Хрущев, Выступление на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «Правда», 24 сентября 1960 г.

¹² «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 143.

¹³ Н. С. Хрущев, Выступление на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Природа Казахстана щедро открыла советским людям свои богатства. Мудрый Джамбул воспел эти богатства родного края в своей песне «Привет народа»:

...Шагает помолодевший Джамбул,
Народу его навсегда отданы
Богатства великой счастливой страны:
Медь Карсакная, свинец Кара-Тау,
Долины цветущего Ала-Тау,
Сокровища белой алтайской руды
И черное золото Караганды,
Эмбы горючей густые фонтаны,
Реки, моря и леса Казахстана,
Хлопок Чимкента, богатство отар,
Душистые яблоки Алма-Ата¹⁴.

В докладе о 40-лети Великой Октябрьской социалистической революции Н. С. Хрущев говорил: «Казахстан является богатейшей кладовой разнообразных природных ресурсов, дающих возможность развить многоотраслевую мощную индустрию».

Еще более захватывающие перспективы открывает перед промышленностью Казахстана семилетний план. Капитальные вложения в 1959—1965 гг. составят 116—119 млрд. руб., или в 2,3 раза больше, чем в предыдущие семь лет. Валовая продукция промышленности возрастет в 2,7 раза, в частности, добыча угля в 1,5—1,6 раза, добыча железной руды в 6,3 раза, выплавка стали в 17 раз и т. п. Появятся такие новые отрасли промышленности, как производство искусственного волокна, экскаваторов, электродвигателей и др. В целях создания более благоприятных условий для развития народного хозяйства намечается осуществить грандиозный план переброски вод Иртыша в Центральный Казахстан¹⁵.

С ростом промышленности шел быстрый процесс формирования национальных кадров рабочего класса. Число постоянных промышленных рабочих-казахов было в прошлом невелико. Значительную часть казахских рабочих составляли приходившие из аулов обедневшие скотоводы и земледельцы, труд которых в промышленности носил сезонный характер. Вместе с ростом социалистической промышленности Казахстана вырос и сложился новый казахский рабочий класс, созданы национальные кадры производственно-технической интеллигенции. Тем самым была преодолена одна из основных трудностей, возникших при осуществлении индустриализации республики, преодолена благодаря огромной помощи русского рабочего класса. Трудящиеся Москвы и Ленинграда приняли шефство над Казахстаном. В Казахстан направлялись тысячи опытных русских рабочих и специалистов из промышленных центров страны. В процессе создания новых промышленных предприятий они обучали молодые кадры казахских рабочих. Часть последних проходила обучение в индустриальных центрах РСФСР, Украины, Азербайджана. В Казахстан непрерывным потоком поступали промышленное оборудование, строительные материалы и т. п. — и в этом также проявилась эффективная помощь русского и других народов СССР в строительстве очагов социалистической индустрии Казахстана.

В 1959 г. в промышленности и строительстве Казахстана было занято 742 тыс. рабочих и служащих¹⁶. Сотни тысяч их составляют казахи. Они овладели самыми сложными профессиями и составляют значительную часть передовиков и новаторов производства, участников дви-

¹⁴ Джамбул Джабаев, Собр. соч., Алма-Ата, 1946, стр. 143.

¹⁵ Б. Я. Двоскин, Т. Ш. Шаукенбаев, Указ. раб., стр. 63, 64, 66.

¹⁶ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР.», стр. 169.

жения за звание бригад и ударников коммунистического труда. Около 1500 коллективов уже завоевали это почетное звание. В 1917 г. среди инженерно-технических работников насчитывалось всего 14 казахов¹⁷. В настоящее время в числе ИТР республики имеется 2021 инженер-казах и 2374 техника-казаха¹⁸.

Для Казахстана, занимающего огромную территорию, совершенно исключительное значение имеет транспорт. До Октябрьской социалистической революции на территории Казахстана имелось всего около 2 тыс. км железнодорожных путей, причем это были, как правило, транзитные магистрали. Первая пятилетка принесла Казахстану Турксиб, а сейчас здесь пролегло уже свыше 10 тыс. км железнодорожных путей¹⁹. В прошлом сотни тысяч кочевников, заброшенных в пустыни Центрального Казахстана, годами почти не сообщались с внешним миром, немногие, увидевшие железную дорогу, в страхе называли ее «чертовой телегой» (шайтан араба). Крупнейшие магистрали перерезают теперь Казахстан во многих направлениях, вызывая к жизни все новые и новые районы, неся культуру в наиболее глухие в прошлом углы. Железнодорожный транспорт дополняется многими тысячами километров воздушных путей, сотнями тысяч километров автомобильных дорог, по которым перевозятся миллионы тонн грузов.

* * *

Неузнаваемым стало сельское хозяйство Казахской ССР. Казахстан в прошлом — страна экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным выпасом скота на подножном корму, с тысячекилометровыми маршрутами ежегодных кочевок, холодными и убогими зимними стойбищами, периодически повторявшимися падежами скота от бескормицы — джутами, уносившими сотни тысяч голов в один год, с примитивным земледелием, в котором господствовали деревянное пахотное орудие — «тис агаш» и борона в виде бревна или связки сучьев, а то и колючки. Лучшие пастбища и пахотные земли, большая часть скота были в руках байской и зажиточной верхушки. Накануне империалистической войны, например, 56% казахских хозяйств Семиреченской области владели лишь 11,8% поголовья скота, имевшегося у казахского населения области. Общинное землепользование, под которым скрывалось глубокое социальное неравенство в казахском ауле, было главной опорой патриархально-феодалных отношений.

Ныне от старого раздробленного казахского аула, находившегося в кабале у бая, по существу ничего не осталось. В Казахстане развивается крупное многоотраслевое высокоорганизованное сельское хозяйство. Но для его создания потребовались огромные усилия всего казахского народа, активная братская помощь русского и других народов СССР.

Победе ленинского кооперативного плана в Казахстане предшествовал ряд важных социально-политических реформ и революционных мероприятий. Создание торговых пунктов-факторий в отдаленных районах, организация сельскохозяйственной кооперации в форме сельскохозяйственных кредитных товариществ, а позднее и таких ее видов, как скотоводческие товарищества и товарищества по совместной обработке земли, способствовали повышению товарности мелких трудовых хозяйств, их материального благосостояния, выработке навыков коллективного труда, борьбе с засильем кулаков и баев-полуфеодалов. Большую роль в подъеме сельского хозяйства сыграла земельно-водная ре-

¹⁷ С. Утамбетов. Культурная революция в Казахстане, Сб. «Некоторые вопросы истории Советского Казахстана (к 40-летию Казахской ССР)», Алма-Ата, 1960, стр. 94.

¹⁸ О. А. Байконуров, Подготовка инженерно-технических кадров для промышленности республики. «Некоторые вопросы истории Советского Казахстана», стр. 159.

¹⁹ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 136.

форма 1921—1922 гг., преследовавшая цель возвращения казахскому населению земли, ранее переданной царской администрацией и органами Временного правительства помещикам и кулакам-переселенцам. В результате земельно-водной реформы трудящиеся-казахи получили свыше 470 тыс. га земли²⁰. Повышение классового самосознания трудящихся и освобождение их от патриархально-феодалных пережитков обеспечивалось проведением в 1925—1929 гг. мероприятий по советизации казахского аула. В широких масштабах осуществлялось плановое землеустройство казахских хозяйств. Важное значение имел передел сенокосных и пахотных угодий, происходивший в 1926—1927 гг. в условиях острой классовой борьбы. Трудовые хозяйства казахов получили в свое распоряжение 1360 тыс. га сенокосов и 1250 тыс. га пахотных угодий, которыми владели байские и зажиточные хозяйства²¹. Вскоре после этого, в 1928 г., в интересах трудового казахского крестьянства Советское государство провело конфискацию скота у 696 крупных баев-полufeодалов. 25 тысяч бедняцких и батрацких хозяйств были наделены скотом в количестве 145 тыс. голов. Они получили также отобранные у баев сельскохозяйственные орудия, постройки и транспортные средства²².

Все это вместе с успехами социалистической индустриализации и опытом ранее возникших совхозов и колхозов подготовило казахское крестьянство к переходу на новый этап кооперативного строительства — к коллективизации. Это строительство осуществлялось в условиях преобладания кочевого образа жизни у значительной части казахов, что не могло не наложить своего отпечатка на темпы и методы кооперирования. 75,5% казахов вели до коллективизации кочевое пастбищное хозяйство²³. Обобществление скота открывало путь к более рациональной организации, к более эффективному использованию труда в условиях отгонного животноводства²⁴. Особое значение коллективизации для казахского народа состояло в том, что она создавала предпосылки для решительной ликвидации патриархально-феодалных отношений и перехода к оседлости. Кочевой образ жизни консервировал самые отсталые формы патриархально-родового быта, веками служил опорой раздробленности, застойности и рутинности хозяйства и социального строя²⁵. Еще сильные в то время патриархально-феодалные обычаи сами по себе были серьезным тормозом для оседания казахов-кочевников. Особенностью коллективизации сельского хозяйства в Казахстане и явилось проведение ее одновременно с планомерным массовым переводом на оседлость сотен тысяч кочевых и полукочевых казахских хозяйств.

В этом историческом для казахского народа преобразовании всего социально-экономического уклада выдающуюся роль сыграла многообразная помощь со стороны Советского государства, помощь русских рабочих и крестьян. Важное значение имела созданная в Казахстане сеть машинно-сенокосных станций (МСС). Свыше 1200 рабочих из числа двадцатипяти тысячников были присланы сюда из центральных районов страны в помощь колхозам, МТС и МСС, партийным и советским организациям. Русские колхозы посылали в районы оседания бригады инструкторов. Русские колхозники учили казахов способам ведения

²⁰ Ш. Юсупов, Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости, «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 35.

²¹ Т. Джакупов, Т. Ишмухамедов, Расцвет социалистического сельского хозяйства Казахстана, «Вестник АН КазССР», 1957, № 10, стр. 30.

²² Ф. И. Колодин, Осуществление ленинского кооперативного плана в Казахстане, «Изв. АН КазССР, Серия истории, археологии и этнографии», в. 1, 1960, стр. 37.

²³ Ш. Юсупов, Указ. раб., стр. 35.

²⁴ Там же, стр. 36.

²⁵ Л. Карасаев, О политических и экономических предпосылках формирования казахской социалистической нации, «Вестник АН КазССР», 1957, № 10, стр. 24.

земледельческого хозяйства, прививали им навыки оседлого быта²⁵. В первый же год планового перевода кочевников на оседлость мероприятиями по оседанию было охвачено 50 тыс. хозяйств. В последующие годы была проведена еще более интенсивная работа в этом направлении. Более ста тысяч семей были обеспечены постоянными жилищами²⁷. К концу второй пятилетки переход казахов-кочевников на оседлость был в основном завершен. В казахском ауле победили коллективные формы хозяйства, утвердился прочный оседлый быт. На основе сплошной коллективизации деревни и аула были ликвидированы как класс кулачество и байство. Вместо миллиона с лишним раздробленных индивидуальных хозяйств в Казахстане ныне существуют 1484 коллективных хозяйства, 836 крупных зерновых, животноводческих, хлопководческих и других совхозов, 196 ремонтно-технических станций²⁸. На огромных пространствах степей, долин и предгорий Казахстана в 1959 г. было размещено около 28 млн. га посевных площадей — на 288% больше, чем в 1953 г. Такой резкий скачок в величине посевных площадей был результатом начатой по инициативе ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева всенародной борьбы за освоение целинных и залежных земель. Трудящимися Казахстана совместно с прибывшими по призыву партии из других братских союзных республик патриотами, среди которых преобладала молодежь, было освоено более 23 млн. га целинных и залежных земель. Это дает возможность ежегодно производить до полутора миллиардов пудов зерна. Казахстан превратился во вторую после РСФСР житницу Советской страны.

Эти результаты были достигнуты благодаря самоотверженной борьбе советских людей и щедрой помощи со стороны государства. В освоение новых земель в Казахстане за 1954—1959 гг. было вложено около 20 млрд. руб., причем за эти же годы не только были покрыты все расходы, но и получено более 18 миллиардов чистого дохода. Были созданы сотни новых совхозов — фабрик зерна. Для покорения целины в Казахстан в течение 1954—1956 гг. направились 640 тысяч новоселов — механизаторов и специалистов сельского хозяйства²⁹. Такие масштабы организации производства товарного зерна под силу только социалистическому строю. Решающее значение в этом крупнейшем хозяйственно-политическом мероприятии имело оснащение совхозов и колхозов мощной техникой.

Еще в 1927 г. в Казахстане один плуг приходился на 5, одна жнейка — на 15, одна сеялка — на 1200 хозяйств! В настоящее время на полях совхозов и колхозов работает около 300 тысяч тракторов, до 100 тысяч комбайнов и много других сложных сельскохозяйственных машин³⁰. Среди механизаторов и других рабочих совхозов 26% составляют казахи³¹.

За выдающиеся успехи в деле подъема целины и создания новой крупной зерновой базы Казахская ССР и ряд ее областей награждены орденом Ленина.

Наряду с освоением целинных и залежных земель в северной части Казахстана, развернулись большие работы по преобразованию пустынь. Упорным трудом бывших кочевников-казахов и прибывших сюда за последние 30 лет крестьян многих других национальностей бесплодная Голодная степь на юге Казахстана превращается в богатый район воз-

²⁵ Ш. Юсупов, Указ. раб., стр. 41.

²⁷ Там же, стр. 42, 45—46.

²⁸ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 25.

²⁹ «Сорок лет Казахской ССР...»; Ф. И. Колодин, Указ. раб., стр. 47.

³⁰ С. Б а и ш е в, Расцвет экономики Советского Казахстана, «Доклады делегации ССРСР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960, стр. 8.

³¹ «Вестник статистики», 1960, № 10.

делывания хлопка. На иссушенной солнцем земле организовались колхозы, возникли совхозы, построены оросительные каналы. Земля стала давать обильные урожаи хлопка. На смену закопченным юртам пришли светлые новые дома. Колхозные и совхозные поселки озеленены, здесь заложены сады и виноградники. В ближайшие 5—6 лет в Голодной степи намечено освоить 100 тыс. га целинных и залежных земель, на которых будет создано десять новых крупных хлопководческих совхозов.

Радикальные изменения произошли и в животноводстве республики. Казахстан превратился в основную базу социалистического животноводства на востоке СССР. Умело используя вековой опыт выращивания скота, казахские животноводы широко применяют отгонный выпас скота на обширных пастбищах республики, сочетая его с последними достижениями сельскохозяйственной науки. Свыше 35 млн. голов различных видов скота пасется на пространствах Казахстана³².

Социалистические преобразования экономики Казахстана принесли трудящимся ощутимые материальные результаты. Если в 1953 г. доходы колхозов республики составляли всего 2134 млн. руб., то в 1958 г. они выросли до 7030 млн. руб.³³ На конец 1953 г. остаток вкладов в сберегательных кассах Казахской ССР составлял 773,8 млн. руб., а на конец 1959 г. он выражался уже в сумме 3150,3 млн. руб.³⁴ В течение 1952—1955 гг. сельским населением Казахстана было возведено 119 тыс. новых домов, а государственными и кооперативными организациями в городах были построены дома с жилой площадью 4730 тыс. кв. м. В 1956—1959 гг. в сельских местностях была сооружена уже 201 тыс. домов, а в городах — дома на 10767 тыс. кв. м. жилой площади³⁵. По сравнению с 1953 годом в 1959 г. резко увеличилась продажа населению продовольственных и промышленных товаров. Эти факты, не говоря уже о многих других, неоспоримо свидетельствуют о неизмеримо возросшем жизненном уровне населения Казахстана. Рабочие, колхозники и интеллигенция живут в достатке, их одежда и питание непрерывно улучшаются, и это не может не вызвать у них чувства гордости, когда они оглядываются на свое прошлое.

Голодной, беспросветной, нищенской была жизнь казаха-бедняка до Октябрьской революции. Житель аула № 4 Магбельской волости Казалинского уезда Сулейман Тулы рассказывал в свое время: «Я с молодых лет был пастухом лошадей, а так как хозяева кормили меня очень плохо и я сыт никогда не был, то я, глядя на скотину, стал понемногу употреблять в пищу траву»³⁶. Не менее выразительное описание жизни обездоленных бедняков и батраков давали русские статистики: «...Положение этих бедняков незавидное и крайне приниженное. Получают они за свою работу и службу деньгами или натурой, пропитанием очень мало и терпят во всем крайний недостаток. Сами хозяева относятся к этим, своего рода париям, с полнейшим презрением, не пускают их дальше порога, не дают, а бросают им, как псам, обглоданные кости, и эти несчастные, действительно, как собаки, валяются на земле, в углу юрты и ловят бросаемые им объедки. К общим молитвам хозяева их не допускают, как нечистых»³⁷.

Эта мучительная жизнь отошла в прошлое. Можно было бы привести множество примеров того, как бывшие пастухи, бедняки и батраки поднялись от голода к зажиточной жизни. Но для этого пришлось бы пи-

³² «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 68—69.

³³ Ф. И. Колодин, Указ. раб., стр. 49.

³⁴ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 204.

³⁵ Там же, стр. 144.

³⁶ «Тургайская газета», 1895, № 16.

³⁷ «Киргизское хозяйство в Акмолинской области». т. II, Омский уезд. Повторное обследование 1908 г., СПб., 1910, стр. 48—49.

сать о многих десятках и сотнях тысяч семей, ибо широчайшие массы казахского народа осуществили революционный скачок от патриархально-феодальной отсталости и средневековья, темноты и голодного прозябания до уровня граждан одной из передовых социалистических республик.

* * *

Ярким показателем того, что всего лишь за сорок лет казахский народ прошел путь, равный многим столетиям, служит культурная революция, осуществленная в Казахстане. До Октябрьской революции среди казахов едва насчитывалось два процента грамотных, да и те были преимущественно выходцами из семей чиновников, баев, духовенства. Царское правительство сознательно задерживало развитие народного просвещения и национальной казахской культуры в целом. В 1840—1850-х гг. в Букеевской орде и Оренбурге были открыты первые школы для казахских детей, но туда принимали только детей султанов и биев. Позднее было открыто несколько сот так называемых русско-киргизских школ. Хотя главной их задачей была подготовка писарей и переводчиков для аппарата местной администрации, школы сыграли большую положительную роль в приобщении казахской молодежи к русской культуре. Одним из крупных организаторов народного просвещения в Казахстане, поборником сближения казахского народа с русским, талантливым педагогом и автором первых учебников для казахских школ был Ибрай Алтынсарин (1841—1889). Однако число казахских детей, получавших светское образование, было невелико. В 1913—1915 гг. в Казахстане насчитывалось всего 2011 общеобразовательных школ, в которых обучалось 105,2 тыс. детей, в том числе лишь 7900 казахов. Большинство же казахских детей проходило «курс» религиозного обучения в аульных школах — мектебах, не дававших никаких положительных знаний. Часть школ существовала при мечетях и медресе. Казахский язык, особенно с конца XIX в., запрещался в служебных сношениях. За 80 лет царским правительством на народное образование в Казахстане было израсходовано всего по 6 руб. 60 коп. на человека... Даже в 1920 г. там насчитывалось всего 2,8% грамотных казахов.

В Советском Казахстане была проведена огромная работа по ликвидации неграмотности, созданию сети школ, подготовке учительских кадров, изданию учебников. Уже к 20-летию Казахской ССР неграмотность в республике была в основном ликвидирована³⁸. Ныне осуществляется переход к всеобщему восьмилетнему обучению. В 1959/1960 учебном году в Казахской ССР насчитывалось 10258 общеобразовательных школ (в том числе 1325 средних), в которых обучалось 1 630 804 человека³⁹.

Для казахской молодежи стало доступно не только среднее общее, но и специальное, и высшее образование. До Октябрьской революции на территории Казахстана не было ни одного высшего учебного заведения. В 1927 г. возник первый вуз — Педагогический институт им. Абая, а в 1934 г. был создан Казахский университет. Выражением братской помощи народов СССР было предоставление казахской молодежи возможности обучаться в вузах РСФСР, Украины, Узбекистана. В 1933—1934 гг. в РСФСР проходили обучение 3200 студентов-казахов⁴⁰. Теперь же в самом Казахстане насчитывается 27 вузов, в кото-

³⁸ Х. Бисенов и Р. Сулейменов, Торжество ленинских идей культурной революции, «Изв. АН КазССР, Серия археологии, истории и этнографии», в. I, Алма-Ата, 1960, стр. 57.

³⁹ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 183.

⁴⁰ Х. Бисенов и Р. Сулейменов, Указ. раб., стр. 76.

рых учится более 70 тысяч студентов⁴¹. Кроме того, в 141 техникуме и других средних специальных учебных заведениях обучается 81,5 тыс. молодых людей. На каждые 10 тысяч населения в Казахстане приходится 75 студентов, тогда как во Франции всего 36, а в Италии — 32⁴².

Некоторые буржуазные публицисты и «ученые» утверждают, что существует «дискриминация... в отношении казахов в деле получения высшего и технического образования». Вот лишь один из многих примеров, опровергающих эти измышления. В 1957 г. в Казахском государственном университете обучалось 3770 человек, среди них — 1550 казахов⁴³. Среди студентов во всех вузах республики казахи составляют ныне 38%⁴⁴.

Благодаря успехам, достигнутым в области народного образования в Казахстане, была решена одна из главных задач социалистического строительства — создание национальных кадров трудовой интеллигенции. В формировании казахской советской народной интеллигенции достигнуты поразительные результаты. На 1 декабря 1959 г. в Казахстане насчитывалось 112,5 тысяч специалистов с высшим образованием и 193,6 тысяч со средним специальным образованием. Нельзя не отметить при этом, что среди казахской интеллигенции почетное место занимают женщины, в недалеком прошлом бесправные и безропотные «домашние рабыни». 8093 казашки имеют высшее и 10812 — среднее специальное образование⁴⁵.

Рост грамотности и образования привел к тому, что печатное слово заняло в духовной жизни казахского народа выдающееся место. В дореволюционном Казахстане издавалось всего 11 газет с незначительным тиражом. Некоторое число периодических изданий выписывалось из центральной России.

В Казахской ССР выпускается 325 республиканских, областных, городских, районных и других газет и журналов с разовым тиражом свыше 1,5 млн. экземпляров⁴⁶. Около половины газет и журналов выходит на казахском языке. Издательства республики выпускают ежегодно свыше 1500 названий книг тиражом 18 млн. экземпляров. Такое широкое распространение печати стало возможным благодаря достигнутым после Октябрьской революции крупным успехам в развитии казахского литературного языка, основы которого были заложены классиком казахской литературы, великим поэтом Абаем Кунанбаевым (1845—1904). Ему, мастеру казахской поэзии, выпало на долю стать основоположником казахской письменной литературы. Но Абай был не только поэтом, он был и философом, просветителем, композитором, передовым деятелем своего народа, сумевшим в тяжелые годы царского режима увидеть тот путь, на который он звал родной народ, — путь сближения с русской культурой. Он писал в своих «Назиданиях»: «Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче»⁴⁷.

Абай Кунанбаев любил и ценил русскую классическую литературу: он первый перевел на казахский язык произведения Пушкина, Лермон-

⁴¹ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 185.

⁴² «Сорок лет Казахской ССР...»

⁴³ С. Утамбетов, Указ. раб., стр. 95.

⁴⁴ «Сорок лет Казахской ССР...»

⁴⁵ «Народное хозяйство и культура Казахской ССР...», стр. 174—175.

⁴⁶ «Сорок лет Казахской ССР...»; Х. Бисенов и Р. Сулейменов, Указ. раб., стр. 71.

⁴⁷ Леонид Соболев, Абай Кунанбаев, «Правда», 5 сентября 1954 г.

това, Крылова. Он был родоначальником новой, демократической казахской поэзии. Свое творчество Абай сочетал с большой общественной деятельностью, твердо отстаивая интересы обездоленных и угнетенных и страстно обличая феодальную знать, богачей и чиновников.

Прямыми продолжателями демократических традиций Абая были писатели начала XX вв.: С. Торайгыров, С. Донентаев, С. Кубеев, М. Сералин.

Наследие Абая и богатое народное устно-поэтическое творчество были тем драгоценным фундаментом, на котором после Октябрьской революции выросло прекрасное здание казахской художественной литературы. Ныне она является одним из крупных и сильных отрядов многонациональной советской литературы. Если в 1936 г. Союз писателей Казахстана объединял всего 30 членов, то в 1958 г. в нем состояло 180 человек⁴⁸. Казахская литература развивает высокие идеи гуманизма и дружбы народов⁴⁹. Плодотворному влиянию русской классической и советской литературы обязана казахская литература теми высотами, которых она достигла. Глубокое идейное и художественное воздействие произведений Горького, Маяковского, Д. Бедного, Шолохова испытали на себе крупнейшие современные казахские писатели: Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов (романы «Ботагоз», «Сыр-Дарья»), Габит Мусрепов («Солдат из Казахстана», «Пробужденный край»), Габиден Мустафин (романы «Караганда», «Миллионер»).

Выдающаяся роль в развитии национальной литературы принадлежит М. Ауэзову, видному мастеру социалистического реализма, академику, исследователю родной литературы, основоположнику абаеведения. М. Ауэзов — один из зачинателей казахской советской прозы и драматургии. Наибольшую известность приобрела его эпопея в четырех книгах «Абай» и «Путь Абая», удостоенная Сталинской и Ленинской премий. Роман об Абае пользуется широкой известностью далеко за пределами Советского Союза, он переведен на многие иностранные языки. Его с полным правом можно назвать энциклопедией казахской народной жизни второй половины XIX в. Крупнейший писатель и ученый, М. Ауэзов является и видным общественным деятелем — он депутат Верховного Совета Казахской ССР.

Серьезных успехов достигли и другие жанры казахской литературы, в частности, поэзия и драматургия. Получило новые стимулы для своего развития и творчество народных поэтов-акынов. В 1930-х годах приобрело широкую известность талантливое патриотическое творчество старшего акына Джамбула Джабаева.

Лучшие произведения казахских поэтов и писателей переведены и изданы на русском и других языках народов СССР, братских социалистических и других стран. Вместе с тем, большое число произведений русской и мировой литературы как классической, так и современной, особенно советской, опубликовано в переводах на казахский язык. Казахи читают на родном языке не только произведения Л. Толстого, Пушкина, Горького, но и бессмертные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Чрезвычайно широко среди казахов стремление к овладению русским языком, который уже стал признанным вторым родным языком для значительной части казахской социалистической нации.

Подлинный расцвет переживает казахское искусство, представители которого выросли из гущи трудового народа. Черпая из богатейших источников народной художественной культуры, они вместе с тем обогащают казахское искусство лучшими достижениями классического русского и мирового искусства. До революции в Казахстане не было ни

⁴⁸ Х. Бисенов и Р. Сулейменов, Указ. раб., стр. 70.

⁴⁹ Н. Джандильдин, К новому подъему литературы и искусства, «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 2, стр. 18.

одного театра и музыкального учреждения. Сейчас здесь насчитывается девятнадцать театров, четыре филармонии, Государственная консерватория, шесть средних музыкальных учебных заведений, театрально-художественное училище. Всего несколько десятков лет назад у казахов. ведших кочевой образ жизни, художественное творчество было представлено только устной поэзией, одногласным пением, а также прекрасными образцами орнаментального искусства, мастерством солистов-инструменталистов, исполнявших свои произведения на несложных народных инструментах — домбре, смычковом кобызе. Сегодня казахское искусство поднялось в своем развитии до национальной оперы, хореографии, симфонической музыки, драматического искусства, кинематографии, живописи, скульптуры и графики⁵⁰.

Еще в 1936 г., во время первой декады казахское искусство было представлено лишь одним музыкально-драматическим театром. На второй декаде казахского искусства и литературы (1958 г.) профессиональное искусство казахов продемонстрировало свою зрелость во всех жанрах и видах, свежесть и самобытность творчества многочисленных кадров певцов, музыкантов, композиторов, художников, артистов драмы и т. д. Шести выдающимся деятелям искусства Казахстана — Ш. Айманову, Р. Джамановой, К. Куанышпаеву, Е. Серкебаеву, М. Тулебаеву и В. Харламовой за их большие достижения было присвоено почетное звание Народных артистов Союза ССР. Яркими национальными спектаклями на декаде был представлен театр оперы и балета им. Абая: операми «Биржан и Сара» (муз. М. Тулебаева), «Абай» (муз. А. Жубанова и Л. Хамиди), балетом «Дорогой дружбы» (муз. Н. Глендеева, Л. Степанова и Е. Мацаева). Зрителям был показан также балет Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Порадовал своим мастерством и Казахский академический театр драмы, показавший пьесу казахского драматурга А. Тажибаева «Одно дерево — не лес» и «Укрощение строптивой» В. Шекспира. Большую радость доставил слушателям великолепный республиканский оркестр казахских народных инструментов им. Курмангазы, созданный в середине 1930-х гг. Он исполняет не только казахскую национальную музыку, но и русскую, и западную классику.

В национальной казахской культуре музыка занимает видное место. Она отличается богатством мелодий и жанров и опирается на народную песню. В творчестве крупнейших народных певцов и музыкантов XIX в. — Курмангазы, Биржана, Жаяу Мусы и особенно Абая — отразилось тяготение к русской музыке⁵¹. Казахская народная музыка характерна своеобразным симфонизмом. В настоящее время в музыкальной культуре Казахстана тесно сочетается творчество народных музыкантов — Исы Байзакова, Дины Нурпеисовой и других — и современных композиторов, среди которых, кроме названных, должны быть упомянуты автор симфонических произведений, лирических — песен, оперы «Дударай» и др. Е. Брусиловский, автор симфонической поэмы «Ризвангуль» и оперы «Назаугум» уйгурский композитор К. Кужамьяров, первая казахская женщина — профессиональный композитор Газиза Жубанова, сочинившая концерт для скрипки с оркестром. Создана и Казахская капелла, в которой работает молодой хормейстер и дирижер Г. Ахметова.

В 1936 г. в Казахстане еще не было киноискусства. Но вскоре казахское искусство обогатилось первым национальным кинофильмом «Амангельды», выпущенным одновременно на русском и казахском языках. Исполнителями главных ролей фильма, рисующего славный путь народ-

⁵⁰ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 16.

⁵¹ В. Виноградов, Под впечатлением от прошедшей декады, «Советская музыка», 1959, № 2, стр. 59.

ного героя Амангельды Иманова, боровшегося в дни народно-освободительного восстания 1916 г. и в годы гражданской войны за свободу и счастье своего народа, были казахские артисты. Во время декады казахского искусства 1958 г. демонстрировалось около 20 художественных и документальных фильмов производства Алма-Атинской киностудии.

Союз художников Казахстана возник только в 1933 г., но в дни декады 1958 г. в Москве было показано свыше 500 полотен, скульптур и произведений прикладного искусства местных художников. Среди них — пейзажи народного художника Казахской ССР А. Кастеева, Н. Тансыкбаева, жанровые картины К. Тельжанова, С. Мамбеева, М. Кентаева, скульптуры Х. Наурузбаева и др.

В Казахстане получила широкое развитие деятельность различных культурно-просветительных учреждений, число которых в дореволюционном прошлом было ничтожным. Так, в 1913 г. во всем Казахстане было всего 140 библиотек. Сейчас их насчитывается в 90 с лишним раз больше — свыше 13 тысяч. В Казахской ССР работает более 200 дворцов и домов культуры, около 5 тыс. клубов, 27 тыс. коллективов художественной самодеятельности, до 3 тыс. кинотеатров и киноустановок, 21 музей⁵². В настоящее время в республике получили распространение новые формы общественной самодеятельности в области культуры в виде десятков народных университетов культуры и народных театров.

До Октябрьской революции в самом Казахстане науки в собственном смысле слова не было. Имелось лишь несколько небольших научных ячеек, среди которых важнейшее место занимали отделения Русского географического общества. Блестящая плеяда русских ученых проводила на территории Казахстана свои экспедиционные исследования. Они внесли серьезный вклад в изучение производительных сил Казахстана и культуры казахского народа. Среди них — А. И. Левшин, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Радлов, Г. Н. Потанин и другие. Выдающееся значение имели исследования первого казахского ученого, талантливого востоковеда — Чокана Валиханова (1835—1865). Его труды по географии, истории, этнографии и фольклору Казахстана, Киргизии и Кашгарии (территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР), отличавшиеся большой эрудицией, тонкими наблюдениями и серьезными обобщениями, не потеряли своего значения до настоящего времени. Однако Ч. Валиханов был одиночкой.

Успехи, достигнутые в области развития экономики, народного просвещения, воспитания национальных кадров интеллигенции, создали благоприятные условия для бурного развития в Казахстане научных исследований. На базе существовавшего здесь филиала Академии наук СССР в 1946 г. была создана Академия наук Казахской ССР, в составе которой в настоящее время имеются 48 учреждений, в том числе, 22 научно-исследовательских института. Здесь работает свыше 3,5 тыс. научных и научно-технических сотрудников, в том числе 98 докторов и 517 кандидатов наук. Среди них выдающиеся казахские ученые — лауреат Ленинской премии К. И. Сатпаев (Президент Академии наук), Х. Ж. Жуматов, Н. Р. Базанова, М. О. Ауэзов, имена которых приобрели известность далеко за пределами Родины⁵³. Кроме Академии наук, в Казахской ССР работают Академия сельскохозяйственных наук, Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР, Казахский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и много других научных учреждений. Важно отметить, что из числа казахов-ученых 23 имеют звания и степени профессоров и докторов наук и более 300 —

⁵² «Сорок лет Казахской ССР...»; С. Утамбетов, Указ. раб., стр. 107.

⁵³ Х. Бисенов и Р. Сулейменов, Указ. раб., стр. 68.

доцентов и кандидатов наук⁵⁴. В развитии науки в Казахстане, в создании научных учреждений большую роль сыграла помощь русских ученых, Академии наук СССР.

Значительны достижения ученых Казахстана в области геологии и геофизики, металлургии, астрономии, биологии и других точных и естественных наук. Представителями гуманитарных наук также добились больших результатов. Историками создан обобщающий труд «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (2 тома), археологи открыли много ценных памятников древних культур, в том числе — эпохи палеолита; языковеды разработали казахскую письменность и орфографию, составили грамматику, двязычные словари и т. д.

Заслуживают большого одобрения труды этнографов Казахстана. За последние 7—8 лет в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР сложился коллектив этнографов, большинство которых было подготовлено в аспирантуре Института этнографии АН СССР. С конца 1940-х годов регулярно организуются этнографические экспедиции в различные области Казахстана. В результате накоплены обильные материалы, характеризующие культуру и быт различных групп казахского населения. Часть этих материалов уже опубликована. Один из сборников, содержащих эти публикации, посвящен современному быту казахского и уйгурского колхозного крестьянства⁵⁵, другой — историко-этнографической тематике⁵⁶. Кроме того, этнографами напечатан ряд отдельных исследований⁵⁷.

В 1959 г. казахстанские этнографы приступили к монографическому изучению современного быта колхозников селения Чубар (колхоз им. Сталина) Талды-Курганского района Алма-Атинской области. Перед ними стоит увлекательная задача — всесторонне описать культуру и быт колхозников одного из передовых колхозов Казахстана. Его денежный доход, составлявший в 1953 г. 4,5 млн. руб., достиг в 1960 г. 17 млн. руб. До 30% своих доходов колхоз отчисляет на капитальное строительство. В период организации колхоза в ауле Чубар стояло 30 юрт. Теперь на его месте вырос огромный поселок. Строительной бригадой

⁵⁴ М. Батырбеков, Торжество ленинской национальной политики в Казахстане, Сб.: «Некоторые вопросы истории Советского Казахстана (к 40-летию Казахской ССР)», стр. 60.

⁵⁵ В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк); И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбулской областей); Н. С. Сабитов, Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников; Р. Д. Ходжаева, Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 3, Этнография, Алма-Ата, 1956).

⁵⁶ И. В. Захарова, Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг.; Х. Аргынбаев, Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX века (По материалам Восточного Казахстана); М. С. Муканов, Ковровое производство и его орнаментика; Э. А. Масанов, Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX века; В. В. Востров, Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров (По материалам экспедиции 1955 г.); Н. А. Оразбаева, Искусство резьбы по кости у казахов; М. С. Муканов, Резьба по дереву у казахов; Г. И. Семенов, Рабство в Казахстане в XV—XIX веках; Э. А. Масанов, Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 6, Этнография, Алма-Ата, 1959).

⁵⁷ См., например: И. В. Захарова, Этнографическое изучение Казахстана за годы советской власти, «Изв. АН КазССР, Серия истории, экономики, философии, права», 1956, вып. 3; В. В. Востров, К вопросу о пережитках древних верований у казахов, «Изв. АН КазССР, Серия истории археологии и этнографии», 1959, вып. 2; его же, К истории развития оседлого жилища у казахов, «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана» (в печати); И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Претворение в жизнь ленинских идей о раскрепощении женщин (По материалам Казахстана), «Изв. АН КазССР, Серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 1.

колхоза за последнее время возведено пятьсот новых типовых благоустроенных домов, крытых шифером. В большинстве из них имеется паровое отопление, они электрифицированы и радиофицированы. В селе построены своя больница, родильный дом, детский сад и ясли на 300 детей. В средней школе дети занимаются на казахском и русском языках. Среди других культурно-бытовых учреждений — гостиница, музей, баня, парикмахерская. К услугам колхозников столовая, продовольственный магазин, ателье мод, кинотеатр, библиотека с читальным залом, парк Мира. Колхоз сооружает свой Дворец культуры стоимостью в несколько миллионов рублей. Но уже сейчас на сцене сельского клуба созданный здесь народный театр поставил оперу «Ер-Таргын».

К колхозникам пришла зажиточная и культурная жизнь. Средний годовой заработок колхозника составляет 15—20 тыс. руб., каждая семья получает вдоволь хлеба, молока, овощей, фруктов. В колхозе работает около пятидесяти учителей, агрономов и зоотехников, инженеров, врачей и других представителей интеллигенции, многие из которых являются местными уроженцами⁵⁸.

Этнографы Казахстана внесли значительный вклад в решение одной из самых важных задач, стоящих перед советской этнографической наукой, — изучение изменений социально-бытового и культурного уклада народов СССР, произошедших и происходящих в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Глубокие преобразования экономики и культуры Казахстана коснулись и такой важной области, как охрана народного здоровья. В дореволюционном Казахстане одна больничная койка приходилась на 3 тыс. жителей, один врач — на 40 тысяч, а в аулах и селах — на 60—80 тысяч. В настоящее время в Казахстане насчитывается около 1700 больничных учреждений и более 1500 амбулаторий и поликлиник, свыше 12 тыс. врачей; один врач приходится на 744 жителя. 50 санаториев и 25 домов отдыха обслуживают трудящихся Казахстана. Все это обеспечивает снижение заболеваемости населения, снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни.

* * *

За короткий срок — 40 лет — казахский народ, руководимый Коммунистической партией, при братской помощи русского и других народов СССР, с которыми он сплотился в единую семью строителей нового общества, покончил с вековой отсталостью, нищетой и невежеством, унаследованными от царского режима, преобразовал свою жизнь на началах социализма, изменил свой духовный облик и поднял свою страну — Казахскую ССР — до уровня самых передовых, развитых в экономическом и политическом отношениях стран. Опыт строительства социализма в Казахстане, осуществляемого на основе ленинской национальной политики, показывает народам колониальных и зависимых стран, чего может достигнуть народ, освободившийся от оков колониализма и ставший на путь свободного национального развития.

Апологеты колониализма, пытаясь преуменьшить замечательные успехи в экономическом и культурном развитии отсталых в прошлом народов СССР, клеветают на национальную политику Советской власти. Американские и другие буржуазные ученые типа Ричарда Пайпса⁵⁹ в своих исследованиях пытаются отождествить национальную политику

⁵⁸ Н. Дышлова, Сегодня колхозного Чубара, «Казахстанская правда», 30 октября 1960 г.; М. Буренков, Ю. Феофанов, Сельский интеллигент, «Советы депутатов трудящихся», 1960, № 4, стр. 86—88.

⁵⁹ Richard Pipes, Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects, «The Middle East Journal», Washington, p. I, vol. 9, № 2, spring 1955; p. II, vol. 9, № 3, summer 1955.

Советской власти с колониальной политикой царизма, утверждают будто национальные традиции народов Средней Азии и Казахстана «ущемляются». «Знаток» Казахстана д'Анкосс ищет в Средней Азии и Казахстане некую единую тюркскую нацию, отрицает самостоятельное существование казахской и других социалистических наций, «находит» в Казахстане изобретенные ею расовые конфликты⁶⁰. Буржуазный националист эмигрант Баймирза Хаит в своем «труде» («Туркестан в XX столетии») проливает крокодиловы слезы по поводу того, что казахи строят свои дома «в русском стиле», а молодежь носит «русскую одежду»⁶¹.

Невиданный по объему и темпам рост производительных сил Казахстана, расцвет материальных и духовных сил казахского народа, далеко не в полной мере освещенные в настоящей статье, начисто опровергают клеветнические измышления колонизаторов и расистов.

SUMMARY

Forty years ago a truly sovereign Kazakh state, a Soviet state, emerged among the Kazakh people for the first time in their history. Its rise was made possible by the Great October Socialist Revolution. V. I. Lenin personally took part in creating the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic.

Since then the Kazakh people have effected the revolutionary transition from patriarchal-feudal backwardness and ignorance to the level of an advanced socialist nation. This transition was made possible by a steady implementation of the principles of Lenin's national policy by the Communist Party of the Soviet Union, by the disinterested aid on the part of the Russian people and other peoples of the USSR.

One of the most destitute and oppressed colonies under the tsarist regime, Kazakhstan today is a land possessing a powerful industry and a large-scale mechanized agriculture, a land of comprehensive literacy and high cultural standards. In its industrial output, the Kazakh Republic ranks third among the other Soviet Republics. The building of the Karaganda Metallurgical Works and other industrial enterprises makes Kazakhstan a major component of the third metallurgical base of the USSR. The growth of industry has promoted the rise of the Kazakh working class: 19% of the Kazakh population are today occupied in industry, construction and other non-agricultural branches of the Republic's economy.

Of tremendous importance for the development of the agriculture of Kazakhstan was the transition to collective farming, effected simultaneously with the mass transition of the nomad Kazakh population to a settled way of life. In recent years the nature of agriculture in the Republic was entirely transformed following the opening up of virgin and unused lands, carried out on a vast scale. The establishment on these lands of hundreds of new grain-growing state farms is a clear manifestation of friendship and fraternal aid among the Soviet peoples. Kazakhstan has become the country's major grain-growing area, second only to the Russian Federation.

The growth of the productive forces of Kazakhstan, unprecedented both in scope and pace, and actively promoted by the Kazakh people themselves, the country's soaring living standards, refute the slanderous assertions of some American scholars like Richard Pipes, who identify Soviet national policy with the colonial policy of tsarism, in a vain attempt to prove that the Kazakh people suffer under the «colonial yoke».

This malignant slander is completely denounced by the tremendous achievements of the Kazakh people in raising their national culture. Retaining and developing their finest national traditions, the Kazakh people have created a modern, manifold, foremost culture. The establishment of a wide system of elementary schools, of specialized secondary and higher schools (Kazakhstan's 27 institutions of higher education have an atten-

⁶⁰ Г. Ф. Дахшлейгер, О полной и окончательной победе социализма в СССР, «Изв. АН КазССР», 1959, № 10, стр. 10.

⁶¹ Н. Сагиндыков, А. Шмаинов, Правда сильнее лжи, «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 6, стр. 76.

dance of over 70,000), ensures the training of qualified specialists, of the growth of Soviet Kazakh intelligentsia.

Apart from the revival of folk music and decorative applied arts, modern forms of music and stage art have emerged in Kazakhstan, as well as a national cinematography; fine arts, too, are on the upgrade. Kazakh belles-lettres today are represented by many talented writers working in a variety of genres. The finest features of the Kazakh national character are vividly presented in the works of the renowned bard Dzhambul Dzhabaev and of Mukhtar Awezov, one of the most eminent Soviet novelists and playwrights.

In the Soviet years, Kazakhstan has become a major seat of science, with a national Academy of Sciences and numerous other research institutions. The names of outstanding Kazakh scientists are known far beyond the confines of the Republic. Along with other researchers, the ethnographers of Kazakhstan make their contribution to the development of science; at present they conduct important studies in the culture and way of life of the Kazakh collective-farm peasantry.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. А. АРУТЮНОВ, А. И. МУХЛИНОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ ВЬЕТНАМА

Этно-лингвистическая классификация населения Вьетнама до настоящего времени остается незавершенной и вызывает в науке споры. Это связано прежде всего с тем, что языки ряда народов изучены недостаточно. Признано, что на территории Вьетнама живут народы, говорящие на языках, относящихся к трем большим языковым семьям: китайско-тибетской, мон-кхмерской и малайско-полинезийской. Если в китайско-тибетской семье можно достаточно отчетливо выделить по крайней мере три ветви — тибето-бирманскую, китайскую и тайскую (иначе «чжуан-тунскую»), то с языками мон-кхмерской и малайско-полинезийской семей вопрос обстоит сложнее.

Ряд ученых¹ включает в мон-кхмерскую семью языки мяо-яо и «кин» (собственно вьетнамцев). Имеются также теории², объединяющие мон-кхмерскую и малайско-полинезийскую семьи в одну большую языковую семью. Рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей работы. Более обоснованным представляется, однако, взгляд, также широко разделяемый многими видными специалистами, что языки мяо-яо и близко родственные между собой вьетнамский и мыэнгский входят в состав большой китайско-тибетской семьи, хотя их взаимоотношение с другими языковыми группами этой большой семьи остается недостаточно выясненным. На современной ступени изученности эти языковые группы можно выделить как отдельные ветви в составе китайско-тибетской семьи языков.

По данным, опубликованным в зарубежной печати, расселение народов на территории Вьетнама выглядит следующим образом: кинь, или собственно вьетнамцы, составляющие 87% всего населения, занимают равнины вдоль побережья Южно-Китайского моря и долины рек Красной и Меконга в их нижнем течении. Эта площадь составляет приблизительно одну треть площади Вьетнама. Кроме того, некоторое число кинь живет в различных районах страны, как правило, в долинах горных рек и крупных населенных пунктах. Основные районы заселения кинь этнически весьма однородны и только на юге, в дельте Меконга, имеется ряд поселений кхмеров.

¹ P. K. Benedict, *Thai, Kadai and Indonesian. A new alignment in Southeastern Asia*, «American Anthropologist», n. s., т. 44, Menasha, 1942, стр. 576.

² P. W. Schmidt, *Les peuples Mon-Khmer, trait d'Union entre les peuples de l'Asie Centrale et d'Austronesie*, «Bulletin d'Ecole Française d'Extrême Orient» (в дальнейших сносах — BEFEO), VIII, № 1—2, Hanoi, 1908.

Мыэнги, близкие по языку к кинь, насчитывают на начало 1959 г. 366 тыс. человек³. Почти все мыэнги сосредоточены в двух провинциях — Хоа-бинь и Тхань-хоа, т. е. в южной части Северного Вьетнама и северной части Центрального Вьетнама.

Тайязычные народы расселены на обширной территории всего Северного Вьетнама и некоторых районах Чунг-бо. Большинство исследователей выделяют среди них две наиболее многочисленные этнические группы — «тхо»⁴ (437 тыс. чел.) и «тхай» (344 тыс. чел.). Однако это деление основано прежде всего на географическом размещении тайских групп вдоль р. Красной. Так, левобережных тай вьетнамцы называют «тай» (tây), а правобережных — «тхай» (thái). В их языках можно заметить известные различия, которые не выходят за рамки диалектных. Лингвистические опыты, проведенные нами для выяснения взаимопонимания представителей различных тайских диалектов, показали большую степень их близости между собой. О тесном родстве этих народов свидетельствует почти полная идентичность элементов материальной и духовной культуры «тай» и «тхай».

У правобережных тай с давних пор имелась письменность на палической основе, а у левобережных ее до недавнего времени вообще не существовало. После победы Августовской революции в районах национальных меньшинств была создана латинизированная письменность для тай. Палическая письменность тхай сейчас унифицируется, и в дальнейшем вьетнамские ученые предполагают перевести ее на латинизированную основу. Это послужит еще большему сглаживанию диалектных различий в процессе становления общетайского языка.

Тай и тхай живут почти на всей территории Северного Вьетнама, являясь здесь преобладающей (после кинь) по численности народностью, но нигде не образуют сплошного массива. Они занимают долины небольших горных рек и лощины, где возможно равнинное и террасное земледелие. Повсюду на более возвышенных участках живут представители других народов, причем в автономном округе Тай-Мео тайский язык является для этих народов языком межгруппового общения.

К тайской ветви во Вьетнаме относятся народы лао, лы, тху-лао, нунг, нянг, па-зи (в Китае они называются ба-и). Первые три народа чрезвычайно близки к лао Лаоса, а три последних могут рассматриваться как подгруппы в составе чжуан.

Нунги (271 тыс. чел.) заселяют обширные районы северо-востока Вьетнама (провинции Ланг-шэн, Као-банг, Ха-жианг), северную часть пров. Лао-кай и отдельные уезды пров. Бак-жианг.

Нянги (14 тыс. чел.) проживают отдельными группами на севере страны в уездах Бат-сат, Мыэнг-кхыэнг и Бао-тханг (пров. Лао-кай), в уезде Донг-ван (пров. Ха-жианг) и в области Фонг-тхо (автономный район Тай-Мео).

Лао (3500 чел.) в основном расселены в автономном округе Тай-Мео, на юге в долине р. Сонг-ма, на севере в районе Фонг-тхо и на востоке в районе Тхан-уйен.

Лы (1250 чел.) живут в районах Синь-хо и Фань-Тхо в автономном округе Тай-Мео.

Тху-лао (528 чел.) обитают в уездах Мыэнг-кхыэнг и Бак-са в пров. Лао-кай.

Па-зи (533 чел.) проживают в уезде Мыэнг-кхыэнг.

Таким образом, почти все перечисленные народы этой языковой группы занимают районы севернее 22-й параллели.

³ Численность населения Вьетнама приводится по данным Комитета по делам национальных меньшинств ДРВ.

⁴ Ненаучное название, содержащее оттенок пренебрежения.

Этно-лингвистическое обследование, проведенное в автономном округе Вьет-Бак, выявило наличие здесь еще одной малой таяязычной народности, а именно као-лан. Численность као-лан составляет 27 тыс. человек, а основной район расселения — пров. Туйен-куанг. Раньше они были известны под именем мань-као-лан, что давало повод для предположения о их близости к группе народов мань, т. е. яо. Однако таблица 1 иллюстрирует близость словарного состава языка као-лан к тайским диалектам⁵.

Таблица 1

Русский	Тай (пров. Ланг-шэн)	Лао	Као-лан (пров. Тай-нгуен)	Као-лан (пров. Туй-ен-куанг)	Нянг	Па-зи	Тху-лао
1	het	nung	zyat	zyat	deo	a nung	nung
2	song	song	long	thlong	xoong	xoong	xoong
3	sam	sam	thlam	thlam	xam	xam	xam
4	si	si	thloi	thloi	tsi	tsi	tsi
5	ha	ha	ha	ha	ha	hu	ho
6	hoi	hun	lok	lok	loa	hooc	tsac
7	tiet	quet	tyet	tyet	xat	thet	chel
8	pet	pet	pet	pyet	pet	pet	pet
9	khau	kao	kau	kou	ku	kan	kau
10	sip	sibp	sep	sip	xip	xip	tsat
Небо	mi pha	fa	эм bon	эм bon	bun	pha	vo
Солнце	tha van	ta ven	thatzen	tatzen	di dat	van	tho hoan
Луна	nghe hai	du eun	pa phom	hai pa	soong duon	duon leng	don
Земля	tam	din	tom	tom	nam	din	dau
Дерево	co may	kok mai	mui	ka moi	tha	may	may
Рыба	tu pia	pa	pa	tu pa			
Рука	pha mu	mu	pha moi	fu moi	va phung	mu	mu
Голова	bau	houa	an lau	lau	thau	ho	loang thu
Идти	pay	pai	pui	poi	pay	ca thang	pay
Есть (кушать)	kin	kin	kin	kyen	kun	kin	tsu

Как видно из таблицы, большинство корней в языках тай, лао и као-лан совпадает. Можно отметить некоторые фонетические особенности и закономерности. Так, в числительных, кроме десятки, общетайскому «s» соответствует каоланское «thl». Синтаксис каоланского языка также идентичен общетайскому. Например, фраза «Змея лежит под деревом» на языке као-лан звучит: «tu nghú năh tai mui», т. е. на первом месте стоит подлежащее (tu nghú — змея), затем сказуемое (năh — лежит), дополнение с предлогом (tai — предлог, mui — дерево). Определение, как и в тайских языках, идет после определяемого. Например, «дом моего отца» — «anlan hon sa kou», где anlan — дом, са — отец, kou — я, hon — служебная частица, очевидно, родительного падежа.

Мяо-яосская языковая группа во Вьетнаме представлена народами мяо и мань (яо). Мань расселены на обширных пространствах почти по всему Бак-бо в тесном соседстве с тай. Они живут в основном по склонам гор, но несколько выше тай, в полосе приблизительно между 300—800 м над уровнем моря, занимаясь террасным и подсечно-огневым земледелием. Численность мань 177 тыс. человек. Среди них вы-

⁵ Таблица составлена на основании наших полевых записей по диалектам као-лан и материалов по тайским диалектам, опубликованных в работах: H. Reverony, Aperçu sur les races peuplant la province de Lang-Son, «Revue Indochinoise», 2-е semestre, 1907, стр. 1657—1661; Q. Minot, Dictionnaire tay-blanc — française avec transcription latine, Edition d'Ecole Française d'Extrême Orient, 1940; F. Martini, Romanization des parlers tay du Nord Viet-Nam, BEFEO, XLVI, f. 2, Hanoi, 1954.

По техническим причинам в таблицах отсутствуют диакритические знаки, обозначающие тональные различия слов.

деляется много различных групп, названия которых описательны и основаны главным образом на деталях одежды, прически и украшений женщин (мань-тьен, мань-шэн-дау, мань-кок-мун и т. д., т. е. «мань, носящие украшения из монет», «мань, покрывающие прическу воском», «мань, украшающие верхнюю одежду большими красными пуговицами из волокон хлопчатника»).

Подобные описательные наименования не позволяют четко определить границы расселения отдельных групп мань вследствие того, что характерные детали костюма одной группы могут быть присущи и другой группе, в связи с чем одна и та же группа мань может быть известна под различными наименованиями. Например, мань-шэн-дау их соседи называют так же мань-хонг-куан, что означает «мань, носящие красные панталоны», по преобладанию красного цвета в орнаментировке этой части одежды.

В процессе полевой работы мы сделали попытку сгруппировать отдельные этнические группы мань по диалектам. Выяснилось, что не всегда эти группы совпадают с диалектными различиями. Известные нам диалекты мань распадаются на две большие группы; наиболее характерным представителем первой является диалект мань-куан-чанг, второй группы — диалект мань-кок-мун. Взаимопонимание между представителями этих двух диалектных групп если и возможно, то во всяком случае сильно затруднено, тогда как внутри каждой диалектной группы взаимопонимание достигается сравнительно легко. Об этом говорит табл. 2, составленная по тем же материалам, что и предыдущая.

Таблица 2

Русский	Мань-кок-мун (р-н Тай-мео)	Мань-кок-мун (р-н Вьет-Бак)	Мань-куан-чанг (Тай-мео)	Мань-куан-чанг (Вьет-Бак)	Мань-тхань-и (Вьет-Бак)	Мань-тхань-и (пров. Ланг-шэн)	Мань-зеотьен (р-н Тай-Мео)	Зао-лан-тьен (р-н Тай-Мео)
1	zyet	dū	a	a	a	giet	du	a
2	i	i	i	y	y	vi	y	y
3	puo	pua	buo	bō	bō	pua	puo	pu
4	pyei	pei	pyei	pyei	pyei	phai	plei	pyei
5	pya	pā	pya	pya	pya	pla	pla	pya
6	ku	ku	kyo	kyo	kyo	klu	klo	kyo
7	hsio	ssia	niŋ	ny	ny	sia	sja	nyi
8	dhet	set	yat	zyet	zyet	hia	huet	yet
9	duo	duo	dū	dū	dū	dua	dua	dū
10	tyep	tyep	sap	sop	sop	syep	sjelep	sep
Солнце	monhoi	mənhoi	ploi	munoι	munoι	bunhoi	mnhoi	mnoι
Луна	hā	nomhā	la	nala	nala	la	θa	la
Звезда	hai	hai	nai	tsintan	tsintan		thoi	fin tan
Небо	namlun		gū					
Земля	nia	dao	ni	ny	ny	dao	dao	ny
Лес	kim	kym	keim	keim	keim		klem	kyim
Нога	cau	pucai	pua	pupen	pupen	pua		
Голова		myh dong	pyei	hapyei	hapyei	mudong		
Дом	pyao	nom pyao	pyau	sin pyao			plao	plao
Отец	tia	tia	fa	fa	fa		om	fa
Идти	min	niŋ	niŋ	niŋ	niŋ	minh	minh	ning

Как видно из этой таблицы, в диалектах мань-кок-мун числительное *семь* звучит близко к «sia», а в диалектах группы мань-куан-чанг и близком к ним диалекте мань-тхань-и (Вьет-Бак) — как «ni». В диалектах первой группы числительное *три* произносится как «pua», а во второй — «bō». *Луна*, соответственно, как «ha» и «la», *отец* — как «tia» и «fa». Однако мань-тхань-и, обследованные Реверони в пров. Ланг-шэн, говорят не на диалекте группы мань-куан-чанг, как мань-тхань-и

Вьет-Бака, а на диалекте группы мань-кок-мун. Цифра *три* у них звучит как «риа», *семь* как «sia», название солнца также ближе к диалекту мань-кок-мун. Очень своеобразен диалект мань-зео-тьен. Он имеет черты сходства и с диалектами мань-кок-мун, например, *три* — «рио», *семь* — «sjla», *один* — «ди». Но название *луны* иное — «ва», а *шесть* звучит как «кло». Это близко к словам диалекта мань-куан-чанг — «ла» и «куо».

Любопытна своеобразная фонетическая закономерность, выражающаяся в том, что общеманьское «l» переходит в диалекте мань-зео-тьен в «θ». Например, *бамбук* «lao tok» на диалекте этой этнической группы будет «θao tu».

Общеманьский постконсонантный йот переходит в диалектике мань-зео-тьен в «l». Пример: *четыре* «руеi» — в «plei»; *дом* «руао» — в «plao».

Синтаксис маньских диалектов в целом мало отличается от тайского синтаксиса с характерными для него предлогами, постпозитивностью дополнения и определения. Однако здесь эти правила не являются столь всеобщими, как в тайских языках. Местоименное определение зачастую бывает препозитивным, и в некоторых диалектах предлогй заменяются послелогоми. Так, фраза, выбранная нами в качестве теста для синтаксического анализа обследованных языков: «Змея лежит на дереве» звучит на диалекте мань-зео-тьен «пап риой ηai dyap», где «ηai» — предлог *на*. Та же фраза на диалекте зао-лан-тьен, выраженная словами, этимологически восходящими к тем же общеманьским корням, звучит: «пап fei гуан k'toi», где «fei» соответствует «риой» из предыдущей фразы со значением *лежать*; «гуан» соответствует «dyap» со значением *дерево*, но синтаксические соотношения оформлены посредством послелога «k'toi».

Мяо (или мео) во Вьетнаме, как и мань, расселяются в тех же районах, что и тай. Но в отличие от последних они живут на вершинах высоких и труднодоступных гор.

Таким образом, подробная этно-лингвистическая карта Вьетнама представляет сложную мозаичную картину, где цвета, обозначающие различные языковые группы, будут в известной мере соответствовать изогипсам. Картина еще усложняется повсеместными вкраплениями поселений малых народов других языковых семей, о чем речь будет идти ниже.

По мнению вьетнамских лингвистов, изучавших язык мяо для составления мяосской письменности, язык этот во Вьетнаме в диалектном отношении довольно однороден. Некоторое исключение представляют диалекты так называемых «красных мяо», которые содержат несколько фонем, отсутствующих у других групп мяо. В ходе полевой работы нам удалось выявить один диалект или даже язык мяо, который непонятен остальным группам этого народа. Этот язык бытует в районе Ланг-шэн и известен также под названием мань-мео. Действительно, создается впечатление, что название это оправдано и язык мань-мео может служить в какой-то степени связующим звеном между языками мань и мяо, в особенности если взять для сравнения группу диалектов мань-куан-чанг.

Некоторое представление об этом своеобразном языке района Ланг-шэн дает табл. 3.

Таблица 3

Русский	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мань-мео	cu	o	pai	thlo	θei	tū	sō	zyi	cou	cu
Мяо района	i	a	pai	pleu	tsi	chau	hse	zi	cu	kau
Као-банга										
Мань-куан-чанг	a	i	bo	pyei	pya	kyo	ny	zyet	du	sop

Продолжение табл. 3

Русский	Луна	Рука	Отец	Я	Идти	Рис	Деревня	Собака
Мань-мео	lei	pai	pā	va	nin	nyā	gan	thlai
Мяо района Као-банга	li	sitei	zsi	ku	nin	niā	za	thlā
Мань-куан-чанг	nala	pupen	fa	ya	nin	paŋ	gyan	takyc

Из этой таблицы видно, что в целом мань-мео говорят на языке мяосской группы. Почти все числительные, как *два, три, пять, шесть, семь, восемь, девять* — общи для языков мань-мео и мяо. Близки также слова, относящиеся к словарному фонду, как *луна, рис, собака*. Но нельзя не отметить и довольно значительных расхождений, например, в звучании слова *один* и местоимения *я*. Числительное *восемь* и глагол *идти* близко звучат во всех языках, в том числе и в языке мань, в ряде же случаев слова мань-мео стоят ближе к маньскому словарю, чем к мяосскому. Таковы, например, слова: *рука, отец, деревня*.

К синтаксису диалектов мяо Вьетнама относятся те же замечания, что были сделаны выше по поводу диалектов мань. Здесь также местоименное определение является чаще всего препозитивным при постпозитивности определения вообще. Так, «дом моего отца» будет выражен словосочетанием: «дом-я-отец», что будет звучать на языке мяо как «*sei ku zsi*», а на языке мань-мео — «*si va pā*». Если в диалектах мяо используются предлоги, то в языке мань-мео — послелоги.

Немаловажным этническим компонентом во Вьетнаме, относящимся к тибето-китайской языковой семье, являются также собственно китайцы и близкие к ним по языку народности.

Китайцы, в основном говорящие на гуандунском диалекте, проживают вместе с киньцами во всех крупных городах. Кроме того, в крайних восточных районах страны имеется компактное земледельческое население, называемое в настоящее время народностью хоа (раньше — нгай), также говорящее на варианте гуандунского диалекта.

Особую этнографическую группу китайцев Вьетнама, очевидно пришедшую сюда позже других, составляют са-фанг, которые живут у границ с китайской провинцией Юньнань и говорят на говоре юньнаньского диалекта китайского языка.

Об особенностях этих диалектов можно судить по сравнению числительных (табл. 4).

Таблица 4

Русский	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хоа (нгай)	yef	i	sam	si	uŋ	lok	sət	pat	kou	səp
Са-фанг	i	lo	san	su'	u	lu	si	pa	tyu	su
Кэ-цзя*	gīt	nhi	sam	sli	hung	luc	sit	pat	khieu	siep

Кроме того, в автономном округе Вьет-Бак и пров. Лао-кай проживает ряд малых народов, которые не могут быть отождествлены с китайцами по своему этническому облику. Они говорят на особых, зачастую весьма своеобразных языках, близко родственных к китайскому. Генезис этих языков пока еще не ясен, но можно предполагать, что более подробное изучение их представит значительный интерес, позволив выявить здесь какой-то иной тайский или маньский субстрат, о чем дают основание предполагать особенности их материальной и ду-

* По Н. Reverony, Указ. раб.

ховной культуры. Такова, например, народность сан-чи, которая живет вместе с као-лан и не отличается от последних по культуре.

Некоторые представления о словарном составе этих языков китайской группы дает табл. 5, составленная по материалам опроса жителей деревень различных уездов автономного округа Вьет-Бак, а также учащихся школ национальных меньшинств пров. Тай-нгуен. Здесь,

Таблица 5

Русский	Сан-чи	Куй-тяу	Сан-цзю (чай)	Сан-чи	Сан-цзю
	Пров. Тай-нгуен			Пров. Ланг-шэн	
				по Reverony	
1	yat	i	ye ^f	giat	hit
2	lien	lō	luon	leang	nhi
3	theam	sām	rzam	sam	sam
4	thloi	rzu'	zsi	slay	ti
5	ʔu	u	u	ngan	ngu
6	lok	lu	luo ^h	loc	lok
7	tyat	ce	syet	xat	sit
8	pat	pa	ba ^f	pat	pat
9	kau	kyu	kyu	cau	kieu
10	sōp	sse	si ^p	siap	siep
Солнце	ni than	thâ ian	nyat tai	nhut tan	nhat toi
Луна	ni tierŋ	nye lay	nyot	nhut leang	ngot cong
Звезда	kho thin thlai	syuteŋ	syen		
Небо	kho thin	thyen	tyen	co thin	thion
Земля	nai	ty	nai	nai	nai
Гора	kho lan	mapho	leŋ	tin lanh	cao liang
Река	tai kan	hos ui	ho		
Лес	kho hsiaŋ	lao san	san		
Рука	thlau pan	sou	syu	tiec siao	pai trong
Нога	kiek pan	cho ban	kuyo ^h		
Голова	kho thau	thou	thau	co tau	ta oe
Отец	oŋ	te	ko		
Я	ʔo	ʔo	ngoi		
Дом	kho nok	faŋ	ok	kan oc	oc
Деревня	kho thun	tsen saŋ	son	co tchun	xon
Рис	fwan	faŋ	wan		
Дерево	kan mok	mu	zsū	moc	moc
Рыба	kho ʔui	y	nyui	co ngui	tien nhi
Собака	ki kau	kou	koi		
Змея	thin hy	lase	zsa		
Есть (ку- шать)	hāt	se fay	se ^f	ach mai	siec may
Идти	hoi	khe	hi	hoi	hi
Лежать	hlui	sui	hu		

помимо собранных нами полевых материалов, использованы также данные Реверони по языкам сан-чи и сан-цзю района Ланг-шэн. Сравнивая эти материалы, можно убедиться, что, несмотря на значительное расстояние, отделяющее Тай-нгуен от Ланг-шэна, и то, что и там и тут сан-чи и сан-цзю живут в близком соседстве, иногда в одних и тех же селениях, все же говоры сан-чи из разных районов сходны между собой, а между языками сан-чи и сан-цзю, обитающих в одном и том же месте, имеются существенные различия. Это заставляет предполагать, что языки сан-чи и сан-цзю гетерогенны как по времени, так и по месту их первоначального формирования. Очевидно, в прошлом имелись определенные центры, где эти языки формировались путем

наслоения китайских элементов на какие-то разнородные в языковом отношении местные субстраты. Поскольку сан-чи, как мы уже говорили, по культуре идентичны с таиязычными као-лан, можно с достаточным основанием определить древнейший пласт в формировании их языка как тайский, причем архаичный тайский. Это видно из того, что во многих словах сан-чи общекайтайская «s» или «ʃ» заменяется «thl», например, слово *лежать* на языке сан-чи — «thlui», а на языке куй-тяу — «ʃui».

Кроме того, реликты тайской грамматики видны в постоянной префиксации китайских корнеслогов нумеративными частицами — артиклями, как это присуще тайским языкам. В роли таких частиц выступают в данном случае частица «kho» и др.

Обращает на себя внимание также тот факт, что хотя оба языка — сан-чи и сан-цзю — из китайских диалектов ближе всего к гуандунскому, сан-цзю проявляет ясную тенденцию к исчезновению финальных консонант. В большинстве корнеслогов языка сан-цзю древнекайтайские финальные смычные «k», «t», «p» редуцированы до степени простых имплозивов, похожих на соответствующие корейские звуки, и едва воспринимаемы на слух.

Возможно, решение вопроса об этногенезе сан-цзю подсказывается им именем, которое в китайской иероглифической передаче звучит как «шань-яо», т. е. *горные яо*. Действительно, в материальной культуре, в частности костюме сан-цзю, имеется много маньских (яосских) черт. Однако в настоящее время этот костюм вышел из употребления, и материальная культура нынешних сан-цзю почти не отличается от собственно вьетнамской.

Очевидно, какой-то древнейший маньский пласт имеется и в этногенезе као-лан и сан-чи. На это указывает не столько их старое название мань-као-лан (слово *мань* входило и в название племен группы и), сколько некоторые черты их материальной культуры. Если жилище и орудия као-лан и сан-чи явственно тайского типа, то костюм их ближе к костюму яо.

Что касается языка куй-тяу, то он, как показывает само название, восходит к гуйчжоуским диалектам и характеризуется полным отсутствием смычных финалей. Из финальных консонант в нем сохранились лишь назальные, правда, в более широком наборе, чем в современном литературном китайском языке. Здесь представлены «п», «ң» и «м».

Самой малочисленной группой китайско-тибетской семьи языков во Вьетнаме являются народы тибето-бирманские. Согласно существующим этно-лингвистическим картам и документам, тибето-бирманские народы расселены во Вьетнаме по его северной и северо-западной границам, в высокогорных областях. Из них относительно хорошо изучены народы ло-ло и у-ни⁷. Во время этнографической работы в автономном округе Тай-Мео удалось выявить во внутренних районах страны (окрестности Туан-жяо) некоторые небольшие ранее не зарегистрированные этнические группы, говорящие на тибето-бирманских языках. Речь идет о народе кса-фо, причисляемом до сих пор к сборной группе кса (19 тыс. чел.), которая не является единой в этно-лингвистическом отношении.

К у-ни, расселенным в районе Мыэнг-те, весьма близки по языку кэ-сунг, манг-у, кса-кхао и, возможно, кха-пе, ко-тэ и ти-ла, обследовать которых нам не удалось.

Общей чертой для всех тибето-бирманских языков, представленных указанными народами на территории Вьетнама, является четкий синтаксис, в котором фраза неизменно завершается сказуемым, определение всегда предшествует определяемому, а глагольное управление осуществляется через послелог. Так, «дом моего отца» на языке у-ни бу-

⁷ Численность этих народов, по данным Комитета по делам национальных меньшинств, на конец 1958 г. составляла, соответственно, 2 тыс. и 5 тыс. чел.

дет звучать «*ηa ata lakho*» (я-отец-дом). На языке кса-кхао, соответственно, «*ηa ara sim*». Фраза «змея спит на дереве» на языке кса-кхао звучит «*u-lang si-choŋ taa zue*», а на языке у-ни — «*u'nh-lon aro hota zū*» (змея-дерево-на-спать).

Насколько позволяют судить наши весьма неполные наблюдения, этим языкам присущи глагольные категории времени, тогда как в остальных представленных во Вьетнаме языках тибето-китайской группы время обозначается лишь описательно, путем добавления соответствующего обстоятельства времени, наречия типа *потом* или *уже*. В языках у-ни и кса-кхао различаются два времени: настоящее и прошедшее. Будущее время образуется путем сочетания глагола в прошедшем времени с каким-либо обстоятельственным словом. Например, на языке у-ни «я сплю» звучит «*ηa zū*», «я спал» — «*ηa zua*», «я засну» — «*tīhao ηa zua*». То же самое на языке кса-кхао будет звучать «*ηa zue*», «*ηa zu'ari*» и «*nyamtizan ηa zu'ari*».

В области морфологии числительного следует отметить почти обязательное наличие в его составе универсального счетного суффикса. При этом если сами числительные во всех языках почти одинаковы, то эти суффиксы часто бывают очень разными. Некоторые иллюстрации по словарному составу рассматриваемых языков дает табл. 6, в кото-

Таблица 6

Русский	Кса-кхао	У-ни	Кэ-сунг	Ло-ло	А-кха	Пу-ной
1	təm	timo	timo	ta	ti	thi lum
2	nyip	nimo	nimo	ni	nhi	ni lum
3	se lem	summo	summo	song	son	sum lum
4	ən	ū mo	ū mo	lai	o	nal lum
5	ηa lem	ηa mo	ηa mo	ηa	ηan	ηa lum
6	ko lem	kho mo	kho mo	khu	ko	kho lum
7	si lem	si mo	si mo	h̥se	ci	cetlum
8	ze lem	ghe mo	ghe mo	si	nie	pet lum
9	kou lem	koi mo	koi mo	ku	go	kau lum
10	ce lem	tse mo	tse mo	si	tse	thit tse
Солнце	məŋnəŋ	numa		mokpui	nauma	muni
Луна	pu la	pa la		lə pa	pa la	u la
Земля	mənsa	mintsa	mə	mitsa	mitsa	mitsaŋ
Дом	sim	lakho	zyeho	pu'ə	nhu'ŋ	
Отец	apa	ata		pa		
Я	ŋa	ŋa	ŋa	ŋa	ŋa	
Дерево	si coŋ	apo		ssima	abo	
Рис	ko	apo	o			
Олень	che				ce	
Свинья	va	aga	va			
Вода	ic ho	u'co	akha		u cu	laŋ
Есть	haŋ cai	aho ca	o ca	myan zei		
Пить	tangai	u'coto	akha to			
Спать	zue					

рую включены также материалы по языкам лаосских народностей а-кха и пу-ной⁸.

Из таблицы можно легко увидеть близкое родство языков кса-кхао и особенно кэ-сунг с языком у-ни, а также их общую близость к языкам а-кха и пу-ной. По счетным суффиксам и числительным язык кса-кхао ближе к пу-ной, а у-ни — к а-кха.

Несколько особняком стоит упоминавшийся выше язык кса-фо. С остальными тибето-бирманскими языками его сближают синтаксис и состав числительных; однако остальной словарный состав его весь-

⁸ H. Roux et Tran van Chu, Quelques minorités ethniques du Nord-Indochine, 1954.

ма своеобразен, как, впрочем, и морфология. Разбор особенностей языка кса-фо выходит за рамки данной работы и должен служить предметом особого исследования.

Народы мон-кхмерской семьи языков широко распространены на территории Вьетнама. На крайнем юге они представлены, как уже говорилось, собственно кхмерами в дельте Меконга. На севере Вьетнама, в Бак-бо, они живут в автономном округе Тай-Мео по правобережью р. Черной. Здесь они представлены небольшими народностями кса-кау и пуок. Они были впервые обследованы с лингвистической точки зрения в начале XX в. Масеем⁹, который ошибочно назвал их кса-кхао и кса-пуок. В последнем издании этно-лингвистической карты Индокитая¹⁰ мон-кхмерское население без указания народности показано в Тай-Мео в том районе, где нашей экспедицией были обнаружены поселения пуок (район южнее Ен-тяу). Кроме того, в Тай-Мео мы встречали не отмеченные на карте поселения кса-кау, в районе к северо-западу от деревень пуок, до Туан-жау и Дьен-Бьен-Фу. Масей, приводя словарь кса-кау и пуок, не сделал выводов о их мон-кхмерской принадлежности. Полевые материалы, собранные нами в этом районе, подтверждая в отношении словаря кса-кау и пуок записи Масея и дополняя их грамматическим материалом, дают основание отнести кса-кау вместе с близкими к ним пуок к мон-кхмерским народам.

Все же основным районом распространения мон-кхмерских народов Вьетнама является его центральная часть — плато и лесистые плоскогорья Чунг-бо. Вследствие своеобразия этнической истории этого района, не знавшего таких многочисленных миграционных потоков, как на севере Вьетнама, и более ровного рельефа местности, здесь не наблюдается такой пестрой, мозаичной картины расселения народов, как в горных областях Бак-бо. Все мон-кхмерские народы центрального Вьетнама образуют сплошной и четко очерченный ареал. И хотя в литературе известны десятки их прежних племенных подразделений, в действительности в настоящее время они составляют небольшое число крупных лингвистических общностей. Наиболее крупная из них образована банарами, седангами и живущими восточнее их чамре¹¹, а также некоторыми другими малыми народностями, входящими сейчас в состав этих народов, как, например, ронгау¹². Наблюдения показали, что между их диалектами, как правило, возможно взаимопонимание.

Другой крупный и однородный район распространения мон-кхмерских языков лежит южнее, где он представлен мнотами с их многочисленными племенными подразделениями, ма и срэ, иначе называемыми кохо.

Вопрос о языковой принадлежности кохо сложен. В их языке сохранился ряд слов, позволяющих сблизить их с сеноями и сакаями Малайского полуострова¹³. Часть их говорит на чамском диалекте гуру (чуру), так же как часть гуру — на языке кохо.

К северу от седангов распространен язык народа кор, который занимает особое место, будучи непонятен соседним народам.

Как сообщили информаторы из национальности кор — ученики школы национальных меньшинств в Ханое, а также лица, работавшие среди них, — диалект кор распространен также на небольшом острове Ку-Лав-Ре. Эти интересные сведения подлежат проверке.

⁹ См.: Н. Масей, *Études ethnographiques sur les Khas*, «Revue Indochinoise», 1907, стр. 240, 873, 1411.

¹⁰ «L'Indochine, carte ethnolinguistique», Paris, 1949.

¹¹ На указанной карте чамре ошибочно отнесены к малайско-полинезийской группе.

¹² См. по этому вопросу также работу: P. Cuilleminet, *La tribu banar du Kontum*, BEFEO, XLV, f. 2, Hanoi, 1952, стр. 393.

¹³ F. Martini, *Transcription du sre (Kôho)*, «Bulletin de la Société des Etudes Indo-Chinoises», N. ser., XXVII, № 1, Saigon, 1952. M. N. er, *Au pays du droit maternel*, BEFEO, XXX, 1930, № 3—4.

Наиболее северную группу мон-кхмеров, живущих в центральном Вьетнаме, составляют народы же, ве, ту и ван-кьеу (лу) с консолидирующимися вокруг последних малыми народами той-ой, май, кхуа, бролу и рук.

К малайско-полинезийской семье языков принадлежат языки так называемых индонезийцев Индо-Китайского полуострова, которых, в отличие от настоящих индонезийцев, можно называть палеоиндонезийцами, прежде всего подчеркивая их языковую принадлежность к архаическим языкам в малайско-полинезийской общности. К ним относится ряд народов и этнических групп, из которых самые южные — чамы — остатки некогда многочисленного народа. Их сильное государство Чампа существовало на территории нынешнего Вьетнама со II по XIV в. Чамы компактными группами расселяются в районах южного Чунг-бо и по камбоджийской границе. Почти не отличаются от них живущие севернее гуру (чуру). Чамы имеют свою письменность на двух алфавитных основах: северо-восточные чамы пользуются палической графией, а западные — арабской. Преимущественное влияние брахманских или мусульманских традиций отражается и в лексике их языка, в частности в текстах религиозного содержания.

Самым многочисленным народом, говорящим на диалектах малайско-полинезийской языковой семьи, является джарай. К языку джарай очень близки языки эде (раде), би, ноанг, раглай, мдур, блао и чамрой. По существу все это очень близкие диалекты одного и того же языка, как правило, взаимопонимаемые. Во всяком случае, язык чамрой понятен всем остальным народам. Это показали эксперименты, проведенные в Школе национальных кадров в Ханое.

Некоторое своеобразие представляет диалект эде, в котором при беглой речи проявляется тенденция к усечению слогов и выпадению согласных. Кстати, неправильное их наименование «раде» происходит от подобного слияния слов «anrak ede» (т. е. «сын народа эде») в разговорной речи.

Все это дает основание полагать, что в дальнейшем, когда носители этих близких диалектов обретут возможность большего общения, экономического и культурного развития, происходящие сейчас процессы лингвистической консолидации ускорятся и приведут к образованию общих для этих двух групп народов языков: одного, очевидно, на базе банар-седанг, другого — на базе джарай-чамрой.

SUMMARY

From the point of view of geographical distribution and linguistic characteristics, the ethnic pattern of the population of Viet-Nam is very intricate. The Sino-Tibetan language family is represented by the groups of Kinh-muong, Tai, Miao-yao, the Sinitic group and the Tibeto-Burman group. Within the Tai group, especially close to each other are the dialects of Thai and Tay; the language of the Cao-lan people, who approximate ethnically both the Tai and the Yao, should also be referred to this group. Yao dialects are comprised within two groups — the Man-coc-mun and the Man-quan-trang. Among the Miao languages, a special place is held by Man-meo, which has several features approximating the Yao language.

The Sinitic group comprises also the tongues of several small peoples of non-Chinese origin who adopted peculiar Chinese dialects.

Among the Mon-Khmer peoples, particular attention should be attached to the Xa-Cau and Puoc peoples and their settlement in the Thai-Meo autonomous region; another interesting phenomenon is the increasing similarity between the dialects of the Mon-Khmer peoples in the south of Viet-Nam.

An analogous approximation of dialects can be observed among the highland peoples of the Malayo-Polynesian family.

В. Я. КАЦМАН

РОСТ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СРЕДИ АФРИКАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ТАНГАНЬКИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Крестьянство — основной класс танганьикского общества, оно составляет не менее 95% всего девятимиллионного населения страны. Это главный производитель материальных ценностей. Буржуазная печать очень мало, а часто и весьма тенденциозно освещает положение этого класса. В Танганьике отсутствуют сельскохозяйственные переписи, необходимые для массового учета крестьянства страны и определения его имущественного и классового положения. Мы располагаем лишь разрозненными данными и фактами, встречающимися у отдельных авторов и в отчетах комиссий английской администрации и Организации Объединенных Наций. Скучность этого материала не дает возможности нарисовать цельную картину положения крестьянства, но позволяет с известной долей достоверности наметить некоторые тенденции в развитии африканской деревни и проследить рост имущественной дифференциации среди крестьянства.

Африканское крестьянское хозяйство является мелким хозяйством по объему производства и по размерам обрабатываемых площадей. Размеры земельных участков зависят в основном от физических возможностей обработки их самими земледельцами и их семьями. Только в некоторых районах страны возникновение мелких хозяйств связано с нехваткой земли или с имущественной дифференциацией. В Танганьике господствует переложная система земледелия: при ней освоенные поля используются определенный период времени и затем оставляются, поэтому само понятие «поле» или «земельный участок» имеет весьма условный характер. Все полевые работы, начиная от расчистки участка и взрыхления его мотыгой и кончая сбором урожая, ведутся самым примитивным способом. Переложное земледелие требует постоянного наличия свободных, пригодных для земледелия площадей и затраты огромной энергии при крайне незначительных результатах труда. Хотя свободных земель в Танганьике еще много, малая эффективность труда земледельца обуславливает ограниченные размеры всего производства. Вся обрабатываемая африканцами земля является собственностью общины. Последняя претендует также на все соседние незанятые и необрабатываемые земли. Земля общины находится в пользовании отдельных семей. Крестьянин имеет право пользоваться общинными пастбищами и лесами. Весь урожай, снимаемый крестьянином с наделенного ему поля, хижина и все посадки при усадьбе являются у всех народов Танганьики частной собственностью крестьянина. Сельские работы производятся отдельной семьей. Только у племени усафве сохранились пережитки коллективного труда. Члены племени сообща обрабатывают определенное поле с посадками проса, которое в дальнейшем идет на изготовление пива для всех усафве¹. Рас-

¹ «Tanganyika Notes and Records», Dar es Salaam, 1957, № 47—48, стр. 132.

пределение земли между членами общины производится или специальными лицами, назначенными родовой и племенной верхушкой, или самими старейшинами и вождями. Получивший землю крестьянин формально не становится ее владельцем и имеет лишь право на ее использование. Крестьянин обычно обрабатывает землю до ее полного истощения (не более 5—6 лет) и производит посев или посадки культур по собственному усмотрению. Отобрать землю у крестьянина община не может, и только заброшенная земля подлежит новому переделу. Таким образом, единственным условием держания земли у большинства африканцев Танганьики является ее эффективное использование.

В течение последних лет внутри крестьянской общины происходили значительные изменения, которые привели в конечном счете к возникновению новых земельных отношений. У большинства народностей и племен страны установилось право наследования на землю, появилась аренда, а у некоторых — продажа земли. Наследование земли встречается по всей Танганьике. Оно имеет различные виды и связано с разными условиями. Так, у курия и аrimi наследственная земля распределяется только среди ближайших родственников и по сути дела остается в той же семье. У сукума и хангази наследовать могут более отдаленные родственники, но для передачи им земель требуется специальное разрешение старейшины или вождя. У всех народностей и племен Танганьики практикуется отдача земель в аренду. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не указывают, какие семьи сдают свою землю и какие семьи становятся арендаторами. Известно, что у сукума, ньямвези и самба разрешается аренда только всего поля в целом, чем сохраняется единство надела, а у аруша, гого и хайя — отдельными участками и различным арендаторам. Хотя сроки аренды всегда устанавливаются заранее, арендатор может быть изгнан без всякого предупреждения. Только у хайя и джагга имеются правила, регулирующие отношения между держателем земли и арендатором².

Продажа земли имеет место у народностей и племен Танганьики, у которых развиваются феодалные или капиталистические отношения. В то же время наличие у этих же народностей и племен большого количества родо-племенных пережитков ограничивает продажу определенными правилами и положениями. У аруша, аrimi и сонджо земля продается только членам того же племени. У хайя и самба разрешена продажа лишь тех земель, которые получены по наследству или куплены у другого владельца. Как правило, продажа и покупка земли осуществляются с разрешения лиц, представляющих общинную власть на землю, т. е. старейшин или вождей³. Полное господство общинной собственности на землю приводит к тому, что продажа земли, как правило, носит завуалированный характер. Очень часто формально продаются строения, посадки деревьев и урожай на корню, а земля как бы передается новому держателю. Тем самым продается не столько земля, сколько право на ее обработку. Крестьянство Танганьики в основном ведет натуральное хозяйство. Африканец стремится обеспечить себя и свою семью продовольствием, незатейливыми предметами быта и одеждой, чаще всего состоящей из плаща или передника, сделанных из кожи или луба. Культурными, произрастающими на полях африканцев и используемыми главным образом для нужд семьи, являются просо, сорго, каसाва, бананы, кукуруза, рис, бобовые и т. д. В послевоенные годы значительно возросли посадки на полях африканцев таких куль-

² «Journal of African administration», 1954, т. VI, № 2, стр. 84—91; W. M. Hailey, *An African Survey*. Revised 1956, London, 1957, стр. 782—783.

³ «Journal of African administration», 1954, т. VI, № 2, стр. 87—91; «The Times British Colonial review», 1958, № 31, стр. 8.

тур, как хлопок, табак и др., которые полностью идут на внешний рынок.

Интенсивное проникновение и развитие товарно-денежных отношений — основная причина производства экспортных культур в крестьянских хозяйствах. Это нашло свое отражение также и в продаже некоторых продовольственных культур на внутреннем рынке, в продаже скота и его продуктов и, наконец, в отходничестве, которое занимает видное место в экономической жизни некоторых народностей и племен. В свою очередь, рост отходничества и постоянное увеличение числа наемных рабочих расширяет местный рынок.

Все отмеченные процессы наблюдались в Танганьике еще до второй мировой войны, но только после 1945 г. произошло повсеместное расширение посадок культур, идущих на продажу, и, как отмечал английский этнограф Гулливер, хорошо знакомый с положением в стране, «потребность в деньгах стала всеобщей»⁴.

Степень развития товарного земледелия определить весьма сложно из-за отсутствия необходимых статистических данных, но некоторые факты способствуют пониманию общих тенденций. В выпущенной органами ООН брошюре, освещающей рост денежной экономики в Тропической Африке, указывается, что в послевоенные годы в Танганьике около 22% обрабатываемых крестьянских земель было занято под культурами, идущими на внешний и внутренний рынок. Ведущее место занимали культуры, продаваемые на внутреннем рынке: под ними было занято 15% всех крестьянских земель⁵. Хотя эти сведения не совсем точны, так как цитируемый источник допускает в своих оценках колебания почти в 200 тыс. га, что составляет около 10% всех обрабатываемых площадей и от 40 до 80% земель с посадками товарных культур, но они свидетельствуют об определенных сдвигах в крестьянском хозяйстве. Об изменениях в экономике крестьянства свидетельствует и то, что в 1950 г. уже 37% всех мужчин в возрасте свыше 15 лет были заняты деятельностью, связанной с получением денег. Из этого числа 18% занимались посадками товарных культур и 19% находились на заработках вне своего хозяйства, мигрируя в другие районы страны или в соседние страны⁶. Наконец, о возросшей товарности крестьянских хозяйств говорит тот факт, что в 1958 г. 85% всего производства кофе, равного 22 тыс. т, и 100% производства хлопка (32,5 тыс. т) были сосредоточены в руках африканцев⁷. Следовательно, несмотря на то, что натуральное хозяйство все еще занимает ведущее место в африканской деревне, наблюдается значительное развитие товарного земледелия. Степень проникновения товарно-денежных отношений в те или иные районы страны весьма различна. Наибольшее распространение они имеют в предгорьях Килиманджаро, Меру, Усамбара, Паре, в Сукумаленде и на побережье Индийского океана. Это районы посадок товарных культур в хозяйствах африканцев и широкого применения наемного труда на плантациях неафриканцев.

Наряду с расширением товарности земледелия происходит значительное развитие отходничества. Уход на заработки играет все более важную роль в хозяйстве африканцев. Это видно хотя бы по тому, что 49,2% всех денежных доходов крестьян в послевоенные годы поступало от заработной платы отходников⁸. Многие крестьяне превращаются

⁴ P. H. Gulliver, *Land tenure and social change among the Nyakyusa*, Kampala, 1958, стр. 3.

⁵ «UN. Enlargement of the exchange economy in Tropical Africa», New York, 1954, стр. 12—14.

⁶ Там же.

⁷ «Africa digest», London, 1959, т. VII, № 1, стр. 19.

⁸ «UN. Enlargement of the exchange economy in Tropical Africa», New York, 1954, стр. 26.

в сельскохозяйственных рабочих с наделом, которые по-прежнему располагают той или иной долей общинного участка земли и в большинстве своем, оставляя в деревне свои семьи, сохраняют тесные связи с общиной. Отходники редко полностью порывают с деревней. Это объясняется тяжелыми условиями жизни плантационного рабочего, наличием определенных родо-племенных пережитков и т. п. Периодический промысел не становится основным средством существования, и продажа рабочей силы продолжает оставаться для большинства крестьян лишь одним из источников получения денег. Нельзя не отметить, что отходничество, наряду с экономическим значением, играет также определенную роль в идеологической жизни крестьян, расширяя кругозор общинников и способствуя ликвидации деревенской ограниченности. Буржуазные авторы объясняют развитие отходничества в Танганьике только введением колониальными властями денежных налогов в условиях натурального хозяйства. Политика колонизаторов, направленная на увеличение количества наемных рабочих путем введения денежных налогов, играла определенную роль в возникновении отходничества, но в настоящее время основным и решающим моментом является возросшая потребность в деньгах. Ухудшение материального положения крестьянства, голод, нищета, обезземеливание, рост налогов и т. д. при постоянном развитии товарно-денежных отношений усиливают процесс отходничества.

Внедрение товарно-денежных отношений неизбежно ведет к имущественной дифференциации крестьянства. На одном полюсе возникает группа беднейших крестьян, многие из которых вынуждены продавать рабочую силу, а на другом — зажиточные крестьяне. Последние расширяют свои посевы, начинают применять современную сельскохозяйственную технику и привлекают на свои поля наемных рабочих, весьма часто используя при этом родо-племенные пережитки. Товарный характер хозяйства особенно сказывается на положении этих двух противоположных групп населения — беднейших и богатейших крестьян. По сути дела и та и другая группа живут продажей своего товара, только у одной таким товаром является рабочая сила, а у другой — продукт, произведенный на продажу. Наличие имущественной дифференциации в африканской деревне можно установить по тем немногим сведениям о размерах африканских земельных участков, которые имеются в нашем распоряжении. В послевоенные годы в Танганьике появились крестьяне, земельные участки которых по своим размерам значительно превосходят участки основной массы крестьян. Одна из земельных комиссий английской администрации определила, что в среднем земельный надел африканской семьи не превышает 6—7 акров⁹. В то же время в отчете английской администрации за 1955 год говорится о появлении в стране «африканских фермеров средней руки», поля которых достигают 200—300 акров¹⁰. В 1956 г. Совет по опеке отметил, что в Танганьике наблюдается «дальнейшее увеличение количества африканцев, которые занимаются сельским хозяйством в масштабе, значительно превышающем мелкое хозяйство»¹¹. Английский этнограф Ольдекер отмечал, что среди хехе и бена встречаются общинники, поля которых достигают 200—300 акров, в то время как обычный участок не превышает 8 акров¹². Наконец, в изданном Международной Орга-

⁹ «Tanganyika. Report on the analysis on the sample census of african agriculture 1950», Nairobi, 1953, стр. 11—28.

¹⁰ «Tanganyika under United Kingdom administration. Report for the year 1955», London, 1956, стр. 61.

¹¹ «ООН. Доклад Совета по опеке за период с 23 июля 1955 г. по 14 августа 1956 г.», Нью-Йорк, 1956, стр. 51.

¹² «Tanganyika Notes and Records», Dar es Salaam, 1957, № 47—48, стр. 133.

низацией труда сборнике «African Labour Survey» снова указывается на наличие в стране африканцев, имеющих большие участки земли, которые они обрабатывают тракторами¹³. Наряду с увеличением количества крестьян, имеющих крупные земельные участки, шло обезземеливание беднейшего крестьянства. Английские этнографы Кори, Мальколм и Гулливер отмечают, что среди джагга, аруша, ньякюза появились крестьяне, не имеющие своих полей. Особенно много безземельных среди молодых мужчин. Захват богатыми крестьянами больших участков, при ограниченных размерах плодородной земли в районах поселения данных народностей, лишал молодое поколение возможности получить землю. Гулливер указывал, что в 1955 г. в одном из округов ньякюза только 17% молодых людей имели свои поля, причем эти поля были в четыре раза меньше обычного крестьянского земельного участка. Вот почему 53% молодых мужчин того же округа вынуждены были заниматься отходничеством¹⁴. Многие буржуазные авторы объясняют процесс обезземеливания ростом населения в условиях, когда возможности освоения новых земель крайне ограничены из-за неплодородия почв или отсутствия необходимых средств. В то же время они часто игнорируют факт растущей имущественной дифференциации. Лишь у Гулливера имеется указание на то, что рост имущественной дифференциации в африканской деревне привел к захвату земель отдельными богатыми крестьянами. Он пишет, что некоторые крестьяне (причем рядовые общинники) захватили большие участки земли и ныне превращаются в новый «зажиточный класс»¹⁵.

Имущественная дифференциация прослеживается также на размерах денежных доходов африканских крестьян. Эти данные наиболее ярко свидетельствуют об имущественном и классовом расслоении в африканской общине. Английский исследователь Райт установил, что средний доход африканского хозяйства в 1953—1955 гг. был равен 134 шиллингам в год. Как всякие средние цифры, эти данные весьма условны и не показывают действительного положения, но у того же автора мы встречаем указание на то, что в Западной провинции Танганьики имеются крестьянские семьи с годовым доходом в 350 шиллингов и в то же время семьи с доходом около 20 шиллингов¹⁶. Наибольшая дифференциация наблюдается в районах посадок экспортных культур, где активизируют свою деятельность потребительские кооперативы. В кооперативном объединении Рунгве в 1954—1955 гг. крестьяне получали доход от 117 до 369 шиллингов в год, а в объединении Нтони-Матенго — от 38 до 159 шиллингов¹⁷. В отчете миссии Совета по опеке за 1954 год указывалось, что средний годовой доход члена кооператива по продаже кофе равнялся 1000 шиллингам, но что имелись крестьяне, получавшие до 100 тысяч шиллингов годового дохода¹⁸. Немецкий журналист Груббе писал о встрече с джагга, доход которого достигал 40 тыс. шиллингов в год¹⁹. Райт указывал, что доход африканского крестьянства, занимающегося производством табака, в среднем был равен 100—200 шиллингам в год, но имелись беднейшие хозяйства с доходом в 40—60 шиллингов и богатейшие, получавшие ежегодно от 5 до 25 тыс. шиллингов²⁰. Все изложенное дает возмож-

¹³ «African Labour Survey», Geneva, 1958, стр. 76.

¹⁴ P. H. Gulliver, Указ. соч., стр. 25, 37.

¹⁵ Там же, стр. 17.

¹⁶ C. Wright, African consumer in Nyasaland and Tanganyika, London, 1955, стр. 18.

¹⁷ P. H. Gulliver, Labour migration in a rural economic. Kampala, 1955, стр. 48; C. Wright, Указ. соч., стр. 20—21.

¹⁸ «UN Visiting Mission to Trust territories in East Africa, 1954, Report on Tanganyika», New York, 1955, стр. 40.

¹⁹ P. Grubbe, Die Trommeln verstümmen, Wiesbaden, 1957, стр. 127.

²⁰ C. Wright, Указ. соч., стр. 20—21.

ность говорить о появлении среди африканского крестьянства Танганьики капиталистических элементов. Их еще не много, но по своему значению в крестьянском хозяйстве и особенно в общем количестве производимых крестьянством продуктов, идущих на рынок, крестьянская буржуазия начинает занимать все более заметное место.

Многочисленные народности и племена Танганьики находятся на различных ступенях социального развития. Наряду с племенами, стоящими на стадии разложения родо-племенных отношений, а также находящимися на стадии феодальных отношений, имеются многие народности, переживающие начальный этап развития капиталистических отношений.

Большинство африканских крестьян — самостоятельные производители, тесно связанные с общиной. Наряду с этим встречаются различные формы феодальной и капиталистической эксплуатации. Вожди и старейшины многих племен Танганьики используют свои традиционные права для увеличения личных доходов эксплуатацией своих соплеменников. В частности, это находит свое выражение в возросшем участии вождей в распределении земли, за что они получают определенные приношения. Имеющееся в каждой деревне «поле вождя», урожай с которого раньше шел всему племени, теперь полностью присваивается вождем. Все крестьяне обязаны работать на этом поле определенный период времени. Кроме того, каждый вождь и старейшина имеют свои наследственные земли, которые обрабатываются также крестьянами данного племени или рода. У сукума земельное владение вождя называется «нкуру». «Нкуру» обрабатывается крестьянами, носящими наименование «баникуру». Это зависимые от вождя люди, которые получают от него участок земли, расположенный или внутри «нкуру», или около него. За эти участки «баникуру» работают на поле вождя²¹. Здесь мы видим отработочную ренту, барщину, когда непосредственный производитель часть времени работает на своем участке, а часть — на земле феодала. Некоторые вожди, как и зажиточные крестьяне, эксплуатируют своих соплеменников, отдавая им в аренду на определенный срок свой скот. Так, у сукума владельцы больших стад часть своего скота передают бедным крестьянам, которые пасут его, получая за это молоко и используя помет для удобрения. Этот обычай носит наименование «кубириза». У народа ираку имеются две формы подобной аренды скота: «куазара» соответствует по своему содержанию «кубириза» сукума, а при аренде типа «ному» крестьянин, кроме молока, получает весь приплод. В 1950 г. около $\frac{1}{3}$ всего скота ираку находилось у арендаторов²². Эти виды аренды скота весьма близки к феодальным отношениям, когда крестьянин обслуживает скот хозяина и, неся таким образом повинности, равносильные отработочной ренте, получает за это определенный продукт. Имеются и некоторые другие формы феодальной эксплуатации. В условиях классового расслоения африканской деревни они проявляются все более отчетливо, стирая различные родо-племенные пережитки.

В африканской деревне непосредственное использование наемного труда встречается довольно редко. Обычно оно замаскировано бытовыми еще различными пережитками родо-племенных отношений. Так, один из обычаев племенной взаимопомощи — работа групп возрастных классов на полях членов общины — приобретает все чаще характер найма рабочей силы. Вместе с традиционным угощением пивом крестьянин, на поле которого производятся работы, выплачивает теперь членам группы договоренную сумму денег. О подобной метаморфозе племенных отношений у сукума указывается в работах Кори и Маль-

²¹ H. Cory, *Sukuma Law and Custom*, Oxford, 1954, стр. 125—129.

²² «*Journal of African administration*», London, 1953, т. V, № 4, стр. 162

кольма²³. Больше развита в Танганьике кооперация производителей экспортных культур, являющаяся одной из форм капиталистического предпринимательства. Кооперативные общества африканцев возникли как объединения товаропроизводителей для совместной продажи сельскохозяйственных культур и приобретения сельскохозяйственного инвентаря и некоторых промышленных товаров. Впервые эти общества появились в борьбе с конкуренцией иностранных плантаторов, а дальнейшее их укрепление и развитие было связано с поддержкой английской администрации, выражавшей интересы монопольных скупочных компаний. Созданием кооперативов эти компании облегчали и удешевляли приобретение экспортных культур, ликвидируя посредническое звено. В послевоенные годы, в условиях разложения общинного хозяйства и ослабления традиционной власти вождей, англичане постоянно поддерживали кооперативы, которые являлись, по сути дела, детищем сельской буржуазии — тех «средних классов», которые, по мысли английских колонизаторов, должны были стать новой опорой иностранного капитала. Впервые в Танганьике (и во всей Африке) кооперативное общество было создано в начале 20-х годов в районе отрогов Килиманджаро у народа джагга. Это было объединение крестьян для централизованной продажи кофе, получившее наименование «Кооперативное объединение африканцев Килиманджаро» (КОАК). В 30-х годах несколько кооперативных обществ по продаже табака создали «Кооперативное объединение Нгони-Матенго» (КОНМ). В период второй мировой войны и после ее окончания кооперативное движение охватило все районы производства экспортных культур. Дальнейшая имущественная дифференциация внутри африканской общины способствовала кооперированию. Зажиточные крестьяне, продавая с помощью кооперативов свой урожай, получили некоторую возможность приобретения оборудования и товаров для расширения производства.

В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» писал, что при капитализме кооперации «дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты»²⁴. Коллективные капиталистические учреждения использовались растущей сельской буржуазией Танганьики. Происходил постоянный рост числа кооперативов. В 1949 г. в юго-западной части страны у оз. Ньяса кооперативы по продаже кофе и риса объединились в «Кооперативное объединение Рунгве» (КОР). В том же году в Озерной провинции возникло «Кооперативное объединение Букобы» (КОБ), занимающееся продажей кофе. В последующие годы шло дальнейшее увеличение количества кооперативов. В 1955 г. в Озерной провинции появилось объединение по продаже хлопка «Федерация кооперативных объединений Виктории» (ФКОВ), которая охватила своим влиянием 49,5% всех крестьянских хозяйств, занятых производством хлопка²⁵. К концу 1958 г. в Танганьике было 21 территориальное объединение кооперативных обществ и одно действующее по всей территории страны «Кооперативное объединение торговли Танганьики». Кооперативное движение охватило все восемь провинций страны. За период с 1947 по 1958 г. количество кооперативов увеличилось с 59 до 546, а число членов в них — с 50 тыс. до 319 тыс. человек. Значительно выросли доходы кооперативов. В 1948 г. все кооперативы продали сельскохозяйственных продуктов на 990 тыс. фунтов стерлингов, а в 1958 г. — на 11 млн. фунтов стерлингов²⁶. Многие кооперативные объе-

²³ См. D. Malcolm, Sukumaland, London, 1953, стр. 20—60; Н. Согу, Указ. соч., стр. 100—125.

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 54.

²⁵ «Year book of agriculture cooperation 1957», Oxford, 1957, стр. 223—227.

²⁶ «Tanganyika under United Kingdom administration. Report for the year 1947», London, 1948, стр. 245; «Report for the year 1948», London, 1949, стр. 93; «East Africa and Rhodesia», London, 1959, т. 35, № 1809, стр. 1189.

динения стали собственниками предприятий по первичной обработке сырья. В 1947 г. КОАК стало компаньоном двух европейских компаний по постройке в Моши завода по обработке кофе²⁷. В 1951 г. КОНМ на заем, полученный от английского управления, построило в Сонгеа табачную фабрику. В 1954 г. КОР приобрело 51% акций фабрики по очистке риса, а в 1957 г. оно уже владело 75% акций этой фабрики. К концу 1957 г. кооперативы являлись собственниками 13 предприятий по очистке хлопка и, кроме того, ФОКВ строила крупную хлопкоочистительную фабрику в Касамбе, оборудованную американскими машинами²⁸. На всех предприятиях, принадлежащих кооперативам, использовался труд наемных рабочих, что еще раз свидетельствует о капиталистическом характере этих объединений.

Каждое кооперативное общество состоит из самостоятельных производителей. Последние сдают свою продукцию в управление общества, возглавляемого вождями и богатейшими крестьянами. При сдаче урожая крестьянин получает фиксированный аванс, а после продажи кооперативом всего товара производится пересчет в соответствии с доходами всего кооператива в целом и размерами сданной крестьянином доли. Все отношения в кооперативах основываются на «индивидуализме, самообеспечении и личной инициативе», как писал крупный английский специалист по современному положению в Африке лорд Хэйли²⁹. Немецкий журналист Круг указывал, что индивидуализм и стремление к увеличению прибылей являются характернейшими особенностями африканских кооперативов. Некоторые крестьяне идут на сокращение посевов продовольственных культур и ради получения больших доходов увеличивают посадки хлопка, кофе и т. д.³⁰

В свете этих фактов особенно ложными представляются утверждения некоторых буржуазных авторов, что кооперативы возникли на основе родо-племенного обычая взаимопомощи и что они не отражают роста капиталистических отношений внутри африканской общины. Так, в выпускаемом министерством колоний Англии «Восточноафриканском ежегоднике» указывалось, что возникновение кооперативного движения связано только с патриархально-племенными отношениями³¹. Подобные заявления имеют своей целью показать извечную отсталость африканцев, невозможность их самостоятельного развития и не имеют ничего общего с действительностью. В то же время нельзя отрицать и то, что в условиях полного господства иностранного капитала в экономической и политической жизни Танганьики африканские кооперативы оказались зависимыми от английских властей. Все кооперативы подчинены государственным закупочным торговым советам, где руководство сосредоточено полностью в руках европейских и индийских капиталистов. Закупочные советы были образованы в тех районах, где имелись кооперативные объединения, причем каждый совет контролировал определенное объединение. Так, КОАК находилось под контролем совета Моши, а КОНМ — под контролем совета в Сонгеа. О деятельности и составе этих советов можно судить на примере совета Моши: он состоял из европейцев, индийцев и нескольких африканцев, назначенных губернатором. Это были плантаторы, торговцы, вожди. Совет осуществлял контроль за производством кофе в районах отрогов Килиманджаро и скупал по установленным заранее ценам через КОАК все производимое кофе. Совет осуществлял контроль за

²⁷ «East Africa and Rhodesia», 1948, т. 25, № 1260, стр. 366.

²⁸ «Year book of agriculture cooperation», Oxford, 1954, стр. 151—154; 1955, стр. 293—295; 1957, стр. 223—227; «African Labour Survey», Geneva, 1958, стр. 447; «African Affairs», London, 1952, т. 51, № 203, стр. 106.

²⁹ W. M. Hailey, *An African Survey*, Revised 1956, London, 1957, стр. 1458—1459.

³⁰ W. Kруг, *Südlich der Sahara*, Hamburg, 1954, стр. 73.

³¹ «East Africa Annual 1955—1956», London, 1956, стр. 83—85.

ценами, что приводило к образованию стабилизирующих фондов, которые полностью оказывались в распоряжении совета и являлись важным рычагом его политики. Совет имел неограниченные права в заготовке и сбыте продукции, устанавливая сорта кофе и т. д.

Как уже указывалось, все земли африканцев являются собственностью общины. Вместе с тем, в послевоенные годы в некоторых районах Танганьики среди зажиточных африканцев и многих вождей возникли стремления к превращению их участков земли в частную собственность. Капиталистические отношения, складывающиеся внутри африканской общины, вызвали новое отношение к земле. Росло стремление к юридическому закреплению за собой и своим потомством участков земли с посадками многолетних экспортных культур. Многие африканцы не только плоды земли, но и саму землю начинают рассматривать как товар. В 1950 г. английские власти сообщали, что «многие африканцы... все более ясно понимают цену своей земли... и... заинтересованы в сохранении своего владения»³². Английский исследователь Мид писал о широком распространении концепции «частно-собственнических земель»³³. Хэйли указывал, что богатые крестьяне округа Багамоё стремятся превратить свои земли в частную собственность³⁴. Члены Совета бахайя, племенной организации племени хайя, писали в петиции в Совет по опеке: «Мы просим признать официально право частного владения на землю»³⁵. Наконец, миссия Совета по опеке, посетившая Танганьiku в 1957 г., рекомендовала ввести законодательство о частной собственности на землю в районах побережья Индийского океана, в предгорьях Килиманджаро и в округе Букоба, указав, что там имеются «формы, близкие к частному владению»³⁶.

О характере и причинах всех этих явлений довольно правильно говорилось в решениях специальной Королевской комиссии, ознакомившейся с положением в Восточной Африке в 1953—1955 гг.: «Введение денег нарушило весь распорядок общинной жизни племен, вызывая среди африканцев индивидуалистические потребности... введение денег и заработной платы, продажа урожая начали играть существенную роль в земельных отношениях. Если урожай продается и, следовательно, что-то стоит, то начинает цениться земля... появлялось стремление к индивидуальной собственности на землю. Рушились обычаи общинного землепользования и начал появляться класс безземельных людей»³⁷.

Комиссия рекомендовала постепенное введение частной собственности на землю. В феврале 1956 г. в Аруше состоялась конференция английских чиновников Танганьики, Уганды, Кении, Северной Родезии и Ньясаленда по вопросу об африканском землевладении. Конференция отметила, что «Африка находится на переходной ступени между общинными и исключительно собственническими правами на землю»³⁸. Конференция рекомендовала ввести частную собственность на землю в ряде районов Восточной и Центральной Африки, конкретно указав на пути и методы регистрации земли и введения нового права³⁹. Введение нового земельного законодательства, однако, задерживается, что объясняется не только сложностью реформы, но и сопротивлением не-

³² «Tanganyika under United Kingdom administration. Report for the year 1950», London, 1951, стр. 60.

³³ C. Meek, Land, Law and Custom in the colonies, London, 1949, стр. 10.

³⁴ W. M. Hailey, Native administration in the British African Territories, London, 1953, т. 1, стр. 349.

³⁵ United Nations Petition from the Buchaya (Bukoba) Council, T/Pet. 2/154 15 November 1951.

³⁶ «Africa digest», London, 1958, т. V, № 5, стр. 178.

³⁷ «East Africa Royal Commission 1953—55. Report», London, 1955, стр. 24, 286—288.

³⁸ «Africa land tenure. Report of the Conference», London, 1956, стр. 224.

³⁹ Там же, стр. 25, 30—31.

которых слоев африканского населения. Совет по опеке в 1958 г. назвал этих лиц «более традиционно настроенными кругами африканцев»⁴⁰. Это, прежде всего, вожди и старейшины, которые занимаются распределением земли. Они не хотят терять свои права и доходы. Против реформы также многие рядовые общинники, которые боятся, что введение частной собственности на землю ухудшит их и без того тяжелое положение и приведет к быстрому обезземеливанию.

В середине 1958 г. английское управление опубликовало специальный документ, в котором снова указывало на потребность удовлетворить растущее стремление к частному землевладению со стороны «прогрессивных африканцев». Выступая по поводу этого документа, тогдашний губернатор Танганьики Туайнинг заявил, что пока управление не убедится в пользе реформ, они вводиться не будут. Губернатор добавил при этом, что законодательство должно предоставить право частной собственности на землю не только африканцам, но и неафриканским жителям⁴¹. Это заявление очень важно, ибо оно проливает свет на политику англичан в Танганьике, которые ратуют за новые реформы с большей активностью, чем сами африканцы. Английское управление действует прежде всего в интересах «белых» поселенцев, которые захватили лучшие земли страны и в настоящее время, в условиях роста национально-освободительного движения, боятся потерять свои владения. Введение частной собственности укрепит позиции плантаторов.

В самом конце 1958 г. в Танганьике был опубликован «Циркуляр № 6», в котором указывалось, что «экономическое развитие территории достигло уровня, когда для улучшения жизни африканского населения необходима... индивидуализация земельного владения», так как общинная собственность на землю мешает «прогрессивному фермеру» «вкладывать деньги в капитальное улучшение»⁴². Таким образом, английские власти, с одной стороны, выступают за укрепление позиций «белых» поселенцев, а с другой — стремятся ввести законодательство, отражающее происходящие в недрах африканского общества процессы.

Все изложенное свидетельствует о том, что в послевоенные годы в Танганьике наблюдается постоянный рост имущественной дифференциации в африканской деревне. В стране появились крестьяне, обрабатывающие большие участки земли и получающие высокие денежные доходы. Одновременно с этим увеличивалось число безземельных крестьян. Развитие кооперативного движения, настойчивые требования зажиточных африканцев установить частную собственность на землю и т. д. — все это свидетельствует о появлении капиталистических элементов среди африканского крестьянства.

Имущественная и классовая дифференциация обостряет отношения в деревне, ухудшает материальное положение основной массы крестьянства. В свою очередь колониальный гнет является первопричиной общего тяжелого положения африканских крестьян Танганьики. Основные богатства страны, создаваемые африканцами, вывозятся за границу и идут на обогащение иностранного монополистического капитала. Иностранный капитал эксплуатирует крестьянство Танганьики как производителей, как налогоплательщиков и, наконец, как потребителей промышленных товаров.

В послевоенные годы постоянно возрастает участие крестьян в национально-освободительной борьбе африканцев Танганьики. Крестья-

⁴⁰ «Report of the Trusteeship Council covering the work of its twenty-first and twenty-second session», т. II, New York, 1958, стр. 16.

⁴¹ «East Africa and Rhodesia», 1958, т. 34, № 1753, стр. 1158.

⁴² Там же, 1958, т. 35, № 1785, стр. 510.

не составляют значительную часть основной прогрессивной организации страны — Национального Союза африканцев Танганьики, который возглавляет движение за предоставление стране независимости в самое ближайшее время.

SUMMARY

The article considers one of the major aspects of social life in present-day Africa. The author shows that in the African village of Tanganyika the post-war years were marked by the rise of peasants possessing land holdings considerably larger than the average commoner's, and drawing higher money incomes. The article also considers the development of the co-operative movement in Africa, in which the leading part is played by capitalist elements, and notes the rising tendency toward establishing private property in land among the well-to-do sections of the African village. The conclusion drawn by the author is that the post-war years are characterized by a growing differentiation in wealth and the emergence of a marked class differentiation among the African peasants.

Е. А. ТАРВЕРДОВА

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСЛАМА В ЗАПАДНОМ СУДАНЕ В XIII—XVI вв.

Начало проникновения ислама в Западный Судан относится к IX—XI вв. С торговыми караванами из стран Магриба в средневековые государства Западного Судана проникали мусульманские миссионеры и вели, среди местного населения религиозную пропаганду.

Новая для народов Западного Судана религия находила приверженцев прежде всего среди представителей господствующего класса африканских средневековых государств. Являясь идеологией феодального общества, ислам способствовал укреплению власти местных правителей.

Проникая в страны Западного Судана, ислам не изменял классовой структуры и культурно-бытовых особенностей африканского общества; напротив, он приспособлялся к существовавшим здесь социальным отношениям и культурному уровню местных государств. Отсюда и происходят специфические особенности ислама в Западном Судане.

Первоначально ислам распространялся главным образом среди городского населения. Арабские авторы и местные исторические хроники сообщают, что в таких крупных торговых городах Западного Судана, как столица государства Ганы, Кумби Сале, Гао, Валата, Тимбукту, Дженне и др., существовали специальные кварталы, в которых проживали мусульмане — арабские и берберские торговцы, миссионеры, богословы, переводчики и т. д.

Но вскоре, поддерживаемые местными властями, миссионеры ислама стали проникать в глубь страны и вести там свою религиозную проповедь. После завоевания Ганы берберами-альморавидами в 1076 г. мусульманская религия стала распространяться и среди негородского африканского населения. На средневековых картах Африки появляются такие крупные мусульманские феодальные государства XIII—XVI вв., как Мали, Сонгаи, Канем, Борну, которые поддерживали тесные торговые, религиозные и политические связи с Магрибом.

В странах Северной Африки был распространен суннитский ислам маликитского мазхаба (толка)¹. С IX в. он проник и стал господствующим в странах Западного Судана. Многочисленные свидетельства этого приводят средневековые арабские авторы и суданские исторические хроники. Так, в составленной Абд ар-Рахманом ас-Саади хронике «Тарих ас-Судан» приводятся биографии мусульманских ученых из городов Западного Судана — Дженне и Тимбукту, изучавших основ-

¹ Маликитский толк (мазхаб) — один из четырех так называемых «правовверных» толков суннитского ислама. Основанный в VIII в. имамом города Медины Абу-Абдаллахом Маликом ибн-Анасом, он являлся одним из наиболее ригористичных толков в исламе. Маликитские богословы придерживались буквального понимания Корана и сунны и настаивали на строгом выполнении верующими ритуально-обрядовых установлений мусульманства. Маликитское учение изложено в трактате «ал-Муватта» (Торная тропа), составленном Маликом ибн-Анасом.

ные труды маликитских богословов и, в частности, трактат «ал-Муватта» основателя толка Малика ибн-Анаса². Ал-Макризи сообщает, что мусульмане Канема построили в 1242/43 г. в Каире специальное медресе, в котором останавливались африканцы-мусульмане из Западного Судана, так как они были приверженцами маликитского толка³.

Ведя проповедь ислама в Западном Судане, среди африканского населения, не знавшего арабского языка и не имевшего никакого представления об основных догматах мусульманства, маликитские богословы были вынуждены приспособляться к местным условиям. Выполняя роль духовных судей-кадиев, имамов, проповедников и т. п., они обращали внимание не столько на усвоение африканцами существа мусульманского учения и его догматики, сколько на соблюдение новообращенными ритуально-обрядовых и юридических предписаний ислама.

Главная особенность ислама в Западном Судане заключается в том, что принятие мусульманства африканцами, как правило, носило чисто внешний характер. Некоторые народы Западного Судана и после обращения в ислам продолжали придерживаться своих старых религиозных верований или же вскоре совсем отрекались от новой религии, способствовавшей угнетению народных масс.

Мусульманское учение воспринималось народами Западного Судана сквозь призму их местных религиозных верований. Так, основной догмат ислама, выраженный в формуле «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник его», воспринимался мусульманами Западного Судана с точки зрения анимистических верований, как вера в существование верховного духа, одного из духов, населяющих всю живую и неживую природу. Например, хауса магузава (это название происходит от арабского слова маджуси — язычник) допускали существование Аллаха, признавая его верховной силой, которая управляет миром.

Но все местные культовые обряды были связаны с верой в духов — искоки (иска), которые действуют с «позволения Аллаха». Местное население зывало к Аллаху только для вызывания дождя и для борьбы с угрожающими природными явлениями⁴. Арабские авторы часто приводят легенды об обращении в ислам правителей стран Западного Судана, видевших в этом средство, избавляющее от стихийных бедствий. Так, ал-Бакри описывает принятие ислама правителем страны Малел с целью вызвать дождь и прекратить засуху: «в течение нескольких последовательных лет в стране была ужасная засуха. Жители совершали жертвоприношения для того, чтобы вызвать дождь. Они закололи столько быков, что истребили чуть не всю породу. Однако засуха и нищета продолжали увеличиваться...». Тогда правитель страны обратился к одному благочестивому мусульманину за помощью. «Если ты станешь верить во всемогущего бога, — сказал тот, — признаешь его единство, признаешь божественную миссию Мухаммеда и будешь ревностно соблюдать предписания мусульманской религии, то, я уверен, ты получишь вскоре освобождение от всех несчастий, которые постигли тебя». Правитель этой страны согласился и однажды «едва день прошел, бог послал на его страну обильный дождь. Правитель страны сразу же сломал всех идолов и изгнал колдунов. С этих пор он и его потомство и близкие люди приняли ислам, но основная масса населения продолжала оставаться идолопоклонниками. Они дают с этих пор своим правителям прозвище ал-мослемени»⁵.

² «Tarikh es-Soudan, par Abderrahman ben Imran ben Amir es-Sa'di», ed. Houdas, Paris, 1900, стр. 48, 71 (в дальнейшем — «Тарих ас-Судан»).

³ H. R. Palmer, *Sudanese Memoirs*, Lagos, 1928, т. II, стр. 8.

⁴ I. H. Greenberg, *The Influence of Islam on a Sudanese Religion*, «Monographs of the American Ethnological Society», Memoirs. № 10, New York, 1946, стр. 27—28.

⁵ El-Bekri, *Description de l'Afrique Septentrionale*, Paris, 1913, текст стр. 178, перев. стр. 334.

Сонгаи, так же как и хауса, признавали существование Аллаха, но они не называли его единым богом и не оказывали ему никакого особого почитания. Существовало представление о том, что в мире имеются как бы два бога: Аллах — для мусульман, а другой бог — для местного населения, но что оба они тождественны. Своего местного бога в отличие от Аллаха они называли Сиди Н'ке или Сиди Н'ке ан Зерма⁶. Аллах признавался главным богом, но допускалось наличие и других богов. Это очень характерно для религий народов Западного Судана, как и вообще для не монотеистических религий, с которыми ислам столкнулся при своем распространении. На это, в частности, указывал Энгельс: «Чтобы стать религией, монотеизм испокон века должен был делать уступки политеизму, начиная уже с Зендавесты...»⁷. У многих народов Западного Судана бог неба синкретизировался с Аллахом: у народов аброн (Берег Слоновой Кости), у диула. Например, у бамбара Аллах синкретизировался с богом Гала или Н'гала — древним божеством неба, грома и дождя⁸. Он представляется только как бог неба, а не как единый бог, каким он считается у правоверных мусульман Востока. Французский ученый Токсье сообщает, что бамбара, молясь Аллаху, для того, чтобы вызвать дождь, произносили особое выражение: «алла би финь, ала би на, алла би кулукулу, алла би йейе, йейе, алла до...» и т. д. — что означает «гучи сгущаются, гремит гром, пойдет дождь». Это же выражение употреблялось с упоминанием вместо Аллаха слова «са», которое обозначает атмосферу, откуда идет дождь⁹.

Вторая часть формулы исповедания мусульманства — «...Мухаммед посланник Аллаха» — не приобрела особого значения для мусульман Западного Судана. Мухаммед известен как посланник Аллаха, который лишь передает Коран как божественное слово, учит человека покорности. Но они очень редко признают его главнейшим святым ислама.

Между тем у народов Западного Судана, принявших ислам в раннем средневековье, как, например, у сонгаев, культ святых довольно ярко выражен. Это является результатом влияния ислама Северной Африки, где почитание «святых» было широко распространено. Как правило, у исламизированных народов остальной Западной Африки отсутствует почитание святых. Большое значение придавалось так называемому барака — благословению, получаемому от бога святым человеком — марабутом, который в течение своей жизни распространяет его вокруг себя. После смерти «святого человека» барака продолжает существовать в рибате — его уединенном жилище. В связи с этим жилища марабутов считались священными местами для паломников.

Мечети в Западном Судане, как правило, имеются лишь в древних центрах распространения ислама — в Тимбукту, Гао и некоторых городах страны хауса. Наиболее известными мечетями Западного Судана, отличающимися своим особым архитектурным стилем, являются мечети Гао и Тимбукту. В Тимбукту после возвращения правителя Мали Манса Мусы из паломничества в Мекку была построена первая мечеть в 1352 г. Затем в 1581 г. кади города, вернувшись из хаджжа, также построил мечеть, которая получила название Санкоре, что означает «властелин белых», так как она была построена в мусульманском квартале, где жили «белые» — торговцы и паломники. Название мечети Санкоре имеет и другое значение — «властелин ученых, докторов», так как здесь проживали также и главные ученые — богословы города.

⁶ H. Boulnois et Boubou Hama, L'empire de Gao, Paris, 1954, стр. 74.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, Соч., т. XVI. ч. 2, стр. 429.

⁸ L. Tauxier, La religion Bambara, Paris, 1921, стр. 173.

⁹ Там же, стр. 174—177.

В средние века именно вокруг мечети Санкоре сосредоточивалась культурная и духовная жизнь Западного Судана: она была своего рода мусульманским университетом¹⁰.

Однако обычно мечети, особенно в деревнях, представляют собой небольшие молельни круглой и прямоугольной формы, в которых по пятницам происходит публичная молитва. Мечети называются у сонгайцев джами (от арабского «джамиа» или «масджид ал-джума»). Каждая мечеть имеет своего имама, который руководит молитвой. Муэдзин называется «лазан» (от арабского «ал-азан» — призыв к молитве). Часто употребляются и другие названия, например, «алмузин» («ал-муазин» по-арабски) и «кати-кой» — зовущий к молитве, а у хаусанцев — «май-киран-салла» — тот, кто призывает к молитве¹¹.

Мусульманское духовенство играло большую роль в политической и экономической жизни государства Сонгаи, являясь здесь наиболее могущественной и многочисленной прослойкой господствующего класса. Как и у большинства народов Западного Судана, оно известно под названием «алфа». Видимо, это слово происходит от арабского ал-факх, халифа, или муаллиф; у манде существует название «караморо» (от арабского кара'а — читать, моро — человек и мори-ба — «великий мусульманин»). В течение многих столетий из среды алфа избирались религиозные вожди Тимбукту, кадии, имамы мечетей, преподаватели медресе. Возникновение алфа относится к XI веку.

В связи с большой ролью духовенства в государстве Сонгаи стоит существование института «хабус». Хабус — это специфическая категория мусульманского землевладения, которая известна в других мусульманских странах как вакф. Владения хабус основаны на добровольных пожертвованиях, дарах, выражающихся в передаче доходов от имущества для осуществления благочестивых или общественно-полезных целей. Так, например, Аския ал-Хаджж Мухаммед во время своего паломничества в Мекку в 1498 г. приобрел за 100 тыс. кусков золота «сад, дома, которые он сделал хабусом в пользу верующих, улема и бедных»¹². В жалованной грамоте (махраме) правителя государства Канем Умме Джилми, который в 1085 г. н. э. принял ислам, указывалось, что земли проповедника Мухаммеда ибн-Мани объявлялись хабусом, так как он первым ввел ислам в страну¹³.

Учреждение хабусов в государстве Сонгаи также можно считать результатом североафриканского влияния. В остальных странах Западной Африки этот институт не получил распространения.

Народы Западного Судана, сохранившие во многом свои местные верования и культы, воспринимали преимущественно обрядовую сторону ислама, имевшую для африканца магическое значение, а не мусульманскую догматику. Обращение в ислам начиналось прежде всего с совершения обрядов ислама.

Мусульманам предписано исполнение следующих пяти главных религиозных обязанностей (так называемые «пять столпов ислама»: 1) исповедание веры, выраженное в формуле «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник Аллаха», 2) ежедневная пятикратная молитва (намаз), 3) подача милостыни (закат) в пользу неимущих членов мусульманской общины, 4) пост в месяц Рамадан, 5) паломничество в Мекку (хаджж).

Маликитские богословы придавали особо большое значение совершению ежедневной молитвы, видя в ней лучшее средство для снискания благорасположения Аллаха; по их мнению, вся сила молитвы за-

¹⁰ P. Marty, *Études sur l'Islam et les tribus du Soudan*, Paris, 1920, т. II, стр. 61—64.

¹¹ J. S. Trimmingham, *Islam in West Africa*, London, 1959, стр. 70—71.

¹² «Tarikh el-Fettach» ed. Houdas, Paris, 1913, стр. 120.

¹³ H. R. Palmer, *Указ. раб.*, т. III, стр. 4.

ключается в строгом выполнении всех предписаний молитвенного ритуала¹⁴.

Выше уже указывалось, что для африканцев-мусульман Западного Судана вера в Аллаха не являлась верой в единого бога в том смысле, в каком понимается единобожие в правоверном мусульманстве. Поэтому и провозглашение формулы исповедания ислама, и совершение намаза являлись для африканцев лишь внешним актом, отличающим мусульманина от «язычника»,

Как видно из сообщений хроники «Тарих ас-Судан», в Западном Судане, в частности в государствах Мали и Сонгаи, молитва совершалась строго в соответствии с ритуалом только представителями мусульманского духовенства. Основная масса африканцев-мусульман Западного Судана полагает, что только духовенство обязано регулярно и точно выполнять предписанные исламом обряды. Практически мусульманское население Западного Судана признавало лишь общественную пятничную молитву, которая совершалась в мечетях под руководством имама — «алмами» у африканцев. У сонгаев, например, пятничная молитва совершается так: после призыва муэдзина к молитве имам начинает читать Коран, а муэдзин переводит прочитанное на местный язык. Но и на общественных молениях очень немногие соблюдают предписания сунны, большинство же лишь наблюдает за ходом молитвы.

Характерно, что среди мусульман Западного Судана существует представление об обязательной ритуальной пятничной молитве и молитве как бы неофициальной, являющейся непосредственным обращением к богу. Так, у хауса выражение «йи салла» значит «совершать ритуальную молитву», а выражение «йи аддуа» — вообще просто молиться¹⁵. «Тот факт, что люди могут обращаться к богу, — писал Деляфосс, — кажется им удивительным и немало способствует поднятию среди них престижа мусульман»¹⁶. Во время молитвы могут присутствовать и немусульмане. Они же принимают участие в строительстве мечетей. Все это указывает на то, что молитва для мусульман Западного Судана является чисто формальным актом.

Другие установления ислама также не всегда исполнялись согласно предписаниям Корана и сунны. Ритуальный мусульманский налог — закят, согласно Корану, должен был расходоваться на оказание помощи неимущим и нуждающимся мусульманам, путешественникам, вдовам, сиротам и воинам, сражавшимся за распространение ислама. В Западном Судане в средние века этот налог взимался в пользу духовенства. Согласно маликитским канонам, закят взимался со скота, ценных металлов (золото, серебро), с урожая, с товаров. Закату подлежал только крупный и мелкий рогатый скот. Для крупного рогатого скота (быков, коров, буйволов) установлены следующие размеры заката: с количества меньше 30 голов не взимается ничего. С 30 голов взимается один годовалый теленок (таби), либо двухгодовалый, преимущественно телка. С 40 голов взимается двухгодовалый теленок (мусинна), либо трехгодовалая телка. С 120 голов скота закят взимается по усмотрению сборщика налога.

Для мелкого рогатого скота устанавливалась следующая норма: с количества меньше 40 голов не взимается ничего. С 40 голов взимается один баран или одна годовалая овца; с коз с 121 головы взимается два барана или две овцы, с 201 головы мелкого скота взимается три барана и т. д.; с каждой сотней размеры заката увеличиваются¹⁷.

¹⁴ Khalil ben Ishaq, Abrégé de la loi musulmane selon la rite de l'imam Malek, trad. par G. H. Bousquet, Alger, 1956, стр. 42.

¹⁵ J. S. Trimmingham, Указ. соч., стр. 73.

¹⁶ M. Delafosse, Les Noirs de l'Afrique, Paris, 1922, стр. 153.

¹⁷ Khalil ben Ishaq, Указ. паб., стр. 107.

Определенные размеры заката устанавливались также и для других статей обложения. Правители стран Западного Судана в средние века, как видно из источников, регулярно раздавали закат в день окончания поста в месяц Рамадан. Так, правитель государства Канем султан Идрис Алума в 1591 г. дал в качестве заката 1000 верблюдов, овец, коз, ослов, дичь и др.¹⁸ О размерах, в которых закат фактически взимался с населения, и о том, насколько они соответствовали канонам маликитов, в источниках ничего не указывается. Видимо, закат стал аналогичен садака — добровольной милостыне. Однако если садака означает милостыню в широком смысле слова, то закат все же сохранил свое прежнее значение, как обязательное подаяние именно в пользу духовенства. Закат и в настоящее время взимается в пользу духовенства во время праздника в честь окончания поста в месяц Рамадан.

Установление религиозного налога, введенное исламом, оказало влияние на понятие жертвоприношения, свойственное африканским религиям. В местных культах жертвоприношения совершаются с целью задобрить, умиловить божество или духов. Поэтому вкушение жертвоприношений самими жертвователями становилось как бы актом взаимного общения между божеством и людьми. Обращение в ислам привело к полной ликвидации этого представления, так как в исламе нет идеи жертвоприношения.

Подаяние, так называемая «садака», по установлениям ислама должно было идти в пользу нищих и духовенства. В мусульманских общинах Западного Судана в настоящее время садака приобрела два вида: это или ритуальное подаяние «во имя бога», совершаемое во время больших мусульманских праздников, или милостыня, раздаваемая с целью получения божественной защиты человека в случае различных болезней, несчастий, стихийных бедствий и т. п.

Даже при выполнении таких основных религиозных обязанностей, как пост в священный месяц Рамадан или паломничество в Мекку, мусульмане-африканцы Западного Судана всегда сочетали исламскую обрядность со своими традиционными религиозными обычаями. В XIV в. Ибн-Батутта наблюдал в государстве Мали, наряду с празднованием местным населением окончания поста, совершение жертвоприношений. Сам праздник в знак окончания поста в месяце Рамадан начинался и кончался танцами и пением; «мне сказали, что это очень древний обычай, который существовал до ислама...» — сообщает Ибн-Батутта¹⁹. В северной Нигерии и в настоящее время Рамадан начинается с традиционных доисламских обрядов²⁰.

В исламе Западного Судана, наряду с верой в Аллаха, сохраняется вера в силу различных магических обрядов, заклинаний и заговоров. Многие мусульмане Западного Судана носят амулеты и талисманы, которыми служат дощечки с арабскими надписями, предметы со стихами из Корана, молитвами и т. д. Наряду с этими мусульманскими действуют и «языческие» амулеты²¹.

Почитание священных деревьев, являющееся всеобщим у всех земледельческих народов, сохраняется в Западном Судане повсеместно наряду с исламом. Например, мусульмане-бамбара почитают дасири — священное дерево, у подножия которого якобы отдыхали их предки, когда прибывали в какую-либо страну, и в этот момент местный дух обращался к ним и внушал им остаться. Этим местным духам также

¹⁸ H. R. Palmer, Указ. паб., т. III, стр. 6.

¹⁹ «Voyages d'Ibn Batoutah», texte arabe accompagné d'une trad. par C. Deiremery, Paris, 1858, т. IV, стр. 413.

²⁰ C. K. Meek, The Northern Tribes of Nigeria, London, 1925, т. II, стр. 2.

²¹ P. Marty, Указ. паб., т. IV, стр. 303—304.

совершаются жертвоприношения. Очень часто их отождествляют с мусульманскими джиннами. Кроме культа дасири, у мусульман бамбара существует культ «Гна» — духа, являющегося посредником между человеком и природой²².

Степень влияния норм мусульманского права на жизнь африканцев-мусульман также зависела от уровня общественного развития различных народов Западного Судана. Чем ниже был этот уровень, тем в большей мере сохранялось действие местного обычного права. Там, где процесс феодализации находился в начальной стадии, местные обычаи сохранялись долгое время и имели даже большее значение, чем предписания мусульманского права.

Одной из характерных особенностей ислама в Западном Судане является укрепление патриархальной семьи, которая существовала у подавляющего большинства африканских народов еще до принятия ими ислама. Однако пережитки матриархата, в частности сохранение авункулата, продолжало существовать у многих народов Западного Судана, принявших ислам.

Ал-Бакри в середине XI в. писал, что в Гане наследование шло по материнской линии: «среди этого народа существуют обычаи и права, по которым правитель страны имеет своими наследниками сыновей своей сестры»²³. Ибн Батутта также сообщал, что в XIV в. в государстве Мали «...никто..... не называется по имени своего отца, но каждый связывает свою генеалогию с именем дяди по материнской линии. Наследство принимает сын сестры умершего...»²⁴.

В более позднее время, в XIX в., даже в таких теократических государствах, как Фута-Джаллон и Фута-Торо, наряду с мусульманским правом действовали нормы обычного права. Там была патриархальная семья и наследование шло по отцовской линии — от отца к старшему сыну, и после смерти главы семьи его Коран, арабские книги, оружие и лошадь, как символы главенства, переходили к старшему сыну. Влияние ислама в Фута-Торо значительно ослабило отношения между дядей по матери и племянником, но все же среди населения существует представление о том, что в день Страшного Суда «ни мать, ни отец не признают своего сына; только дядя со стороны матери найдет своего племянника, сына своей сестры»²⁵.

Ислам, как идеология феодального общества, способствовал разрушению родовой организации. Но в качестве пережитков многие народы, принявшие ислам, как сонинке, сонгаи, тукулеры, хауса, сохранили свою экзогамную родовую организацию. Такие роды имели свои названия и табу, связанные с именем предка. Ислам не смог полностью уничтожить эту организацию. Хотя некоторые народы, как мусульманское население района Бондуку, потеряли свои табу²⁶, большинство африканцев сохранило их, как, например, мусульмане Сахеля Ниоро²⁷. Одним из результатов воздействия ислама на родовую организацию явилось ускорение потери ею своих социально-политических функций, которые стали переходить к главе государства, провинции и т. д. Так, благодаря исламизации хауса Кано главы родов, которые раньше являлись представителями местного управления и несли ответственность за сбор налогов, теперь потеряли свои права. Налоги взимал представитель местной мусульманской администрации из фульбе, и налоги отправлялись в город. Однако ислам не смог полностью лишить родовую организацию ее традиционных функций. Еще и сейчас

²² P. Marty, Указ. раб., стр. 304—310.

²³ El. Bekri, Указ. соч., текст стр. 175, перевод, стр. 328.

²⁴ «Voyages d'Ibn Batoutah», т. IV, стр. 389.

²⁵ J. S. Trimingham, Указ. соч., стр. 128.

²⁶ P. Marty, Указ. раб., т. IV, стр. 277.

²⁷ L. Tauxier, Les Noirs du Bondoukou, Paris, 1921, стр. 274.

среди хауса назначение на какую-либо должность принимается решением всего рода²⁸. Кроме того, роды сохраняют все свои традиционные обычаи.

Шариатский суд и институт кадиев никогда не играли первенствующей роли даже в тех мусульманских государствах Западного Судана, в которых теократические тенденции были наиболее сильны. Нормы шариата действовали в сфере культовых дел и вопросов, в гражданских же делах они не получили широкого признания. Роль кадиев в разбирательстве уголовных дел была незначительна. Судопроизводство, в особенности уголовная юрисдикция, в средневековых государствах всегда находились в руках правителей страны.

Кадии обычно избирались советом старейшин или назначались правителем государства, который контролировал их деятельность и мог аннулировать их решения.

По нормам обычного права семья или деревня несла коллективную ответственность за проступки своих членов. Мусульманское право принесло понятие об индивидуальной ответственности; на практике же, действуя наряду с обычным правом, оно было вынуждено признавать коллективную ответственность за совершенные преступления, как это имело место, например, у сонинке, сонгаев, тукулеров и других народов.

В XIX в. в мусульманских государствах Западного Судана низшими судебными инстанциями являлись мисиди, кроме них каждая провинция имела свой апелляционный и уголовный суды, а также существовал еще верховный суд алмами. Каждый суд состоял из главы территории, 2—3 представителей местной знати, как консультантов по обычному праву, и 2—3 представителей мусульманского духовенства в качестве консультантов по вопросам шариата. В Сонгайском государстве кадий осуществлял суд в присутствии правителя. «Катиб Муса,— сообщается в «Тарих ас-Судан»,— судил только на месте, называемом Сугу Дабаи, за домом правителя»²⁹.

Приведенные примеры достаточно наглядно показывают, что ислам в странах Западного Судана под воздействием местных социально-экономических, политических и культурных условий приобрел как с ритуально-обрядовой стороны, так и в понимании основных догматов мусульманства ряд существенных особенностей, отличающих его от распространенного в других странах традиционного суннитского ислама.

SUMMARY

Starting with the 9th century, Sunnite Islam of the Maliki type (Mazhab) began to spread in the medieval states of Western Sudan. Citing several sources the author shows that under the impact of local socio-economic, political and cultural conditions in the countries of Western Sudan Islam acquired, from the point of view of both its ritual and interpretation of Moslem dogma, several specific features distinguished from traditional Sunnite Islam current in other countries.

²⁸ См.: J. H. Greenberg. Islam and clan organisation among the Hausa. «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 3, N 3, Autumn 1947, стр. 196.

²⁹ «Тарих ас-Судан», стр. 70.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Я. А. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ЭТАПЕ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(I тысячелетие н. э.)

Горная страна, Дагестан отличается весьма сложным и резким рельефом, поэтому особенности и характер орографии страны не могли не повлиять на процесс развития и самую историю населявших ее племен и народов. С рассмотрения этих особенностей мы и начнем.

Территория Дагестана делится на три географические зоны. Это низменность вдоль западного берега Каспийского моря с примыкающей к ней Кумыкской плоскостью, зона предгорий, расположенная за первым, приморским хребтом, и типичная горная страна — Внутренний Дагестан, упирающаяся в склоны Главного Кавказского хребта и состоящая из его отрогов.

Приморская низменность — естественное продолжение южнорусского степного района. Здесь через Дербентский проход пролегал один из древнейших караванных путей. Он известен еще с эпохи энеолита. Через приморский коридор издавна проникали в Закавказье кочевники — скифы, гунны, хазары. Понятно, что этническая история западного Прикаспия сложна и процесс этногенеза населявших ее народов на разных этапах претерпевал значительные влияния извне.

В ином положении были предгорный и особенно горный районы Дагестана. Известно, что для передвижения кочевых народов горные местности вообще мало пригодны. Первый же хребет со стороны приморской низменности был для степняков-кочевников почти непреодолимым препятствием из-за густых лесов, покрывавших его до сравнительно недавнего времени. Об этих лесах сообщают русские посольские люди, проезжавшие через Дагестан по дороге в Кахетию в начале XVII в.¹ И все же полную защиту оседлому населению предгорий Приморский хребет не мог обеспечить: некоторая часть степняков имела возможность проникнуть в предгорные долины через разломы хребта в районе нынешних селений Кумторкала и Манас, что и нашло свое отражение в своеобразии этногенеза народов северо-восточного Дагестана. Тем не менее, о прочном освоении предгорий кочевниками не могло быть и речи; им там просто нечего было делать.

Что же касается горных районов Дагестана, то здесь развитие родоплеменных коллективов в течение столетий протекало в условиях замкнутости и значительной изоляции от внешнего мира. Посторонние этнические и культурные влияния лишь спорадически проникали за мощ-

¹ С. А. Белакуров, Сношения России с Кавказом, вып. I, М., 1889, стр. 404.

ный предгорный пояс известняковых массивов Внутреннего Дагестана. Медленное и ненарушаемое развитие племен, находившихся в палеометаллическую эпоху на ступенях распада патриархально-родовых отношений, послужило тому, что «археологически реставрируемая история ущелий, ныне занятых разноязычными элементами,— по словам А. А. Миллера,— совершенно едина в основных и существенных чертах, даже в части их детального выражения»². Это единство хорошо прослеживается на памятниках каякентско-хорочоевской культуры, обнимающей огромную область — весь Дагестан как приморский, так и горный. Вероятно, носителями этой культуры были яфетидоязычные племена, названные впоследствии Страбонам «легами» («лезги») ³. Об этническом единстве носителей каякентско-хорочоевской культуры свидетельствуют многие общие черты погребального обряда, не только в горах, но и в предгорьях Дагестана. Ряд данных приводит нас к заключению, что в недрах этой культуры и в этническом составе ее носителей были заложены основы для формирования горских народов Дагестана — аварцев, лакцев, лезгин, даргинцев и, отчасти, кумыков.

В статье «Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии»⁴ я старался доказать, что развитие племен Дагестана на протяжении многих веков носило автохтонный характер. Причину этого я вижу, прежде всего, в прочной оседлости земледельческого населения предгорной зоны Дагестана и даже его горных районов, где скотоводство никогда не вытесняло полностью земледелия. Пришлые этнические элементы вследствие своей экономической маломощности, а порой и культурно-хозяйственной отсталости, полностью ассимилировались местными племенами, что не нарушило единства этногенеза в пределах Дагестана. Так было на протяжении почти двух тысячелетий, от эпохи ранней бронзы до первых веков нашей эры.

Сравнительная безопасность горных районов от вторжения кочевников сыграла и в дальнейшем положительную роль, обеспечив автохтонный характер формирования горских народностей Дагестана. На дежной защитой для них являлась широкая полоса предгорий. В менее выгодном положении оказались племена, жившие в самих предгорьях особенно в пределах примыкавших к ним плоскостных горно-степных районов у подножия Андийского хребта и Сала-тау.

Для разрешения вопросов, связанных с этнической историей Дагестана, немаловажное значение имеют взаимоотношения дагестанских племен с племенами, населявшими Кавказскую Албанию. Прежде всего, попробуем разобраться, где же проходила северная граница этого государства.

Известно, что на этот счет до сих пор не установилось единого мнения⁵. Некоторые авторы в частности составители «Очерков истории Дагестана», склонны считать, что в состав Албании входил чуть ли не весь Дагестан⁶. Однако это идет вразрез с путями развития дагестанского этноса, по крайней мере с теми, которые были прослежены мною в упомянутой статье. В самом деле, коренной особенностью этнической истории Дагестана в течение нескольких тысячелетий являлась замкнутость развития племенных коллективов не только в горах, но и в значительной степени в зоне предгорий. И вдруг на грани I тысячелетия н. э. эта характерная особенность, вполне закономерная в условиях горной неприступной страны, якобы превращается в свою противоположность:

² А. А. Миллер, Древние формы материальной культуры современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1, М., 1927, стр. 17.

³ Страбон, кн. XI, гл. 5, 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 222.

⁴ «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 17—28.

⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1959, стр. 29 сл.

⁶ «Очерки истории Дагестана», Махачкала, 1957, т. I, стр. 22.

Дагестан со всеми населяющими его племенами оказывается в составе соседнего государства.

Какие же аргументы выдвигает В. Г. Котович, автор § 5 главы I «Очерков истории Дагестана», посвятивший этот параграф теме «Дагестан в составе Кавказской Албании»⁷. Прежде всего, он ссылается на показания античных авторов — Страбона, Плиния, Птолемея. Но свидетельства этих писателей крайне противоречивы, особенно в отношении северной границы Албании. Наиболее конкретно определяет ее Плиний. Перечисляя народы, обитавшие в Восточном Закавказье, к югу от сарматов, он пишет: «На самом краю пролива (т. е. на северо-западе Каспия, где, по мнению Плиния, Каспийское море соединялось с океаном.— Я. Ф.) живет скифский народ — удины, за ними, на побережье, — албаны»⁸. Таким образом, по свидетельству Плиния, северными соседями албанов были не сарматы, как пишет В. Г. Котович, а удины. Это вполне согласуется с материалами Таркинского и Карабудахкентского могильников сарматского времени, в частности с наличием в керамике элементов ялойлу-тапинской культуры⁹. Известно, что носителями этой культуры были удинские племена¹⁰. Продвинувшись с места своего коренного обитания в районе нынешней Нухи на приморскую низменность Дагестана, эти племена подверглись частичной сарматизации¹¹. «Не являлось ли,— пишет К. Ф. Смирнов,— население Таркинского района первых веков нашей эры частью того смешанного населения из кавказских аборигенов и сарматских племен, которые упомянуты в «Естественной истории» Плиния под именем утидорсов»¹². Известно, что эти племена занимали область по северо-западному побережью Каспийского моря между владениями аорсов, расположенными в северокавказских и задонских степях, и Кавказской Албанией, коренной территорией которой было Восточное Закавказье. Но если даже и считать, что переселившиеся в Дагестан удины входили в Албанский племенной союз, то и в этом случае вряд ли можно утверждать, что территория Албании захватывала предгорья, а тем более — горный Дагестан, ибо удины жили в приморской части Дагестана, между собственно Албанией и Сарматией¹³. Известно, что после распада Албанского союза в пределах юго-восточного Дагестана как самостоятельное государство уцелела Агвания со столицей в низовьях Самура. Так как Агвания, несомненно, входила в состав Албанского государства в период его расцвета, то, вернее всего, северная граница Кавказской Албании проходила где-то в районе Дербента, к северу от него. Возможно, в состав Албании входила и узкая полоса приморского Дагестана, заселенная удинами, до Тарков. За Тарками начинался сарматский мир.

Ввиду недостаточности археологических и других материалов для решения вопроса о северной границе Кавказской Албании, попробуем выяснить, существовали ли вообще причины, которые могли заставить независимые дагестанские племена, в течение тысячелетий спокойно развивавшиеся под защитой горных хребтов, войти в состав Албанского государства. При этом следует исходить из того, что сам Албанский союз племен возник в целях защиты Восточного Закавказья от набегов

⁷ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 22—29.

⁸ Плиний, Естественная история, VI, гл. 13, § 38—39, ВДИ, 1949, № 2, стр. 302 сл.

⁹ К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе селения Тарки, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цит. МИА), № 23, М.-Л., 1951, стр. 268.

¹⁰ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 17—18.

¹¹ Е. И. Крупнов, Каякентский могильник — памятник древней Албании, Труды Гос. Исторического музея, т. XI, 1940.

¹² К. Ф. Смирнов, Указ. раб., стр. 171—272.

¹³ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 45—46.

кочевников с севера, вдоль восточного берега Каспия, и для борьбы с римскими завоевателями¹⁴.

Дагестанские племена могли быть включены в состав Албании либо насильственным путем, т. е. в результате агрессии со стороны Албанского государства, либо добровольно — в целях самозащиты.

Первое отпадает, так как трудно предположить, чтобы Албания могла поглотить Дагестан в результате военной экспансии: то, что оказалось впоследствии недостижимым для Сасанидов, арабов, Золотой орды, Тимура, тем более было не под силу Албанскому государству, которое почти на протяжении всей своей истории принуждено было защищаться от римских легионов, иранских завоевателей, от армянской экспансии. Следовательно, речь может идти лишь о добровольном союзе дагестанских племен и Албанского государства. Что могло толкнуть независимые горские племена на этот союз? Опасность вторжения кочевников из степей Предкавказья? Но от нападения кочевников дагестанские племена, как мы видели, были защищены самой природой.

В. Г. Котович выдвигает версию, будто причиной объединения дагестанских горцев с Албанией «была экспансия римлян в Закавказье»¹⁵. Но при чем же тут горские племена Дагестана? Горские племена действительно входили в Албанский союз, но то были горцы, жившие на южных склонах Кавказского хребта; они действительно страдали от проходивших мимо легионов римских войск. Какое отношение могли иметь эти легионы к горцам Дагестана,— непонятно. Правда, в 68 г. н. э. Нерон решил предпринять поход к северу от Дербентского прохода, т. е. в Дагестан; однако поход этот не состоялся из-за смерти императора. Не может же быть, что об этом походе заранее прослышали дагестанцы и заранее же решили обезопасить себя тем, что добровольно пошли на союз с Албанией!

Конечно, все эти рассуждения носят формально-логический характер и не подкреплены конкретными данными. Но ведь и защитники «Большой Албании» не приводят объективных и неопровержимых аргументов, что и отмечено в работе К. В. Тревер, посвященной истории и культуре Кавказской Албании¹⁶. Судя по карте, приложенной к этой монографии, автор ее придерживается в отношении северной границы Албании взгляда, высказанного в свое время В. В. Бартольд: на карте в пределы Албании включена лишь юго-восточная часть Дагестана с Дербентом.

Я не знаю, о каких археологических памятниках, якобы проливающих свет на взаимоотношения Албании и Дагестана в последние века до н. э.¹⁷, говорит В. Г. Котович. Никто, впрочем, и не отвергает наличия между ними связей, ставших традиционными еще со времен глубокой древности,— речь идет о связях населения Дагестана с племенами Закавказья и, прежде всего, восточной его части. Однако бурные события первых веков нашей эры на территории Кавказской Албании не коснулись «Страны гор» — Дагестана. Я имею в виду захват Сасанидами Закавказья, их борьбу с гуннами, позже — с хазарами.

Дагестан продолжал оставаться неприступной крепостью. Леса, которые окаймляли со стороны степей северо-западного Прикаспия предгорные и горные районы Дагестана, служили естественной границей экспансии кочевых народов, настойчиво стремившихся прорваться в Закавказье через приморский Дагестан. Поэтому и в первые века нашей эры под защитой горных лесистых хребтов, стороживших с севера.

¹⁴ Там же, стр. 58.

¹⁵ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 25.

¹⁶ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 29 сл.

¹⁷ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 22.

и востока плодородные долины и пастбища Дагестана, населявшие его племена имели возможность продолжать традиции своих предков в области земледелия и скотоводства. Первобытно-общинный строй изживал себя, зарождались элементы феодальных отношений. Развитие это было автохтонным и подчинялось преемственным связям с предыдущими эпохами.

Сравнительная безопасность района предгорий от вторжения кочевников сыграла и в дальнейшем положительную роль, обеспечив непрерывность процесса формирования горских народностей Дагестана. В менее выгодном положении оказались племена, жившие в самих предгорьях и особенно в пределах примыкавшей к ним Присулакской равнины, у подножья Черных гор и Сала-тау. Об опасностях, грозивших населению равнины со стороны южнорусских степей, свидетельствуют укрепления Сигитминского городища, расположенного на крутом берегу Сулака и датированного серединой I тысячелетия н. э. На городище сохранилось мощное каменное основание стен; в систему укреплений входили башня и цитадель¹⁸. Можно предполагать, что все эти меры защиты были предприняты местным населением против гуннов.

В IV в. н. э. движение гуннов с востока вызвало большие изменения в жизни населения Азовско-Каспийского междуморья. Около 370 г. в низовьях Дона гунны разгромили аланов. Часть аланских племен отошла на Северный Кавказ, где в верховьях Кубани и Зеленчуков возник один из средневековых центров Албании. Через эти районы с древнейших времен пролегали перевальные пути; одни из них вели в Западную Грузию, другие — связывали народы Прикаспия и Центрального Предкавказья с населением Восточного Причерноморья¹⁹.

Этими путями аланы проникали в дагестанские предгорья. Здесь, за лесистыми хребтами, во второй половине I тысячелетия н. э. возникли аланские поселения. Об этом свидетельствуют материалы Чир-юртовского могильника аланского облика, Палас-сыртского и других памятников²⁰. К тому же времени относятся склеповые погребения и городище около селения Агачкала и склепы близ селения Акуша. Материальная культура, представленная этими памятниками, свидетельствует о росте связей местного дагестанского населения с населением Северного Кавказа. Наряду с этим на материалах раскопок четко прослеживаются традиции, восходящие к предшествующим эпохам.

К. Ф. Смирнов, исследовавший агачалинский могильник, включает этот памятник в обширную группу памятников Северного Кавказа VI—X вв. н. э. К этой же группе относятся грунтовые могильники у селения Лац, катакомбные погребения Кобани, Комунты и Балт в Северной Осетии, катакомбы у селения Дубаюрт в Чечено-Ингушетии, каменные склепы у селения Гиджид в районе Нальчика и др. Исследователь отмечает, вместе с тем, специфические черты, присущие склеповым погребениям Агачкалы, сближающие этот памятник с большим курганом под Буйнакском, относимым ко времени не позднее III—IV вв. н. э., т. е. почти современным грунтовым погребениям Карабудахкента и Тарков (верхний слой); последние по характеру материалов относятся к памятникам поздней сарматской эпохи²¹.

Сопоставление инвентаря и погребального обряда Буйнакского кургана и несколько более ранних памятников сарматского времени с агач-

¹⁸ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 32.

¹⁹ Т. М. Минаева, Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА, № 23, стр. 273.

²⁰ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 35; В. Г. Котович, Новые археологические памятники Южного Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959, стр. 154 сл.

²¹ К. Ф. Смирнов, Агачалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXVIII, 1951, стр. 118.

калинскими склеповыми погребениями, по мнению К. Ф. Смирнова, — «дает основание говорить о генетической связи между населением, хоронившим своих покойников в III—IV вв. в Буйнакском кургане, и населением раннего средневековья в окрестностях Агачкалы»²². К. Ф. Смирнов не определяет этническую принадлежность Агачкалинского памятника, хотя и считает, что население, хоронившее своих покойников в склепах Агачкалы «входило в племенное хазарское объединение Дагестана»²³. Я не решаюсь включать дагестанские предгорья в сферу непосредственного влияния Хазарского каганата; но вряд ли можно игнорировать результаты исследования черепов из Агачкалы: Н. Н. Миклашевская обоснованно сближает их с черепами Дубаюрта и других северокавказских памятников аланского облика²⁴. Скорее всего аланские элементы в краниологическом материале Агачкалы не случайны: расселение алан на восток и юго-восток доказано многими фактами. Даже в XIII в. Гильом де Рубрук обнаружил недалеко от Дербента замок, принадлежавший в свое время аланам. Память о них в то время была еще жива в Дагестане²⁵. Не исключено, что аланские поселения были вкраплены в массив местного населения предгорного Дагестана, так же, как это было на Северном Кавказе²⁶. К таким поселениям могла принадлежать и Агачкала. Кроме того, фрагменты керамики, аналогичные керамике аланских памятников, в частности из городища на р. Гиляч²⁷, обнаруженные на Миатлинском поселении. М. И. Пикуль, исследовавшая Миатлинское поселение, датирует его IX—X вв.²⁸

Отсутствие ярких признаков, которые позволили бы отнести Агачкалу к памятникам аланского облика, по-моему, свидетельствует лишь о том, что культура пришельцев — алан — подверглась сильному влиянию местной культуры аборигенов дагестанских предгорий, достигшей к середине I тысячелетия н. э. значительного уровня. Об этом свидетельствуют предметы из погребального инвентаря Агачкалы, справедливо относимые К. Ф. Смирновым к предметам местного производства²⁹. Вместе с тем закономерно предположить, что просочившиеся в Дагестан аланы очень скоро и основательно подверглись этническому влиянию со стороны местного населения, а позднее были целиком поглощены коренной этнической средой совершенно так же, как это произошло с ними в горных районах Крыма и Северного Кавказа. Материальная же культура пришельцев могла подвергнуться сильному влиянию аборигенов уже на первом этапе соприкосновения с ними алан. Аналогичное явление имело место, например, в русской Тмутаракани, где пришельцы — русы весьма быстро переняли материальную культуру аборигенов Таманского полуострова, что в значительной степени затруднило исследование Таманского городища³⁰. Во всяком случае не учитывать алан в числе северокавказских пришельцев, обосновавшихся в предгорном Дагестане, невозможно: вспомним, что говорит Прокопий

²² Там же, стр. 118.

²³ Там же, стр. 119.

²⁴ Н. Н. Миклашевская, Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959, стр. 189.

²⁵ Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны, М., 1957, стр. 186.

²⁶ «Очерки истории СССР. III-IX вв.», М., 1953, стр. 632 сл.

²⁷ Т. М. Минаева, Указ. раб., рис. 18, 2, 4, 6 и стр. 300.

²⁸ М. И. Пикуль, Раскопки на Сулаке в 1955 г., «Материалы по археологии Дагестана», т. I, стр. 173 сл.

²⁹ К. Ф. Смирнов, Агачкалинский могильник..., стр. 119.

³⁰ Б. А. Рыбаков, Древняя Тмутаракань и проблемы славянской колонизации Приазовья, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г.», М., 1954, стр. 17—19.

Кесарийский: «...Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы»³¹. Этой страной является, несомненно, весь северо-восточный Кавказ, включая предгорный Дагестан до «Каспийских ворот», т. е. до Дербента (ср. свидетельство Рубрука).

Глубже в горах расположен Акушинский могильник. Как по инвентарю, так и по антропологическим материалам он должен быть отнесен к памятникам, аналогичным Агачкалинскому: параллели наблюдаются и в погребальном обряде³².

Кроме этих двух памятников, следует упомянуть обследованное мною в 1948 г. большое городище в урочище Гент-орун, в трех километрах от селения Карабудахкент. Во время осмотра памятника были найдены остатки фундаментов из тесаного камня-известняка, огромное количество керамики, близкой к агачкалинской. Среди собранного материала имеется несколько фрагментов спекшейся в огне саманной массы: селение погибло от пожара. Сохранилась легенда, что оно было разграблено и сожжено Тимуром. Другое городище обнаружено мною невдалеке от селения Уллубиаул, третье — около селения Кака-махи. Подъемный материал исследован К. Ф. Смирновым и позволяет отнести эти памятники к VI—XI вв. Керамика, особенно с красным лощением, близка к азербайджанской того же времени. Следует отметить, что все три памятника расположены в зоне предгорий и защищены со стороны прикаспийского коридора Приморским хребтом.

Обилие памятников, не только объединяемых хронологически, но и связанных между собою общностью материальной культуры, свидетельствует о том, что здесь, в предгорьях, на грани II тысячелетия н. э. сосредоточивалась хозяйственная жизнь коренного земледельческого населения (находки жерновов и зернотерок в Агачкале, Карабудахкенте, Гент-оруне), генетически связанного с исконным населением Дагестана. Прослеживаемые на археологическом материале связи с Северным Кавказом носят вторичный характер, а потому не разрывают нити преемственности, связывающей целую серию памятников, начиная от эпохи бронзы, через памятники сарматского времени с погребальными сооружениями и поселениями раннего средневековья. Эта связь подтверждается не только особенностями погребального ритуала и антропологическими параллелями, но и местным происхождением многих вещей агачкалинских склепов и акушинских катакомб³³.

Генетическая и культурная преемственность на протяжении стольких веков является ярким доказательством автохтонности процесса этногенеза, протекавшего в дагестанских предгорьях в условиях этнического и культурного взаимодействия коренного населения с пришлыми элементами. В результате и была заложена основа формирования современных народов, занимающих ныне предгорный Дагестан.

Характерные черты материальной культуры предгорного Дагестана, а также антропологические материалы упомянутых выше памятников раннего средневековья являются отражением усилившихся связей с Северным Кавказом. Это новое явление в этнической истории Дагестана нетрудно объяснить, если принять во внимание политическую обстановку, сложившуюся в конце первой половины I тысячелетия н. э. в западном Прикаспии. К этому времени юго-восточные районы Закавказья, включая Албанию, оказались в руках Сасанидов. Степная часть Предкавказья, а также вся западно-прикаспийская низменность вплоть до

³¹ Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, М., 1950, стр. 381.

³² В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов, *Акушинский могильник*, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 60, 1955, стр. 150—154.

³³ К. Ф. Смирнов, *Агачкалинский могильник...*, стр. 119; В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов, *Указ. раб.*, стр. 154.

Дербентского дефиле вошли в сферу влияния Хазарского каганата. В низовьях Терека и Сулака осели племена басилов и савиров, зависящие от каганата; здесь возникли богатые ремесленные и торговые центры Варачан и Семендер.

Настойчивые и небезуспешные попытки кочевников Северного Кавказа проникнуть в Закавказье заставили Сасанидов приступить к постройке системы мощных оборонительных сооружений в районе нынешнего Дербента³⁴. Дагестан оказался отрезанным от Закавказья, а вместе с тем нарушились традиционные связи населения дагестанских предгорий с юго-восточным Кавказом, в частности с албанскими племенами. В Дагестан с севера начали просачиваться чуждые этнические элементы: степняки-тюрки — в плоскостные районы, горские племена, в том числе аланы, — в предгорья.

Обнаруженные аланские элементы в краниологическом материале упомянутых выше памятников раннего средневековья, а также новейшие археологические открытия в Дагестане (Чир-юртовский могильник аланского облика и др.) побуждают обратиться к некоторым фактам, касающимся того же времени и сообщаемым литературными источниками.

Известно, что перешедшие к оседлости аланы обитали в защищенных горными отрогами и лесистыми хребтами долинах Северного Кавказа, строили укрепленные поселения на торговых путях, соединяющих Причерноморье с Прикаспием. В руках аланов находились также важнейшие перевальные пути, в частности Дарьяльские ворота — «Ворота Алан».

О политическом значении аланского союза племен можно судить по высказываниям арабского географа первой половины X в. Масуди: «...Царь аланов выставляет тридцать тысяч всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся влиянием большим, чем остальные цари. Царство его представляет непрерывный ряд поселений, настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве»³⁵. Характерным образцом аланского укрепленного поселения может служить городище на р. Гиляч в верховьях Кубани, расположенное на неприступной скале³⁶. Можно допустить, что подобным же укрепленным поселением было Агачкалинское городище с прилегающим к нему могильником. Оно расположено на плато с крутыми склонами и окружено возвышенностями, некогда лесистыми («Агачкала» — лесная крепость). При исследовании этого памятника, как и на Гилячском городище, обнаружено большое количество оружия и конского снаряжения, что характеризует население Агачкалы как «конных воинов, боевую дружину раннефеодального облика»³⁷. Обилие оружия свидетельствует вместе с тем не только о воинственности населения дагестанских предгорий в эпоху раннего средневековья, но и о необходимости быть постоянно начеку из-за возможности прорыва в предгорья вражеских отрядов из присулакских степей вдоль долины реки Шура-озень, прежде всего хазар. Характерно, что именно в долине Шура-озень, на обрыве хребта находился замок (близ селения Капчугай), который мог являться сторожевым пунктом, охраняющим путь из степей в дагестанские предгорья.

Я не имею в виду ставить знак равенства между Гилячским и Агач-

³⁴ Е. А. Пахомов, Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10; его же, Пехлевийские надписи Дербента, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929.

³⁵ «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, Тифлис 1908, стр. 54.

³⁶ Т. М. Минаева, Указ. раб., стр. 273—302.

³⁷ К. Ф. Смирнов, Агачкалинский могильник..., стр. 117.

калинским памятниками в отношении их этнической принадлежности: в Агачкале аланский элемент прослеживается лишь на антропологическом материале, остатки же материальной культуры говорят прежде всего о связях Агачкалы с памятниками предыдущих эпох (см. выше). Но, как мне кажется, аланские элементы нашли свое отражение в Агачкале не случайно.

О политическом преобладании в VII—X вв. в дагестанских предгорьях алан свидетельствуют многие средневековые источники. Вот что пишет, например, Ибн аль-Асир: «Во дни Кобада (один из Сасанидов, 488—531 гг. — Я. Ф.) выступили хазары и вторглись в его страну и дошли до Динавера. И послал Кобад против них военачальника... во главе двадцати тысяч воинов... Затем он построил преграду Алана между областью Ширвана и воротами Алана». Что под «воротами Алана» здесь следует подразумевать Дербентскую теснину, а не Дарьял, который в источниках чаще всего называется «Воротами Алан», явствует из того, что дальше автор пишет: «И построил над преградой много городов, которые были разрушены после постройки Баб-аль-Абваба (Дербента. — Я. Ф.)»³⁸.

Таким образом, говоря о «преграде», воздвигнутой Кавадом для защиты сасанидского Закавказья от вторжения кочевников из северного Прикаспия, автор связывает ее как территориально, так и стратегически с районом Дербента. О какой же «преграде» пишет Ибн аль-Асир?

На берегу реки Гюльген-чай, южнее Дербента, до сих пор сохранился вал, который тянется от берега моря до горного отрога. Примерно через каждые 50 м можно распознать следы башен. На другом берегу реки также сохранились остатки вала, которые представляют собою развал стены, сложенной из кирпича-сырца. Общее протяжение стен достигает 30 км. В предгорьях каждая стена упирается в мощную цитадель. Далее к северу, в сторону Дербента, до сих пор заметны следы оборонительных сооружений, воздвигнутых почти полторы тысячи лет назад Сасанидами³⁹.

После постройки дербентских укреплений сыном Кавада Хосровом Ануширваном все эти сооружения оказались ненужными, так как дербентские стены и прилегающие к ним оборонительные сооружения были выдвинуты на самые северные рубежи обороны сасанидского Ирана и, таким образом, прикрывали собою Гюльгенчайскую линию обороны. Если бы речь в тексте Ибн аль-Асира шла о преграде со стороны Дарьяльских ворот («Ворота Алана»), автор вряд ли стал бы связывать фортификационные сооружения шаха Кавада с Дербентской тесниной и с фактом постройки Баб-аль-Абваба, т. е. Дербента.

И все же, хотя в «Тарих-аль-Камиль» речь идет об одном из эпизодов борьбы Сасанидов с хазарами, Ибн аль-Асир называет важнейший стратегический пункт, ключ к Дагестану, — Дербент — не «Воротами Хазара», а «Воротами Алана», подчеркивая тем самым если не этническое, то, во всяком случае, политическое преобладание аланского элемента в стране, расположенной к северу от Дербента, т. е. в Дагестане. Исторические события, описанные Ибн аль-Асиром, относятся примерно ко времени ранних агачкалинских склеповых погребений, а может быть, и акушинских катакомб, склепов в Гели и других памятников, в какой-то мере перекликающихся с аланскими памятниками Северного Кавказа. Вот почему после открытия в Северном Дагестане Чир-юртовского могильника аланского облика и Миатлинского поселения, а также могильника в урочище Палас-сырт в южном Дагестане эти совпадения не могут не быть признаны знаменательными.

³⁸ «Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира», пер. П. Жузе, Баку, 1940, стр. 9.

³⁹ Е. А. Пахомов, Указ. раб., стр. 39.

О наличии оседлого аланского населения к северу от Дербентской теснины свидетельствует также сирийский автор VI в. (время ранней Агачкалы) Захарий Ритор: «...За воротами (Дербентской тесниной.— *Я. Ф.*) живут бургары со [своим] языком... и аланы, у них пять городов». К этой же группе народов «варварских», также имеющих города и крепости, принадлежат, по словам Ритора, люди «из пределу Даду», которые «живут в горах, у них есть крепости»⁴⁰. Из этого вытекает, что оседлыми народами за Дербентской тесниной были аланы и племена «из пределов Даду». И если о «бургарах» (булгары.— *Я. Ф.*) Ритор говорит неопределенно, то в отношении хазар, о которых речь идет дальше, подчеркивается, что они «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, диким зверьем и оружием»⁴¹. Таким образом, в «Хронике» Захария Ритора хазары предстают перед нами как народ кочевой и воинственный, что вполне согласуется с характеристикой других современных Ритору авторов, например Моисея Каганкатваци⁴².

Насколько прочна была традиция, приписывающая аланам оседлость в предгорьях Дагестана, можно судить по тексту отрывка из сочинения Ибн аль-Асира, в котором автор описывает события начала XIII в., т. е. отстоящие почти на семь веков от времени написания «Хроники» Захарием Ритором. И вот оказывается, что и в XIII в. аланы были известны в качестве коренных насельников предгорного Дагестана: «...Отряд (татаро-монголов.— *Я. Ф.*), покончив с Азербайджаном и Аранией, идет в Дербент Ширванский и овладевает городами его, и ничто не спасается, кроме крепости, в которой был царь их; от него отряд проходит к аланам, лезгинам и другим племенам, находящимся в этих ущельях»⁴³. Напомним, что Рубрук, проезжавший через Дагестан в пятидесятых годах XIII в., пишет, что «прежде чем добраться до Железных Ворот (Рубрук ехал со стороны Тарков.— *Я. Ф.*), мы нашли один замок аланов... На следующий день мы добрались до Железных ворот»⁴⁴. Значит, действительно в дагестанских ущельях даже в XIII в., наряду с «лезгинами», обитали и аланы. Память о них была свежа еще во время путешествия Рубрука, т. е. уже после татаро-монгольского вторжения, когда сама Алания героически защищалась против попыток татаро-монголов поработить народы, укрывшиеся за горными хребтами Кавказа.

Можно было бы привести ряд упоминаний средневековых авторов о племенах, живших в горах и предгорьях Дагестана. Кроме аланов, там жили лезги; упоминаются также жители «Страны Престола» — Аварии, Гумика — Кумуха. Зерихгерана — Кубачей. На территории Дагестана, там, куда уже в начале V в. проникает военно-политическое и культурное влияние государства Сасанидов, а затем — арабского халифата, сложились раннефеодальные образования, такие, как Серир, Гумик, Джидан. О них имеются довольно подробные известия у средневековых авторов. Большинство из них — арабские, византийские, армянские, сирийские — упоминают еще об одном народе, история которого некоторыми авторами тесно связывается с историей Дагестана. Это — хазары.

Однако из текста этих источников явствует, что хазары VII—IX вв. рассматривались Ираном и халифатом в качестве врага, вторгавшегося через приморский Дагестан в Закавказье. Нередко источники сообща-

⁴⁰ См.: Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР М.-Л., 1941, стр. 165.

⁴¹ Там же, стр. 165.

⁴² М. Каганкатваци, История Агван, СПб., 1861, стр. 90.

⁴³ Ибн аль-Асир, О первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны, перевод проф. И. И. Ильминского, «Ученые записки Академии наук по I и III отд.», т. II, СПб., 1854, стр. 641.

⁴⁴ Г. Рубрук, Указ. раб., стр. 188.

ют о разгроме хазар приморской низменности, большею частью к северу от Тарков, т. е. вне собственно дагестанской горной страны.

Когда вчитываешься в арабские хроники, повествующие о борьбе арабов с хазарами, перед глазами невольно встает картина полного запустения и одичания приморского Дагестана в эту эпоху. В самом деле, в течение лишь первой половины VIII в. боевые действия на территории Дагестана, по свидетельству Ибн аль-Асира, происходили в 706, 721, 722, 723, 726, 727, 728, 729, 731, 732, 738 гг.⁴⁵. Нетрудно представить себе, во что превратилась страна — арена, на которой происходили эти бесчисленные битвы. Об ожесточенности их красочно повествуют арабские хроники.

Сражения между конными войсками арабов и хазар происходили, конечно, не в горных районах, заселенных коренными дагестанскими племенами, а в степных пространствах западного Прикаспия, в том числе — на протяжении низменной полосы Дагестана. Районы эти совершенно обезлюдели. Описывая поход арабов в Хазарию в 725 г., Ахмед ал-Якуби пишет: «...Маслама направился в страну, принадлежащую хазарам, и дошел до Джурзана, который завоевал и перебил часть жителей. Далее он прибыл в Маскат и заключил с его жителями мир, а конницу двинул в страну лакзов (лезгин, лезгов. — Я. Ф.), жители которой заключили с ним мир. И отправил он часть войска в Табарсаран, жители которого заключили с ним мир, а затем пустился в страну и шел, не встречая никого, пока не достиг Варсана. И встретил хакана, царя хазар»⁴⁶.

Из приведенного отрывка следует, что войска Масламы по дороге в Хазарию завоевали ряд стран, в том числе Джурзан и Маскат, которые находились к югу от Дербента, т. е. вне пределов хазарского политического влияния. Далее арабы вторглись в страну «лакзов», на юго-востоке Дагестана, и, пройдя ее, попали в безлюдную страну, простиравшуюся до самого Варсана, вероятно — Варачана армянских авторов. Некоторые исследователи локализуют Варачан в низовьях Сулака и Терек-ка⁴⁷. С. Т. Еремян считает, что Варачан находился вблизи г. Буйнакска⁴⁸. Только здесь арабы обнаружили войска хакана. Из контекста следует, что безлюдной страной была низменность западного Прикаспия, по крайней мере ее южная часть от Табасарани до Тарков, т. е. именно главная арена битв между хазарами и Сасанидами, позже — между хазарами и арабами.

О безлюдье приморского Дагестана свидетельствует также аль-Истахри: «...Налево от Абаскуна (средневековый город на южном берегу Каспийского моря. — Я. Ф.) сплошь заселенные места, кроме промежутка между Баб-ал-Абвабом и Хазарами»⁴⁹. Приведенные отрывки свидетельствуют о том, что собственно хазарская территория не простиралась до Баб-аль-Абваба (Дербента), а отделялась от этого пункта безлюдным пространством — нейтральной зоной между владениями хакана и страной, захваченной арабами. Возможно, что безлюдное пространство тянулось до самого Семендера, от которого до Баб-аль-Абваба было (по Истахри) четыре дня пути⁵⁰. Семендер служил хазар-

⁴⁵ «Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль...», стр. 22—32.

⁴⁶ Из соч. Якуби «История», перевод П. К. Жузе, «Материалы по истории Азербайджана», вып. IV, Баку, 1927, стр. 7.

⁴⁷ С. П. Толстов, Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 91; Б. А. Рыбаков, Русь и Хазария. Сб.: «Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия», М., 1952, стр. 76—89.

⁴⁸ С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитвару, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.-Л., 1939, стр. 145.

⁴⁹ Ал-Истахри, Китаб Месалик ал-мемалик, «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. I, М.-Л., 1939, стр. 169.

⁵⁰ Там же.

рам опорным пунктом их экспансии на юг, в Закавказье. Об этом прямо говорит арабский автор второй половины X в. Ибн-Хаукаль в отрывке, посвященном описанию хазарских вооруженных сил и стратегии хазарских каганов: «...я не знаю,—свидетельствует он,—чтобы было в области хазар другое сборное место, кроме Семендера»⁵¹. Отсюда отправлялись со своими войсками хазарские каганы в поход, стремясь проникнуть через дагестанский приморский коридор и Дербентскую преграду в Закавказье.

В то же время в предгорных районах Дагестана, защищенных со стороны степных пространств Прикаспия, в частности со стороны дагестанского приморского коридора, труднодоступными для кочевников лесистыми горными складками, в районах древнейшего земледелия жили местные оседлые племена. Они имели города и крепости и продолжали развивать самобытную культуру. Ассимилируя пришлые элементы, в том числе алан, местные племена обогащали свою культуру, которая легла в основу культуры современных народов.

Предложенная концепция относится к периоду VII—X вв., т. е. ко времени борьбы Хазарского каганата с арабами за политическое господство в Закавказье. Эта борьба отвлекала значительные силы арабов и тем самым объективно обеспечила в некоторой степени народностям Дагестана возможность самостоятельного развития.

Как известно, экономической основой Хазарского государства являлось полукочевое хозяйство, а также грабительские набеги и взимание дани с «примученных» соседей. Такое соседство ускоряло политическую консолидацию земледельческих, а в горах — скотоводческих племен Дагестана.

Анализ фактов, приведенных в статье, позволяет наметить некоторые характерные особенности этногенеза народов Дагестана в эпоху раннего средневековья.

На протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. дагестанские племена продолжают самостоятельно развиваться. Сохраняются традиционные связи Дагестана с Восточным Закавказьем, особенно в пределах прикаспийской низменной полосы и южной части предгорий. Что касается политического влияния Кавказской Албании, то вопрос этот, за неимением достаточных данных, следует считать открытым. Можно предполагать, однако, что в состав Албанского союза племен входили лишь племена юго-восточного Дагестана, занимавшие низовья Самура и район Дербента. Возможно, что в первые века нашей эры влияние Албании распространялось и на удинов, т. е. на всю приморскую часть Дагестана. Что касается северных предгорий, а тем более горной части Дагестана, то возможность включения их в состав Албанского государства сомнительна, а доказательства, приводимые на этот счет некоторыми авторами, неубедительны.

Савиры, населявшие плоскостной Дагестан, т. е. низовья Терека и Сулака (Берсилию византийских авторов), еще в догуннское время⁵², вероятно, проникали в ближайшие предгорья. Однако это не нарушало непрерывности процесса этногенеза, протекавшего на территории, которая впоследствии стала колыбелью кумыкской народности. Об этом свидетельствуют связи, прослеживаемые на таких памятниках, как большой Буйнакский курган, Карабудахкентские могильники, склеповые погребения Агачкалы. Эти памятники преемственно связаны между собой, а также с памятниками более ранних эпох, в частности с памятниками каякентско-хорочоевской культуры.

⁵¹ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, стр. 119.

⁵² «Очерки истории СССР III-IX вв.», М., 1958, стр. 553.

Мне кажется, что Е. И. Крупнов правильно связывает вопрос о са-вирах с проникновением в коренную этническую среду Дагестана ираноязычных элементов, которое началось еще в скифо-сарматскую эпоху⁵³. Но в пределах Центрального Кавказа в результате этого внедрения образовалась на местной этнической базе ираноязычная осетинская народность; в Дагестане же, как и на территории Северо-Западного Кавказа, иранская лексика была побеждена местными языками, на базе которых сформировались современные языки коренных дагестанских народов. Исключение составляют кумыки, которые в силу особых исторических условий вошли в семью тюркоязычных народов, хотя и являются коренной народностью Дагестана⁵⁴.

Конец первой половины I тысячелетия н. э. ознаменовался событиями, имевшими огромное значение для всей последующей этнической истории предгорного Дагестана. Я имею в виду проникновение гуннов в Закавказье, утверждение Сасанидов в Азербайджане и возведение мощной Дербентской преграды. С этого момента традиционные связи Дагестана с Восточным Закавказьем нарушаются и принимают эпизодический характер, ограничиваясь в основном областью культурного обмена. Основой этих связей почти исключительно становится культурный обмен Северо-Восточного Кавказа со странами Передней Азии. Это нашло свое отражение в инвентаре таких памятников, как Агачкалинские склеповые погребения, Чир-юртовский могильник и др.

Одновременно с затуханием связей Дагестана с Закавказьем усиливаются и становятся более устойчивыми связи этой страны с Северным Кавказом. Особенно ярко проявляется это в проникновении алан в дагестанские предгорья. Аланские пришельцы сыграли немаловажную роль в формировании основного этнического пласта, по крайней мере в предгорном Дагестане. Возросшая же к началу второй половины I тысячелетия опасность с юга — со стороны Сасанидского Ирана, а затем арабов, и с севера — со стороны кочевников способствовала вызреванию феодальных отношений в Дагестане. Именно к этому периоду относятся интенсивная консолидация племенных групп и возникновение первых феодальных образований в пределах Дагестана (Серир, Кумух, Ак-Кадж, Филан, Лакз, Джидан).

В процессе феодализации закладывались основы формирования современных дагестанских народностей. Одновременно на базе племенных языков формировались языки этих народностей — аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин и других более мелких этнических групп. Так открылась новая страница этнической истории Дагестана.

SUMMARY

Daghestan is a mountain country; the nature of its terrain, formed by an intricate system of mountain ranges, isolated valleys and inaccessible gorges, considerably affected the ethnic history of the country, inasmuch as it ensured an uninterrupted process of the ethnic and economic development of the aboriginal population. These characteristic features of Daghestan orography were decisive for the assimilation by the aborigines of the migrants who penetrated to the foothills — in particular the nomad elements arriving from the Caspian steppe. Assimilation was rendered particularly easy by the fact that the nomads penetrated into old agricultural areas, and, in settling there, fully merged with the settled aboriginal population.

In the 1st-5th centuries of our era, Daghestan maintained active contacts with Eastern Transcaucasia — an ancient tradition dating from the Aëneolithic Age. Yet politi-

⁵³ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 395.

⁵⁴ Я. А. Федоров, К вопросу об этногенезе кумыков, «Научные доклады Высшей школы», Серия Исторические науки, 1959, № 1, стр. 104—116.

cally Daghestan remained independent both from Albania and the Sassanides. Following the building of fortifications by the Sassanides in Derbent area, these contacts were somewhat checked, while ties with the North Caucasus were greatly enhanced, as evidenced by the penetration of the Alans to the foothills of Daghestan.

The struggle waged by the Khazarian Kaganate against the Sassanides, and later against the Arabs, did not interfere with the process of the autochthonous ethnic development of Daghestan, for hostilities took place in coastal Daghestan, with its innermost regions left intact.

The Khazars' attempts to win over the population of the foothill area, as well as the insistent attempts of the Arabs to get a firm foothold in Daghestan, promoted the consolidation of its tribes and the rise of domains of the early-feudal type.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

О БРАХИКРАННОМ КОМПОНЕНТЕ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выделенная С. А. Теплоуховым в Минусинских степях афанасьевская культура, по его собственным представлениям, имеет западное происхождение¹. Дальнейшие исследования афанасьевских памятников на территории Минусинской котловины и Алтая, проведенные С. В. Киселевым, позволили подтвердить и конкретизировать этот вывод².

Огромное значение для понимания генезиса афанасьевской культуры имеют работы по изучению памятников поздненеолитического времени Средней Азии, в частности кельтеминарской культуры древнего Хорезма³, обнаруживших ряд специфических параллелей с энеолитической культурой Алтая и Хакассии.

Дополнительная аргументация по вопросу о западных связях афанасьевской культуры в недавнее время была приведена А. Н. Липским⁴. Найденные им в афанасьевских погребениях у села Аскиз и в низовьях реки Теи светильни оказались аналогичными светильням, обнаруженным М. И. Артамоновым на р. Маныч⁵ и Т. М. Минаевой у села Сотниковского Ставропольского края⁶. Светильни такого типа известны и из могильников древнеямной культуры Украины⁷ и Нижнего Поволжья⁸.

¹ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 75—77; его же, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 42—43; его же, Древнеметаллические культуры Минусинского края, «Природа», 1929, № 6, стр. 541.

² С. В. Киселев, Советская археология Сибири периода металла, «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 229; его же, К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири, «Вестник древней истории», 1948, № 1, стр. 169—170, 173. 175—177; его же, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 27—28; 33—34, 44—56, 59—60.

³ С. П. Толстов, Древности верхнего Хорезма, «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 152; его же, The early culture of Khwarizm, «Antiquity» 1946, № 78, стр. 96—97; его же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, «Вестник древней истории», 1946, № 1, стр. 63—65; его же, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 63—65; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 71—72; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 38.

⁴ А. Н. Липский, Афанасьевские погребения в Хакассии, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (в дальнейшем цит. КСИИМК), XLVII, 1952; его же, Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия), КСИИМК, 54, 1954.

⁵ М. И. Артамонов, Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г., «Сов. археология», IV, 1937, стр. 93 и сл.

⁶ Т. М. Минаева Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 136.

⁷ Е. Ф. Лагодовская, Кам'яні закладки Надпоріжжа, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, Киев, 1949, рис. 8; ее же, Михайловское поселение и его историческое значение, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 4, Киев, 1955, рис. 6—3.

⁸ П. С. Рыков, Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой степи, произведенные в 1933 и 1934 гг., «Сов. археология», 1, 1936, рис. 3, 10.

Таким образом, круг связей афанасьевской культуры, как он обрисовывается по археологическим данным, по-видимому, не может быть ограничен какой-то определенной территорией, и, следовательно, процесс происхождения афанасьевской культуры должен рассматриваться как процесс контакта и взаимодействия населения различных культурных областей в ходе переселения с более западных территорий в степи Алтае-Саянского нагорья.

С другой стороны, имеются веские основания предполагать, что местное население неолитического времени также принимало участие в формировании афанасьевской культуры. Об этом говорит преемственность неолитических и афанасьевских памятников на территории Минусинской котловины, четко показанная С. В. Киселевым⁹.

Палеоантропологический материал из погребений афанасьевской культуры был впервые описан Г. Ф. Дебецом¹⁰. На основании характерного для афанасьевских черепов сочетания долихокранной, массивной черепной коробки с широким и низким лицом Г. Ф. Дебец сближал афанасьевские черепа с черепами верхнего палеолита Западной Европы и убедительно аргументировал их принадлежность к большой европеоидной расе. Иная точка зрения на место расового типа населения афанасьевской культуры в системе больших рас человечества была высказана А. Грдличкой, указавшим на сходство афанасьевской серии с черепными сериями ирокезов и алгонкинов¹¹. Однако эта точка зрения сразу же вызвала убедительные возражения¹². Первоначальное мнение, высказанное Г. Ф. Дебецом, получило подтверждение и в его сводной работе по палеоантропологии СССР¹³.

Первым указанием на неоднородность антропологического состава афанасьевского населения Минусинской котловины явилась находка А. Н. Липского в погребении у села Аскиз Аскизского района Хакасской автономной области¹⁴. Обнаруженный в этом погребении череп характеризовался резкой брахикрацией, очень узким лбом, очень высоким и еще более широким, чем у остальных афанасьевских черепов, лицом, уплощенным на уровне назомаллярных и еще более на уровне зигомаксиллярных точек. Это позволило А. Н. Липскому высказать мнение о том, что череп «принадлежал представителю древнего типа монголоидной расы»¹⁵ и, что состав населения афанасьевской культуры был более сложен, чем предполагалось до сих пор. Раскопанный им же в 1951—1954 гг. афанасьевский могильник у села Бельтыры Аскизского района дал дополнительный материал, подтверждавший это предположение.

Один из четырех найденных в этом могильнике мужских черепов хорошей сохранности имеет тот же комплекс морфологических особенностей, что и череп из погребения у села Аскиз. При резкой брахикрации (черепной указатель 83,7) он отличается малой высотой черепной коробки (127 мм), очень широким (150 мм) и высоким (77 мм) лицом. Уплощенность лица в горизонтальной плоскости на уровне зигомаксиллярных точек выражалась величиной угла, равной 136°, т. е. не уступала уплощенности лицевого скелета на черепах современных представи-

⁹ С. В. Киселев, К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири, стр. 170—171, 173; его же, Древняя история Южной Сибири, стр. 43—44, 59—60, 65—66.

¹⁰ Г. Ф. Дебец, Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя, «Антропологический журнал», 1932, № 2.

¹¹ A. Hrdlicka, Crania of Siberia, «American Journal of physical anthropology», 29, 1942, № 4.

¹² Г. Ф. Дебец, О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири, «Сов. этнография», 1947, № 1.

¹³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 64—69.

¹⁴ А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакасии.

¹⁵ Там же, стр. 77.

телей центральноазиатского типа монголоидной большой расы¹⁶. Однако по ширине лба (102 мм) и уплощенности лица на уровне назомаллярных точек (назомаллярный угол 138°) череп из могильника у села Бельтыры не отличался от афанасьевских черепов из Батеней, Красного Яра и Теси. Не отличался он также от остальных афанасьевских черепов, как, впрочем, и аскизский череп, размерами, характеризующими степень выступания носа (угол выступания носовых костей к линии профиля — 33°, дакриальная высота — 15,0 мм, дакриальный указатель — 61,2, симотическая высота — 6,6 мм, симотический указатель — 57,4).

Противоречивое сочетание морфологических особенностей на черепах из Аскиза и Бельтыр, нарушающее обычно наблюдаемую даже в весьма ранних краниологических материалах с территории Сибири картину исторической корреляции между признаками, дало возможность высказать предположение о том, что эти черепа принадлежали представителю брахиокранного варианта монголоидной большой расы, уже испытавшего влияние европеоидного типа основной массы афанасьевского населения¹⁷. Однако малое количество материала мешало аргументировать это заключение с достаточной полнотой, а также определить хотя бы приблизительные границы ареала распространения брахицефального населения на территории Минусинской котловины в эпоху афанасьевской культуры. Антропологический материал, добытый А. Н. Липским в 1957 г. в могильнике афанасьевского времени «Тас-хазаа» (что по-хакасски означает «каменный двор»), позволяет вновь вернуться к обсуждению этого вопроса.

Могильник расположен на правом берегу р. Абакан, в нескольких километрах к северу от Чаптыкова улуса, находящегося в Аскизском районе¹⁸. Свое название могильник получил из-за квадратной кладки, ограничивающей его территорию. Длина каждой стороны квадрата 41—42 м. Большинство погребений концентрируется в центре квадрата. Таким образом, сама топография могильника выглядит необычно и отличается его от других, ранее раскопанных могильников афанасьевской культуры. Его обособленность подчеркивается и некоторыми не встречавшимися ранее деталями археологического инвентаря, в частности наличием каменных плит со своеобразными рисунками, служивших в отдельных случаях покрытием.

Происходящий из могильника палеоантропологический материал включает семь черепов (рис. 1—4). Три черепа принадлежали мужчинам, четыре — женщинам (индивидуальные измерения см. таблицу). Произведенное без помощи костей таза определение половой принадлежности может считаться бесспорным ввиду отчетливо выраженного полового диморфизма.

Размеры лица могли быть определены на шести черепах. Только на одном из женских черепов из погребения 4 верхняя высота лица превышает 70 мм, на остальных — ее величина заметно меньше. Скуловая ширина и на мужских и на женских черепах, наоборот, характеризуется величинами, близкими к максимуму изменчивости этого признака по земному шару. Если суммировать наблюдения на мужских и женских черепах, прибавив к последним по 10 мм (что соответствует приблизительной разнице скулового диаметра между мужскими и женскими сериями в межгрупповом масштабе¹⁹), получим 145,2 мм. Эта величина превышает

¹⁶ См.: Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVII, М., 1951, стр. 176.

¹⁷ В. П. Алексеев, Палеоантропология Южной Сибири (автореферат диссертации), М., 1955.

¹⁸ Все сведения о могильнике получены мной от А. Н. Липского, которому приношу глубокую благодарность. Полная публикация археологического материала готовится им к печати.

¹⁹ Неопубликованные данные Г. Ф. Дебца, за сообщение которых приношу ему гл. боковую благодарность.

Индивидуальные измерения и индексы исследованных черепов

Т а б л и ц а

№ по Мартину	Пол	♂			♀			
	№ погребения	погребение 2	погребение 4	погребение 5	погребение 2	погребение 4	погребение 4	погребение 6
	Возраст	mat.	adult.	mat.	mat.	adult.	adult.	juv. (18—20 лет)
1	Продольный диаметр	175?	198?	186	168	182	—	—
8	Поперечный диаметр	157?	156?	163	139	149?	148	159?
17	Высотный диаметр' (<i>ba—b</i>)	126	—	129	130?	138	—	—
20	Высотный диаметр (<i>po—b</i>)	122!	—	117	113	—	—	—
5	Длина основания черепа	90	—	101	94?	105	—	—
9	Наименьшая ширина лба	88	111	101	89	102	97	92
10	Наибольшая ширина лба	131!	136?	131	114	128	124	122
11	Биаурикулярная ширина	127	—	144	126	—	—	—
12	Ширина затылка	120	—	122	105	—	—	—
29	Лобная хорда	110,0	119,0	113,0	111,5	113,0	111,0	114,0
	Высота изгиба лобной кости	21,5	25,0	22,0	24,0	23,5	25,0	26,0
32	Угол лба (<i>n—m</i>)	79°	—	79°	86°	—	—	—
	Угол лба (<i>gl—m</i>)	71°	—	71°	82°	—	—	—
8 : 1	Черепной указатель	89,7?	78,8?	87,6	82,7	81,9?	—	—
17 : 1	Высотно-продольный указатель	72,0?	—	69,4	77,4?	75,8	—	—
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	80,3?	—	79,1	93,5?	92,6?	—	—
9 : 8	Лобно-поперечный указатель	56,1?	71,2?	62,1	64,0	68,5?	65,5	57,9
9 : 10	Лобный указатель	67,2	81,6	77,1	78,1	79,7	78,2	75,4
	Указатель высоты изгиба лобной кости	19,5	21,0	19,5	21,5	20,8	22,5	22,8
	Общий вид (<i>погма verticalis</i>)	Sphen.	Ov.	El.	Sphen.	Sphen.	Sphen.	Sphen.
	Надбровье (1—6 по Мартину)	4	4	3	2	1	3	2
	Сосцевидный отросток (1—3)	3	2	2	—	2	—	—
40	Длина основания лица	97	—	102	99	103	—	—
43	Верхняя ширина лица	110	121	111	102	112	109	101
45	Скуловая ширина лица	141	150±5	149	130?	139?	—	132?

№ по Мартину	Пол
	№ погребения
	Возраст
46	Средняя ширина лица
47	Полная высота лица
48	Верхняя высота лица
50	Межглазничная ширина ($mf-mf$)
51	Ширина орбиты от mf (лев.)
51a	Ширина орбиты от d (лев.)
52	Высота орбиты (лев.)
54	Ширина носа
55	Высота носа
62	Длина нёба
63	Ширина нёба
43 (1)	Биорбитальная хорда ($fmo-fmo$)
IOWsub.	Высота назиона над биорбитальной хордой
	Зигомаксиллярная хорда ($zm'-zm'$)
	Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой
DC	Дакриальная хорда
DS	Дакриальная высота
SC	Симотическая хорда
SS	Симотическая высота
72	Угол профиля лица общий
73	Угол профиля средней части лица
74	Угол профиля альвеолярной части лица
75	Угол носовых костей к горизонтали
75 (7)	Угол носовых костей к линии профиля

Продолжение табл.

♂			♀			
погребение 2	погребение 4	погребение 5	погребение 2	погребение 4	погребение 4	погребение 6
mat.	adult.	mat.	mat.	adult.	adult.	juv. (18—20 лет)
59	—	102	91	100	—	90
—	—	—	—	121?	—	110
70	—	64	66	74	68	67
17,0	24,0	19,0	19,0	18,5	19,0	17,0
42,5	47,0 (пр.)	43,0	41,5 (пр.)	45,5	43,0	41,0
38,0	45,5 (пр.)	40,0	38,5 (пр.)	42,5	39,5	37,5
32,0	37,5 (пр.)	32,5	30,0 (пр.)	35,5	34,0	31,5
24?	—	26	25	24	—	25
54	—	51	47	53	50	49
44	—	49	48	50	—	—
40	—	—	39	39	—	—
99,0	109,5	102,0	94,5	102,0	100,0	96,5
19,0	20,0	18,5	13,0	17,5	17,5	18,5
95,0	—	100,0	91,5?	99,0	—	90,0
21,0	—	22,0	22,5?	20,5	—	16,5
20,6	23,5	18,9	19,9	20,1	21,1	19,1
14,3	13,4	14,6	11,4	13,9	12,9	11,4
6,4	7,2	9,8	5,3	10,7	5,2	8,2
4,9	4,1	6,4	2,4	5,9	2,6	4,1
85°	—	85°	80°	—	—	—
87°	—	86°	80°	—	—	—
76°	—	80°	80°	—	—	—
52°?	—	54°	54°?	—	—	—
33 ?	—	31°	26°?	29°	—	17°

№ по Мартину	Пол	погрешение 2 mat.
	№ погрешения	
	Возраст	
77	Назомаллярный угол ($fmo--n--fmo$)	138°
	Зигомаксиллярный угол ($zm'--ss--zm'$)	132°
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	5,0
47:45	Общий лицевой указатель	—
48:45	Верхний лицевой указатель	49,7
48:17	Вертикальный краниофациальный указатель	55,6
52:51	Орбитный указатель от mf (лев.)	75,3
52:51a	Орбитный указатель от d (лев.)	84,2
54:55	Носовой указатель	44,4?
63:62	Нёбный указатель	90,9
DS:DC	Дакриальный указатель	69,4
SS:SC	Симметрический указатель	76,6
40:5	Указатель выступания лица	107,8
	Указатель изгиба скуловой кости (по Ву)	—
	Форма нижнего края грушевидного отверстия	f. p.
	Передне-носовая ось (1—5 по Брока)	—
65	Бикондилярная ширина	—
66	Бигонимальная ширина	—
68	Длина нижней челюсти от углов	—
68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков	—
70	Высота ветви (лев.)	—
71a	Наименьшая ширина ветви (лев.)	—
79	Угол ветви нижней челюсти	—
	Угол выступания подбородка ($inf--po$)	—

Продолжение табл.

♂		♀			
погребение 4	погребение 5	погребение 2	погребение 4	погребение 4	погребение 6
adult.	mat.	mat.	adult.	adult.	juv. (18—20 лет)
139°	140°	149°	142°	141°	138°
—	132°	127°?	135°	—	139°
—	2,0 (пр.)	3,0 (пр.)	4,0	6,0	4,0
—	—	—	87,0?	—	83,3
—	43,0	50,8?	53,2?	—	50,8
—	49,6	50,8?	53,6	—	—
79,8 (пр.)	75,6	72,3 (пр.)	78,0	79,1	76,8
82,4 (пр.)	81,3	77,9 (пр.)	83,6	86,1	84,0
—	51,0	53,2	45,3	—	51,0
—	—	81,3	78,0	—	—
57,0	77,3	57,3	69,2	61,1	59,7
56,9	65,3	45,3	55,1	50,0	50,0
—	101,0	105,3?	98,1	—	—
—	24,2	25,0 (пр.)	—	—	—
—	anth.	anth.	anth.	anth.	anth.
—	2	3	3	—	2
143	—	—	123	—	115
113	—	—	96	—	94
—	—	—	92	—	77
—	—	—	109	—	98
—	—	—	76	—	64
36,0°	—	—	46,0	—	35,5 (пр.)
—	—	—	107°	—	115
58°	—	—	81°	—	75°

величину аналогичного размера на черепах забайкальских бурят и якутов²⁰ и близко соответствует широтным размерам лица тлинкитов, индейцев Флориды²¹ и некоторых групп Аргентины²². Палеоантропологические серии с такой или даже еще большей величиной скулового диаметра известны только из мезолитических могильников Швеции²³ и

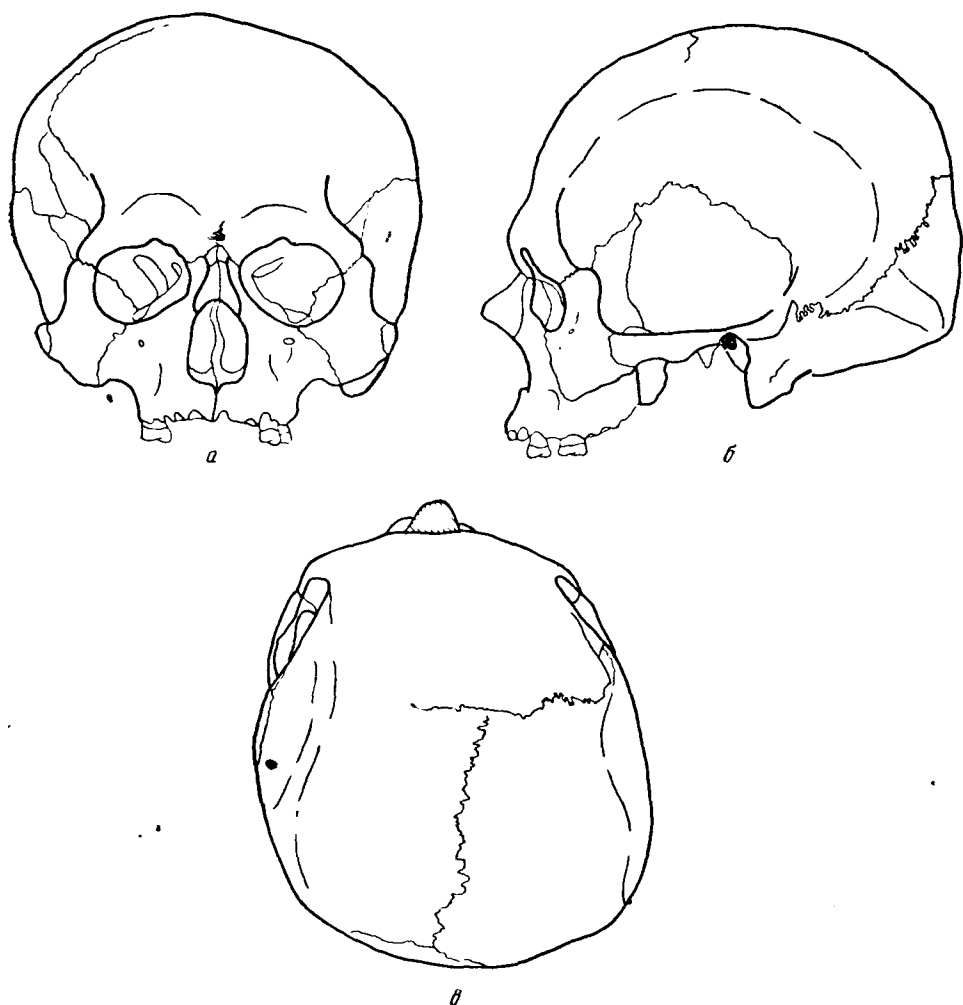

Рис. 1. Мужской череп из погребения 2

Северной Африки²⁴ и неолитических могильников Украины²⁵. Скуловая ширина на десяти ранее опубликованных мужских черепах афанасьевской культуры с территории Минусинской котловины равна 138,4 мм, на десяти женских черепах — 131,8 мм²⁶. Прибавляя 10 мм к данным по

²⁰ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, стр. 191.

²¹ См.: там же, стр. 230, 236.

²² T. D. Steward, Marshall T. Newman. *Anthropometry of South American Indian Skeletal Remains*, «Handbook of South American Indians», т. 6, Washington, 1950.

²³ K. Bröste, J. B. Jørgensen, C. J. Becker, J. Brøndsted, *Prehistoric man in Denmark*, т. 1, Copenhagen, 1956, стр. 31.

²⁴ L. Cabot Briggs, *The stone age races of Northwest Africa*, Cambridge, 1955.

²⁵ Т. С. Кондукторова, Череп из Вовнигских позднеолитических могильников, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 6, Киев, 1956; И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы из раннеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье, «Сов. этнография», 1958, № 1.

²⁶ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVIII, 1957, стр. 95—96.

женской серии, получаем суммарную среднюю для 20 черепов — 140,1 мм. Таким образом, разница между черепами из могильника «Тас-хазаа» и остальными афанасьевскими — превышает 5 мм. При исключении черепов из Аскиза и Бельтыр со скуловым диаметром 153 мм и 150 мм средняя суммарной серии понижается до 138,8 мм, а разница по отношению к черепам из «Тас-хазаа» соответственно увеличивается до

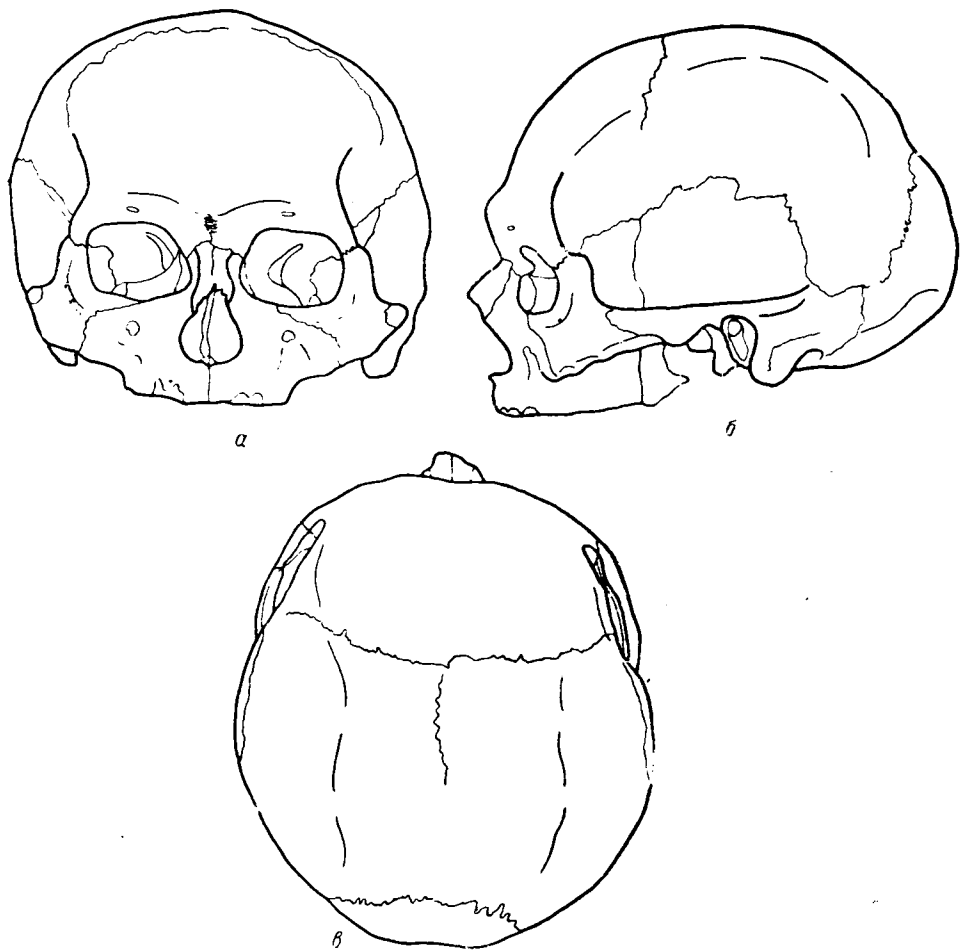

Рис. 2. Мужской череп из погребения 5

6,4 мм, что даже при малом числе наблюдений не может не считаться реальной величиной.

Поскольку, несмотря на неизученность половых вариаций углов горизонтальной профилировки, можно предполагать, что они невелики, вынужденное суммарное сопоставление этих признаков по обоим полам ввиду малочисленности серии из «Тас-хазаа» не должно сказаться на результатах. Средняя для семи черепов по назомалярному углу равна 141° , для пяти черепов по зигомаксиллярному углу — 133° . На десяти уже опубликованных мужских черепах афанасьевского времени из Минусинской котловины соответствующие величины равны $137,6^\circ$ и $128,7^\circ$. На шести женских черепах, на которых мог быть определен назомалярный угол, он равен $137,0^\circ$, три наблюдения по зигомаксиллярному углу дают $129,0^\circ$. При взвешенном суммировании величин мужской и женской серий мы получаем из 16 случаев в назомалярном угле — $137,4^\circ$ и из 13 наблюдений в зигомаксиллярном угле — $128,8^\circ$. Таким образом, разли-

ца в степени профилированности лицевого скелета между ранее известными афанасьевскими черепами и черепами из могильника «Тас-хазза» выражается в $3,6^\circ$ углового размера на уровне назомаллярных точек и в $5,2^\circ$ на уровне зигомаксиллярных точек. Как и по скуловому диаметру, разница увеличивается при исключении черепов из Бельтыр и Аскиза до $4,3^\circ$ в назомаллярном угле и $5,7^\circ$ в зигомаксиллярном. Разница в сте-

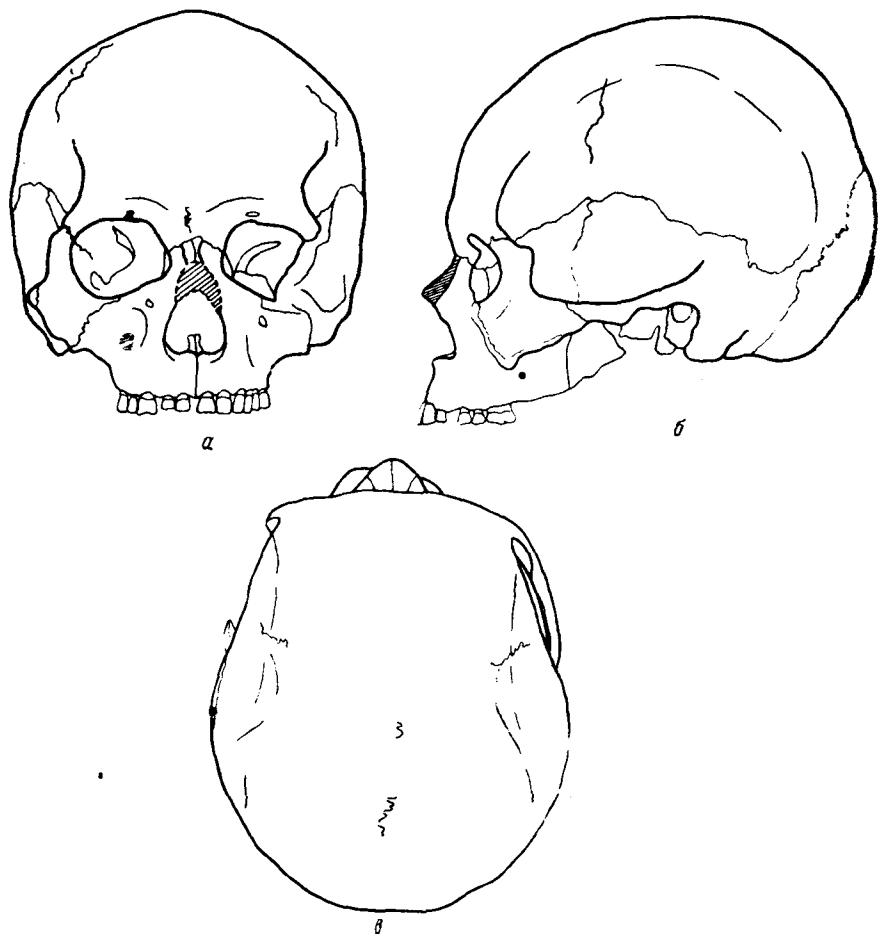

Рис. 3. Женский череп из погребения 2

пени уплощенности лица в горизонтальной плоскости в такой же мере, следовательно, дифференцирует обе группы, как и различия в его широтных размерах.

Оценка уплощенности лицевого скелета может быть дополнена определением указателя изгиба скуловой кости по способу, предложенному Т. Ву²⁷. Различия полностью соответствуют классификации рас первого порядка²⁸. Единственным исключением из строго проявляющей себя закономерности является полученная Д. Рисдоном «монголоидная» величина этого указателя на черепах VIII—VII вв. до н. э. из Лахиша (Па-

²⁷ Т. L. Woo, A biometric study of the human molar bone, «Biometrika», т. 29, 1937, ч. 1—2.

²⁸ См.: В. П. Алексеев, Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1956, стр. 116. Данные Т. Ву приведены там в сопоставлении с данными по бельтырам, сагайцам и шорцам, которые в полном соответствии с предыдущими наблюдениями попадают по этому признаку в границы вариаций монголоидных групп.

лестина)²⁹. Так или иначе совершенно очевидно, что предложенный Т. Ву способ определения горизонтальной профилировки скуловых костей в сочетании с другими особенностями может привлекаться для суждения о месте исследуемой серии в системе рас первого порядка. На шести мужских черепах афанасьевского времени из ранее раскопанных могильников указатель изгиба скуловой кости равен 19,8, на трех жен-

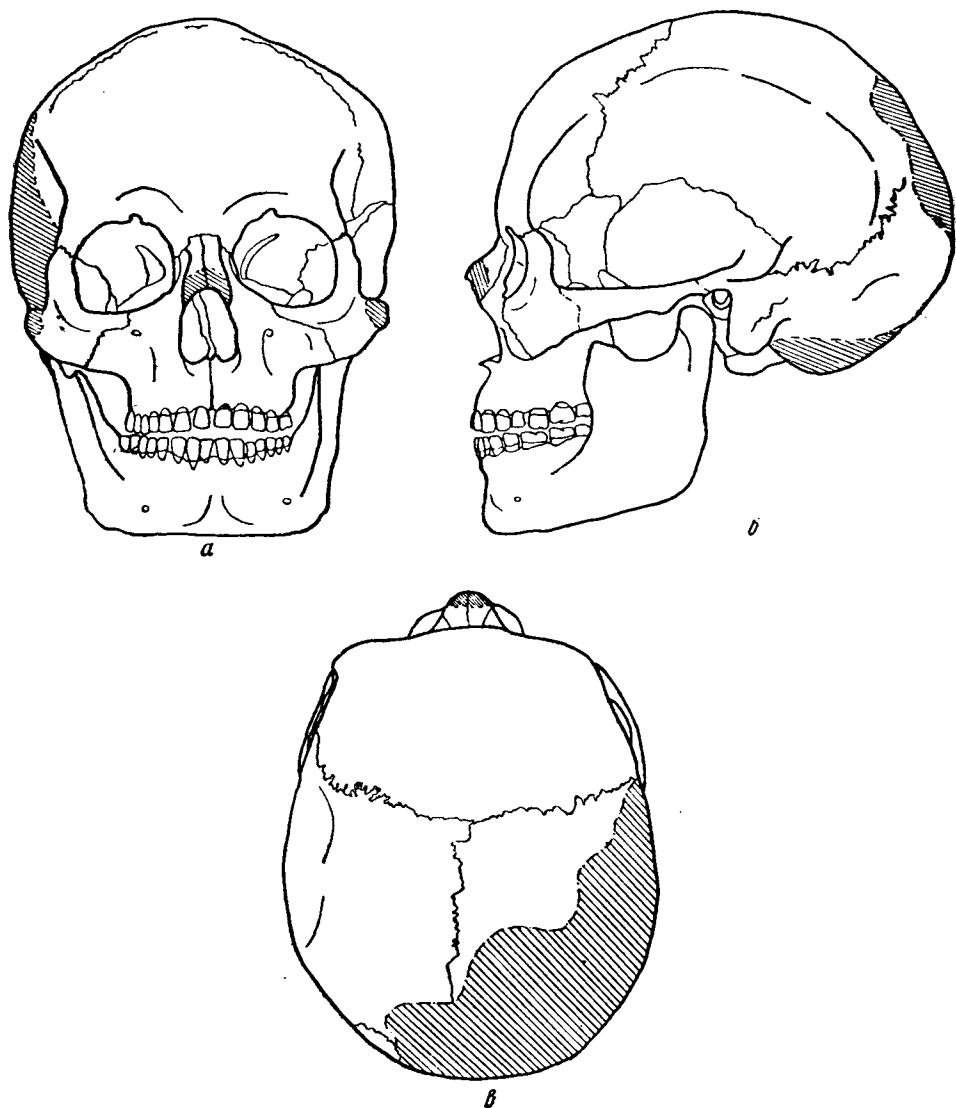

Рис. 4. Женский череп из погребения 4

ских — 22,2. К сожалению, половые различия остаются неизученными, что не дает возможности ввести хотя бы приблизительную поправку при суммировании величины мужских и женских серий. При суммировании без поправок мы на девяти черепах получаем величину, равную 20,6. При исключении черепов из Аскиза и Бельтыр она опускается до 20,5. На двух черепах из могильника «Тас-хазаа», на которых мог быть определен этот указатель, он равен 24,2 и 25,0. Таким образом, и этот

²⁹ D. L. Risdon, A study of the cranial and other human remains from Palestine, «Biometrika», т. 31, 1939, ч. 1—2

способ определения горизонтальной профилировки лицевого скелета указывает на различие в степени его уплощенности у черепов из «Тас-хазаа» и Батеней, Красного Яра и Теси.

Различиям в степени профилированности лица в горизонтальной плоскости, как и выступанию носа, придается значение таксономических признаков первого порядка. В связи с разницей в величинах назомаллярного и зигомаксиллярного углов и указателя изгиба скуловой кости особый интерес приобретает сопоставление черепов из ранее раскопанных могильников и черепов из могильника «Тас-хазаа» по признакам, характеризующим степень выступления носа, в первую очередь по углу носовых костей к линии лицевого профиля.

Степень полового диморфизма по этому признаку может быть определена при сопоставлении мужских и женских серий неолитического времени и эпохи бронзы с территории СССР. В качестве пригодного для этой цели материала были выбраны десять серий: две афанасьевские с территории Хакасии и Алтая, андроновская и карасукская³⁰, три неолитические с территории Прибайкалья — верхнеленская, верхнеангарская и среднеангарская³¹, катакомбная с территории Украины³², срубная с территории Нижнего Поволжья³³ и фатьяновская из Балановского могильника³⁴. Средняя разница в угле выступления носа к линии профиля между мужскими и женскими черепами равна 3,9°. Эта величина может послужить в качестве поправки при суммарном без разбивки по полу вычислении величины угла носа к линии профиля на черепах из «Тас-хазаа». На пяти черепах получаем величину угла, равную 29,5°. При использовании той же поправки для вычисления угла в уже опубликованной серии афанасьевских черепов находим величину, на 3° большую. Так как черепа из Аскиза и Бельтыр не отличаются по этому признаку от остальных, нет необходимости исключать их из серии для усиления степени разницы. Таким образом, различия в угле выступления носа идут в том же направлении, что и различия в уплощенности лица, усиливая уже наметившееся своеобразие черепов из могильника «Тас-хазаа».

С другой стороны, величины дакриальных и симотических высов и указателей очень велики, и по ним исследуемые черепа не отличаются от черепов из могильников у Батеней, Теси и Красного Яра.

Из других особенностей обращает на себя внимание вертикальная профилировка лица. На двух мужских черепах угол лицевого профиля в обоих случаях равен 85°, на одном женском черепе — 80°. Последняя величина определенно указывает на мезогнатность лицевого профиля. Еще более ясно говорит об этом величина указателя выступления лица Фогта-Флауэра. На трех черепах из четырех, у которых был вычислен этот указатель, он заметно превышает 100,0. Любопытно отметить, что указатель выступления лица, как и лицевой угол на черепах из Аскиза и Бельтыр, также попадает в границы мезогнатных вариаций. У десяти ранее опубликованных мужских черепов афанасьевской культуры угол лицевого профиля равен 86,1°, указатель выступления лица у девяти черепов — 96,5; женские черепа имеют величины 84,8° и 97,1 соответственно из девяти и семи наблюдений. Если условно допустить возможность

³⁰ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения.

³¹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, стр. 85, 88.

³² Т. С. Кондукторова, Материалы по палеоантропологии Украины, «Антропологический сборник», 1, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXXIII, М., 1956, стр. 174, 189.

³³ Г. Ф. Дебец, Материалы по палеоантропологии СССР (Нижнее Поволжье), «Антропологический журнал», 1936, № 1.

³⁴ М. С. Акимов, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. I, М.—Л., 1947.

отсутствия полового диморфизма по этим признакам, общие средние будут равны $85,5^\circ$ для 19 наблюдений по углу и $96,8$ для 16 наблюдений по указателю. При исключении черепов из Аскиза и Бельтыр соответствующие величины равны $85,9^\circ$ и $96,3$. Те же самые величины на черепах из Аскиза, Бельтыр и «Тас-хазаа» равны 83° и $102,2$. Таким образом, более резкая вертикальная профилировка лицевого скелета, видимо, входит в число признаков, отличающих серию из перечисленных могильников от черепов из Батеней, Теси и Красного Яра.

При рассмотрении черепной коробки бросается в глаза резкая брахикrania четырех из пяти типов, для которых возможно было вычислить черепной указатель. Женские черепа из погребений 4 и 6 с разрушенной затылочной частью также характеризуются очень высокими величинами ширины черепного свода. Черепной указатель, вычисленный суммарно для мужских и женских черепов, равен $84,1$, поперечный диаметр — $153,0$ мм. Соответствующие величины на пяти мужских черепах из «Тас-хазаа», Аскиза и Бельтыр равны $84,6$ и $156,6$ мм. На 14 мужских черепах долихокранного типа черепной указатель равен $74,1$, поперечный диаметр — $142,8$ мм. Таким образом разница превышает 10 единиц указателя и 10 мм абсолютного размера. Даже при малом количестве наблюдений она не может являться только результатом случайности выборки.

Резюмируя все сказанное, следует констатировать, что население, оставившее могильник «Тас-хазаа», отличалось от основной массы населения афанасьевской культуры поперечными размерами лица, степенью его профилированности в горизонтальной и вертикальной плоскостях, соотношением горизонтальных диаметров головы и, в меньшей степени, выступанием носа. Кроме предпоследнего признака, остальные принадлежат к категории таксономических признаков первого порядка, т. е. дифференцируют основные расовые деления человечества. Однако их вариации не идут параллельно. Меньшая степень выступления носа и уплощенность лица в горизонтальной плоскости сочетаются не с большей, а с меньшей его профилированностью в вертикальном плане. В настоящее время мы наблюдаем на территории Советского Союза обратное соотношение³⁵. Однако выбор более важных признаков в данном случае облегчается тем, что они, по-видимому, имеют неодинаковый вес в случаях сплошного или прерывистого ареала распространения³⁶. Уплощенность лица и носа легко находят себе объяснение как результат контакта с заселенными монголоидами территориями, расположенными к северу и востоку от Минусинских степей. Что же касается резко выраженной мезогнатии, то она не сопровождается характерными для негроидных групп сдвигами в других признаках, в частности в широтных размерах носа и, кроме того, фиксируется на территории, находящейся сравнительно далеко от зоны возможного контакта с негроидной расой. Поэтому она должна рассматриваться в данном случае скорее как параллельно образовавшаяся черта данной популяции.

Особенности мягких частей лица группы оставившей могильник «Тас-хазаа», остаются, разумеется, неизвестными. Историческая корреляция краниологических признаков и особенностей строения покровов, характерная для населения Советского Союза в настоящее время, не может безоговорочно распространяться на древнее население. Идущие в обратном (по сравнению с обычным) направлении различия в горизонтальной и вертикальной профилировке являются в этом отношении весьма показательными. Однако комплексность краниологических отличий черепов из «Тас-хазаа» от ранее опубликованной серии дает известные основания предполагать, что разница в строении покровов населения афанась-

³⁵ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, стр. 26.

³⁶ Там же, стр. 67—68.

евской культуры соответствовала направлению отличий сибирских монголоидов от народов Восточной Европы. В соответствии с солидно аргументированной гипотезой о меньшей выраженности монголоидных особенностей в строении мягких частей лица у древних представителей монголоидной расы в сравнении с современными³⁷ следует предполагать, что абсолютная величина различий была значительно меньше, чем в настоящее время. Меньший в сравнении с современным масштаб различий по краниологическим признакам в данном случае, как и вообще небольшая разница древних типов с территории расселения монголоидной и европеоидной больших рас (о чем свидетельствует, например, сопоставление черепов из Верхней пещеры Чжоу-Коу-тянь³⁸ с серией верхнего палеолита Западной Европы³⁹, являются дополнительными аргументами в пользу такого предположения. В какой-то мере малый масштаб различий по признакам первого порядка может быть и результатом уже имевшего место смешения.

Проявление аналогичного комплекса признаков в могильниках у сел Аскиз и Бельтыры говорит о том, что ареал его распространения охватывал как право-, так и левобережье Абакана, и, следовательно, он распространялся на всю южную часть приабаканских степей. Однако он не был на этой территории единственным. Большинство черепов из могильника у Бельтыр не отличается от афанасьевской долихокранный серии из северных районов. Дальнейшее уточнение географической границы между двумя вариантами и формами их взаимодействия является насущной задачей палеоантропологии Минусинской котловины, как и выяснение на более полном материале значения различия в высоте лица между черепами из Аскиза и Бельтыр, с одной стороны, и черепами из «Тас-хазза» — с другой.

Высказанное в свое время Г. Ф. Дебецом предположение о принадлежности палеолитического населения степных областей Алтае-Саянского нагорья к большой европеоидной расе базировалось на факте чистоты европеоидного типа афанасьевской серии и признании невозможности переселения больших масс людей на далекие расстояния и полного растворения монголоидного населения верхнего палеолита, если таковое было, в пришлое европейское⁴⁰. Опровержение второго из этих аргументов может быть найдено в статье самого Г. Ф. Дебеца, посвященной характеристике мезолитических черепов из могильника у с. Волошского⁴¹. Расселение эскимосов и атапасков на огромные пространства буквально на глазах истории является веским аргументом в пользу признания возможности таких переселений и в эпоху бронзы. Представление о чистоте европеоидного типа афанасьевского населения было поколеблено уже находками, сделанными А. Н. Липским в могильниках у сел Аскиз и Бельтыры⁴². вновь исследованный материал позволяет с полной определенностью поставить вопрос о смешанности населения афанасьевской культуры, а следовательно, снять и остальные аргументы, приведенные Г. Ф. Дебецом в защиту своей точки зрения. В качестве дополнительного аргумента в пользу гипотезы о при-

³⁷ Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения монгольского расового типа, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

³⁸ R. Weidenreich, On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia, «Peking Natural History Bulletin», т. 13, 1939, ч. 3.

³⁹ G. M. Morant, Studies of palaeolithic man, IV. A biometric study of the upper palaeolithic skulls of Europe and their relationship to earlier and later types, «Annales of Eugenics», т. IV, 1930, ч. 1—2.

⁴⁰ Г. Ф. Дебеч, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 8, 1946, стр. 76; его же, Палеоантропология СССР, стр. 68.

⁴¹ Г. Ф. Дебеч, Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошское, «Сов. этнография», 1955, № 3.

⁴² В. П. Алексеев, Палеоантропология Южной Сибири, стр. 4—5.

надлежности палеолитического населения степей Алтае-Саянского нагорья к большой монголоидной расе укажу, что известные нам монголоидные черепа неолитического времени с этой территории, как и черепа из Аскиза, Бельтыр и «Тас-хазаа», характеризуются в большинстве случаев брахикранией⁴³.

Выводы

1. Сопоставление черепа из погребения афанасьевского времени у с. Аскиз с черепами из афанасьевского могильника «Тас-хазаа» говорит о том, что монголоидные особенности первого из них не случайны и что монголоидный тип принимал деятельное участие в формировании населения афанасьевской культуры.

2. Таким образом, неоднородность населения Минусинской котловины в эпоху афанасьевской культуры в отношении европеоидного и монголоидного расовых стволов человечества, в пользу которой раньше свидетельствовал чрезвычайно фрагментарный материал, получает дополнительное подтверждение и становится твердо установленным фактом.

3. Наличие брахикранного монголоидного компонента в расовом составе афанасьевского населения Минусинской котловины увеличивает количество данных, приводящих к необходимости принять гипотезу принадлежности верхнепалеолитического населения степных районов Алтае-Саянского нагорья к большой монголоидной расе.

4. Четкая локализация выделенного на вновь изученном материале брахикранного монголоидного типа по правому берегу р. Абакан в южной части Минусинской котловины, как и своеобразие археологического инвентаря могильника «Тас-хазаа», позволяют поставить вопрос об отличии от основной массы афанасьевского населения группы, оставившей могильник, а наличие отдельных черепов с аналогичными морфологическими особенностями в могильниках у сел Аскиз и Бельтыр говорит о тесном взаимодействии этой группы с афанасьевским населением южной части левобережья Абакана.

5. Весьма вероятно, что происхождение этой группы восходит к местному монголоидному населению эпохи верхнего палеолита.

SUMMARY

The author of the present article has studied three male and four female skulls from the «Tas-khazaa» burial (Afanasyevo culture) excavated by A. N. Lipsky in 1957 on the right bank of the Abakan. The skulls are all characterized by pronounced brachycephaly in sharp contrast to previously excavated skulls from Afanasyevo culture burials. Brachycephaly is accompanied by a certain flatness of face and several other features generally observed in the skulls of Siberian Mongoloids. A similar combination of characteristics is evidenced by the paleoanthropological finds from Afanasyevo burials on the left bank of the Abakan.

In the author's opinion, the material investigated by him testifies to the existence of a Mongoloid strain in the people of Afanasyevo culture — apparently the result of intermixing with a certain group that had retained morphological features of an early population of Upper Palaeolithic.

⁴³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 63.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

К. Г. ГУСЛИСТЫЙ, В. Ф. ГОРЛЕНКО

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Исторический XXI съезд КПСС, ознаменовавший вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма, положил начало новому этапу в развитии советских общественных наук. Перед работниками общественных наук поставлены задачи — поднять теоретический уровень исследований, создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, разработать проблемы, связанные с переходом к коммунизму, усилить критику современного ревизионизма и буржуазной идеологии. Деятели всех отраслей культуры должны еще более укрепить связь с жизнью народа, быть и впредь активными помощниками партии в деле коммунистического воспитания трудящихся, в развитии многонациональной социалистической культуры.

Немалую роль должна сыграть в осуществлении задач дальнейшего развития культуры всех народов СССР, начертанных XXI съездом КПСС, в создании новых форм быта, в воспитании человека, достойного коммунистического общества, такая важная область исторической науки, как этнография.

Практика коммунистического строительства требует от этнографов усиления внимания к исследованию социалистических преобразований, ростков нового, коммунистического в культуре и быте советского народа.

Дальнейшее развитие украинской советской этнографии, успешное изучение современности невозможно, однако, без критического изучения и использования этнографического наследства. Поэтому одной из первоочередных и важнейших задач украинских советских этнографов является написание истории украинской дореволюционной и советской этнографической науки, разработка ее периодизации.

В советской науке общих проблем истории этнографического изучения украинского народа касались М. О. Косвен¹, С. А. Токарев². Отдельным вопросам посвящен ряд статей украинских этнографов³.

¹ М. О. Косвен, Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXX, М., 1956.

² С. А. Токарев, Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии, «Сов. этнография», 1951, № 2; его же, раздел «Этнография» в кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 535.

³ О. М. Кравець, Шевченко як етнограф, «Вісник Академії наук УРСР», 1953, № 8; ее же, Из истории русско-украинских связей в области этнографии в XIX веке, «Сов. этнография», 1954, № 4; В. Ф. Горленко, Русское географическое общество и украинская этнография в середине XIX века, «Сов. этнография», 1957, № 3; его же,

Однако советская этнографическая наука еще не располагает капитальным обобщающим историографическим трудом по украинской этнографии. Марксистская периодизация истории украинской этнографии не разработана, без чего, конечно, невозможно и создание подобного труда. Необходимо глубоко, на основе марксистско-ленинской теории, проанализировать, обобщить огромное этнографическое наследство, созданное усилиями многих ученых как в дооктябрьский, так и в послеоктябрьский периоды истории Украины.

Используя достижения передовых, прогрессивных ученых прошлого, советские этнографы должны подвергнуть критике буржуазно-националистические реакционные концепции, которые извращают подлинную историю украинской народной культуры. Надо всегда помнить указание В. И. Ленина, что ни одному из буржуазных профессоров, «способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии»⁴.

В буржуазной этнографии имеется весьма незначительное количество работ, которые касаются истории этнографического изучения украинского народа. Все эти работы характеризуются неполнотой в освещении истории украинской этнографии, не говоря уже об их буржуазно-идеалистических методологических основах.

Одно из наиболее серьезных исследований дореволюционной буржуазной историографии — известный труд А. Н. Пыпина «История русской этнографии»⁵ освещал развитие этнографии на Украине без достаточной связи с конкретной исторической действительностью, без учета классовой борьбы. Несмотря на указанные недостатки, этот труд в условиях усиления проводившейся царизмом политики национального гнета на Украине (циркуляр Валуева 1863 г., Эмский указ 1876 г. и др.) был значительным явлением в изучении истории украинской этнографии. Пыпин был одним из тех прогрессивных деятелей русской науки и культуры, которые, в противовес реакционной национальной политике царизма, не только признавали существование украинской национальности, но и доказывали это своими трудами. Поэтому передовые деятели украинской культуры и науки с благодарностью отмечали эту сторону деятельности Пыпина. Так, И. Франко подчеркивал, что «в історії нашого національного відродження ім'я Пипіна займає почесне місце»⁶.

Украинские буржуазные националисты (М. Грушевский и др.), пропагандируя реакционную концепцию «відрубності» (обособленности) развития украинской культуры от русской культуры, рассматривали и процесс развития украинской этнографии вне связи с развитием русской науки. Придерживаясь антинаучной теории «единого потока», они старались затушевать классовые противоречия и классовую борьбу на Украине.

Перша етнографічна програма на Україні, «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4; А. С. К у н и ц к и й, Український етнограф Павел Платонович Чубинський, «Сов. етнографія», 1956, № 1; М. Т. Л о м о в а, Етнографічна діяльність І. Франка, Київ, 1957; Л. П. Ш е в ч е н к о, Сторінка з етнографічної діяльності В. М. Гнатюка, «Народна творчість та етнографія», 1959, № 1; Г. Ю. С т е л ь м а х, Розвиток української етнографії за роки Радянської влади, «Народна творчість та етнографія», 1958, № 2; е г о ж е, Етнографічні дослідження в Академії наук Української РСР за 40 років, «Народна творчість та етнографія», 1959, № 4; К. Г. Г у с л и с т и й, Всесоюзна етнографічна нарада 1956 р. і питання розвитку української етнографії, «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1; е г о ж е, Стан і завдання розвитку етнографічної науки в Українській РСР, «Народна творчість та етнографія», 1958, № 4.

⁴ В. И. Л е н и н, Соч., т. 14, стр. 328.

⁵ А. Н. П ы п и н, История русской этнографии, т. III. Этнография малорусская, СПб., 1891 (А. Н. Пыпин объединял понятие этнографии и фольклористики).

⁶ «Олександр Пипін (Некролог)», «Хроніка Наукового товариства ім. Шевченка», Львів, 1905, вип. 1, ч. 21, стр. 23.

Отдельные очерки по истории украинской этнографии, помещенные в изданных в последнее время за рубежом работах последователей реакционной буржуазно-националистической школы М. Грушевского, идеологов фашизма, находящихся на службе западноевропейских и американских империалистов, носят шовинистический, враждебный украинскому народу антисоветский характер, являются насквозь реакционными и свидетельствуют о полнейшем вырождении и деградации украинской буржуазно-националистической этнографии.

Буржуазные этнографы не могли дать правильную периодизацию истории украинской этнографии. Они отрывали ее историю от общего хода социально-экономического процесса, а начало ее связывали исключительно с внешним моментом — с изданием первого специального этнографического труда о свадебных обрядах Г. Калиновского⁷. В качестве пионеров в деле этнографического изучения украинского народа буржуазные авторы выдвигают прежде всего представителей дворянско-помещичьего класса. Участие в процессе развития науки трудящихся масс в лице их наиболее талантливых представителей не принимается во внимание. Игнорирование буржуазными учеными периода XV — первой половины XVIII в. в накоплении этнографических знаний об украинском народе приводит к неполному освещению и обеднению истории украинской этнографии и украинской культуры вообще.

В работах советских историков⁸ и этнографов утвердилось правильное мнение, что в основе периодизации явлений культуры, которые относятся к области надстройки, должно лежать социально-экономическое развитие общества, т. е. развитие базиса. «Составляя часть общего процесса развития научной жизни и всей культуры в нашей стране, история этнографии, как и всякой другой науки, не может рассматриваться в отрыве от всего хода социально-экономического и политического развития... В конечном счете история... этнографии является производной от этого развития. Поэтому и периодизация ее определяется в основном узловыми точками общен исторического процесса»⁹.

В развитии этнографической науки на Украине (как и русской этнографии) выделяются три крупных периода, соответствующих трем общественно-экономическим формациям (феодализму, капитализму, советской эпохе), причем каждый из них в свою очередь делится на ряд более мелких этапов.

Первый период в истории украинской этнографии, который охватывает время феодализма (приблизительно с XV в. до 60-х годов XIX в.), — это период накопления этнографических материалов об украинцах и становления на Украине этнографии как науки. Ему предшествует древнерусский период, этнографические знания которого, отразившиеся наиболее ярко в выдающемся памятнике древнерусского феодального летописания «Повести временных лет», являются общим источником для этнографии всех трех братских восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов. Поэтому нельзя признать правильным объединение этнографических знаний древнерусской народности XI—XIII вв. и этнографических знаний русской, великорусской народности XIV—XVI вв. в один период, как это склонны делать некоторые советские этнографы¹⁰. Как правильно пишет акад. Б. Д. Греков,

⁷ «Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России и в Слободской Украинской губернии, також в Великороссийских слободах, населенных Малороссиянами, употребляемых. Сочинено Г. Калиновским, армейских пехотных полков, состоящих в Украинской дивизии, прапорщиком», СПб., 1777.

⁸ См. М. В. Нечкина, О периодизации истории советской исторической науки, «История СССР», 1960, № 1.

⁹ С. А. Токарев, Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии (проблема периодизации), стр. 161.

¹⁰ См. там же, стр. 161—162; е го же, раздел «Этнография» в кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 535—536.

«история Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны»¹¹. Без учета этого важнейшего положения марксистской исторической науки нельзя создать правильную периодизацию этнографии восточнославянских народов.

Первый период в истории украинской этнографии — период феодальный — подразделяется на три этапа. Первый из них начинается примерно с XV в., со времени возникновения украинской народности, и продолжается до середины XVII в., включая освободительную войну 1648—1654 гг. и великий исторический акт воссоединения Украины с Россией.

В общественно-экономической и политической жизни Украины этот этап характеризуется усилением феодально-крепостнической эксплуатации крестьян, героической борьбой украинских народных масс против социального и национального гнета, против иноземных захватчиков и местных феодалов. Сложившаяся около XIV—XV вв. украинская народность продолжает спланиваться, консолидироваться в XVI — первой половине XVII в. Примерно с середины XVII в. внутри феодально-крепостнической системы начинают зарождаться новые, буржуазные связи, возникает процесс превращения украинской народности в нацию.

Накопление этнографических знаний об украинцах на первом этапе феодального периода в истории украинской этнографии носит еще эпизодический характер.

Немало исторических и этнографических данных об украинском народе содержат первые украинские исторические произведения — летописи XV—XVII вв. (Краткая Киевская, Густынская, так называемая Львовская, Острожская и др.), а также многие произведения полемической литературы, возникновение которой в конце XVI — первой половине XVII в. было связано с борьбой против агрессии шляхетско-католической Польши, стремившейся денационализировать, окатоличить и ополячить украинский народ.

Особо видное место в этой литературе занимают произведения выдающегося украинского публициста И. Вишенского (конец XVI — начало XVII в.)¹², в которых выражено глубокое понимание своеобразия украинской культуры, стремление защищать ее от агрессии польско-католической шляхты. Вишенский выступал в своих произведениях не только как борец против унии и католицизма, но и как защитник социальных интересов украинского крестьянства и мещанства. Все симпатии его были на стороне «хлопов простых». В произведениях Вишенского ярко противопоставляются народный быт с его этнографическими особенностями быту и модам верхов.

Интерес к культуре и быту различных социальных слоев украинского народа, в частности к казачеству, проявляется на этом этапе и за пределами России¹³.

В Западной Европе украинцы были известны уже как народ со своим языком, характерным бытовым укладом, территорией, население ко-

¹¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М.—Л., 1944, стр. 8.

¹² И. Вишенский, Соч., М.—Л., 1955.

¹³ «Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. Перевод с итальянского В. Семенова», «Библиотека иностранных писателей о России», отд. I, т. I, ч. II, СПб., 1836; «Записки о Московии барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 г. перевел А. Анонимов», СПб., 1836; «Записки о московитских делах», 1908; Блез де Виженер, Описание польского королевства и порубежных с ним стран (1573), «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I, Киев, 1890; «Дневник Эриха Лясоты из Стеблева (1588—1594)», там же; Н. Молчановский, Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Богдане Хмельницком (1956), «Киевская

торой подразделялось на ряд этнографических групп (волыняне, подоляне и др.)¹⁴. Вместе с тем украинцев рассматривали там как народ, родственный и очень близкий по культуре русскому народу. Об этом, в частности, свидетельствует письмо итальянца Альберта Кампензе¹⁵ (1523—1524), в котором он отмечает, что население Украины (которое он называет росами или рутенами) и население Великороссии (которое он называет московитянами) говорит общим языком и исповедует одну веру.

Для обозначения понятия «Украина» в то время употреблялись три названия: Русь, Украина, Малая Русь.

Значительным вкладом в историю этнографического изучения Украины было появление в середине XVII в. книги «Описание Украины» француза Гильома Боплана — первой из известных нам попыток дать специальное всестороннее освещение жизни украинцев как определенного народа¹⁶.

Следует, конечно, иметь в виду, что сведения об украинцах, которые приводятся в трудах иностранцев, нуждаются в сугубо критическом отношении.

Второй этап первого периода в истории украинской этнографии начинается со второй половины XVII — первой половины XVIII в. и длится примерно до последней трети XVIII в. В общественно-экономической и политической истории украинского народа это было временем укрепления феодально-крепостнических отношений, что сказалось и в развитии общественной мысли, в частности в накоплении этнографических знаний. Вместе с тем, углубляется процесс превращения украинской народности в нацию, что отразилось и в ее культурной жизни. Воссоединение Украины с Россией, несмотря на гнет царизма, содействовало дальнейшему развитию украинской культуры и ее связей с русской культурой.

К началу этого этапа относится зарождение специальных научно-этнографических интересов на Украине, первые опыты собирания этнографических материалов. Так, неизвестным украинским автором была составлена рукописная книга «Космография» — компиляция, написанная с использованием разных письменных западноевропейских и русских источников. В 1728 г. «Космография» «по желанию и велению» известного украинского козацко-старшинского летописца Самойла Велички была переписана его учениками в Диканьке (именни полтавского полковника Василия Васильевича Кочубея). Получился большой сборник (866 стр.), названный «Космография, то есть всего круга земного и сущих в нем паньств и монархий, также островов морских, народов и племен человеческих описание, с приложенными в ней к ведению людскому потребными речами»¹⁷. В «Космографии» имеется раздел «Преславное царство Московское»; автор с симпатией отзываясь в нем о русском народе.

Немало ценных этнографических данных, характеризующих культурно-бытовые особенности украинского народа, содержат появившиеся

старина», 1900, январь, стр. 62—75; «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса», вып. 1 (От Алеппо до земли казаков), 1896; вып. 2 (От Днестра до Москвы), 1896; вып. 3 (Москва), 1898.

¹⁴ Блез де Виженер, Указ. раб.

¹⁵ «Библиотека иностранных писателей о России», отд. 1, т. I, ч. III, СПб., 1836, стр. 20.

¹⁶ Гильом Левассер де Боплан, Описание Украины (1630—1648), перевод К. Мельник, «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. II, Киев, 1896. Боплан называл «Украиною» всю территорию, «простирающуюся между Московией и Трансильванией» (стр. 294).

¹⁷ Л. Орленко, Книжні відомості українців про Московське царство наприкінці XVII ст., ж. «Україна», Київ, 1914, кн. III, стр. 66.

во второй половине XVII — первой половине XVIII в. новые исторические произведения — «Кройника» Феодосия Сафоновича (1672), «Синописис» (1674), козацко-старшинские летописи Самовидца, Самойла Велички, Григория Грабянки, дневник Якова Марковича и др.¹⁸

В конце XVII в. усиливается интерес к устному народному творчеству, в котором широкое отражение нашли разные стороны жизни народных масс, прежде всего крестьянства: его семейный, производственный и общественный быт, обычаи и обряды и пр. Появляются первые известные нам записи устного творчества украинцев¹⁹.

Украинская художественная литература конца XVII — начала XVIII в. также свидетельствует не только об этнографической любознательности образованных людей того времени, но и о прямых попытках изучения народной культуры. Так, малоизвестный украинский поэт Климентий Зиновьев, вирши которого представляют собой своеобразную энциклопедию жизни и быта различных слоев тогдашнего украинского общества, собрал большое количество народных пословиц и поговорок и поместил их в алфавитном порядке в своем сборнике. Как видно из содержания сборника²⁰, Климентий Зиновьев интересовался устным творчеством не только как поэт, но и как исследователь народной жизни, этнограф.

Украинская этнография развивалась в теснейшей взаимосвязи с русской этнографией. Вторая половина XVII в. и особенно XVIII век в истории русского государства характеризуются значительным прогрессом научной мысли. Появляются специальные труды по истории этнографии России и сопредельных стран. В 1715 г. русская этнографическая литература обогатилась первой специальной монографией «Краткое описание о народе остяцком», автором которой является украинец Григорий Новицкий.

Русские ученые В. М. Татищев и Г.-Ф. Миллер разрабатывают первые программы-анкеты для изучения жизни и быта разных народов, населявших Россию. Непосредственно этнографии украинцев посвящены работы Г.-Ф. Миллера, который в 1760 г. публикует статьи о происхождении, обычаях, верованиях и обрядах запорожских казаков, их общественном и военном строе, пище и т. п.²¹

Все больше известий по этнографии украинского народа попадает в это время на страницы произведений экономического, исторического и топографического характера, в частности ряда трудов, изданных В. Рубаном²².

Анализ сведений о различных сторонах культуры и быта украинского народа, сохранившихся в устной традиции и письменных источниках, свидетельствует о том, что уже на начальных этапах развития этногра-

¹⁸ См. М. І. Марченко, Українська історіографія, Київ, 1959; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955.

¹⁹ М. Возняк, Из збірника Кондрацького кінця XVII в., «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXLVI, Львів, 1927.

²⁰ «Сборник, принадлежащий Климентию Зиновьеву», Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки АН УССР, № 73/193; В. Перетц, Вірші еромонаха Клімента Зінов'єва сина, «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. XVII, Львів, 1912; О. Компан, Перша збірка українських приказок, «Вітчизна», 1958, № 12.

²¹ Г. Ф. Миллер, О начале и происхождении казаков, «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760, апрель; его же, Известия о запорожских казаках, там же, май.

²² См. его работы: «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России, с приобщением украинских трактов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числе народа и прочая. Из разных мест собраны и изданы в свет Василием Рубаном», СПб., 1773; «Землеописание Малыя России, изъявляющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей, сколько где выборных козаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 года находилось; також дополнение о полтавском полку, известие о почтах и трактах и алфавитная всем званиям роспись, как и дополнительная ведомость о церквах всех тамошних епархий, изданные Василием Рубаном», СПб., 1777, и др.

фических знаний об украинском народе в освещении его культуры и быта проявлялись две основные тенденции: демократическая, в большей или меньшей мере проникнутая антифеодальными стремлениями, и феодально-крепостническая. Зарождение и борьба этих тенденций были обусловлены возраставшей борьбой трудящихся масс села и города против социального и национального гнета, а также зарождением и развитием новых, буржуазных связей, что в той или иной мере отразилось в литературных произведениях, авторами которых были представители различных слоев украинского общества.

Третий этап первого периода истории украинской этнографии — становление украинской этнографии как особой отрасли науки — длился примерно с последней трети XVIII в. до начала 60-х годов XIX в. Он характеризуется разложением феодально-крепостнических и развитием капиталистических отношений в России и на Украине.

Уже начало этого этапа истории украинской этнографии ознаменовалось заметным оживлением интереса к культурно-бытовым особенностям украинского народа, вышли первые специальные труды по украинской этнографии. В 1777 г. в Петербурге была напечатана книга Г. Калиновского «Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России», а в 1798 г. Я. Маркович опубликовал «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях».

К концу XVIII в. относятся истоки революционно-просветительского направления в истории русской этнографии. Эти истоки отразились в творчестве А. Н. Радищева, оказавшего большое влияние на пробуждение общественного интереса к русскому крестьянству, а вместе с тем к крестьянству и других народов России. На пробуждение общественного интереса к украинскому крестьянству немалое влияние оказало творчество философа и писателя, демократа-просветителя Г. С. Сквороды, который в своих произведениях дал яркие картины угнетенного положения народных масс Украины²³.

В первой четверти XIX в. интерес к культурно-бытовым особенностям русского и украинского народов усиливается. Центром развития украинской этнографии в это время становится Харьков, где в 1805 г. был основан университет.

Усиление интереса к культуре и быту русского и украинского народов было связано не только с развитием новых общественно-экономических отношений в недрах феодально-крепостнической системы, но и с такими политическими событиями в истории России, как отечественная война 1812 г., вызвавшая подъем патриотизма среди народных масс, и восстание дворянских революционеров — декабристов в 1825 г.

У декабристов интерес к культуре и быту народов России, в частности украинцев, был тесно связан с осуществлением их политических идеалов. Эта связь с революционной практикой определила наиболее сильные прогрессивные стороны воззрения декабристов²⁴, в том числе и в области этнографии, несмотря на классовую ограниченность движения декабристов и их идеологии в целом. Передовые взгляды декабристов в области этнографии, их оценка культуры и быта народа сказались на возникновении прогрессивных тенденций в развитии этнографической науки в России, в частности, в развитии украинской этнографии первой половины XIX в. Нельзя не отметить работу декабриста Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера», обрисовавшего ужасное положение украинских крестьян Галиции.

²³ См. Собрание сочинений Г. С. Сквороды с биографией Г. С. Сквороды: М. И. Ковалинского, с заметками и примечаниями В. Бонч-Бруевича, СПб., 1912; М. П. Попов, Григорій Савич Скворода, Киев, 1960.

²⁴ Подробнее см.: В. К. Соколова, Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора, «Сов. этнография», 1953, № 2.

В связи с развитием новых социально-экономических отношений и подъемом крестьянского антифеодального движения в 40—50-х годах XIX в. в среде передовой интеллигенции росли революционные настроения. На борьбу против царизма и крепостничества выступили русские революционные демократы, единомышленником которых был Т. Шевченко; роль его в развитии интереса к культуре и быту, к этнографическим особенностям украинского народа исключительно велика. Одновременно с революционно-демократическим течением в общественно-политической жизни России зарождается и либерально-буржуазное течение.

В 40-х годах XIX в. в Киеве возникла, как известно, тайная антикрепостническая организация — Кирилло-Мефодиевское общество. Его организаторами были представители либерально-буржуазных реформистских кругов — Н. Костомаров и В. Белозерский. К нему примкнули и революционные демократы — Т. Шевченко и др. В программных документах Кирилло-Мефодиевского общества проводится прогрессивная идея освобождения и равноправия всех славянских народов, в том числе украинского. Эта идея, отражавшая пробуждение украинского национального движения, была обусловлена развитием капиталистических отношений в недрах феодально-крепостнической формации. Первой исторической тенденцией развивающегося капитализма в национальном вопросе, писал В. И. Ленин, является «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»²⁵.

В деятельности Кирилло-Мефодиевского общества в зародышевом виде нашла свое проявление эта первая историческая тенденция развивающегося на Украине капитализма. Пробуждение украинской национальной жизни сопровождалось ростом общественного интереса к культуре и быту украинского народа, к его этнографическим особенностям. В 40—50-е годы XIX в. в изучении украинского народа и наметились два направления, связанные с новыми течениями в общественно-политической жизни, — революционно-демократическое (Т. Шевченко) и либерально-буржуазное, в основном буржуазно-националистическое (Н. Костомаров, П. Кулиш и др.). Продолжало существовать и дворянско-крепостническое направление. У революционных демократов этнографические интересы подчинялись активной борьбе за освобождение трудящихся масс из-под ига царизма. Они изучали народную культуру и быт с целью их преобразования, устранения темных сторон. Подход революционных демократов к этнографии выражал, таким образом, интересы самих трудящихся масс.

Представители либерально-буржуазного направления нередко идеализировали положение крестьянства, воспевали старый патриархальный быт, консервативные обычаи и обряды, хотя в то время это направление еще не успело окончательно отказаться от демократических, прогрессивных идей.

После основания Киевского университета (1834) центр этнографического изучения украинского народа переместился в Киев. Первым ректором Киевского университета был известный украинский прогрессивный ученый М. Максимович, в научных интересах которого этнография занимала значительное место.

Очень важным событием в истории украинской (так же, как и русской) этнографии явилось основание Русского географического общества (1845) с его Отделением этнографии. Руководители этого Отделения рассылали специально разработанные «циркуляры» — программы этнографических обследований на местах, в том числе и на Украине.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 11.

На основании документов, хранящихся ныне в архиве Всесоюзного географического общества, установлено, что только из второго издания этнографической программы, осуществленного Обществом, на Украине было распространено около 800 экземпляров, что для того времени было довольно много.

Деятельность Русского географического общества оказала значительное влияние на возникновение при Киевском университете Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа (1851), в составе которой наряду с другими отделами был открыт и отдел этнографии.

Эта Комиссия (до последнего времени ее деятельность была почти не освещена в исторической и этнографической литературе) стала первым официальным центром этнографической науки на Украине. В число ее действительных членов были избраны известные украинские этнографы М. Максимович, А. Метлинский, А. Афанасьев-Чужбинский и др. В 1857 г. отдел этнографии возглавил будущий председатель Юго-Западного отдела Русского географического общества Г. Галаган. Ученым секретарем Комиссии был известный экономист и этнограф Д. Журавский. В работе Комиссии принимал участие один из наиболее прогрессивных либеральных профессоров университета — историк П. Павлов, поддерживавший связи с революционными демократами. Комиссия работала и издала первую этнографическую программу специально для Украины. Хотя эта программа представляла в целом документ либерально-буржуазного направления, в ней имелся ряд прогрессивных моментов.

Таким образом, к концу первого периода этнография на Украине выступает уже как отдельная наука с присущими ей предметом и задачами.

Второй период в истории украинской этнографии охватывает период капитализма — с 60-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Этот период подразделяется на два этапа, соответствующие двум стадиям в развитии капитализма — стадии домонополистического капитализма, охватывающей 60—90-е годы XIX в., и стадии империалистической, в которую капитализм вступил в конце XIX — начале XX в. Стадии домонополистического капитализма соответствовал второй этап освободительного движения — разночинский, или буржуазно-демократический, стадии империализма — пролетарский период освободительного движения.

60—90-е годы XIX в. характеризуются значительными достижениями в развитии украинской этнографии. Здесь необходимо прежде всего отметить «Этнографическо-статистическую экспедицию в Западно-русский край» (конец 60-х годов) под руководством П. Чубинского, результатом которой было издание «Трудов» экспедиции в семи томах²⁶. В объяснении общественных и культурно-бытовых явлений авторы «Трудов» не выходили, однако, за рамки либерально-буржуазной идеологии. Юго-Западный отдел Русского географического общества, открытый в Киеве в 1873 г., сыграл немалую роль в развитии украинской этнографической науки. В работе его приняли участие представители и либерально-буржуазной, националистической интеллигенции (П. Чубинский, Ф. Волков и др.), и демократической (С. Подолинский, П. Мирный, М. Старицкий, Н. Лысенко, Ю. Федькович и др.). В 1876 г. после издания царского указа, направленного против украинского языка и культуры, Юго-Западный отдел Русского географического общества был закрыт.

В 60—90-х годах XIX в. как в общественной жизни, так и в науке обостряется борьба между революционно-демократическим и либераль-

²⁶ «Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел, собр. П. П. Чубинским». тт. I, II—VI, VII, 1—2, СПб., 1872—1878.

но-буржуазным течениями. Вместе с тем уже в 70—80-х годах в русскую и украинскую этнографию проникает марксизм.

В 70-х годах начинает свою деятельность выдающийся представитель революционно-демократического направления в украинской этнографии И. Я. Франко, на формирование взглядов которого оказал влияние марксизм. И. Франко являлся, пожалуй, первым, кто глубоко занялся изучением быта рабочих Украины. Он решительно выступал против буржуазно-националистических историков и этнографов, отрицавших существование украинского пролетариата, выдвигавших реакционную теорию бесклассовости украинского народа, стремившихся оторвать украинскую культуру от передовой демократической русской культуры. Вместе с И. Франко работали передовые украинские этнографы — В. Гнатюк, В. Охримович и др.

Марксизм оказал влияние и на отдельных представителей либерально-буржуазного направления в этнографии, среди которых следует прежде всего назвать профессора Киевского университета Н. Зиберу — известного популяризатора экономических идей К. Маркса, автора книги «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), ряд положений которой совпадал со взглядами Энгельса²⁷.

В период империализма украинская буржуазная историческая наука, в частности этнография, переживала упадок и кризис, связанный с общим кризисом буржуазной идеологии. Этот кризис проявился в усилении реакционных националистических тенденций в буржуазной этнографии. Об этом свидетельствуют, в частности, работы украинского буржуазного этнографа Ф. Волкова. Его труд «Этнографические особенности украинского народа», помещенный во втором томе сборника «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (СПб., 1916), в котором использован и систематизирован значительный фактический материал, пронизан националистическими тенденциями, затушевыванием культурно-бытовых связей и близости братских русского и украинского народов.

В то же время усиливается влияние марксизма на общественную жизнь, на все области передовой культуры. На 90-е годы приходится начало революционной деятельности гениального вождя рабочего класса В. И. Ленина, который развил марксизм в новых исторических условиях.

С началом деятельности В. И. Ленина открывается новый, марксистско-ленинский этап в развитии исторической науки, в частности этнографии, подготовленный в известной мере деятельностью Г. В. Плеханова, который использовал в своих работах и этнографические материалы. Во многих своих трудах В. И. Ленин прямо затрагивает вопросы, важные для этнографической науки. В трудах В. И. Ленина, в том числе в его книге «Развитие капитализма в России», на огромном фактическом материале показаны условия жизни, труда, быта рабочих, крестьян и других слоев населения России, в частности Украины.

Большое значение для развития передовой этнографической науки имели труды В. И. Ленина по национальному вопросу. В ряде своих программных трудов В. И. Ленин уделил большое внимание освобождению украинского народа от социального и национального гнета, заклеил мил колониальную, великодержавную политику царизма, разоблачил украинских буржуазных националистов, стремившихся разорвать единый фронт трудящихся разных наций, боровшихся против царизма, против помещиков и капиталистов.

Важные материалы из жизни и быта трудящихся публиковала пролетарская большевистская пресса: листовки, прокламации, газеты («Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда»). Они содержа-

²⁷ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти), «Сов. этнография», 1948. № 4.

лись также в выступлениях соратников В. И. Ленина²⁸, в том числе уроженцев Украины — К. Е. Ворошилова, Г. И. Петровского и др., речи которых публиковались в указанных газетах. Перед украинскими советскими этнографами стоит важная и почетная задача глубоко изучить влияние марксизма-ленинизма на развитие этнографической науки на Украине в конце XIX — начале XX в.

Дальнейшее развитие марксизма-ленинизма в России имело огромное влияние на все стороны общественной и культурной жизни. Украинский революционный демократ П. Грабовский писал в 1900 г.: «Тепер все, що тільки єсть у Росії живого, рухливого та працюючого, йде під окликом марксизму»²⁹. В центре внимания русских и украинских прогрессивных деятелей культуры, в частности этнографов, в это время были судьбы крестьянства в связи с развитием капитализма в России, ликвидация остатков крепостничества на селе. Вместе с тем рос интерес к положению пролетариата, выступившего на арену общественно-политической борьбы в качестве единственного, до конца революционного класса.

В период империализма усиливается борьба прогрессивных этнографов — общественных и культурных деятелей — против буржуазно-националистического направления в этнографии. Наряду с И. Франко следует назвать М. Коцюбинского³⁰ и Лесю Украинку³¹, для формирования мировоззрения которых немалое значение имело знакомство их с марксизмом, с трудами В. И. Ленина. Как и И. Франко, они глубоко интересовались культурой и бытом народных масс, изучали и использовали в своих произведениях обширный этнографический материал. Их деятельность, как и других революционных демократов, содействовала развитию передовых прогрессивных традиций в украинской этнографии. Все они боролись за освобождение трудящихся масс от социального и национального гнета, за теснейшее единение украинского и русского народов, подчиняя этой благородной задаче свои этнографические интересы.

* * *

Третий — качественно новый — период в истории украинской этнографии начинается с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Развитие этнографии в советское время приобретает принципиально новые черты. Основой этнографических исследований становится единственно научная методология — марксизм-ленинизм. Советские этнографы подчиняют свою работу задачам построения социализма и коммунизма в СССР.

Этот период (подразделяющийся на несколько этапов соответственных этапам социалистического строительства в СССР) характеризуется ростом этнографических исследований, расширением работы по собиранию этнографических материалов, возникновением государственных этнографических учреждений, изданием этнографических журналов. Работа украинских этнографов проводится в контакте с этнографами РСФСР, БССР и других республик. Воссоединение всех украинских земель в едином украинском Советском государстве имело большое значение для развития украинской этнографической науки. Впервые появилась возможность объединить силы исследователей в области украинской этнографии, развернуть этнографические исследования по единому плану в пределах всей территории Украины.

²⁸ См.: Ф. Е. Лось, Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба, Киев, 1955; С. О. К т и т а р е в, Ленінська «Искра» і піднесення революційного руху на Україні, Київ, 1959.

²⁹ П. А. Г р а б о в с ь к и й, Зібрання творів у трьох томах, т. I, Київ, 1959, стр. 13.

³⁰ М. Коцюбинский, Собр. соч. в трех томах, под ред. П. Тычины и Н. Ушакова, М., 1951.

³¹ Л е с я У к р а ї н к а, Твори в п'яти томах, Київ, 1956.

Украинская советская историческая наука, в частности этнография, развивалась в ожесточенной и успешной борьбе с буржуазно-националистическими тенденциями.

Уже в 20-х годах в области этнографической науки на Украине произошли значительные сдвиги. Началось изучение социалистических преобразований в культуре и быте украинского народа. Возросло внимание к изучению культуры и быта рабочего класса Советской Украины.

Характеризуя развитие украинской этнографии в первые два десятилетия после Октябрьской революции, следует, однако, отметить, что несмотря на известные успехи значительная часть этнографических работ, изданных в то время, не отвечала методологическим принципам марксистско-ленинской науки. В них идеализировались консервативные, архаические пережитки в быту, игнорировался новый социалистический быт, проводилась буржуазно-националистическая теория бесклассовости украинской нации, которую пропагандировали М. Грушевский и представители его школы, нередко маскировавшиеся под марксизм.

Для дальнейшего развития всей исторической науки немалое значение имела проведенная в 30-х годах под руководством Коммунистической партии критика ошибок М. Н. Покровского и его школы.

Длительное влияние школы Н. Я. Марра, с пренебрежением относившейся к этнографии, было одной из причин временного сокращения этнографических исследований в системе Академии наук Украинской ССР.

В послевоенный период основными научными этнографическими центрами на Украине стали Отдел этнографии Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в Киеве и Отдел этнографии Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР во Львове. Характерная черта в развитии украинской этнографической науки в этот период — изучение социалистических преобразований в культуре и быте трудящихся Советской Украины. Эта важнейшая проблема подразделяется на две основные темы: культура и быт рабочего класса Советской Украины; социалистические преобразования в культуре и быту колхозного крестьянства Советской Украины.

Рабочий класс во главе с Коммунистической партией является ведущей силой социалистических наций и их культуры. Рабочий класс Украины уже в условиях капитализма стал передовой частью всего украинского народа. В советское время авангардная роль рабочего класса в деле развития культуры намного возросла. Без глубокого этнографического изучения многомиллионной массы рабочих нельзя всесторонне осветить лучшие национальные черты и многогранность культуры и быта украинского народа.

Работы последних лет свидетельствуют о том, что изучение рабочих становится в центре внимания украинских советских этнографов. Однако эти первые успехи украинских этнографов в изучении культуры и быта советского рабочего класса еще не могут нас удовлетворить. Ведь до сего времени не опубликовано ни одной крупной этнографической монографии, посвященной этому вопросу.

Как отмечалось выше, исторический XXI съезд КПСС, ознаменовавший вступление нашей страны в эпоху развернутого строительства коммунизма, положил начало новому периоду в развитии общественных наук, в том числе и этнографической³². Советская этнография главное внимание должна уделить изучению ростков нового, коммунистического в жизни нашего общества и помогать их дальнейшему развитию. Само собой разумеется, что украинская социалистическая культура должна и

³² См. «Основні проблеми розвитку фольклористики та етнографії в Українській РСР на 1959—1965 рр.», Київ, 1959.

в дальнейшем творчески использовать лучшие, прогрессивные традиции прошлого, одновременно ведя непримиримую борьбу против отживших, консервативных явлений, против всяческих вредных пережитков против любых попыток возрождения и искусственного насаждения под флагом «национальных традиций» архаических, реакционных обычаев и обрядов.

Одной из задач советских этнографов при изучении культуры и быта народов СССР является глубокое освещение того, что сближает эти народы, свидетельствует об их глубоких культурных связях. Важнейшая, благородная обязанность советских этнографов, как и представителей других общественных наук,— коммунистическое, интернациональное воспитание трудящихся многонационального Союза Советских Социалистических Республик.

Коммунистическая партия поставила перед советскими этнографами задачу творчески развивать науку на основе обобщения фактов живой действительности. коммунистического строительства. Украинские советские этнографы приложат все усилия для дальнейшего успешного развития и подъема этнографической науки на Украине, для усиления ее роли в строительстве коммунизма.

SUMMARY

Three major periods are clearly distinguishable in the development of ethnographic science in the Ukraine, corresponding to three socio-economic formations. The first period, comprising the epoch of feudalism (15th century to the 1860's), is characterized by accumulation of ethnographic data and the emergence of ethnography as a science. (This period was preceded by the Old Russian period, common to all Eastern Slav peoples). The second period corresponds to the capitalist epoch (from the 1860's to the Great October Socialist Revolution). The 60's-90's of the 19th century are characterized by considerable achievements in the development of ethnographic science and an intensified conflict between the revolutionary-democratic and the liberal-bourgeois trends. Under imperialism, enhanced in bourgeois ethnography were reactionary nationalistic tendencies, which resulted in its decline; there ensued a struggle against these tendencies, waged by progressive ethnographers influenced by Marxist views.

The third period was inaugurated by the October Revolution. In this stage ethnographic research is marked by the triumphant teaching of Marxism-Leninism. Ethnographic studies have assumed an unprecedentedly wide scope. The specific features of this period are the tendency to study contemporary material, i. e., the socialist transformation of the culture and way of life of the Ukrainian people, and the growing importance of ethnographic studies conducted among the working class.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. Г. ТРОФИМОВА

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНЕСТВА ЛЕЗГИН, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

Во время проведения полевых этнографических исследований южным отрядом Дагестанской экспедиции в 1946—1948 гг. мы неоднократно получали материалы по народному календарю лезгин. В 1948 г. преподаватель средней школы лезгинского селения Гиль Кусарского района Азербайджанской ССР М. Б. Шекинский передал нам запись этого календаря в соотношении его с христианским и мусульманским календарями.

Календарь основан на солнечном годе, терминология приписывается на местном лезгинском языке арабской графикой. Данную запись мы имели возможность дополнить другими сведениями, собранными нами в лезгинских селениях. До проведения у лезгин коллективизации сельского хозяйства народный календарь использовался в основном для регулирования сельскохозяйственных работ и включал цикл годовых праздников, носящих более или менее выраженный религиозный характер.

Весь сельскохозяйственный год делился по календарю на четыре периода: гатфар (весна), гад (лето), зул (осень) и кьуд (зима). Каждый из них состоял из трех месяцев и делился на шесть более мелких периодов, приблизительно по 15 дней (с 7 по 22 число одного месяца или с 22 числа одного месяца до 7 числа следующего).

Новый сельскохозяйственный год по календарю начинался со дня весеннего равноденствия — 22 марта. Этот день отмечали праздником «новруз» («новый день», по-персидски). Праздник был связан с иранским кругом религиозных верований (домусульманского и отчасти раннемусульманского времени). По одной из легенд, данный праздник справляли по случаю смерти в Иране жестокого шаха, ежегодно в этот день убивавшего людей. Особенно ярко он отмечался мусульманами-шиитами и считался у них самым большим годовым праздником. В дореволюционное время азербайджанцы из с. Сальяны, мусульмане-шииты по вероисповеданию, праздник «новруз» отмечали самым торжественным образом в течение трех дней¹.

У лезгин праздник назывался «яран-сувар» («яр», «яру», «яруди» — алый, красный; «сувар» — праздник) или «яран юг» (красный день), по-персидски «новруз байрам» (праздник нового дня). В этот праздник, в ночь на 22 марта, зажигали костры. Ночь эта называлась «ц'ийи йиф» (лезг. «новая ночь»). Задолго до этого срока дети собирали топливо (дрова, сухие ветви, траву, солому) для костров. О подсобных хлопотах детей у дагестанских горцев писал Н. Дубровин: перед ночью, начинающей весну, «с наступлением вечера, дети бегают по аулу, отыскивая бурьян и солому для образования костра»².

Новогодний огонь был общеквартальный или даже общесельский, и семейный. Каждый квартал и селение старались сделать свой костер больше, чем другие. Костры зажигали самые смелые и сильные юноши. Было в обычае уносить горящие поленья из костра чужого квартала или селения. Это считалось геройством для утешившего и его квартала или селения и позором для потерявшего часть «своего огня». На этой почве возникали драки среди детей и молодежи. О драках, которыми мальчишки-лаки провожали зиму и встречали весну, писал Абдулла Омар-оглы³. В лезгинском селении Аных Кусарского района Азербайджанской ССР нам рассказали, что лет 60—70 назад

¹ Н. К а л а ш е в, Местечко Сальяны, Джевадского уезда, Бакинской губ., «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), вып. 5, Тифлис, 1886.

² Н. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 529.

³ А. О м а р - о г л ы, Как живут лаки, «Сборник сведений о кавказских горцах», (ССКГ), вып. III и IV, Тифлис, 1870.

в ночь на 22 марта из с. Джагар, соседнего с с. Аных, пришел юноша, по имени Намет. Он схватил из костра у мечети горящее полено и бросился бежать к своему селению. За ним побежал юноша из с. Аных, по имени Ибаг. Намет уже перешел речку и поднялся на гору другого берега. Ибаг сильно отстал и крикнул ему: «Намет, ты болен малярией?» Спрошенный ответил утвердительно. Тогда Ибаг бросился в погоню с новыми силами, поняв, что его противник, ослабленный болезнью, не может долго бежать. И действительно, вскоре Ибаг нагнал Намета, избил его, отнял полено и вернулся с победой в родное селение. Таким образом, Ибаг отстоял «честь» своего селения.

Мальчики и юноши прыгали через костры на улицах, проявляя свою храбрость и в то же время как бы «очищаясь» огнем. При этом приговаривали примерно следующее: «Пусть мои несчастья останутся здесь» или «Пусть буду смелым, как козел», или: «Да не приснится мне ничего плохого». Поскольку прыгали обычно через костер с какою-нибудь возвышения, то приговаривали и так: «Сам я вниз, а мои дрежи — вверх» (т. е. пусть они унесутся вместе с огнем) или: «Беды — вверх, а я — вниз».

Одновременно с зажиганием костров стреляли из ружей. Так же, по Н. Дубровину, встречали «новруз байрам» другие дагестанские горцы и азербайджанцы. Об азербайджанцах он писал: «Наступление навруза возвещали обыкновенно во всех концах города или селения ракетами или выстрелами»⁴. В некоторых селениях лезгин (Икра, Кабир Курахского района, Касумкент Касумкентского района) в эту ночь дети зажигали деревянные обручи и сбрасывали их палками под гору.

Вечером 21 марта дети ходили по селению и опускали в световые и дымовые отверстия крыши мешочки, сумки. Хозяйки клали им туда лакомства: семь орехов, семь сухих груш и т. п. Число «семь» вообще часто встречалось в обрядах лезгин, будучи результатом влияния ислама на доисламские верования. В данном случае предпочтительнее числа «семь» объясняют по легенде. Жил в одной местности в водоеме дракон «аждаха» с семью головами. Он не допускал людей к воде, и люди умирали от жажды. Шах этой земли объявил, что человек, который освободит страну от дракона, получит в жены шахскую дочь. Семь сыновей одного крестьянина взялись сделать это, но старшие шесть погибли, а дракон убил в день весеннего равноденствия самый младший, седьмой сын. В честь семи храбрецов якобы и подавались в этот праздник по семь штук каждого вида лакомства.

С утра 22 марта во многих лезгинских селениях устраивали ряжение. Группа молодых людей и мужчин наряжала двух человек в разное тряпье и маски с рогами (все как можно смешнее или страшнее) и в сопровождении зурначи и барабанщика обходили свой квартал, а то и все селение. Перед каждым домом ряженные затевали борьбу. Когда один из них падал, другой спрашивал: «Чего хочешь?» Упавший отвечал: «Яиц хочу». Хозяйка дома обычно выносила ряженным яйца, орехи, сушеные фрукты и другое традиционное угощение. После обхода квартала, селения собранные продукты делились между всеми участниками шествия, и начиналась игра в разбиwanie яиц (чье яйцо скорее разобьется при ударе о чужое, тот проигрывал).

В некоторых селениях в этот день устраивали шествие «яранских лисиц» («яран», как сказано выше, лезгинское название праздника нового года). Дети и молодежь (мужчины) одевали одного из участников в вывернутую мехом вверх шубу. Ряженный изображал лисицу. «Лисица» подходила к каждому дому и под песни, музыку, шум сопровождающей толпы ложилась на землю и требовала у хозяев каких-нибудь лакомств, которые затем также делились поровну между всеми участвовавшими в шествии.

22 марта надевали новое платье, «чтобы целый год быть в новом». Днем готовили кушанье «гит» из разваренных пшеничных зерен с грецкими орехами и бараньими и коровьими ножками, заготовленными (проявленными) еще с осени. Кушанье готовили в надежде «обеспечить» хороший урожай; насколько увеличится в объеме разваренные пшеничные зерна, настолько должен быть велик урожай по сравнению с посевным зерном. Е. М. Шиллинг связывал обычай приготовления этого кушанья с культом «святого Хызра»⁵, культом воды, ярко выраженным у азербайджанцев и имеющим отголоски у соседних им лезгин. В этот период старались не готовить кушаний из сушеных или жареных зерен, «чтобы урожай не уменьшился», так как сжимаются сушеные зерна (вообще же поджаренные пшеничные зерна — распространенное у лезгин, азербайджанцев и других народов Кавказа лакомство).

Добавлением к комплексу «яран сувар» служит мусульманская легенда о занятии четвертым имамом Али в этот день халифского престола. Таков комплекс празднеств нового года и начала весны по лезгинскому народному календарю. Последние случаи празднования «яран сувар» относятся к концу 1920-х — началу 1930-х годов нашего века. Но в виде детской забавы и игр молодежи, связанных с комплексом «яран сувар», празднество сохранилось дольше, вплоть до Великой Отечественной войны.

22 марта начиналась, по календарю, весна и более короткий период в составе ее под названием «яр». Длился этот период 15 дней — с 22 марта по 7 апреля. В это время начинали расчищать оросительные каналы и канавы в садах, подрезать деревья

⁴ Н. Дубровин, Указ. раб., т. I, кн. 1, стр. 529.

⁵ Материалы Е. М. Шиллинга, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

в низменных местах приступали к вспашке под яровые, в более высокогорных селениях готовились к весенней вспашке.

В связи с этим периодом года уместно остановиться на цикле праздника «первого выхода плуга», известного во всем горном Дагестане⁶. У лезгин этот обряд прослеживается в неяркой, неразбитой форме. Обычно весь обряд заключался в угощении, которое устраивал для самых уважаемых стариков наиболее зажиточный крестьянин вечером, накануне первого дня пахоты. Часто угощение накануне пахоты устраивалось у «пира» (почитаемая «священная» могила, дерево, родник и т. п.) или на кладбище. Первую борозду в поле проводил устраивавший угощение крестьянин. Год назывался именем первого, начинающего пахоту. Если год бывал удачным, то давший ему имя и начавший первым пахать человек считался угодным богу, и наоборот. В некоторых селениях первым пахарем нередко из года в год бывал один и тот же человек, обычно из зажиточных селян. Здесь следует отметить вращение древних представлений в новые социально-экономические отношения. В выборе первого пахаря играли роль соображения о его «удачливости», а с другой стороны, учитывалось его имущественное положение. Экономический фактор играл, таким образом, определенную роль в обряде, влияя на древние верования.

В этот же период в наиболее теплых местах начинался сев ранних яровых культур. Существовал обряд первого сева (как весеннего, так равно и осеннего). При начале сева каждая хозяйка брала с собою чурек (хлеб в виде нетолстой лепешки) и отдавала его первому встретившемуся человеку. В некоторых селениях обычай выбирать начинателя, угощавшего уважаемых стариков селения и дававшего свое имя году, относился именно к периоду сева.

Перед посевом, помимо приготовления специального кушанья из вареной пшеницы, каждый крестьянин проделывал такой «опыт»: опускал все пять пальцев правой руки в землю, выкапывая в ней ямки, куда затем кидал зерна. Если через некоторое время, достаточное для всхода ростка, в каком-нибудь из углублений не показывалось всхода, то палец, которым было проделано данное отверстие, считался «неугодным» богу, и при севе крестьянин завязывал этот палец, чтобы он не касался семян.

В это же время повязывали на хвосты крупного рогатого скота красную шерстяную нитку, «чтобы весь год скоту не причинялось вреда — чиле».

Второй период весны (7—22 апреля) назывался по народному календарю «эльхен-гельхен, алквар-далквар». Значения этих слов уже не понятны в народе. В это время, если стояла хорошая погода, начинали пахать и в более высоко расположенных селениях. В огородах сажали картофель, с тех пор как здесь узнали эту культуру, и тыкву. В садах продолжали уборку, расчистку, поливку деревьев. В животноводстве это было самое тяжелое время: корма уже не оставалось, а трава еще недостаточно подрастала на пастбищах.

Третий период — «уругун-туругун» — длился с 22 апреля по 7 мая. Высеивали просо, кукурузу, проводили прививку фруктовых деревьев; деревья начинали цвести. Скот выгоняли на летние пастбища.

Четвертый период — «ц иг» (7—22 мая) — считался серединой весны, дождливым временем. Сеяли кукурузу, бобовые, сажали в огородах капусту, огурцы, помидоры. В низменных местах северного Азербайджана лезгины проводили вспашку под рис. Деревья в садах покрывались листвою.

Пятый период — «ч'ем» — длился с 22 мая по 7 июня. В это время сеяли рис.

Шестым периодом — «ракъар» («рагъ» — лезг. солнце, множ. ч. «ракъар»), с 7 по 22 июня, заканчивалась весна. В это время пропахивали поля и начинался сенокос, в садах поспевала черешня.

Первый летний период — «ракъар»⁷ начинался со дня летнего солнцестояния — 22 июня и длился по 7 июля. День летнего солнцестояния никак не отмечался, лишь существовало поверье, что в ночь на 22 июня вода в реках останавливается, «засыпает» на 5—10 минут, и кто из людей уследит этот момент, тому «бог пошлет все, что пожелает человек». В это время в сельском хозяйстве кончался сенокос, начиналась жатва. Черешня к этому времени была уже зрелой. В связи с этим устраивали праздник под названием «кару». Он описан в начале нашего века⁸, а отголоски его сохранились до наших дней. Устраивали праздник в конце июня — начале июля, начало его приурочивали к базарному дню. К этому дню в наиболее богатые черешневыми садами селения Касумкентского района съезжались целыми семьями жители других лезгинских селений. В садах каждая семья покупала на время праздника черешневое дерево, вернее плоды черешни на корню, или несколько деревьев, а то и весь сад, смотря по имущественному положению покупателя. Несколько дней жили в саду, пользуясь плодами черешни с купленного дерева. В течение праздника устраивали скачки, состязания в пении, плясках, ловкости, силе. Отношения между юношами и девуш-

⁶ Г. Ф. Чурсин, Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана, «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та», т. V, Тифлис, 1927; Ю. В. Иванова, Пережитки сельскохозяйственных культов у народов Центрального и Западного Дагестана, М., 1948. Рукопись.

⁷ В течение каждого следующего времени года будут повторяться многие из периодов весны, но не всегда в том же порядке.

⁸ А. Золотухин, Черешневый праздник, газ. «Северный Кавказ», 1901, № 86.

ками во время праздника были очень свободными. В дореволюционное время богачи приезжали на праздник, хвастаясь друг перед другом прекрасными конями, дорогим оружием в серебре, папахами, черкесками. Нередко праздник кончался ссорами, драками.

Черешневый праздник оказался довольно живучим, его праздновали и в советское время, устраивая традиционное летнее гулянье в черешневых садах. В послевоенные годы его также отмечали, и только к концу 1940-х и особенно в 1950-е годы черешневый праздник перестали отмечать. Коллективное сельское хозяйство требует в это время много внимания, поэтому не остается времени на многодневное празднество. С другой стороны, советские праздники и знаменательные даты, приходящиеся на лето, все больше заменяют собой старые празднества.

К началу лета относятся также праздник сбора съедобной зелени и трав для нужд домашнего хозяйства. В пищевом рационе лезгин играют большую роль дикорастущая зелень, листья и плоды кустарников. Они идут в начинку пирогов, на приготовление напитков, служат приправой к мясным и прочим блюдам.

Сбор дикорастущих трав проводился в виде праздника сбора цветов, носившего вплоть до 30-х—40-х годов нашего века черты некоторых древних отношений. Наиболее полно изучен праздник сбора цветов в с. Ахты одноименного района. О нем имеются сведения и в литературе⁹, и в рукописных материалах руководителя Дагестанской экспедиции Е. М. Шиллинга, и члена этой экспедиции И. Д. Старцевой.

По-лезгински праздник цветов — «Цуьквер сувар» или «Цуькверун сувар» («цуьк» — цветок, «сувар» — праздник). Руководил всем праздником выборный «шах» — наиболее предприимчивый и веселый мужчина. Для похода в горы за цветами и зеленью назначали определенный день. К этому времени все участники похода готовили себе нарядную одежду, обувь, а также продовольствие. С вечера зурнач и барабанщик, исполняя веселые мелодии, собирали людей. Около полуночи собравшиеся покидали селение и шли в горы — большею частью в местность около с. Джебе. Приходили туда на рассвете. Сначала немного отдыхали, потом начинались танцы, пение, состязания юношей в беге, прыжках, лазании по горам. Девушки дарили победителям носки, кистеты собственной работы. В свою очередь девушки устраивали состязания между собою. Организатором их обычно бывала молодая замужняя женщина.

Основным развлечением на этом празднике были совместные игры юношей и девушек, а также танцы. Самыми распространенными играми были «лам сухар» (ишачий наездник), «мулла гьарай» (крик «мулла»), «кьабах» (тыква). Во всех этих играх участники делились на две равные группы. В первой игре участники водящей группы выстраивались один за другим, согнувшись, держа руки на спине у переднего соседа. Каждый человек из другой группы должен был пропрыгать по спинам людей из первой партии, ни разу не упав, в противном случае группы менялись местами. Если же падал кто-либо из водящей группы, то вся она «водила» еще раз. Во второй игре водящая группа выбирала себе вожака — «муллу». Он усаживал участников своей партии в одном месте, а сам отправлялся разыскивать спрятавшихся членов другой группы. В это время кто-нибудь из спрятавшейся компании выскакивал из своего убежища и начинал бить своих «противников», не имевших права защищаться. Избиваемые звали своего «муллу», и он должен был догнать и дотронуться рукой до человека противной партии; тогда роли партий менялись. Наконец, в третьей игре одна из двух партий пряталась, а другая ее разыскивала. Прятались очень тщательно, в укромных местах и обычно юноша с девушкой вдвоем. После того как всех спрятавшихся разыщут, роли партий снова менялись.

Кроме игр и танцев, в этот день занимались сбором цветов для своего украшения, а также зелени для начинки пирогов — крапивы, шавеля, черемши.

Лет 50—100 и более назад такой праздник длился трое суток; в последнее время, с конца 20-х — начала 30-х годов нашего века с гор домой возвращались к вечеру первого дня. Около селения или уже в самом селении молодежь встречали пожилые и старые мужчины и женщины. Им отдавали цветы, принесенные с гор, и снова начинались танцы уже на площади селения, специально для этого украшенной зелеными деревьями. Вечером этого дня девушки и юноши собирались порознь и делились впечатлениями похода в горы. Поскольку поход в горы за цветами в дореволюционное время и в первые послереволюционные годы был одним из самых ярких эпизодов в развлечении молодежи, то впечатлений о нем бывало много. Помимо похода в горы, юноши могли видеться с девушками лишь на некоторых полевых работах и у водоемов, да и то при этом не было свободы общения.

Кроме с. Ахты, праздник цветов устраивали и другие лезгинские селения, среди них горные селения Филя и Усухай бывшего Докузпаринского района, Курах и Кабир Курахского района, а также лезгинское селение Гиль в Азербайджане, расположенное на низменности. Молодежь из с. Гиль ходила за зеленью и цветами в начале лета в местность Мюшкур на побережье Каспийского моря, где находились зимние пастбища этого селения. Распорядителем праздника у них был «бакаул».

В с. Кабир Курахского района в походе за ветками для венков участвовали только женщины и девушки. При встрече с мужчинами, особенно из чужих и даль-

⁹ «Поездки г. Беккера по южному Дагестану», ССКГ, вып. 9, Тифлис, 1876.

них селений, они позволяли себе очень вольное обращение с ними. Наш информатор из с. Касумкент, преподаватель средней школы, рассказывал, как однажды он встретился с такой компанией женщин в 1910—1912 гг. Во главе женщин были две запевалы, одна из них руководила походом. Все были празднично одеты и весело настроены. Преподавателя заставили сойти с лошади, со смехом и прибаутками обсыпали, затем заставили танцевать, и он считал, что еще счастливо отделался.

Подобные сведения наводят на мысль о пережитках в этих обрядах древнего обычая вольного общения полов, впоследствии запрещенного исламом. Такая «смелость» женщин не может быть объяснена внешними влияниями, разрушившими древние дагестанские традиции. По мере формирования новой морали черты «вольности» в данном обряде исчезали. В послереволюционное время следы свободы общения полов уже не обнаруживаются, хотя положение женщины как раз именно в это время кардинальным образом изменилось в сторону полного равенства.

Второй летний период — «хыб» (7—22 июля). В это время жали хлеба и начинали молотбы.

В третий период лета — «чиш» (22 июля — 7 августа) продолжались те же работы. Четвертый период — «циг» (7—22 августа) считался серединой лета. В это время была самая горячая пора молотбы. Кто не успевал обмолотить за этот период свой хлеб, тот считался лодырем. После 22 августа молотить было уже труднее, так как от выпадавшей по ночам росы снопы сырели.

В течение пятого летнего периода — «ч|ем» (22 августа — 7 сентября) готовились к осенней вспашке полей, в горных районах начинали пахать.

Шестой и последний период лета — «кьюгъвер» (7—22 сентября) — период осенней пахоты в предгорьях и на низменности. В горных районах в это время уже сеяли, чтобы успеть закончить до выпадения снега в горах.

Материалы по проведению в прошлом праздника сбора урожая говорят о том, что цикл праздника не сохранился достаточно отчетливо в памяти народа. Нам известно только устройство праздничного обеда в доме каждого хозяина. Шинты никогда не ели свой хлеб из нового урожая первыми, а обязательно сначала угощали посторонних, особенно бедных. Следует обратить внимание на то, что при наличии яркого комплекса весенних празднеств возрождения и обновления природы в лезгинском народном календаре праздник сбора урожая выглядит приглушенным.

Осень начиналась периодом «кьюгъвер» (22 сентября по 7 октября). В этот период заканчивалась осенняя пахота и начинался осенний сев в более низменных местах. День осеннего равноденствия — 22 сентября — никак не отмечался.

Во второй осенний период — «хыб» (7—22 октября) продолжался сев. Эта же основная сельскохозяйственная работа продолжалась и в третий период осени — «чиш» (22 октября — 7 ноября). Однако в течение его первых трех дней сева не производили из боязни, что «будет плохой урожай». Причина этого запрета осталась для нас невыясненной. В четвертый период осени — «ц|иг» (7—22 ноября) продолжали сев, готовились к зиме, в частности молотли муку.

Во время пятого осеннего периода — «ч|ем» (22 ноября — 7 декабря) подрезали молодые деревья в садах. Наконец, шестым периодом — «ракъар» (7—22 декабря) осень кончалась, и с периода такого же названия начиналась зима.

Начало зимы — 22 декабря, день зимнего солнцестояния, в народе особенно не отмечался, лишь у охотников был ряд примет, связанных с этим днем. Во второй период зимы — «ч|ем» (7—22 января) в сельском хозяйстве прекращались все работы, так как это было самое холодное время года. Люди занимались домашними работами. То же относится и к третьему зимнему периоду — «ц|иг» (22 января — 7 февраля). В четвертый период — «чиш» (7—22 февраля) обычно мороз несколько спадал, и начинались некоторые работы вне дома, например, ездили за дровами и т. д. В этот период начинался окот овец породы «гуьдек».

В пятый период зимы — «хыб» (22 февраля — 7 марта) начинались более интенсивные работы в сельском хозяйстве — прививка черешневых деревьев, подрезка остатков деревьев в садах, вспашка земли под ранние яровые культуры. В это время происходил окот овец породы «цирав», в связи с чем скотоводы готовили описанное выше кушанье «гит», которое считали магически «содействующим» размножению овец.

В шестой период зимы и последний период года — «кьюгъвер» (7—22 марта) начинали пахоту под яровые культуры. В связи с этим была известна пословица: «Кьюгъвериз вадринедин цаг тахайдаз лежбер лугудаг» (Кто не вспашет 5 земельных мер в период кьюгъвер, тот не крестьянин). В этот период чистили, а кое-где и поливали сады. С этого времени сенокосные угодья огораживали от скота. Шестым зимним периодом заканчивался сельскохозяйственный год.

В лезгинском народном календаре мы видим прежде всего его практическую направленность. Это было выработанное практикой рациональное (в меру развития знаний) руководство, служащее этой же практике. Этим и объясняется, что календарь сохранился в памяти народа, хотя, надо сказать, только среди старшего поколения. Люди молодого и среднего возраста в своем коллективном хозяйстве руководствуются теперь обычно современными агротехническими знаниями.

Помимо чисто практического элемента, в календаре прослеживаются отголоски древнейших верований. Начало года в день весеннего равноденствия 22 марта, в день пробуждения, обновления природы, и устройство празднования в это время связывают

лезгинский народный календарь с зороастрийским циклом религиозных верований. Большое место в празднике отводилось огню, в древнем представлении тесно связанному с солнцем. Так, зажженные деревянные кольца олицетворяли собой солнце. Как объяснить обычай «воровать» огонь? Мы думаем, этот обряд указывает на глубокую древность, когда огонь считался приносящим или содержащим в себе благополучие, счастье, поэтому «нехорошо» потерять частицу «своего» огня (огня из своего квартала, первоначально, вероятно, занятого родовым коллективом, или из своего селения) и, наоборот, «хорошо» поживиться этой благодатью за счет «чужого» квартала, селения. Понятие «очистительной» роли огня проявлялось в обычае перепрыгивать через костер на празднике «яран сувар».

Почитание огня у лезгин существовало и в других формах. Так, на горе Ярдаг, вблизи переселенного теперь на низменность селения Куруш бывшего Докузпаринского района, и у селения Лаза Кусарского района Азербайджанской ССР наблюдаются «никем не зажигаемые огни». Теперь всем хорошо известно, что это горит природный газ, выходящий на поверхность земли, раньше же считали эти огни «священными». На этом огне можно было приготовить пищу, вскипятить воду, но добытую нечестным путем пищу здесь запрещалось готовить под страхом «небесной кары». О курушском огне существовала легенда. Один пастух обещал, что если на будущий год, когда он снова придет со стадом на это место, огонь все еще будет гореть, он принесет в жертву семь баранов. На следующий год, когда пастух пригнал стадо на гору Ярдаг, огонь по-прежнему горел, но пастух вместо обещанных баранов бросил в огонь семь вшей. За это «бог» наказал его: и сам пастух и его стадо окаменели. До сих пор указывают россыпь камней, представляющих собой якобы окаменевшее стадо и пастуха.

На примере почитания «никем не зажигаемых огней» обнаруживаются основы сгипотичания: огонь почитается до тех пор и постольку, пока и поскольку невежественный ум не может объяснить это явление. Как только с распространением естественно-научных знаний стало понятным явление горящих природных газов, исчезло и почитание «никем не зажигаемых огней».

Поскольку огонь считался олицетворением богатства и счастья в доме, в прошлом ни одна хозяйка не дала бы огня из своего дома в вечернее время: с утра считалось возможным дать огонь из своего очага, так как эта «убыль» за день будет восстановлена. Уголек с очага считали способным отогнать «нечистую силу», отвести «дурной глаз».

Описанный культ огня возник, как мы думаем, на местной почве, тесно связанной с иранским культурным миром, в частности, с иранским зороастризмом. Сказывались, несомненно, и местные природные условия — наличие горячих газов. Легенда о происхождении праздника «яран сувар» дает как бы схематическую картину развития религиозных представлений от человеческих жертвоприношений к поклонению солнцу и огню. Как сообщает Страбон¹⁰, древним кавказским албанцам были известны человеческие жертвоприношения наряду с астральным культом. А территория современного расселения лезгин, очевидно, входит в состав земель древнекавказской Албании.

Укажем на связь комплекса празднеств «яран сувар» с образом дракона «аждаха», по старым представлениям «жившего в воде». Подчеркнем также исключительную роль мужской части населения в этом празднике: костры зажигали самые смелые и ловкие юноши, прыгали через костры, как правило, тоже молодые мужчины и юноши, устраивали ряженые они же.

Отголоски обрядов первой пахоты, первого сева, окончания уборки урожая являлись пережитком комплекса земледельческих обрядов с умилостивительным культом и еще более ранним слоем — магическими приемами. Умилостивительный культ проявлялся в «опыте» крестьян, когда «неудобный зернам» палец на руке завязывался, чтобы он не касался семян. Второй слой, более ранний по происхождению, можно видеть в приготовлении кушанья «гит» из разваренных, разбухших зерен пшеницы и бараньих или коровьих ног и стремлении не готовить в период сева кушанья с сухеными, жареными зернами.

В обычае мусульман-шинитов угощать первым хлебом из нового урожая посторонних проявлялся, возможно, пережиток общеродового или общесельского праздника по поводу окончания уборки урожая, от которого, как об общесельском празднике у лакцев, одного из народов Дагестана, писал С. И. Габиев¹¹. Праздник поспевшей черешни включал в себя, вероятно, в образе отягощенного плодами дерева культ плодородия; такой же характер, нам представляется, имели состязания, в которых проявлялся избыток сил, а также обычай вольного общения полов как в черешневом празднике, так и в празднике сбора цветов и трав.

Арханческие представления и обряды, связанные с лезгинским народным сельскохозяйственным календарем, в 1940-х годах еще сохранялись в памяти старейших жителей лезгинских селений. Смысла их почти не знало население среднего возраста, совсем не знала молодежь. Характерно, что даже среди людей, помнивших смысл этих обрядов, многие воспринимали их уже только как курьез, либо как лишенный определенного значения ритуал или игровой комплекс.

¹⁰ Страбон, География в 17 книгах, М., 1879.

¹¹ С. Габиев, Лаки. Их прошлое и быт, СМОМПК, вып. 36, Тифлис, 1906.

Л. Е. КУББЕЛЬ

ДРЕВНЕЙШЕЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОБЫЧАЕ СОПРАВЛЕНИЯ БРАТА И СЕСТРЫ У АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ *

Настоящее сообщение посвящено отражению в сочинении арабского ученого X в. ал-Хамдани одного из пережитков материнского рода у некоторых африканских народов. Речь идет об обычае совместного управления мужчины и женщины, чаще всего — брата и сестры, отмеченном европейскими исследователями во многих африканских государствах.

Обычно принято считать, что первым, кто описал этот обычай, был П. Погге¹. Это не вполне точно. Г. Нахтигаль во время своих путешествий по Судану в 1869—1874 гг. отметил, что в государствах Центрального Судана, например в султанате Борну, видную роль в управлении играли царица-мать, жена или сестра правителя².

Однако, бесспорно, что Погге был первым из исследователей, специально обратившим внимание на обычай соправления у лунда Анголы. Поэтому и самый обычай получил в этнографической литературе название «лукокеша» («Lukokescha» или «Lukokeshesha») по титулу соправительницы царя лунда, носившего титул «муата ямво» (Muata jamwo, mwata yamwo).

Лукокеша — это одна из сестер правителя, которая теоретически считается матерью всех царей страны (в то же время она не может иметь детей в действительности). Она является равноправной соправительницей муата ямво, обладает, так же как и последний, полной и неограниченной властью над жизнью и смертью подданных. Любопытно, что лукокеша единственная во всем государстве лунда была исключена из юрисдикции муата ямво. Она имела свой собственный двор, и ей были особо подчинены отдельные округа и селения, составлявшие, по-видимому, нечто вроде удела. Обязательным было участие лукокеши в обсуждении в царском совете важнейших политических вопросов. Наряду с царем она получала налог, взимаемый со всех торговых караванов. Одной из важнейших функций, которые выполняла лукокеша, было участие в выборе нового муата ямво взамен умершего. Этот выбор осуществляла коллегия в составе «каннапумба» (kannapumba) — четырех виднейших советников царя, и лукокеши. При этом именно лукокеша имела решающий голос. Отметим, кстати, что новый правитель избирался из числа сыновей умершего, т. е. наследование осуществлялось по отцовскому праву. Выбор новой правительницы осуществляли те же четыре сановника, но на этот случай требовалось решающее мнение муата ямво. Высокое положение, которое занимала в государстве лунда лукокеша, подчеркивалось и чисто внешними признаками. Так, она имела право носить «лукано» — браслет из слоновой кости, считавшийся знаком царской власти. Путешествовала она на плечах раба, что позволялось только высшим сановникам государства³.

Мы видим, таким образом, сложившуюся и четко разработанную систему двойного правления.

Дальнейшие этнографические исследования показали, что отмеченное выше независимое и почетное положение женщины-соправительницы характерно не для одних только лунда. Такие формы общественной и государственной организации оказались свойственными многим африканским народам, в особенности — относящимся к группе банту.

Исследуя чокве, ближайших соседей лунда, которые в XIX в. входили в состав государства лунда, Г. Бауманн показал, что этот народ, как и расположенные юго-восточнее лунда, считал вполне нормальным и обычным даже единоличное женское

* Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, август, 1960 г.).

¹ См., например, Н. Бауманн, Lunda, Berlin, 1935, стр. 139.

² G. Nachtigal, Sahara and Sudan, I, Berlin, 1879, стр. 723.

³ P. Pogge, Im Reiche des Muata Jamwo, Berlin, 1880, стр. 153, 156—157, 227—228, 231—235; M. McCulloch, The Southern Lunda and Related Peoples, London, 1951, стр. 10—11.

правление⁴. Но помимо этого, чокве обнаруживают многие черты уже отмеченного параллелизма в системе управления. Так, у чокве почти равные права в управлении имели царь, его единоутробный брат и мать царя⁵. При этом мать царя была сестрой его предшественника. Здесь высокое положение царицы-матери подчеркивалось еще и тем, что она обладала правом предоставлять защиту от наказания любому преступнику⁶.

Можно вообще говорить о широком распространении пережитков норм материнского права в государственной организации народов банту. Это подтверждают данные относительно наиболее изученных баганда. Роско сообщает, что здесь царицей становилась единокровная сестра царя. При этом немаловажная роль в выборе новой царицы принадлежала царице-матери. Царица имела собственный двор, чины которого носили те же звания, что и чины двора ее мужа. Она пользовалась столь же неограниченной властью над жизнью и смертью подданных, как и сам царь; причем как царица, так и царица-мать имели право суда над своими слугами. Царица располагала обширными имениями во всех частях государства⁷. Высокое положение царицы у баганда подчеркивалось еще и тем, что она (как и царица-мать) носила тот же титул — «кабака» (kabaka), что и ее муж, а также принципами, определявшими размещение усадьбы царицы: она непременно должна была отделяться от царской усадьбы какой-либо проточной водой. Теоретически подобное размещение объяснялось так: поскольку жена царя также является независимым царем со своими собственными владениями, двум независимым дворам нельзя располагаться на одном холме, и они должны быть разделены проточной водой⁸.

Сходные условия мы встречаем и у других народов банту, например у руанда⁹. Но распространение таких форм государственной организации не ограничивается народами банту. Например, Мик сообщает, что царица чамба считалась повелительницей всех женщин страны¹⁰. Аналогичные порядки существовали в древней Дагомее¹¹, у ашанти¹²; близки к ним условия, существовавшие в древнем Бенине¹³ и в государствах йоруба¹⁴. В последнем случае, так же как и в Дагомее и Бенине, мы сталкиваемся уже с малайской системой родства¹⁵. Для восточных районов Хофмайр сообщает об обязательном браке вождя со своей сестрой у шиллуков¹⁶.

В работе «Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika» Бауманн подробно рассмотрел вопрос о происхождении и причинах перечисленных выше форм государственной организации у африканских народов и пришел к выводу, что привилегированное положение женщин правящей семьи может проистекать как из пережитков материнского права, так и из чисто династических причин. В случае брака между единоутробными братом и сестрой речь идет, по-видимому, о материнском праве; если же брат и сестра имеют общего отца, то можно говорить о преобладании династических соображений¹⁷.

Характерно, что если жена правителя пользуется широкими правами в административной и судебной областях, то эти права принадлежат ей скорее как сестре царя или — после смерти мужа — как матери его преемников, чем как супруге¹⁸. При этом сестра-жена, если говорить о лукоше или кабака (у баганда), не может иметь детей ни от супруга, ни от своих многочисленных любовников¹⁹. Это подтверждается тем обстоятельством, что во многих случаях царица-мать в действительности не была матерью правителя²⁰ (так же как и сестра, которая чаще была не родной, но классификационной).

⁴ Н. Baumann, Указ. раб., стр. 144—145; его же, Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», Jhg. 58, Hf. 1—2, 1926, стр. 146—147; М. McCulloch, Указ. раб., стр. 69.

⁵ Н. Baumann, Lunda, стр. 142.

⁶ Там же, стр. 145.

⁷ J. Roscoe, The Baganda, London, 1911, стр. 84—85, 191, 236—237, 266.

⁸ Там же, стр. 203; см. также «Народы Африки», М., 1954, стр. 406—407.

⁹ J. J. Maquet, Le Système des Relations sociales dans le Rwanda ancien, «Annales du Musée Royal du Congo Belge, Sciences de l'Homme», т. I, Tervuren, 1954, стр. 147—148.

¹⁰ C. Meek, Tribal Studies in Northern Nigeria, London, 1931, I, стр. 335.

¹¹ A. W. Hubner, Das afrikanische Häuptling- und Königtum, «Das Ausland», т. 63, 1890, стр. 185.

¹² J. Dupuis, Journal of a Residence in Ashantee, London, 1824, стр. 114.

¹³ Д. А. Ольдерогге, Древности Бенина, I, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XV, М.—Л., 1953, стр. 336.

¹⁴ S. Johnson, The History of the Yorubas, London, 1921, стр. 63—64.

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIV, М., 1951, стр. 37—45.

¹⁶ W. Hofmayr, Die Schilluk, Wien, 1925, стр. 139.

¹⁷ Н. Baumann, Vaterrecht, стр. 151.

¹⁸ Там же, стр. 145.

¹⁹ P. Rogge, Указ. раб., стр. 157; J. Roscoe, Указ. раб., стр. 84; Н. Baumann, Vaterrecht, стр. 153—154.

²⁰ T. Irfstam, The King of Canda, Lund, 1944, стр. 172, 174.

Дошедшие до нас сведения о браке царя Момотапы с родной сестрой можно рассматривать как попытку примирения принципов родства по материнскому и отцовскому праву²¹. Весь комплекс явлений, связанных с брачными отношениями в правящих семьях у многих народов Африки,— наследование престола по материнской линии, браки между братьями и сестрами, высокое положение матери и сестер правителя,— указывает на сохранение значительных элементов материнского права в династических вопросах²².

Важнейшие центры материнского права в Африке совпадали с районами, где находились государства, достигшие высокого уровня политического и культурного развития,— такие, как Бенин, Йоруба, Ашанти, Лунда, Момотапа, Буганда, в которых мы можем отметить значительную феодализацию.

Однако, несмотря на сравнительную разработанность проблемы²³, до настоящего времени не было обращено внимания на сообщение одного из наиболее интересных и самобытных арабских авторов — Абу-Мухаммеда ал-Хасана ибн-Ахмеда ал-Хамдани (ум. 334/945 г.). В своем географическом сочинении «Сифат джазират ал-араб» (Описание острова арабов) он говорит при описании «четвертой Земли»; «что касается четвертой четверти, которая лежит в южной части от ал-Магриба, то это страна черных из числа зинджей, ал-хабаша, ал-буджа, нубийцев, Фаззан и земля ал-Кайрувана. Относительно же Ифрикии, ал-Кайрувана, ас-Суса, страны нагих черных и Ганы преобладают иные названия, например Нумидия, Гетулия и прочие названия на греческом языке. Эта четверть напоминает треугольник Рака, управляют же ею Венера и Марс. Обе эти планеты суть западные, подразумевая под этим, что они — южные по отношению к ал-Магрибу, ибо Венера — южная, а восход Марса находится на юге.

И поэтому у многих обитателей этих стран из-за союза этих двух звезд имеется обычай, чтобы на царстве находились царь и царица — брат и сестра от одной матери. Из них мужчина правит мужчинами, а женщина — женщинами. Они сохраняют этот обычай; он — древний обычай, они же унаследовали его. Их темперамент очень горяч: они всецело поглощены совокуплением с женщинами, которые выдаются замуж до деформации их их мужьями (т. е. будучи девственницами.— Л. К.). Женщины некоторых из черных посвящены в то, что есть между мужчинами (т. е. в их дела.— Л. К.) из-за ненасытности последних и их жадности к красоте»²⁴.

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с нормами материнского права. Это вытекает из подчеркнутого ал-Хамдани условия — «брат и сестра от одной матери» и подкрепляется вторым отрывком. Едва ли может быть сомнение, что смысл этого отрывка заключается именно в показе высокого положения женщины в обществе у африканских народов. Естественно, что арабу первой половины X в., мусульманину (пусть даже и не особо ревностному, каким был, по-видимому, ал-Хамдани) подобная роль женщины в обществе и государстве должна была казаться чем-то необычным, и объяснить эту необычность он мог лишь астрологическими соображениями или «необузданным темпераментом» африканцев. Сопоставление текста ал-Хамдани с приведенными в начале настоящего сообщения описаниями сходных обычаев у африканских народов конца XIX в. показывает большую устойчивость подобных элементов материнского права и их глубокую древность.

Учитывая уже отмечавшуюся связь районов распространения пережитков материнского права и управления и наиболее высокоорганизованных государственных образований, следует признать текст ал-Хамдани косвенным свидетельством существования таких государств к югу от Сахары уже в начале X в.— государств высокой культуры и значительной протяженности. В самом деле, давно уже известно, что в структуре таких государств, как Гана, сильны были элементы материнского права, в частности в вопросе о престолонаследии²⁵.

Крупный и разносторонний ученый, ал-Хамдани тем не менее никогда не выезжал за пределы Аравийского полуострова, которому и посвящен его труд²⁶. Внимание к этнографическим сюжетам делает честь широте его научных интересов. Но сюжет этот затронут на основании какого-то источника, письменного или устного, который нам совершенно недоступен. Все же мы можем с полным основанием говорить о существовании у арабов традиции описания районов Африки, традиции, на которой и основывался ал-Хамдани, но которая не прослеживается у других современных ему авторов. Это утверждение влечет за собой дальнейший вопрос: знакомство с какими обла-

²¹ Н. Baumann, Vaterrecht, стр. 152.

²² Там же, стр. 157.

²³ Н. Baumann, Vaterrecht, стр. 153, 157; Н. Baumann, D. Westermann, Les peuples de l'Afrique, Paris, 1948, стр. 143, 184—185, 217; Т. Irtam, Указ. раб., стр. 175.

²⁴ D. H. Müller, Al-Hamdânîs Geographie der Arabischen Halbinsel, I, Leiden, 1884, стр. 40, 5—16.

²⁵ См., например, W. D. Cooley, The Negroland of the Arabs, London, 1841, стр. 40.

²⁶ К. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Literatur, I, стр. 229; И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, «Избранные произведения», т. IV, стр. 166; C. van Arendonk, Al-Hamdani, «Enzyklopädie des Islam», II, стр. 367.

стями отражала традиция, т. е. до каких мест доходили арабы во внутренних районах африканского континента к первой половине X в.? Текст ал-Хамдани проливает некоторый свет на этот вопрос.

Области, перечень которых приведен в нашем отрывке, далеко не все поддаются мало-мальски удовлетворительной идентификации. Если можно довольно точно определить границы Ифрикии, ас-Суса, ал-Кайрувана, Нубии, Фаззана и земель ал-буджа, то значительно менее ясны в этом смысле Гана, области зинджей и ал-хабаша, а «страны нагих черных» и вовсе неопределенны. Поэтому необходимо сопоставить сведения ал-Хамдани с теми данными о пережитках материнского права у различных африканских народов, которые приведены в начале настоящего сообщения.

Совершенно очевидно, что сведения ал-Хамдани не могут относиться к банту бассейна Конго — лунда, луэна, чокве. Едва ли можно отнести эти сведения и к восточным банту, хотя нет достаточных оснований к тому, чтобы полностью отрицать возможность знакомства арабов с северной частью нынешнего района расселения баганда (впрочем, в традиции этот народ прослеживается не ранее XII в.).

Вероятнее всего, однако, что сообщение ал-Хамдани имеет в виду народы Центрального Судана — позднейшие области Борну, Вадаи, Багирми, Дарфур. На это как будто указывает упоминание Фаззана — области, через которую проходил один из караванных путей из Северной Африки в Судан, описанный ибн-Хаукалем в 70-х годах X в.²⁷ Ко времени ибн-Хаукаля этот путь был уже заброшен, но в начале X в. — время, к которому относится информация ал-Хамдани, он еще действовал. К тому же в районе оз. Чад находилось к этому времени одно из крупнейших государственных образований раннесредневековой Африки — Канем²⁸.

Мы уже упоминали о наблюдениях Нахтигала в Центральном Судане. Его сведения не ограничиваются Борну. Аналогичные факты были обнаружены в султанатах Багирми, Вадаи, Дарфур. При этом в Багирми сестра султана (или же иногда его дочь) считалась главой всех женщин царской семьи²⁹.

То, что сообщение Нахтигала о положении женщин правящих домов этого района в системе управления менее соответствует букве сообщения ал-Хамдани, нежели наши сведения, например, о баганда, не должно нас смущать. Общественная и государственная организация народов Центрального Судана подверглась длительному воздействию ислама, и некоторые элементы материнского права могли исчезнуть под этим воздействием и, вероятно, действительно исчезли. Более всего примечательно как раз то, что сообщения Нахтигала относятся главным образом к мусульманским государствам. Самое существование подобных явлений в сильно исламизированной среде показывает, что речь идет о сохранении и значительной устойчивости пережитков материнского права, возникновение которых относится ко времени значительно более раннему, чем время появления ислама в этих районах Судана.

²⁷ *Opus geographicum auctore Abu-l-Kasim Ibn Haukal...*, ed. J. H. Kramers, I, Lugd Bat., 1938, стр. 92, 253.

²⁸ См. Ibn Wadhih qui dicitur al-Jaqûbi Historiae, ed. M. Th. Houtsma, I, Lugd. Bat. 1883, стр. 219.

²⁹ G. Nachtigal, Указ. раб., т. II, Berlin, 1881, стр. 611; т. III, Berlin, 1883, стр. 232, 424—425.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ ТЕРМЕЗА

В конце 1957 г. во дворе железнодорожной школы № 30 г. Термеза был обнаружен при расчистке вдавленный в землю круглый бронзовый предмет с орнаментированной поверхностью. Об этой находке сообщил мне учитель школы Ю. Б. Генс, приславший гипсовый слепок, не очень четкую фотографию и хорошую прорисовку изображения. Найденный объект представляет большой историко-культурный интерес.

Материал его — патинированная от времени бронза. Форма круглая (диаметр 8,8 см), одна сторона гладкая, другая орнаментированная, с бортиком по краю (высотой 5 мм) и бугорком в центре с отверстием для петель.

Нет сомнения, что это старинное зеркало (рис. 1). Уточнение его датировки может быть получено на основании анализа изображения. Это литой барельеф (высотой от 1 до 2,5 мм); композиция строго симметрична относительно главной оси. Изображены два ставших на дыбы спинной к спине сфинкса; лица их показаны прямо, фигуры в профиль. Лица удлиненные, с контурным очерком носа, рта и продолговатых глаз; головной убор — с шишаком и с завитками ниже висков. Туловище львоподобное, но ноги завершаются как бы единым когтем. Обе передние лапы подняты вверх, задние раздвинуты в позу стремительного движения, и между ними проходит круто изогнутый суставчатый хвост со стилизованным растительным завитком на конце. Схематично намеченные крылья отходят от плечевой части передних ног, отведены назад и вверх, переходя в единый тонкий стержень. От этого стержня в верхнем поле исходит веерообразная пальметка, от которой с обеих сторон спускается стебель с трилистником на конце. В нижней половине свободного поля на оси расположена другая разделяющая фигура — неширокая пальметка. В поле у брюха каждого сфинкса дано по растительному завитку с трилистником.

Рис. 1. Бронзовое зеркало из Термеза

Местом изначального изготовления такого типа круглых литых зеркал с вертикальным бортиком, центральным бугорком с петлей, с отполированной лицевой поверхностью и рельефно-орнаментированной тыльной стороной был Китай, где они встречаются уже в I тысячелетии до н. э. Со временем они становятся предметом экспорта в страны Ближнего и Среднего Востока; в эпоху средневековья такого рода зеркала стали уже изготавливать на месте. Восприняв от китайцев технические приемы изготовления зеркал, сохранив их общую форму с характерными бортиками по краю и бугорком посередине¹, местные мастера видоизменяли орнаментальную тематику и мотивы. Известен ряд таких зеркал предположительно иранского происхождения², однако подлинные пункты не только изготовления, но и места находки этих в основном покупных вещей пока не известны. Тем большее значение приобретает описываемое зеркало, обнаруженное на территории одного из крупных древних городов Средней Азии.

Образ сфинкса получает широкое распространение в изобразительной тематике XI—XII вв. в странах средне- и ближневосточного мира. В Иране он встречается в

¹ Наряду с зеркалами такой формы на Среднем Востоке в феодальный период имели распространение зеркала с рукояткой.

² «A Survey of Persian Art» (SPA), ed. A. U. Pope, т. VI, London-New York, 1939, табл. 1301—1302.

эту эпоху на средневековой глазурованной керамике³, расписном стекле⁴, шелковых тканях⁵ и особенно на художественных изделиях из металла⁶. Мотив этот был не менее популярен и в прикладном искусстве Средней Азии. Его можно видеть на бронзовом блюде из Самарканда⁷ и на штампованной керамике из мервской гончарной мастерской XII — начала XIII в.⁸ (рис. 2). В последнем случае сфинксы представлены в головном уборе, аналогичном описанному выше — с шишаком и загибающимися у висков краями.

Рис. 2. Фрагменты штампованной керамики XII в. из Мерва

Для нас особый интерес представляет бронзовое зеркало (не определенное по месту нахождения) из коллекции Харари⁹ (рис. 3), на котором имеется изображение, тождественное изображению на зеркале из Термеза. Но вышло оно явно из-под другой матрицы, так как вокруг идет концентрическая полоска с кувическою надписью. Стиль почерка — цветущий куфи — не оставляет сомнений в датировке объекта концом XI — первой половиной XII в. Датировка эта может быть безусловно принята и для термезского зеркала.

Анализируя стиль изображения на обоих зеркалах, нельзя не отметить некоторые особенности, отличающие его от ряда иранских средневековых зеркал той же группы. Если голова, туловище и крылья сфинксов выполнены мягкой, пластичной линией, то ноги их и хвосты переданы особыми вычурно угловатыми очертаниями с выделением и расчленением всех суставов. Эта манера явно говорит о китайском влиянии. «Китаеобразны» здесь когтевидные концы лап, характерные для китайских драконов и цилиней; мотив гибкого растительного завитка у брюха зверя также вызывает в памяти китайский орнаментальный стиль. Все это наталкивает на предположение, что оба зеркала либо были изготовлены работавшим на Среднем Востоке китайским мастером, который, избрав популярный здесь в XI—XII вв. изобразительный сюжет, выполнил его в своей привычной манере, либо, что вероятнее, создателем их был среднеазиатский мастер, который под влиянием китайской орнаментальной традиции перенес на зеркало некоторые ее элементы.

В целом преобладает все же именно местная среднеазиатская основа. Такие орнаментальные мотивы, как фигурные пальметки, разделяющие обе фигуры, типичны для среднеазиатских архитектурных терракот караханидской эпохи¹⁰. Сам же образ сфинкса чужд китайскому изобразительному искусству. Р. Харари полагает, что он

³ SPA, т. V, табл. 617—B, 657—A, 658, 666—A.

⁴ Там же, табл. 1448.

⁵ Там же, табл. 994.

⁶ Там же, табл. 1284—A, 1285, 1290—B, 1292—A.

⁷ Блюдо не опубликовано; хранится в Самаркандском музее.

⁸ Раскопки Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1954—1956 гг.

⁹ SPA, т. VI, табл. 1302—F.

¹⁰ Ср., например, листы-пальметки в надписи на южном узгенском маззолее 1187 г. (Б. П. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, рис. 90).

проник в Иран из фатимидского Египта или из иранизованных областей Месопотамии¹¹. Между тем, в XI—XII вв. сфинкс получает широкое распространение в изобразительной тематике Среднего Востока.

Сюжет этот, несомненно, связан с тем циклом фантастических существ, которые очень широко входят в ту пору в изобразительное искусство различных народов и стран. Львоподобных крылатых грифонов, женщину-птицу, сфинкса, дракона — все эти образы, как и не менее типичные для данного времени образы птиц (фазан, петух, голубь, павлин), всадника на коне, сцены гона зверей, можно встретить в предмонгольский период в архитектуре, скульптуре, прикладном искусстве Мавераннахра и Ирана, Сирии и Египта, Армении и Руси. Характерно композиционное размещение фигур в круглых медальонах, чаще всего — в парном сочетании по отношению к оси симметрии, нередко по обе стороны от стилизованного дерева.

Эти образы еще ждут детального исследования и истолкования их значения. Мы считаем, что появление их в искусстве XI—XII вв. связано с темами фольклора, с народными циклами средневекового эпоса, со сказаниями о фантастических существах, то благоприятствовавших героическим деяниям витязей, то враждебных им. Эти полиморфные создания народной фантазии наделялись магическими функциями существ-охранителей, отвращающих глаза, колдовство, злые наветы. Отсюда появление их на бытовой посуде, з декоративном оформлении зданий, на тканях и коврах и даже в династической геральдике Сельджукидов. В художественном же отношении здесь налицо единство изобразительной и орнаментальной трактовки, причем этот орнаментализм (симметричное расположение, слияние животных и стилизовано-растительных мотивов) как бы усиливает сказочно-мифологическую, а не натуралистическую основу образов.

Изображение сфинксов на термезском зеркале отвечало той же идейной и художественной задаче. Известно, что в древности зеркалам самим по себе приписывали волшебную силу отвращения зла; украшение же их образами такого рода магических существ как бы усиливало эту их функцию оберега.

Место находки нашего зеркала связано, очевидно, с одной из тех загородных усадеб, которые в средние века были разбросаны вдоль оросительных каналов за пределами пригородных стен Термеза. По сообщению Ю. Б. Генса, несколько лет назад, когда осуществлялось строительство школы № 30, бульдозером были сняты небольшие бугры, содержавшие археологические остатки, в том числе старинные монеты. В районе, раскопанном для современного вокзала, донные высятся руины феодального замка IX—X вв., известного под названием Кырк-кыз. Здесь же были расположены земли могущественных духовных феодалов — термезских сейидов, где с середины XI в. начинается оформление комплекса монументальных усыпальниц Султан-Саадат.

Находка зеркала с изображением на указанный сюжет на территории Термеза не случайна. Сходный художественный мотив введен в первой половине XII в. в оформление двора правителей в пригороде средневекового Термеза: на обширных панно резного стука в аудиенц-зале представлены парные фигуры львоподобных грифонов, как бы шествующих навстречу друг другу, или львов, изображенных в более динамичной позе, спина к спине, со сросшейся воедино, устрашающей антропоморфной мордой¹². В 1936 г. при земляных работах на площади термезского городища был обнаружен комплекс медной утвари XII в., среди которой — круглая пластина с фигурой крылатого сфинкса в центральном медальоне и благопожелательной надписью почерком куфи вокруг него¹³. Если учесть также установленный Термезской археологической комплексной экспедицией факт высокого развития ремесла металлургов в средневековом Термезе, где имелся даже обширный квартал ремесленников, находка описанного зеркала предстает уже не как единичное, а как закономерное явление, а само термезское зеркало — как характерный продукт городского художественного ремесла.

Рис. 3. Зеркало из коллекции Р. Харари

¹¹ R. Harari, *Metallwork after the Early Islamic Period*, SPA, т. III, стр. 2484.

¹² См.: Б. П. Денике, Резная декорировка зданий, раскопанного в Термезе, «Иранское искусство и археология. Третий международный конгресс. Доклады», М.—Л. 1939, табл. XXIII; М. Е. Массон, Городища старого Термеза и их изучение, «Труды Узбекстанского филиала АН СССР», сер. I — История, археология, вып. 2, «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Ташкент, 1941, рис. 19—21.

¹³ М. Е. Массон, Указ. раб., стр. 53—54, рис. 22.

Х Р О Н И К А

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ

30 июля — 6 августа 1960 г. в Париже состоялся шестой Международный конгресс антропологов и этнографов. На Конгресс собралось свыше 1000 ученых из многих стран мира, в том числе 18 человек из СССР.

Открытие Конгресса состоялось 31 июля в зале Сорбонны. После приветствий, с которыми выступили представитель Министра просвещения Франции и представитель ЮНЕСКО, были заслушаны речь президента Конгресса профессора А. Валлуа и выступления глав делегаций нескольких стран. Речь главы советской делегации С. П. Толстова, в которой он говорил о значении антропологии и этнографии в борьбе за равноправие рас и народов и за мир во всем мире, была выслушана с большим вниманием и встречена аплодисментами.

Программа Конгресса включала всего два пленарных заседания (проходивших в большом зале Музея Гимэ), с двумя докладами на общие темы. Один из них Организационный комитет Конгресса заранее предложил прочесть Г. Ф. Дебецу как представителю СССР, другой — М. Герсковицу как представителю США.

Г. Ф. Дебец (Москва) прочел доклад на тему — «О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида». В докладе критически рассмотрены различные гипотезы о факторах этих изменений (отбор, влияние среды, образа жизни и др.). В антропологической литературе высказываются положения о том, что физический тип человека будущего будет резко отличаться от современного, что процессы изменения, которые можно проследить на протяжении последних тысячелетий, не прекращаются и могут привести в дальнейшем даже к формированию нового вида. По мнению докладчика, эти взгляды необоснованы.

Доклад М. Герсковица (Эванстоун) был озаглавлен — «Гуманизм в науках о человеке». Надо заметить, что содержание доклада не соответствовало заглавию: речь шла о естественно-научном и гуманитарном подходах к наукам о человеке. Проф. Герсковиц известен как защитник теории культурного релятивизма и теории «ценности», которые ныне модны в этнографии Соединенных Штатов. Последователи теории культурного релятивизма отрицают прогресс, считая, что все происходящее в культуре изменения относительны и не могут быть расценены как «прогресс» или «регресс». В основе этой концепции лежит отрицание определенных закономерностей в развитии общества. Сторонники теории культурного релятивизма не признают последовательности в смене одних форм общественных отношений другими, отрицают единство исторического процесса, что в специально этнографических исследованиях находит свое отражение в конструировании многолинейной эволюции культурных явлений. В докладе М. Герсковица эти идеи нашли свое отражение.

Основной формой работы Конгресса были заседания секций и подсекций, проходившие в многочисленных залах дворца Шайо, где размещены, в частности, Музей Человека (Musée de l'Homme) и Музей народного искусства и традиций (Musée des Arts et Traditions Populaires). Были организованы следующие секции и подсекции.

А. Антропология. 1-я секция — Морфология, 2-я — Физиологическая антропология, 3-я — Антропология рас и народов, 4-я — Палеоантропология и происхождение человека.

В. Этнология. 1-я секция — Общая этнология и методология (с подсекциями: Общие вопросы, Европа, Азия, Африка, Америка, Океания); 2-я секция — Археологическая и преесторическая этнология; 3-я — Технология, материальный и экономический быт; 4-я — Этноботаника; 5-я — Этнолингвистика; 6-я — Народная музыка, искусство и танцы; 7-я — Историческая этнология и народные традиции (с подсекциями: Общие вопросы; Европа; Африка); 8-я — Юридическая этнология; 9-я — Религия, 10-я — Этнопсихология и медицина; 11 — Изменения в культуре, прикладная этнология, миграции.

С. Музееведение.

Советские ученые приняли участие в работе ряда секций, однако охватить все разнообразие тематики Конгресса при наличном составе делегации оказалось невозможным. Следует отметить, что кроме докладов непосредственных участников Конгресса советская делегация распространила заранее напечатанные на французском языке доклады ученых СССР, не присутствовавших лично.

Как сказано, секция общей этнологии и методологии делилась на несколько подсекций. В подсекции «Общие вопросы» (созданной по предложению советского делегата на заседании Постоянного комитета в Намюре в 1958 г.) был объявлен ряд методологических докладов, в том числе — принадлежащих виднейшим представителям зарубежных школ. Не все включенные в повестку доклады состоялись. Из прочитанных докладов отметим следующие. Глава венской католической школы В. Копперс выступил с докладом — «Происхождение государства», в котором пытался доказать наличие зачатков государства уже у неандертальцев. Доклад носил бездоказательный характер и не включая (да и не мог, конечно, включать) никаких конкретных материалов в пользу этой «теории». Доклад явно не встретил сочувствия аудитории. С возражениями докладчику выступили болгарский делегат Д. Димитров и С. П. Толстов.

Видный итальянский этнограф и антрополог Р. Биасутти (Флоренция) в своем докладе говорил о значении географического метода в этнографии. Сопоставляя этот метод с методами культурно-исторической школы Ф. Гребнера и В. Шмидта, докладчик указал на необходимость анализа результатов, достигнутых представителями этих направлений. Следует сказать, что из доклада трудно было уловить, какова же позиция самого проф. Биасутти.

С. Такс (Чикаго) — один из видных представителей американской этнографии, редактор журнала «Current Anthropology» и приверженец теории «относительной ценности» — в своем докладе развивал положение о том, что появление в культуре древних людей локальных различий должно рассматриваться как принципиально новое качество, свидетельствующее о возникновении *Homo sapiens*. Исходя из наблюдаемых локальных различий у неандертальцев, С. Такс утверждал, что между ними и *Homo sapiens* нет принципиальной разницы.

П. Скотти (Генуя) выступил с докладом на тему «Этнология и культурная антропология». Содержание доклада сводилось к предложению заменить термин «этнология» термином «антропология» (с подразделением на «физическую» и «культурную»). Эта попытка перенести в науку романских стран терминологию, установившуюся в англо-американской литературе, вызвала на заседании серьезные возражения.

С методологическим докладом на тему «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии» выступил С. П. Толстов (Москва). Состоялись также доклады советских делегатов: М. Г. Левина (Москва) — «Этнографический и антропологический материал как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов)» и Д. А. Ольдерогге (Ленинград) — «Основные черты развития систем родства»¹. Все три доклада привлекли большое число слушателей и вызвали оживленное обсуждение как на самом заседании, так и в кулуарах.

Был заслушан также доклад И. Зельновой (ГДР) — «К проблеме локальных и общих закономерностей в этнографической методике». Докладчица подвергла критике различные буржуазные теории, противопоставляющие локальные закономерности в истории общества общим законам его развития, и сформулировала тезис о том, что только теория исторического материализма дает правильное решение проблемы, рассматривая явления в их внутреннем взаимодействии.

На подсекции Европы стоял доклад В. Ю. Крупянской, Л. П. Потапова и Л. Н. Терентьевой (Москва, Ленинград) — «Основные проблемы этнографического изучения народов СССР». Хотя лишь небольшой раздел доклада касался вопросов национальной консолидации, именно они вызвали наибольший интерес. После доклада один из присутствовавших попросил рассказать подробнее, как практически протекает в СССР процесс национальной консолидации. В связи с общим характером этого вопроса на него ответил С. П. Толстов, который в своем подробном выступлении осветил процессы консолидации малых народностей и этнографических групп в Дагестане, постепенное слияние приамурских народов с таджикской нацией, этнические процессы у малых народов Крайнего Севера. Подробно ответил С. П. Толстов и на вопрос о том, как в системе народного образования осуществляется национальная политика Советского государства.

К советским докладам были близки по тематике доклады чехословацких этнографов Б. Филовой (Братислава) — «Актуальные методологические вопросы словацкой этнографии» и О. Скальниковой (Прага) — «Этнографические исследования в промышленных районах Чехословакии».

Надо сказать, что указанные доклады советских и чехословацких делегатов были единственными, посвященными вопросам современности. Остальные доклады касались отдельных социальных явлений и обрядов, относящихся в основном к прошлому, или их пережитков, и проходили обычно без обсуждения.

¹ Доклады С. П. Толстова и Д. А. Ольдерогге опубликованы в № 6 нашего журнала за 1960 г. Доклад М. Г. Левина публикуется выше.

На подсекции Азии стоял доклад Т. А. Жданко (Москва) «Проблема этногенеза каракалпаков», в котором эта проблема была освещена на основе комплексного изучения данных этнографии, археологии и антропологии — метода, успешно применяемого советскими исследователями.

Из заслушанных на этой подсекции докладов зарубежных ученых отметим доклад Р. А. Фарнеа (Каир) — «Черты культурного сходства и социальные различия между кочевыми и оседлыми арабами Ирака». По своей тематике этот доклад близок к исследованиям советских ученых, посвященным истории взаимоотношений кочевых и земледельческих групп Средней Азии и Казахстана и исторической роли полуседлого населения. Подвергнув критике распространенный в зарубежной литературе взгляд о резком культурном различии кочевых и оседлых народов, докладчик привел ряд материалов, свидетельствующих о близости культуры оседлого населения южной части долины Ефрата и кочевников соседней пустыни, несмотря на различия в их хозяйственном укладе, — близости, обусловленной теснейшими взаимоотношениями этих групп.

Интересен для этнографов Средней Азии был также доклад И. Бенама (Тегеран) — «Будущее этнологии в Иране», содержавший обильный фактический материал по этнографии иранских гиляков.

Ряд докладов включала программа работ подсекции Африки. Кроме того, доклады по африканской тематике стояли и на секциях исторической этнологии, религии, этноботаники и др.

Общее число докладов, посвященных этнографии и археологии Африки, было довольно внушительно (более шестидесяти). Однако не все были зачитаны, так как некоторые докладчики не приехали.

Из заслушанных следует отметить доклад Ю. Дешана (Париж). По мнению докладчика, отдельные группы населения Мадагаскара — мерина, бетсилео, сакалава и др., общим числом 18, не представляют собой ни рас, ни племен, ни «этносов». Исторический и социологический анализ показывает, что они являются объединением «кланов» самого различного происхождения, которые были либо объединены по территориальному принципу, либо организованы в небольшие государства. Каждая из этих групп имеет самосознание, отличающее ее от других групп. Дешан предлагает называть эти группы народами, которые еще не достигли более развитой стадии — нации. Автор, видимо не будучи знаком с понятием народности, установившимся в советской науке, в своем докладе старался доказать необходимость нового понятия, которое, по его мнению, должно быть одним из основных в исторической и политической этнографии и которое существенно для понимания важнейшей проблемы современного развития народов Африки — проблемы детрибализации.

Следует отметить и интересный доклад Р. Корневена, посвященный выяснению истории народов Того и Дагомеи и определению места древних государственных центров. Доклады Ж. Жуэн, М. Жанбон и проф. Рахмани были посвящены обычаям народов Марокко и Алжира и содержали много нового по фольклору и обычаям этих стран. Интересен по материалам был доклад А. Кроненберга о надгробных памятниках в районе верховьев Нила. Доклад вызвал оживленные отклики; выступавшие отмечали связь этих сооружений с мегалитами Эфиопии и Южной Азии.

Значительную группу докладов составили сообщения французских этнографов — учеников и последователей известного этнографа М. Грюля. Всем этим докладам присуща переоценка значения мифа. Мифы и предания докладчиками принимаются на веру, без достаточной критической оценки, необходимой при серьезном историческом исследовании.

Очень интересен был доклад Ж. Баландые (Париж) об обществах религиозного характера, которые в условиях денежного хозяйства выполняли экономические функции, становясь чем-то вроде обществ взаимного кредита. Отметим и доклады Ж. П. Лебефа о мифологии народов Конго, В. Л. Гротанелли об обычаях народов Ганы, Ф. Виллета об искусстве Ифе и его происхождении, а также доклад Р. Портреса о названиях маниоки в языках Западной Африки, представляющий известный интерес для истории распространения этого культурного растения на африканском материке.

На секции археологической и преисторической этнологии был поставлен доклад А. Я. Брюсова (Москва) — «К вопросу об исходной области и путях экспансии культур с боевыми топорами и о связи этой экспансии с вопросом о формировании индоевропейских народов». Из докладов зарубежных ученых на этой секции отметим: доклад Г. Коллинза (Вашингтон), посвященный новейшим археологическим исследованиям в Арктике; Л. Перико-Гарсиа (Барселона) о наскальных изображениях неолитического времени северо-востока Пиренейского полуострова; Ж. Марешаля (Кальвадос) о методе археологической датировки по характеру сплава древних бронз; Г. Котэ (ГДР) о земледелии в неолите.

На секции этнолингвистики, где советские ученые с сообщениями не выступали, стоял ряд докладов и общего, и частного характера. Наряду с докладами серьезного научного значения, как, например, французского ученого М. Коэна о двуязычии в современной французской деревне, венгерского лингвиста Ф. Ковача о некоторых

вопросах развития категории числительных, были доклады, носившие частный, порой поверхностный характер.

На секции исторической этнологии и народных традиций с докладом «Фольклор как историческо-этнографический источник» выступила В. К. Соколова (Москва). Это был единственный на секции доклад, посвященный общим вопросам фольклористики, что и было отмечено выступавшими участниками заседания.

Надо отметить, что проблематика этой секции была достаточно пестрой, почти все доклады были посвящены частным вопросам, многие носили чисто описательный характер, без каких-либо обобщений и выводов. Из более общих докладов можно указать доклад П. Боратава (Париж) — «Опыт общей классификации народных игр».

Помимо указанных выше, на Конгрессе были распространены напечатанные на французском языке доклады не присутствовавших лично советских этнографов: О. А. Ганцкой, Г. С. Масловой и Д. В. Найдич (Москва) — «Русский историко-этнографический атлас», И. С. Гурвича (Москва) — «Этнография и процессы реконструкции хозяйства, культуры и быта малых народов Крайнего Севера», Л. П. Потапова (Ленинград) «Основные принципы экспозиции в этнографических музеях СССР» и научных работников Академии наук ГрузССР (Тбилиси) Г. С. Читаия «О горном земледелии в Грузии», В. В. Бардавелидзе «Социальные отношения горцев восточной Грузии на заре рабовладельческой эпохи, по пережиточным этнографическим данным», А. И. Робакидзе «Жилища и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем», Р. Л. Харадзе «Проблема неразделенной семьи по грузинским этнографическим источникам».

Переходим к докладам по антропологии.

Большинство докладов советских антропологов было заслушано на секции «Палеоантропология и происхождение человека». В докладе Т. А. Трофимовой (Москва) «Расовые типы населения Средней Азии в эпоху неолита и бронзы» был обобщен большой палеоантропологический материал, в частности — из новейших раскопок Хорезмской экспедиции АН СССР. В. П. Якимов (Москва) в своем докладе «Население европейской части СССР в палеолите и мезолите» ознакомил присутствующих с новейшими палеоантропологическими находками, коснувшись вопроса о роли монголоидного компонента в формировании древних антропологических типов на указанной территории. В. И. Кочеткова (Москва) в докладе «Эволюция специфически человеческих областей коры мозга человека» изложила некоторые результаты исследований, выполненных в лаборатории мозга Института антропологии Московского государственного университета. М. М. Герасимов (Москва) в докладе «Восстановление лица по черепу», богато иллюстрированном диапозитивами, изложил основные принципы разработанной им методики антропологических реконструкций.

В работе секции морфологической антропологии советские делегаты не участвовали. Эта область вообще недостаточно разрабатывается в СССР, что является серьезным недостатком советской антропологической науки. Не участвовали советские ученые и в работе секции физиологической антропологии.

На заседании секции антропологии рас и народов выступила М. С. Акимова (Москва) с докладом — «Антропологические данные о происхождении народов Волго-Камья», в котором дана сводка по антропологии древнего и современного населения данной территории.

Кроме зачитанных лично, на Конгрессе были распространены следующие доклады советских антропологов: Я. Я. Рогинского «Некоторые законы изменчивости и корреляция измерительных признаков у человека и других млекопитающих», М. А. Гремяцкого «Основная линия эволюции высших приматов в неогене», В. В. Бунака «Антропологические типы русского народа и некоторые проблемы их истории», В. В. Гинзбурга «Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении тюркских кочевников», В. П. Алексеева «Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии».

Из докладов зарубежных ученых по вопросам палеоантропологии, происхождению человека и этнической антропологии отметим: сообщение Е. Влечека (Прага) — «Находка костных остатков неандертальского человека в Чехословакии», Я. Елинека (Брно) — «Древнейшие находки человека современного типа и их хронология», С. Серджи (Рим) о рентгенографии черепа неандертальца из Монте Чирчео, Д. Ферембах (Париж) о новых находках скелетов мезолитического времени в Палестине.

Помимо секций, на Конгрессе были созданы так называемые рабочие группы: содержанием их работы было обсуждение отдельных проблем. Советские делегаты принимали участие в работе групп, занимавшихся проблемами этногенеза, вопросами стандартизации антропометрических измерений, проблемами связи археологии, истории и этнографии.

На заседании группы по проблемам этногенеза руководитель ее М. Курт (Геттинген) выступил с докладом, в котором особенно подчеркивал необходимость использования данных по демографии древних народов. М. Г. Левин рассказал о советских исследованиях по проблемам этногенеза, в которых вопросы этнической истории разрабатываются комплексно, с использованием данных разных областей знания. Группа по стандартизации организовала постоянно действующий комитет под председа-

ством М. Сотера (Швейцария). Заместителями председателя избраны Э. Брейтингер (Австрия), Т. Стюарт (США) и Г. Ф. Дебец (СССР).

Группа по проблемам связи археологии, истории и этнографии имела целью разработать меры по координации работ в указанных дисциплинах. Из выступлений ряда делегатов выяснилось, что во многих странах связь между этими дисциплинами не только отсутствует, но ее даже трудно осуществить. С большим интересом были выслушаны выступления советских делегатов, рассказавших о комплексных экспедициях и других совместных работах, проводимых в СССР.

Кроме того, работало еще девять групп. На заседании группы «Обряды и музыка» подчеркивалась необходимость изучения обрядов и сопровождающих их песен и музыки как одного целого, что советскими этнографами и фольклористами уже давно стало общепризнанным.

Подводя итоги участию советской делегации в Конгрессе, надо отметить не только внимательное, но и дружелюбное отношение к ней подавляющего большинства участников Конгресса. С советскими делегатами искали встреч, обменивались книгами и оттисками, просили их консультации по ряду научных вопросов. Мы хотим подчеркнуть особо предупредительное и доброе к нам отношение Президента Конгресса известного французского антрополога А. Валлуа.

Внимание к советской делегации и успех советских докладов в значительной степени объясняется тем, что методологическая сторона этнографии в буржуазных странах находится в состоянии теоретического разброда, тогда как советские ученые смогли противопоставить этому четкие методологические установки и теоретические положения, основанные на новом обильном материале.

На Конгрессе была организована выставка советских этнографических и антропологических изданий, преподнесенных нашей делегацией в дар Музею Человека. Кроме того, Музею были переданы три бюста — реконструкции ископаемых людей и исторических личностей, выполненные М. М. Герасимовым. Работы М. М. Герасимова привлекли к себе особое внимание еще и в связи с тем, что он во время Конгресса выполнил большую работу по реставрации хранящегося в Музее Человека неандертальского черепа из Ля-Кина.

Во время Конгресса состоялись заседания его Постоянного комитета, в который вошли от СССР С. П. Толстов, Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, Л. П. Потапов и В. П. Якимов. Постоянный комитет, составленный из представителей всех стран, где ведутся этнографические и антропологические исследования, должен будет собраться в 1962 г. (предположительно в Праге) для обсуждения плана и программы VII конгресса, намеченного на 1964 год. Одним из вопросов, обсуждавшихся на заседании Постоянного комитета, был вопрос о месте будущего Конгресса. Виднейший итальянский антрополог С. Серджи, указав на широкий размах этнографических и антропологических исследований в Советском Союзе, предложил просить Академию наук СССР созвать этот Конгресс в Москве. На заключительном заседании это предложение было встречено такой бурей аплодисментов, что было принято без обсуждения.

Оргкомитет VII конгресса избран в составе С. П. Толстова (председатель), Г. Ф. Дебеца, И. И. Потехина и А. Леруа-Гурана (секретари).

Во время Конгресса состоялась заседание комитета Международного союза антропологов и этнографов при ЮНЕСКО. Председателем его был избран А. Валлуа, в числе заместителей председателя — С. П. Толстов, М. Герсковиц (США), Х. Комас (Мексика), вице-президент Берлинской Академии наук В. Штейниц (ГДР) и другие.

* * *

Два члена делегации, Г. Ф. Дебец и Д. А. Ольдерогге, прибыли в Париж за два дня до Конгресса для участия в торжественном заседании, посвященном 101-й годовщине Парижского антропологического общества. От Института этнографии АН СССР был представлен приветственный адрес. Приведем его текст.

«Институт этнографии Академии наук СССР счастлив приветствовать и поздравить со столетним юбилеем старейшее научное Общество, в названии и в деятельности которого слово «антропология» впервые сочеталось с антропологической тематикой.

Советские антропологи помнят, что в первом же томе «Трудов» Антропологического отдела московского Общества любителей естествознания в 1865 году был помещен перевод «Антропологических инструкций» П. Брока. Основатели русской антропологии А. П. Богданов и Д. Н. Анучин организовали русский отдел на выставке, имевшей место на антропологическом конгрессе 1877 г. в Париже. В свою очередь основатели французской антропологии П. Брока, П. Топинар, А. де-Катрфаж, Э. Ами и другие в 1879 г. посетили Антропологическую выставку в Москве. Эти взаимные визиты заложили основу тесных связей между антропологическими обществами Москвы и Парижа.

Советские антропологи и этнографы выражают уверенность, что второе столетие существования Парижского антропологического общества с первых же лет будет ознаменовано дальнейшим развитием нашего сотрудничества. Антропологи Франции внесут свою долю в дело освобождения человечества от расовых предрассудков, в установле-

ние всеобщего мира, равенства, свободы и счастья всех народов и рас Земли. Французские антропологи могут рассчитывать на искреннюю поддержку своих советских коллег в достижении этих великих целей.

Примите наши поздравления со славным юбилеем».

Во время пребывания в Париже советские ученые имели возможность ознакомиться с экспозицией и материалами Музея Человека, Музея народного искусства и традиций, Музея восточных культур (Гимэ). Антропологи посетили руководимый А. Вальеуа Институт палеонтологии человека и ознакомились с его ценными палеоантропологическими коллекциями.

Участие в Конгрессе дало советским ученым возможность закрепить ранее установившиеся и завязать новые научные связи с учеными многих зарубежных стран.

Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Д. А. Ольдерогге

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Итоги Всероссийской выставки художественных промыслов)

В августе 1960 г. в Центральном выставочном зале в Москве была открыта Всероссийская выставка изделий народных художественных промыслов, организованная Роспромсоветом совместно с Институтом художественной промышленности.

Декоративно-прикладное искусство народов России, сложившееся в течение веков, ярко и многообразно отражающее жизнь каждого народа, пользуется вниманием широких кругов общественности. Естественно, что выставка современных изделий художественных промыслов вызвала большой интерес, и значение ее трудно переоценить. Она была самой крупной за всю историю развития художественных промыслов — и по числу экспонатов и по количеству представленных промыслов и отдельных центров производства.

Выставка отразила новый этап в развитии декоративно-прикладного искусства народов Российской Федерации и, как представляется, разрешила ряд старых споров о связи художественных промыслов с современностью и о взаимоотношениях их с профессиональным декоративным искусством.

Для современного этапа развития народного прикладного искусства характерны: появление новых промыслов и новых центров производства художественных изделий, возрождение ряда угасших промыслов, использование новых материалов и новых способов обработки изделий и, что важнее всего, — творческие поиски и стремление отразить в декоративном искусстве советскую действительность.

Экспозиция выставки способствовала знакомству зрителей с художественными промыслами на новом этапе их развития. В двенадцати залах выставки демонстрировалось 8 тысяч экспонатов. Всего было представлено на выставку 20 тысяч изделий. По одному лишь отделу художественной росписи тканей, например, экспонировалось 150 изделий, а было представлено 1475.

Выставка открылась огромной картой размещения центров художественных промыслов на территории РСФСР, наглядно свидетельствовавшей о широком их распространении и, в частности, о появлении большого числа новых центров художественного производства.

Первый зал был отведен художественным лакам — миниатюрной живописи на изделиях из палье-маше, выполненных мастерами Мстеры, Холуя и Федоскино. К сожалению, искусство Палеха, недавно с успехом демонстрировавшееся на выставке «Советская Россия», не было представлено в экспозиции зала лаков, что лишило возможности составить полное представление об одном из своеобразнейших видов народного искусства, выросшего на традициях древнерусской живописи.

Показ лаков начинался с изделий федоскинской артели, стоящей несколько особняком среди других центров лаковой живописи, связанных с традициями иконописи. Федоскинская артель выросла на базе известного производства лаковых изделий, основанного в 1795 г. и достигшего расцвета в первой половине XIX в. На довольно широко распространенных и в России и за рубежом федоскинских лакированных табакерках, шкатулках, игольницах чаще всего копировались работы русских и иностранных художников. Вместе с тем традиции народной живописи обусловили появление и другого направления — оригинальных жанровых сцен (чаепития, хороводы, охотничьи картинки). Излюбленным сюжетом росписи этой группы изделий в прошлом была «тройка».

Современной федоскинской миниатюре свойственны разнообразие тем и художественных приемов росписи, удачные композиционные и колористические решения. Так, в работах В. Липицкого «Березка» и Н. Балашова «Синюшкин колодец» голубоватосиние тона, нанесенные на слое перламутра, гармонично сочетаются с тонким рисунком; преобладание красного тона в сочетании с золотым и белым в «Танце грузинки» С. Рогато-

ва подчеркивает впечатление праздничности, а коричнево-серая гамма тонов создает настроение в осенних пейзажах И. Страхова.

Если в прошлом в федоскинской артели ведущее место занимали живописцы, копировавшие известные картины русских художников, то в настоящее время мастера проявляют все большую творческую самостоятельность, а современная тематика занимает все большее место в их искусстве. Одновременно с этим повысилась и декоративность росписи, выполняемой нередко по перламутру или листовому золоту. Возродилась традиционная для промысла техника «черепахи» и «шотландки» — нанесение на поверхность шкатулок желто-коричневого с извилистыми линиями рисунка, создающего впечатление отполированной поверхности щита черепахи, или спокойного рисунка в клетку. Разнообразнее стала форма изделий из папье-маше.

Артели Холуя и Мстеры организовались значительно позже федоскинской, но корни мастерства их уходят в древнерусскую живопись. Бывшие в течение веков иконописцами, жители этих сел сохранили, несмотря на упадок иконописи во второй половине XIX в., своеобразие древнерусского изобразительного искусства: плоскостное изображение, четкость линий, а также технику росписи темперой в отличие от федоскинцев, работающих маслом.

Изделия мстерской артели, унаследовавшей традиции живописцев, изготовлявших иконы для старообрядцев, отличаются многофигурностью композиций, тщательно проработанным и заполняющим всю свободную от фигур поверхность пейзажем, мягким колоритом. Изображение всегда окаймлено сложным ажурным орнаментом из твореного золота. Некоторые мстерские изделия украшены филигранью.

Экспонированные изделия позволили представить все разнообразие тематики художников Мстеры. Здесь и сюжеты русских былин и сказок, исторические и батальные сцены, и картины труда и досуга колхозной деревни. Среди них наиболее запоминаются «Три девицы под окном» Е. Н. Зониной, «Сказка о мертвой царевне» М. К. Дмитриевой, «Микула Селянинович» А. А. Фомичева, отражающие русскую старину, и работы на современные сюжеты, выполненные с большим изяществом: «На птицеферме» Е. Н. Зониной, «Колхозная лирическая» М. К. Дмитриевой, «В лесу прифронтовом» М. Д. Немовой, «Пионерский лагерь» В. И. Корсакова и другие.

Декоративность и орнаментальность живописи художников Холуя сближает их искусство с искусством Мстеры. Но вместо многофигурной композиции мстерских художников, композиции мастеров Холуя строятся на одной или нескольких центральных фигурах. Остальные части композиции чаще всего орнаментальны. Среди изделий Холуя хочется отметить несколько необычных до последнего времени для лаковой миниатюры сюжетов. Таковы работы Н. Н. Денисова «Покорители океана» — героическая, напряженная сцена, отклик на подвиг четырех молодых советских моряков; или привлекающая красно-золотым колоритом роспись Ю. С. Булкина «Рождение человека» (по рассказу М. Горького).

Отдельно демонстрировались в зале художественных лаков 30 разнообразных по форме и росписи жостовских подносов. Обращали на себя внимание новые приемы техники росписи — по металлической подкладке с многоцветной лессировкой. Дальнейшее композиционное и колористическое развитие получила традиционная цветочная роспись, связанная с широко распространенными в прошлом приемами крестьянской росписи стен и бытовых предметов.

Изделия второго центра подносного промысла — нижнетагильского, более раннего по времени возникновения (жостовскому промыслу 150 лет, нижнетагильскому более 200 лет), на выставке представлены не были.

Экспозиция художественных лаков, включавшая около 300 изделий и представлявшая более 100 мастеров росписи, свидетельствовала о большом подъеме в области лаковой живописи, о больших перспективах, открывающихся перед нею, и об органической связи ее с советской действительностью.

Древнейшее искусство художественной обработки кости известно на Руси с X в. На выставке демонстрировались изделия двух старых центров костережного промысла: Холмогор и Тобольска и двух молодых артелей — кисловодской и хотковской. Холмогорская артель показала традиционные коробочки, шкатулки, ножи, веера, игльницы, мундштуки, ларцы одноцветные и двухцветные (из кости естественного и зеленого цвета), ажурные, оклейные и с цветной гравировкой, а также новые виды изделий: вазы, кубки, броши, бусы. Для этих изделий характерно сочетание современных сюжетов и традиционной манеры исполнения.

Обращали на себя внимание юбилейный кубок П. П. Черниковича, кубок А. Е. Штанг «Москва — Пекин», символизирующий дружбу крупнейших стран социалистического лагеря, и ажурные рамки, в частности рамка У. С. Шарыпиной-Тряпицкой «Животный мир», коробочки Т. Г. Большаковой, А. Е. Штанг, А. С. и А. Е. Гурьевых.

Необходимо, однако, отметить некоторую помпезность изделий холмогорской артели. Это ставит их в невыгодное положение по сравнению с изделиями других артелей, так как ограничивает возможности их использования в быту и соответственно снижает сбыт.

Развившийся около ста лет тому назад тобольский костережный промысел был представлен традиционной объемной скульптурой и некоторыми образцами новых декоративно-бытовых изделий из мамонтовой кости. В широко известной миниатюрной:

Рис. 1. Скульптура из мамонтовой кости «Ловля оленя» (артель «Тобольский костерез», г. Тобольск)

Рис. 2. Павлин. Рог и перламутр (артель «Народное искусство», Хотьково)

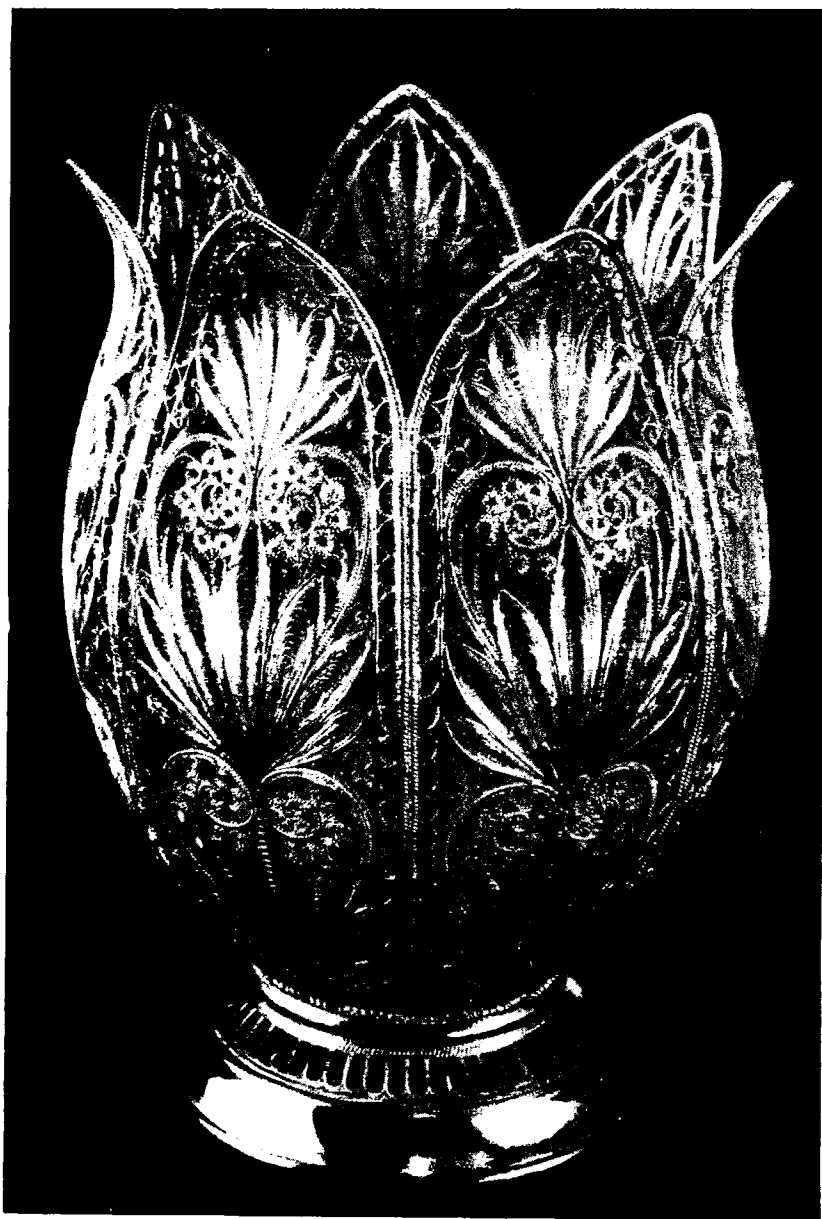

Рис. 7. Филигранная ваза «Тюльпан» (артель «Красносельский ювелир», Костромская обл.).

скульптуре наряду с обычными для нее изображениями охоты, оленеводства, животного мира появились сюжеты, отражающие социалистические преобразования в жизни народов Сибири. Их можно подразделить на две группы: выполненных в привычных композициях (рис. 1), и с новыми композиционными решениями. Среди изделий на современные темы, выполненных в традиционной манере, очень выразительна композиция «Весть о спутнике» В. А. Решетникова — летящая упряжка оленей с устремленными вперед фигурами людей.

Пытаясь расширить круг образов, отражающих действительность, художники начинают создавать большие группы, где динамика, свойственная тобольской миниатюре, приглушена (например, изображение радиофицированного селения с метеостанцией, митинга или собрания). Выразительные, отработанные художественные формы, составляющие славу тобольских костерезов, в этих случаях еще не найдены.

Одновременно с расширением современной тематики улучшается и техника производства. Особое внимание уделяется полному раскрытию и ис-

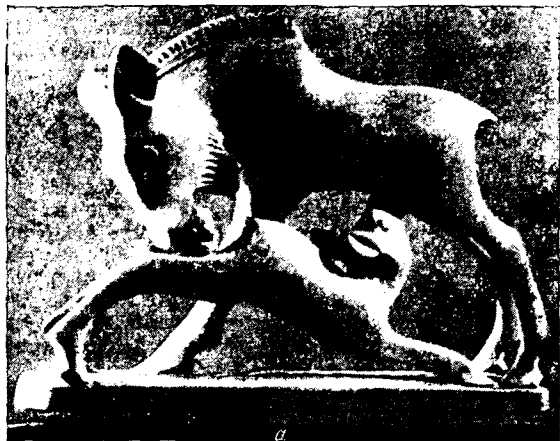

Рис. 3. Изделия из дерева: а — лосиха с лосенком, самшит (артель «Народное искусство», Хотьково); б — конь (артель «Богородский резчик», Московская обл.)

пользованию свойств материала. Новым для промысла является сочетание кости с другими материалами, в частности с рогом. Очень удачна в этом отношении скульптура Ю. С. Дробышевского «Остяк в лодке». Из новой продукции тобольского промысла экспонировались: ножи для разрезания бумаги, закладки, спичечницы, мунштуки.

Организованная в первые годы Советской власти кисловодская артель выросла на базе ремесла, развившегося во второй половине XIX в. Первыми изделиями артели были сувениры: рамки для портретов, ножи для разрезания бумаги, различные броши. На них техникой пропильной резьбы выполнялся растительный орнамент. Современные изделия кисловодской артели более разнообразны (коробочки, пудреницы, игольницы, броши, кулоны, лоточки, миниатюрная скульптура) и более художественны, чем ранняя продукция артели, носившая печать мешанских вкусов. Стоимость этих изделий нередко снижается за счет сочетания дорогостоящей кости с деревом или капокорнем.

Интересна новая продукция артели — изделия из рога. Это средних размеров фигурки: павлины, цапли, пингвины, рыбы, барсуки, ласки, ежи.

Второй молодой центр костерезного промысла — хотьковская артель «Народное искусство» (Московская область) — выделяется разнообразием экспонировавшихся изделий (вазы, кубки, настольные рамки для портретов, пудреницы, шкатулки, коробочки, бусы, закладки, ножи для бумаги, скульптура, рис. 2). Мастера этой артели умело соединяют кость с деревом или капокорнем, используют самшит, эбонит и другие материалы. Хотьковские мастера владеют различной техникой: оклейной и гравировки, объемной, ажурной и рельефной резьбы, широко применяют инкрустацию. Скульптура из самшита (ослик и верблюжонок, лиса с лисенком, лосиха с лосенком) отличается плавностью линий при реалистичности изображения (см., например, рис. 3, а).

Несмотря на отсутствие у кисловодского и хотьковского промыслов устойчивых художественных традиций, придающих яркую индивидуальность холмогорскому и тобольскому промыслам, молодые артели уже достигли высокой художественности изделий. Их творческие поиски, бесспорно, приведут к окончательному оформлению собственного стиля и поднимут на новую высоту прославленное мастерство резьбы по кости.

Нельзя не отметить, что в экспозиции отсутствовали образцы традиционных чукотского и якутского промыслов и молодых центров резьбы по кости в Приморье и Бурятской АССР.

Искусство резьбы и росписи по дереву, известное на Руси с древнейших времен, увековеченное в долевой и судовой резьбе и росписи, художественной деревянной посуде, и утвари, пряничных досках и «манерах» для набойки тканей и в народной игрушке, подготовило богатую почву для расцвета современных промыслов. Художественная обработка дерева была представлена на выставке изделиями пятнадцати артелей, объединяющих более тысячи мастеров резьбы и росписи по дереву. Полнее всего экспонировалась хохломская роспись на деревянной посуде, конфетницах, сахарницах, солонках, сухарницах, декоративных вазах, тарелках, бочатах, поставцах, коробках для рукоделия, детской мебели, выполненная традиционной техникой покрытия токарных деревянных изделий металлическими порошками по зашпаклеванной и проолифенной поверхности с характерной росписью под слоем прозрачного лака (рис. 4). Изделия артелей «Хохломский художник», «Красная Узола», «Хохломская роспись» отличаются новыми формами и новыми приемами росписи, увеличивающими их декоративность. Хохломскими изделиями декорировались различные разделы выставки. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в других залах, например в зале тканей, хохломская роспись воспринималась лучше, чем в зале дерева, где она была собрана в одну группу в центре экспозиции.

Большой интерес вызвали игрушки и скульптура артели «Богородский резчик». Промысел богородской резьбы по дереву, существующий с XV в., был представлен большим количеством изделий, характерных созвучием современности при полном сохранении старинных традиций. С необычайной наблюдательностью и теплым юмором, умея отобрать важнейшие характерные для образа детали, техникой быстрой маховой резьбы, работают богородские резчики, создавая законченные композиции по сюжетам русских сказок и на современные темы. «Сказка о Коньке-Горбунке»

Рис. 4. Роспись по дереву. Декоративная ваза (артель «Хохломская роспись», г. Семенов, Горьковская обл.)

Н. И. Максимова, «Маша и медведь» И. К. Стулова, движущиеся игрушки «Мишка, фотографирующий Луну» М. В. Барашкова и «Мишка со спутником Земли» Н. И. Максимова, как и многие другие произведения резчиков отличаются свойственной богородским изделиям выразительностью силуэта, полнотой и завершенностью художественного образа (рис. 3, б).

Плоско-рельефная абрамцево-кудринская резьба, прошедшая сложный путь развития, была представлена декоративными блюдами, шкатулками, лоточками, стаканами для карандашей и другими изделиями.

Кропотливая обработка капо-корня, не так часто встречающегося в природе, требующая от мастера большой вдумчивости уже при распиловке и распределении материала, еще в прошлом веке прославила мастерство вятских крестьян. Демонстрирующаяся на выставке продукция артели «Идеал» (табакерки, шкатулки, игольницы, портсигары, письменные приборы) показала наряду с традиционными и новые формы. Разнообразнее стал ассортимент изделий.

Инкрустация соломкой также выросла на базе вятского крестьянского промысла по изготовлению плетеных изделий из цветной и неокрашенной соломки. Яркие коробки для рукоделия, шкатулочки, корзинки для ножей и вилок, всегда удивлявшие замысловатостью плетения, вместе с тем не отличались прежде изяществом. Экспонированные на выставке изделия с тонкими узорами инкрустации в мягкой цветовой гамме свидетельствуют о повышении художественной культуры мастеров. Но хотелось бы видеть больше разнообразия в оформлении этих изделий.

Роспись с выжиганием по дереву показала Кировская, загорская и калининская артели. При одной и той же технике производства сохранилось своеобразие в композиции и колорите каждого из этих творческих коллективов. Тем не менее мастера росписи недостаточно еще используют лучшие традиции промысла.

Из Дагестана на выставку были присланы широко известные изделия Унцукульской артели им. Дахадаева — инкрустированные шкатулки, трубки, палки, а из Башкирии — изящные по пропорциям и орнаменту сосуды для меда. Демонстрировались своеобразные нанайские плетеные корзины из цветной бересты.

Следует остановиться на изделиях городецкой артели «Стахановец». Несколько декоративных блюд и детский мебельный гарнитур расписан в традиционной манере, хорошо известной по имеющимся образцам городецкой росписи XIX в. (стилизованные

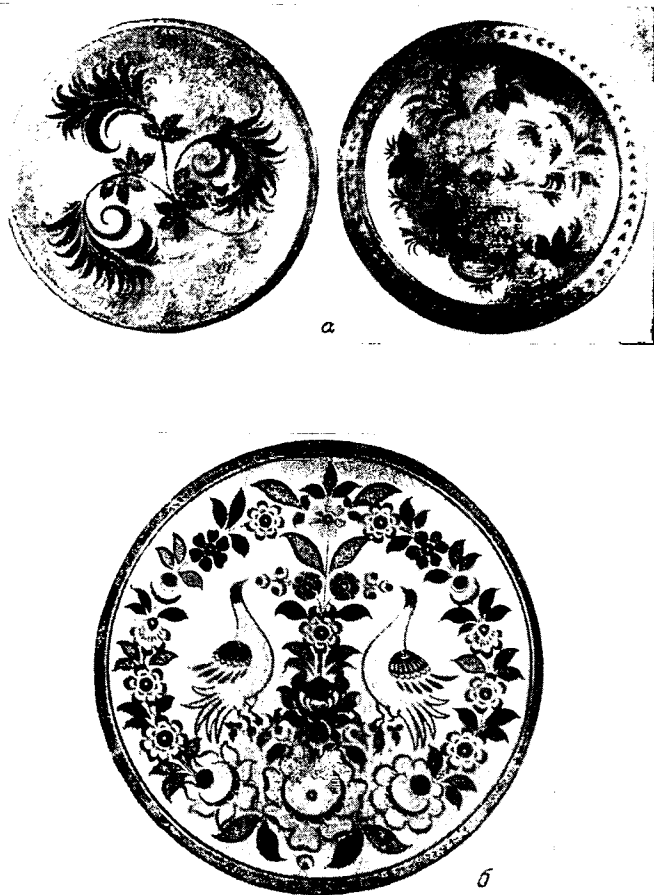

Рис. 5. Роспись по дереву: а — тарелки (артель «Хохломская роспись», г. Семенов, Горьковская обл.); б — блюдо (артель «Стахановец», г. Городец, Горьковская обл.)

птицы, растения и реалистические всадники на конях), графически четкие, с преобладанием красного, синего и белого цвета (рис. 5, б). В уходящем корнями в древнюю живопись городецком искусстве сохранилась та благородная простота линий и колорита, которая свойственна подлинно народному искусству. Вместе с тем в городецком промысле появилось и много нового. Так, традиционный белый фон заменяется теперь естественным фоном лакированной древесины, меняется форма изделий, на которых размещается роспись. П. И. Аверьянова и М. И. Акинфьева, ученицы старейшего мастера артели А. Е. Коновалова, создавшие композицию росписи экспонированного на выставке гарнитура, как и другие художники артели, отдают много сил поискам новых художественных решений. Творческое сотрудничество с работниками Института художественной промышленности плодотворно влияет на промысел. Спрос на художественную мебель городецкой артели, на ее декоративные изделия все повышается. В настоящее время артель занята изготовлением расписных оригинальных изделий.

Керамика была представлена на выставке изделиями широко известных промыслов — гжельского, скопинского, балхарского — и молодых артелей, ленинградской и невьянской, созданной на базе старинного гончарного промысла села Нижние Таволги.

Гжельский промысел был представлен только фарфором. К сожалению, не экспонировалась столь характерная для Гжели высокохудожественная майолика, место которой в художественной продукции все возрастает благодаря ее декоративности, возможности расширения производства и невысокой стоимости изделий.

Изящная по форме с подглазурной росписью кобальтом и солями посуда и скульптура Гжели хорошо контрастировала с яркой керамикой Скопина. Яркость окраски, богатство форм придают изделиям скопинских мастеров броскую эффектность. Вместе с тем спорным является вопрос о целесообразности столь богатого, иногда даже перегружающего бытовой предмет декоративного оформления (рис. 6, а). Хотя последнее не создает впечатления вычурности, тем не менее очевидно, что мастерам прославленного скопинского промысла следует пойти в ряде случаев по линии увеличения пластичности форм и освобождения от излишних декоративных деталей. Это не трудно сделать, ибо традиции создания пропорциональных, гармонических вещей у них имеются; образцы таких предметов на выставке экспонировались.

Изделия Невьянска (скульптура, декоративные вазы и блюда) в отличие от скопинских лаконичны по форме, расписаны ангобом или украшены глазурью приглушенных тонов (рис. 6, в). Для фарфоровых фигурок ленинградской артели «Прогресс» характерны скупые плавные линии и неяркая окраска.

Дагестанская керамика была представлена изделиями аула Балхар. Неглазурованные монументальные сосуды древней формы, тарелки, игрушки, расписанные белым и коричневым ангобом, сохраняют печать самобытного древнего мастерства (рис. 6, б).

Выразительная тульская игрушка, простая по форме, с характерным обтекаемым силуэтом и условной яркой росписью представляла ту группу промыслов по изготовлению керамических изделий, мастера которых работают лишь на основе самобытных традиций без творческой помощи ху-

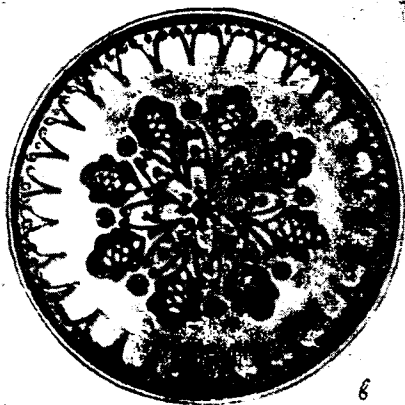
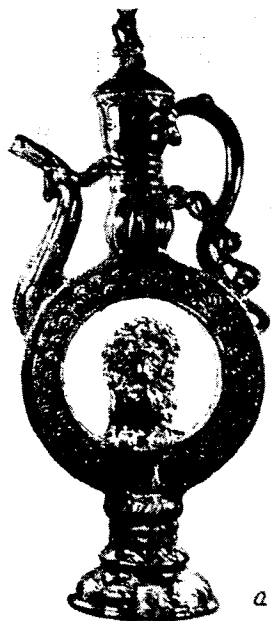

Рис. 6. Керамика: а — кvasник (артель «Восход», г. Скопин, Рязанская обл.); б — кushин (артель «Труд, аул Балхар, Дагестанская АССР); в — блюдо (невьянская артель «Керамик», Свердловская обл.)

дожников и искусствоведов. Большим недостатком экспозиции явилось отсутствие в ней однотипной Кировской игрушки, в творческой работе над которой большое участие принимают художники Института художественной промышленности.

Художественная обработка металла была представлена изделиями старинных центров промысла — великоустюжской артели «Северная чернь», кубачинской артели «Художник», артелей «Московский ювелир» и «Ростовская финифть» и артелью Крас-

ного села. Винные и кофейные сервизы, стаканы и подстаканники, чернильные приборы и салфеточные кольца, коробочки и украшения, выполненные традиционной техникой, обогащенной новыми приемами, свидетельствовали о достижениях мастеров по обработке металла.

Удостоенная золотой медали на Всемирной выставке в Брюсселе ростовская роспись по эмали (цветы, ягоды на светлом фоне) была показана образцами новых приемов письма и опыта применения филигранной техники при оправе изделий.

Рис. 8. Кружево и вышивка: а — полотенце (артель им. Крупской, г. Рязань); б — дорожка (вологодская кружевная артель)

Великоустюжские изделия стали разнообразнее и по ассортименту и по сюжетам. Промысел северной черни, угасший в начале XX в., возрожден к новой жизни. Это — общая судьба промыслов, поднимающих на новую ступень совершенства искусство, служащее народу с высокой художественной культурой.

Красносельский промысел демонстрировал наряду с утилитарно-декоративными предметами — филигранными конфетницами и сухарницами, позолоченными вазами (рис. 7), кубками и сервизами — изящные миниатюрные безделушки, в которых отразились первоклассное владение техникой и любовь к своему делу красносельских мастеров.

Кубачинские ювелиры (Дагестан), веками совершенствовавшие мастерство гравировки, насечки и черни с позолотой, особое внимание уделяют сохранению и развитию национальных форм предметов. Но хотя кубачинцы были удостоены золотой медали на

Брюссельской выставке, им, очевидно, следовало бы продумать вопросы упрощения орнамента, в настоящее время слишком сложного, нередко перегружающего предмет. В этом им может помочь творческая переработка сохранившегося на резных камнях и старинном оружии строгого народного орнамента прошлых столетий.

Мастера «Уральской камнерезной артели», «Кунгурской камнерезной артели» и артели «Борнукова пещера» в разнообразной анималистической скульптуре, чернильных приборах, декоративных вазах продемонстрировали свое, унаследованное от камнерезов прошлого, умение «видеть» и «чувствовать» камень. Пластичность изделий свидетельствует об успехах художников камнерезного искусства в поисках новых форм и выразительных линий.

Текстильные изделия: ковры, ручное ткачество, роспись тканей, вышивка, кружевоплетение занимали большую часть экспозиции. Широкие возможности использования их в интерьере и одежде, их близость зрителю обусловили большую популярность этих разделов выставки.

Ковры ручной выработки отличаются прочностью ткани, разнообразием рисунков и расцветки, что в комбинации с различной техникой делает каждый ковер в известной степени неповторимым. Представленные на выставке дагестанские ворсовые и курские гладкие, удмуртские махровые и омские паласного типа ковры были разнообразны и по сюжетам, и по орнаменту, и по колориту.

На выставке демонстрировали свои изделия и старинные центры ковроделия, и вновь созданные, но успешно развивающиеся артели. Ковры с традиционными сюжетами и орнаментом были показаны наряду с коврами, сюжеты которых отражают советскую действительность. Из последних лучшими являются ковер «Иртыш» Т. А. Барабаниковой и «Советская Башкирия» З. И. Федосеевой.

Традиционное для прошлого домашнее ткачество, из которого выросли ремесло, а затем промысел художественного ткачества, было представлено разнообразными изделиями, выполненными различной техникой. Череповецкая артель «Красный ткач», выросшая на народных традициях широко развитого здесь в прошлом ручного ткачества, выставила великолепные покрывала, салфетки, выполненные ремизной техникой, с геометрическим орнаментом. Митрохинская артель (Московская область) показала образцы жаккардового ткачества со сложным рисунком. Прекрасны были работы Т. Р. Яшкиной и Е. П. Головастова. Особенно обращали на себя внимание шторы «Хоровод» и черный занавес с золотыми треугольниками. Артели «Красный шейник» и «Путь к коммунизму» были представлены шерстяными изделиями. Коврики и покрывала, черно-желтые, красно-зеленые, клетчатые, говорят о высоком мастерстве и вкусе их исполнителей. Содружество художников-профессионалов, таких, как К. И. Бетехтина, с художниками артелей способствовало повышению декоративности изделий промыслов.

Рязанские артели демонстрировали изделия, изготовленные техникой переборного ткачества, где цветной уток создает на салфетках, полотенцах, дорожках красивый и яркий узор.

Развитое с древнейших времен искусство вышивки, кружевоплетения было широко представлено на выставке. Цветная перевить тарусской артели (Калужская область) и яркая вышивка Рязанской области, тончайшие гипюры городецкой артели и золотое шитье Торжка, как и рязанские и вологодские кружева, показали высокое развитие этих промыслов (рис. 8, а, б).

Широко развитый молодой промысел художественной росписи тканей представляли изделия двадцати одной артели. Используя традиции старинной набойки и смело экспериментирующие в области новых сюжетов, мастера росписи представили 150 разнообразных изделий. Наиболее интересны были коричневый занавес Б. И. Уютнова (Бабшинская артель) и шарфы-палантины А. А. Затонской (артель им. Шаумяна в Москве).

Среди тканей, изготовленных способом набойки, лучшими были созданные коллективом текстильной лаборатории НИИПХ'а. Из сюжетов, решенных орнаментально, наиболее удачными были головной платок «Изобилие» Т. С. Смирновой с золотисто-солнечным центром и зеленой каймой и платок «Электрификация» с ритмичным, четким рисунком А. А. Смирнова (артель «Художественное знамя», Московская область).

В залах игрушки были выставлены куклы в костюмах разных народов, в том числе в русских костюмах. С большим умением передана скупыми средствами кукольного одеяния специфика национальной одежды. Композиция на сказочные сюжеты, также,

Рис. 9. Кукла-гrelка (артель «Художественная игрушка», Москва)

лиями, выполненными различной техникой. Череповецкая артель «Красный ткач», выросшая на народных традициях широко развитого здесь в прошлом ручного ткачества, выставила великолепные покрывала, салфетки, выполненные ремизной техникой, с геометрическим орнаментом. Митрохинская артель (Московская область) показала образцы жаккардового ткачества со сложным рисунком. Прекрасны были работы Т. Р. Яшкиной и Е. П. Головастова. Особенно обращали на себя внимание шторы «Хоровод» и черный занавес с золотыми треугольниками. Артели «Красный шейник» и «Путь к коммунизму» были представлены шерстяными изделиями. Коврики и покрывала, черно-желтые, красно-зеленые, клетчатые, говорят о высоком мастерстве и вкусе их исполнителей. Содружество художников-профессионалов, таких, как К. И. Бетехтина, с художниками артелей способствовало повышению декоративности изделий промыслов.

Рязанские артели демонстрировали изделия, изготовленные техникой переборного ткачества, где цветной уток создает на салфетках, полотенцах, дорожках красивый и яркий узор.

Развитое с древнейших времен искусство вышивки, кружевоплетения было широко представлено на выставке. Цветная перевить тарусской артели (Калужская область) и яркая вышивка Рязанской области, тончайшие гипюры городецкой артели и золотое шитье Торжка, как и рязанские и вологодские кружева, показали высокое развитие этих промыслов (рис. 8, а, б).

Широко развитый молодой промысел художественной росписи тканей представляли изделия двадцати одной артели. Используя традиции старинной набойки и смело экспериментирующие в области новых сюжетов, мастера росписи представили 150 разнообразных изделий. Наиболее интересны были коричневый занавес Б. И. Уютнова (Бабшинская артель) и шарфы-палантины А. А. Затонской (артель им. Шаумяна в Москве).

Среди тканей, изготовленных способом набойки, лучшими были созданные коллективом текстильной лаборатории НИИПХ'а. Из сюжетов, решенных орнаментально, наиболее удачными были головной платок «Изобилие» Т. С. Смирновой с золотисто-солнечным центром и зеленой каймой и платок «Электрификация» с ритмичным, четким рисунком А. А. Смирнова (артель «Художественное знамя», Московская область).

В залах игрушки были выставлены куклы в костюмах разных народов, в том числе в русских костюмах. С большим умением передана скупыми средствами кукольного одеяния специфика национальной одежды. Композиция на сказочные сюжеты, также,

как «Емеля на печи» или миниатюрная группа «Сказка о золотом петушке», выделялись меткостью психологических характеристик. Множество игрушек на современную тематику и анималистических, ярких и веселых, сделанных с большой выдумкой, еще раз показало, какие возможности таятся в творческом, с печатью индивидуальности мастера труде артелей в этой области, где формируются эстетические потребности будущих граждан нашей страны. Очень выразительны были куклы-грелки, которыми декорировался ряд залов выставки (рис. 9).

Хорошее оформление выставки художником А. Н. Побединским, учитывающее тематическое своеобразие каждого зала, создавало вместе с тем впечатление общей художественной цельности. Показ на выставке изделий художественных училищ, приведение цифр, характеризующих историю развития и современное состояние промыслов, выставка книг по художественной промышленности — способствовали углублению интереса к народному декоративному искусству. В этом отношении полезна была и продажа подготовленной к выставке литературы и изделий промыслов. В отличие от предыдущих выставок на смотре-выставке 1960 г. работали мастера, знакомившие посетителей со своим искусством. Возле Н. Е. Лёвина и Н. Н. Бадаева, вырезавших игрушки, Н. А. Денисовой и А. П. Савиной, расписывавших хохломскую посуду, супругов Кулгавовых, разрисовывавших федоскинские шкатулки, и других постоянно толпились посетители, желавшие увидеть процесс рождения изделий.

Действенность выставки в области пропаганды народного декоративного искусства увеличивалась показом интерьеров и демонстрацией образцов одежды. Интерьеры были с большим вкусом украшены изделиями промыслов. В зале демонстрации одежды показывали современные по покрою мужские, женские, детские костюмы, украшенные народным орнаментом или изготовленные из тканей, вырабатываемых промысловыми артелями.

К сожалению, из-за межведомственной недоговоренности, выставка экспонировала лишь изделия промыслов, объединенных Роспромсоветом. Промыслы, входящие в Художественный фонд, не представили своих изделий. Не демонстрировались и изделия большого числа промыслов, остающихся в ведении местной промышленности.

Несмотря на эти пробелы, выставка отразила расцвет народных промыслов на новом этапе их развития, показала их органическую связь с современностью и плодотворность совместной творческой работы художников и искусствоведов с мастерами народных промыслов.

С. Б. Рождественская

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ ЮКАГИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

7 октября 1960 г. состоялось заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, на котором был заслушан отчет об экспедиции к одному из малых народов Советского Севера — юкагирам. В зале заседаний была устроена выставка фотографий и предметов материальной культуры юкагиров.

Экспедиция к юкагирам, организованная Институтом этнографии АН СССР и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (ЯФАН), работала летом 1959 г. в Нижне-Колымском, Аллайховском и Верхне-Колымском районах Якутской АССР и Среднеканском районе Магаданской области. От Института этнографии в экспедиции принимали участие И. С. Гурвич, который занимался сбором этнографических сведений и исполнял обязанности научного руководителя экспедиции и И. М. Золотарева, проводившая антропологические исследования юкагиров и других соседних с ними групп коренного населения.

В состав экспедиции входили также: сотрудник Института языкознания АН СССР Ю. А. Крейнович, научные сотрудники ЯФАН — фольклорист А. Н. Лаптев, языковед В. Д. Лебедев, историк К. И. Горохов, археолог С. А. Федосеева, искусствовед М. Я. Жорнищак. Начальником экспедиции был директор Института языка, литературы и истории ЯФАН З. В. Гоголев. В задачи экспедиции входило изучение материальной и духовной культуры юкагиров, их языка и физического типа, происходящих в районах обитания юкагиров этнических процессов, а также сбор материалов по современному положению коренного населения.

Открывая заседание Ученого совета, заместитель директора Института этнографии М. Г. Левин отметил слабую изученность юкагиров в антропологическом и этнографическом отношениях и то огромное значение, какое имеет юкагирская проблема в решении вопросов происхождения народов Северной Сибири.

И. С. Гурвич в своем докладе охарактеризовал результаты работы этнографического отряда. Он отметил, что сбор этнографического материала проводился не только среди населения, сохранившего юкагирский язык, но и среди тех групп, которые, хотя и не говорят сейчас по-юкагирски, но, как предполагается, унаследовали ряд элементов культуры древних юкагиров. Были обследованы группы нижнеколымских тундровых юка-

гиров, эвенов и чукчей, слившиеся с эвенами, аллайховские юкагиры, а также русское старожильское население бассейна р. Индигирки, воспринявшее отдельные черты хозяйства и культуры оседлых речных юкагиров. Докладчик сообщил ряд интересных выводов, касающихся древних форм хозяйства и быта юкагиров, современных этнических процессов в бассейнах рек Колымы и Индигирки, а также современного состояния хозяйства и культуры коренного населения обследованных районов. В заключение своего доклада И. С. Гурвич продемонстрировал магнитофонную запись юкагирских, эвенских и чукотских мелодий.

И. М. Золотарева изложила результаты работы антропологической части Юкагирской экспедиции. Она отметила, что об антропологическом типе юкагиров до сих пор в науке имеется довольно смутное представление, поэтому проводимые исследования имеют большое научное значение. Кроме юкагиров, летом 1959 г. ею были обследованы также соседние группы чукчей, эвенов, якутов и русских старожилов. Помимо антропометрических измерений, проводился сбор материала по группам крови. И. М. Золотарева отметила, что обработка собранного антропологического материала носит еще очень предварительный характер; однако можно уже с уверенностью сказать, что антропологический тип юкагиров принадлежит к кругу вариантов байкальского антропологического типа.

Выступивший затем З. В. Гоголев сообщил, что, несмотря на огромные перемены, происшедшие в жизни народностей Якутии после Октябрьской социалистической революции, этим народностям и в настоящее время приходится преодолевать известные трудности. Советская наука, сказал З. В. Гоголев, должна помочь юкагирам, чукчам, эвенам, эвенкам и якутам в строительстве нового коммунистического общества. В связи с этим Якутский обком КПСС, Совет Министров ЯАССР и ЯФАН придают большое значение изучению народностей Якутии. В результате и была организована данная комплексная экспедиция к юкагирам. В будущем предполагается организация комплексной экспедиции к эвенам. З. В. Гоголев обратился к Ученому совету с просьбой высказаться, целесообразна ли организация подобных экспедиций, а также просил Институт этнографии принять участие в трехтомном издании Трудов Юкагирской экспедиции 1959 г. В заключение З. В. Гоголев от имени президиума ЯФАН и дирекции Института языка, литературы и истории выразил благодарность Институту этнографии за помощь в изучении народностей Якутской АССР.

Б. О. Долгих (Ин-т этнографии) в своем выступлении указал на ценность собранных Юкагирской экспедицией материалов, которые, очевидно, помогут разрешить многие вопросы, связанные с юкагирской проблемой. Эти материалы, заметил Б. О. Долгих, дают, в частности, возможность сравнить культуру древних юкагиров и некоторых других народов Севера — иганасан, ненцев, эскимосов — и позволяют по-новому поставить проблему циркумполярной культуры, которая, вероятно, была не культурой охотников на морского зверя, а культурой охотников на дикого северного оленя.

Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии) указал на необходимость продолжения комплексных исследований коренного населения Якутской АССР и выразил при этом два пожелания. Первое — обратить особое внимание на собирание музыкального фольклора, для чего связаться с сотрудниками Консерватории. Второе — проводить антропологические исследования как часть широких медико-санитарных работ, направленных на улучшение физического развития различных возрастных, территориальных и профессиональных групп населения.

П. Е. Терлецкий (Ин-т этнографии) отметил интерес, который представляет так называемая юкагирская проблема, и значение, которое имеют в связи с этим собранные настоящей экспедицией материалы.

В заключительном слове И. С. Гурвич ответил на ряд вопросов. М. Г. Левин огласил резолюцию заседания Ученого совета, в которой была отмечены ценная и своевременная инициатива Института языка, литературы и истории ЯФАН по организации комплексной Юкагирской экспедиции, ценность собранных материалов, необходимость совместного издания Трудов этой экспедиции и выражено пожелание продолжать совместную работу и организовать комплексную экспедицию по изучению эвенов.

Т. В. Лукьянченко

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДНЕВНИКИ Л.-Г. МОРГАНА¹

В рецензируемой монографии впервые публикуются полевые дневники классика американской этнографии Льюиса Генри Моргана. Они содержат записи многосторонних наблюдений ученого, ведшихся им во время его четырех экспедиционных поездок — 1859, 1860, 1861 и 1862 гг. к индейским племенам, расселенным тогда на широком пространстве американских прерий к западу от р. Миссисипи.

Кропотливый труд по изучению и подготовке к печати этих дневников проделал известный последователь учения Моргана и его биограф, профессор Мичиганского университета Л. Уайт. Это не первая публикация Уайтом архивов Моргана. Собирая материалы для подробной биографии своего учителя, защищая его учение от искажений и предвзятой критики со стороны представителей американской школы исторической этнографии, Уайт уже в течение нескольких лет занимается изучением его архивов. В 1937 г. он опубликовал дневники путешествий Моргана по Европе². В 1940 г. им публикуется переписка Моргана с А. Банделье, известным историком и этнографом США, который был последователем и личным другом Моргана³. В 1942 г. выходят в свет дневники путешествия Моргана в 1878 г. в Колорадо и Новую Мексику⁴.

В рецензируемой публикации материалу дневников Моргана Л. Уайт предпосылает три вводные главы. Первая глава (стр. 3—12) содержит краткую биографию Л.-Г. Моргана и характеристику его научной деятельности. Чтобы показать историческое значение созданного Морганом учения о первобытности, Уайт цитирует слова Энгельса: «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом...» (стр. 21)⁵.

Вторая глава (стр. 13—20) знакомит читателя с исторической обстановкой в посещенных Морганом районах северо-американского материка в период его путешествий. Материалы ее ярко рисуют картину бедствий, которые принесла индейцам капиталистическая колонизация их земель, сопровождавшаяся «очисткой» этих земель от ее насельников. Политику обмана и ограбления индейцев представителями властей на местах и меховыми компаниями Уайт наглядно иллюстрирует весьма красноречивыми выдержками из официальных документов того времени: отчетов правительству так называемых комиссаров по индейским делам, донесений правительственных агентов в резервациях, выступлений секретаря по внутренним делам США. С иронией он подчеркивает, что во всех этих документах захват индейских земель изображался как «благо» (!) для индейцев.

В третьей главе (стр. 21—23) Уайт убедительно показывает, что материалы дневников Моргана не потеряли своего научного значения и в свете современных знаний по этнографии индейских племен, самому же Моргану они дали фактическую основу для его замечательных открытий.

* * *

В первое и второе (1859, 1860) путешествия Морган побывал в Канзасе и Небраске, которые в составе Луизианы были в 1803 г. куплены правительством США у Франции, в 1854 г. оформлены как «территории», и лишь в 1861 г. получили статус штатов. Еще в

¹ «Lewis Henry Morgan. The Indian Journals, 1859—1862», L. White (ed.), Ann. Arbor, 1959, 229 стр.

² «Extracts from the European travel Journal of Lewis Henry Morgan». L. White (ed.), «Rochester Historical Society Publications», XVI, 1937.

³ «Pioneers in American anthropology: the Bandelier-Morgan letters, 1873—1883», 2 vols., Albuquerque, 1940.

⁴ «The Lewis Henry Morgan's Journal of trip to Southern Colorado and New Mexico, 1878», «American Antiquity», т. 8, 1942.

⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, Предисловие к первому изданию, стр. 3.

1830-х годах эти земли считались неудобной для расселения белых «пустыней», страной кочевых племен — охотников на бизонов. В 1830—1840-х годах туда же были перемещены жившие к востоку от Миссисипи индейцы, земли которых понадобились белым.

Дневники этих путешествий Моргана содержат этнографические материалы как о племенах, издавна населявших эти территории (канза, оседж, пауни, ото, омаха, сну и др.), так и о перемещенных туда племенах (делававах, кикапу, потоватоми, ваяндотах, шаунах и др.), которых Морган называет «эмигрантами». В дневниках содержится также много сведений, свидетельствующих о начале капиталистической колонизации этих земель: передовые отряды этой колонизации — скупщики пушнины, торговцы, миссионеры, солдаты — действовали в этих районах с присущей колонизаторам жестокостью.

Третье путешествие (1861 г.) Морган совершил по рекам Миссисипи и Миннезоте на север до р. Красной, где конечным пунктом его путешествия был порт Гарди на юге Канады. В дневниках этого путешествия записаны разнообразные сведения по этнографии ассинибоев, кри, черноногих, миннетари, ачина, кроу, дакота, кучина и др.

Наиболее интересным и продолжительным было четвертое путешествие (1862 г.) по Миссисипи и затем по Миссури от ее устья до верховий у подножий Скалистых гор. За это путешествие Морган собрал богатые этнографические материалы о множестве индейских племен американских прерий (черноногие, манданы, кроу, дакота и др.), а также о шошонах и индейцах Северо-Западного побережья.

Таким образом, охват племен, о которых имеются сведения в дневниках четырех путешествий Моргана, необычайно широк.

* * *

Главной целью этнографических поездок Моргана было изучение систем родства и социального устройства у различных индейских племен. Опубликовав в 1851 г. свою первую монографию «Лига ирокезов» и открыв у ирокезов оригинальный счет родства, названный им позднее «классификационным», Морган заинтересовался распространенностью этой системы у других племен. Собранные им полевые материалы позволили Моргану установить всеобщность ее у индейцев Сезерной Америки. Вместе с этим Морган, собирая сведения о родовых делениях индейцев, фактически открыл родовую организацию у множества индейских племен и на основании собранных в поле данных сделал важнейшее для науки заключение, что род был некогда всеобщей формой общественного устройства североамериканских индейцев.

Сообщения об отсутствии рода у ряда племен Морган справедливо объясняет утратой родовых делений вследствие колонизации, насильственных переселений, поселения индейцев в резервациях и вмешательства в их жизнь белых торговцев, миссионеров, агентов. Приводимые материалы свидетельствуют о том, что родовая организация у всех племен прерий, как и у ирокезов, была уже в то время в состоянии распада.

Открытие родовой организации как первоначальной формы общественного устройства американских индейцев послужило основой учения Моргана о первобытности. Оценивая это открытие, Ф. Энгельс писал, что Морган «в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»⁶.

На основании собранного в поле материала Морган делает третье важнейшее открытие об обусловленности систем родства социальной организацией народа. К. Маркс и Ф. Энгельс чрезвычайно высоко оценивали и это открытие Моргана, сравнивая значимость его для изучения первобытности с открытиями Кюве для палеонтологий.

Собранные во время четырех путешествий этнографические материалы дали фактическую основу для монументальных исследований Моргана: «Системы родства и свойства» (1871) и «Древнее общество» (1877), в которых изложены его важнейшие открытия, позволившие ему впервые внести определенную систему в представления о древнейшем прошлом человечества. Эти труды Моргана, как известно, послужили главным источником, положенным Энгельсом в основу его классического произведения по истории первобытности «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

После смерти Моргана его учение о первобытности было отвергнуто на его родине представителями так называемой исторической школы в американской этнографии. Эти последние и по сей день пытаются опровергнуть вывод Моргана о всеобщности родового строя в истории американских аборигенов и тем самым подорвать доверие ко всему его учению в целом. В полемике с Морганом они пытались дискредитировать и собранный им фактический материал. В связи с этим рецензируемая публикация этнографических дневников Моргана приобретает особое значение. Она показывает всю беспочвенность выдвигавшихся против Моргана обвинений.

Поразительное богатство фактического материала в дневниках Моргана, глубина его наблюдений красноречиво показывают голословность обвинений Моргана в схематизме, в необоснованности его выводов конкретными («эмпирическими») фактами. Весьма характерен в этой связи случай с изучением племени воронов (кроу). Во время своих пу-

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, Предисловие к первому изданию, стр. 4.

тестствий Морган открыл у них материнско-родовую организацию. Р. Лоуи, занявшийся изучением этого племени с начала XX в., пытался опровергнуть это открытие Морган. Однако в 1936 г. Лоуи уже вынужден был признать, что «открытие Морган, в котором долгое время сомневались, подтвердилось последующим изучением»⁷. И это уже не единственный теперь пример признания справедливости выводов Морган.

«Дневники» полностью опровергают распространенное до сих пор среди американских этнографов мнение, созданное его идеологическими противниками, будто Морган лишь подбирал факты к изобретенным им схемам. Сама хронология публикации работ Морган показывает беспочвенность этого обвинения. Собранные Морганом в 1859—1860 гг. этнографические материалы послужили главной основой для выводов, изложенных в его трудах: «Системы родства и свойства» (1871) и «Древнее общество» (1877). До указанных этнографических поездок у Морган не было еще определенно сложившейся концепции о родовом строе. Лишь конкретные факты, которые он собирал и из года в год уточнял не только непосредственной работой в поле, но и посредством переписки со многими из своих информаторов, послужили тем фундаментом, на котором он построил свое сделавшее эпоху учение о первобытности.

Выясняя родовое деление индейских племен, Морган записывал также сведения о формах родового самоуправления, о порядке замещения места родовых вождей, о родовых советах у различных индейских племен. В дневниках содержится также много сведений о формах брака и семьи. Он отмечает при этом широкую распространенность институтов сородата и левирата.

Дневники содержат много записей о религиозных представлениях различных индейских племен, их обрядах и плясках; описания многих из них, данные Морганом, были сделаны в науке впервые. Морган устанавливает интересный факт широкого распространения воздушного погребения не только у племен, перемещенных из лесной восточной части США, но и у таких считающихся типично степными племен, как вороны, черноногие, арапахи, племена сиу и др., отмечая при этом, что у всех племен воздушное погребение сосуществует с другими формами трупоположения.

На страницах дневников Морган неоднократно поднимает вопрос о происхождении и расселении индейских племен. Уже тогда он был убежден в их азиатском происхождении и считал, что Северо-Западное побережье с его изобилием природных богатств было местом первого поселения прибывших на американский материк людей, и уже отсюда они расселились по всему матерiku.

В связи с записями терминологий родства Морган собрал значительный материал о языках различных индейских племен. Большинство высказанных им предположений о родстве языков алгонкинов и атапасков, омаха и канза, кроу и миннетари и т. д. подтвердилось начавшимися позднее лингвистическими исследованиями этих племен. Как известно, первая лингвистическая классификация индейцев Северной Америки была составлена Пауэллом лишь в 1891 г.

Значительное место в дневниках Морган занимают описания природы и естественных богатств посещенных им мест. Он видел еще большие стада бизонов, истребленных через двадцать лет белыми охотниками за кожами. Он описывает стада оленей, изобилие рыбы в реках и озерах. Все это интересовало Морган в связи с выяснением форм хозяйства индейцев различных частей материка.

Дневники Морган — это своего рода научная лаборатория, позволяющая судить о методах работы и направлении мысли ученого. Из их содержания перед нами встает образ ученого-гуманиста. Его глубоко волновали бедствия индейского народа, очевидцем которых он был, особенно наблюдая жизнь племен «эмигрантов». Жизнь в Канзасе и Небраске для этих племен была лишь промежуточным этапом на пути их перемещения с востока на запад, в Оклахому, куда их погнали в 1870-х годах, так как отведенные им земли в Канзасе и Небраске понадобились наступающей на запад колонизации.

Жизнь «эмигрантов» в Канзасе и Небраске на протяжении почти сорока лет характеризуется непрерывной урезкой и захватом «белыми» отведенных индейцам резервационных земель, ограблением их купцами, миссионерами и другими представителями наступающего на них капитализма.

Морган глубоко возмущала политика правительства США, направленная на экспроприацию индейских земель и поддерживающая купеческие компании в грабеже индейцев. Ко времени его путешествий уже было открыто, что земли Канзаса и Небраски не «пустыня», а плодородные земли, и Морган видел, как «белые всеми способами стремятся очистить эти земли от индейцев» (стр. 28).

Экспроприация индейских земель маскировалась «заботой» правительства США об индейцах. Общинное землевладение выставлялось как причина всех бед индейцев. Всеми правдами и неправдами обосновывалась необходимость раздела резервационного общинного фонда земель на семейные участки. В результате же межевания большая часть индейских земель всегда оказывалась «излишней», и «излишки» за бесценок переходили в руки белых. В этом дележе индейских земель на индивидуальные участки Морган справедливо видел опасность дальнейшего ограбления индейцев. Что эти опасения были не беспочвенны, показывают приводимые Морганом факты захвата белыми инди-

⁷ R. Lowie, Lewis Henry Morgan in historical perspective, «Essays in Anthropology presented to A. Z. Kroeber», Berkeley, 1936, стр. 169.

видуальных индейских участков путем обмана, спаивания индейцев и угроз. Они подтвердились и дальнейшей историей обезземеливания индейцев, продолжающейся до наших дней.

Морган сообщает о вопиющих фактах преступной деятельности правительственных агентов в резервациях, назначаемых туда якобы для защиты индейцев, а фактически разбазаривавших индейские земли, обманывавших и всячески обиравших индейцев. Эти агенты действовали рука об руку с миссионерами, торговцами и другими грабителями, устремлявшимися на запад от Миссисипи, в край, считавшийся страной легкой наживы.

В дневниках приведено много фактов, говорящих о глубоком трагизме и гибельности для тысяч индейцев скачка, который они вынуждены были совершить от первоначально-общинных отношений к волчьим законам капиталистического общества. Однако Морган верил, что индейцы оправятся от наносимых им сокрушительных ударов «белой цивилизации» и встанут на свою защиту, что правительство США прислушается к их требованиям и изменит свою политику в отношении индейцев (стр. 38).

Но, как показала история, Морган ошибся. Он не предвидел, что колонизаторы не только не прислушаются к требованиям индейцев, но двинут против них войска. огнем и мечом, а также преднамеренным распространением заразных болезней и алкоголизма будут уничтожать тысячи индейцев, посмевших защищаться, что лозунгом дня станет изречение: «Хорош только мертвый индеец». А возмущавшая Моргана система агентств в индейских резервациях, которую он называл «позорной той аморальностью и бесчестностью, с которой она осуществляется» (стр. 138), просуществовал до наших дней.

Большие надежды возлагал Морган на индейских метисов как защитников прав индейцев, численность которых уже тогда была настолько значительной, что правительство предприняло даже попытку отвести специальную резервацию для метисного населения. Среди метисов Морган встречал образованных и предприимчивых людей, многих из них волновала судьба их соплеменников. Он описывает, например, свои встречи с метисом из племени потаватоми Джоном Текумсе Джонсом, который развивал мысль о необходимости объединения разбросанных остатков индейских племен на одной самоуправляющейся территории. Мало веря в такую возможность, Морган, в свою очередь, высказывая мысль о необходимости созыва совещания передовой части индейцев и возлагал на него большие надежды: «Возможно, что в пределах одного-двух лет,— писал он,— мы будем свидетелями этого съезда. Он будет иметь огромные последствия. Наш народ будет поражен той силой способностей, опыта и мудрости, которые сумеют собрать воедино эти надломленные и разбросанные племена» (стр. 38).

Однако мечта Моргана о созыве представительного совещания индейцев лишь отчасти сбылась только через сто с лишним лет — летом 1959 г. — в форме совещания представителей индейцев различных частей США и Канады, состоявшегося в резервации семинолов во Флориде. На этом совещании вновь прозвучала идея о необходимости территориального объединения индейцев⁸.

Хотя путешествия Моргана предпринимались в период гражданской войны, в его дневниках эти события не нашли отражения. Обстановка на посещенных им территориях представляется из дневников более или менее мирной, почти нет упоминаний о вооруженных столкновениях между индейцами и белыми колонизаторами; колонизация, беззакония против индейцев и захват их земель осуществлялись в то время в основном без применения оружия. Однако в последующие десятилетия, особенно после окончания гражданской войны, положение индейцев во много раз ухудшилось, методы колонизации их земель стали еще более жестокими. Восстания индейцев, поднявшихся на свою защиту, были потоплены в море крови, и к концу XIX в. силы индейских племен были окончательно надломлены.

Как видим, содержание дневников Моргана не потеряло своей актуальности и научного значения и по сегодняшний день. Собранные им материалы и сделанные из них выводы по существу заложили фундамент этнографического изучения индейских племен, расселявшихся тогда на огромном пространстве к западу от Миссисипи до Скалистых гор.

Публикация «Дневников» профессором Л. Уайтом является, несомненно, большим вкладом в современную американистику. Необходимо отметить огромную ценность сделанных им обширных комментариев, в которых показано значение сообщений и записей Моргана в свете современных знаний по истории и этнографии Северной Америки.

Текст дневников сопровождается хорошо подобранным иллюстративным материалом: портретами людей, с которыми встречался Морган во время своих путешествий, видами мест и городов, где побывал Морган; зарисовками из жизни индейцев видных этнографов-художников — Дж. Катлина, Бодмера и др., снимками и иллюстрациями путешественников и журналистов того времени.

Ю. Аверкиева

⁸ См. Ю. П. Аверкиева, Важные события в жизни индейцев Америки, «Сов. этнография», 1959, № 2, стр. 158—160.

НАРОДЫ СССР

Б. Н. Путилов. *Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.* М.—Л., 1960, 300 стр.

Монография Б. Н. Путилова объединяет ряд его исследовательских работ, посвященных русскому эпосу. Ее появление было бы невозможно без первоначального, весьма тщательного анализа сюжетов и вариантов русских былин, исторических песен и баллад. Только на основе учета и сравнения всех имеющихся публикаций и наиболее ценной части архивных материалов стало возможным установление подлинного состава старших исторических песен, верное истолкование смысла и направленности каждой из них, что занимает большую часть книги.

Основная ценность монографии — в утверждении во многом новой методики исследования фольклорных произведений, плодотворность которой доказывается рядом выводов и наблюдений Б. Н. Путилова. Не столько исходными положениями, сколько самим анализом каждого текста доказывается научная несостоятельность так называемого «цитатного метода» аргументации, очень часто применявшегося нашими фольклористами, который нашел выражение и в некоторых главах об исторической песне «Очерков по истории русского народно-поэтического творчества»¹. Пользуясь произвольно подобранными цитатами из разных вариантов, не соотнося их с общим характером произведения, не учитывая различий между отдельными версиями, исследователи, естественно, зачастую приходили к разному в конечных выводах и не достигали подлинного историзма.

Введение в рецензируемой книге содержит четкую постановку задачи исследования. Замысел книги и ее направленность отражают наметившееся в современной фольклористике движение к более углубленному исследованию истории народного искусства через историю его отдельных жанров. Автор стремится проследить зарождение и формирование исторической песни. Вопрос этот неоднократно поднимался за последние годы, но и поныне остается спорным². В вводной главе автор излагает свои взгляды на отношение исторической песни к действительности и дает определение жанра.

Остальные главы содержат анализ песенных сюжетов; автор старается установить не только время зарождения той или иной песни, ее соотношение с эпохой и идейную направленность, но и проследить формирование эстетических принципов жанра, что является одним из достоинств монографии. Автор рассматривает формы преемственности жанров исторической песни и былины («Кастрюк»); связи старших исторических песен со сказочными мотивами («Авдотья-Рязаночка») и с образами свадебной поэзии (песни о девушках-полонянках); наконец, зарождение новых композиционных принципов и героических образов («Взятие Казани», песни о Ермаке). Внимание к песенному сюжету как к идейно-художественному целому, которое характерно для методики Б. Н. Путилова, приводит к доказательному и смелому пересмотру многих общепринятых положений.

В результате своих исследований автор пришел к убеждению, что в момент своего создания историческая песня говорит о политических событиях современности и никак не может уподобляться произведениям литературы на исторические темы (Введение, стр. 9). Такой вывод, отметим, подтверждается и анализом значительно более позднего материала: исторические песни XIX в. обычно записаны либо в тот самый момент, когда происходило отразившееся в них событие, либо через очень небольшой промежуток времени после этих событий (песни о Платове, о взятии Эрзерума Паскевичем, о хивинском походе Перовского).

В рецензируемой книге много свежих и тонких наблюдений, автором привлечены новые или недооцененные прежде факты. Справедливым представляется утверждение автора, что в древней Руси отсутствовали формы песенной исторической поэзии (стр. 87), к которому он приходит путем тщательного анализа «слав», колядок, преданий. Интересно в гл. II сопоставление сюжета «Авдотьи-Рязаночки» с античными мифами и литературными памятниками, проясняющее генезис некоторых образов. Рассматривая в гл. III песни о татарском полоне, Б. Н. Путилов раскрывает их неоднородность и элементы нового художественного качества: связь индивидуализации образа и историзма мышления, движение от эпической условности к психологической правде. Проблема соотношения исторического факта и поэтического вымысла является центральной в последующих главах и решается на большом конкретном материале. Песня неизменно рассматривается автором прежде всего как явление словесного искусства, а не только

¹ См.: Э. С. Литвин, Военно-историческая народная поэзия второй половины XVIII века, «Очерки по истории русского народно-поэтического творчества», т. II, кн. I, стр. 206—227; А. Н. Лозанова, Историческая песня, там же, т. II, кн. 2, стр. 299—318 и ряд других работ.

² См., например, вступительную статью Л. С. Шептаева к сборнику «Исторические песни» («Библиотека поэта», 1951); вступительную статью В. И. Чичерова к сборнику «Историческая песня» («Библиотека поэта», 1956); автореферат кандидатской диссертации Л. И. Емельянова «Отражение исторической действительности в фольклоре. Русские исторические песни XIV—XVI вв.»

как исторический источник. Автор высказывает также ряд убедительных соображений о художественном назначении циклизации исторических песен, о незавершенности образов в изолированном от цикла отдельном песенном сюжете.

Можно отметить, однако, что не все положения автора рецензируемой книги достаточно тщательно аргументированы. Встречаются выводы и утверждения чрезмерно категоричные, сформулированные слишком прямолинейно. Так, им отвергается всякое родство между народной исторической прозой и народной исторической поэзией. Если Б. Н. Путилов утверждает, что песни не перелагались из преданий, а складывались на почве самой действительности, то это еще не основание «отвергать с порога» все возможные формы взаимосвязи жанров. Нельзя же отрицать того факта, что песни могли превращаться в историческую прозу, как превратилась былина об Илье Муромце в белорусскую сказку или песня о Платове-казаче в прозаическую легенду (запись Сержпутовского, публикация 1926 г.). Общеизвестны и случаи былинной обработки сказочных сюжетов.

По сравнению с другими главами, где исследователь оперирует подлинным фольклорным материалом, во многом гипотетичной (что признает и сам автор) и не всегда убедительной кажется гл. II, где реконструируется предполагаемый «язанский цикл». Невозможно доказать, что эпическое произведение о Евпатии Коловрате не былина, а историческая песня. Нет пока достаточных оснований и для того, чтобы признать существование именно исторической песни, посвященной Олегу Красному, а не каких-то других фольклорных отголосков, связанных с этим именем. Полемизируя с историками древнерусской литературы, находящими исторические песни в летописях, Б. Н. Путилов справедливо ссылается на отсутствие следов этих песен в живой фольклорной традиции (стр. 38). Однако этот упрек возвращается к нему самому, когда речь идет о существовании целого «язанского цикла». Почему же устная традиция, так великолепно сохранившая «Авдотью-Рязаночку», не донесла хотя бы в отрывках или переработках песен о Евпатии Коловрате и Олеге Красном?

Не всегда можно согласиться с выводами автора по поводу отдельных сюжетов, например, признать песню об осаде Пскова Стефаном Баторием столь художественно несовершенной, подражательной и схематичной, как считает Б. Н. Путилов (стр. 190). И песня об осаде Пскова, и песня о взятии Казани, и другие образцы ранней военно-исторической поэзии, не обладая масштабностью и эпической детализацией былин, отличаются зато драматической напряженностью сюжета, более ярко выявленной эмоциональностью. Сомнительно утверждение, что песня о взятии Ермаком Сибири не могла сложиться позже XVI в.; сам Б. Н. Путилов считает ее возникновение обусловленным известным отходом от событий (стр. 262). И данная песня, и некоторые другие, более поздние, скорее всего являются произведениями «вторичного происхождения», в основе которых лежат уже успевшие стать традиционными образы и ситуации песен более ранних, непосредственно связанных с действительностью.

Высказанные здесь критические замечания относятся к частностям в монографии Б. Н. Путилова. Общий же характер его работы представляется очень плодотворным. Особенно следует отметить внимание к эстетической природе жанра, умение заново прочесть давно известные песенные сюжеты, тщательность текстологического анализа, предшествующего исследованию каждой песни. Несомненно, что настало время для углубленного исторического изучения и других видов русского фольклора.

Э. Литвин

Г. Ю. Герби́льський. *Передова суспільна думка в Галичині (30-і — середина 40-х років XIX століття)*. Львів, 1959, 160 стр.

В истории этнографических знаний до настоящего времени остается малонизученным развитие науки в Галиции и Угорской Руси. Книга Г. Ю. Герби́льського «Передовая общественная мысль в Галичине» в некоторой степени восполняет этот пробел. Она освещает период национального возрождения, с которым, естественно, было связано пробуждение интереса у передовых кругов общества к этнографии и фольклору. Важным является то, что работа знакомит нас, в частности, с деятельностью идеологов национального возрождения Галичины 30—40-х годов XIX в., известных собирателей фольклора и этнографических материалов — М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого.

В еще недостаточно исследованной истории славянского национального возрождения в Юго-Восточной Европе один из наименее изученных участков — славянское национальное возрождение в Галичине. Между тем, для 30—40-х годов XIX в. характерно проявление горячего интереса местных культурных деятелей к истории, этнографии и фольклору родного края. Рецензируемая книга содержит материал, характеризующий период перед революцией 1848 года.

После раздела Польши в 1772 г. Галиция, как известно, стала частью австрийской империи Габсбургов. На территории Галиции искусственно было создано королевство

Галиции и Лодомерии, объединявшее западную Галицию, населенную поляками, и восточную Галицию, в которой помещики и администрация были польскими, а галичане — основное население — были потомками древнерусской народности, сохранившими несколько наречий родного языка. По численности они составляли две трети населения всего королевства. Двенадцать округов, населенных ими, и назывались Галичиной.

Останавливаясь на невыносимом положении галицких крестьян, автор приводит данные о многочисленных крестьянских восстаниях, которые жестоко подавлялись с помощью военной силы. Он также касается мануфактур, первых фабрик, развития ремесла.

Отдельная глава (стр. 24—28) отведена просвещению в Галичине и роли интеллигенции. Говоря о студентах Львовского университета, автор подчеркивает, что большинство слушателей богословского и философского факультетов были воспитанниками Львовской духовной семинарии, и именно в этой среде учащихся, чрезвычайно бедных, которые должны были в дальнейшем стать сельскими священниками, особенно сильны были передовые идеи. Эта молодежь и составила ядро передовой интеллигенции Галичины 30—40-х годов XIX в. Из их среды вышла так называемая Русская троица: М. С. Шашкевич, И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий, которые оставили обширный фольклорно-этнографический материал, а также и исследования. Г. Ю. Гербицкий подчеркивает огромное значение развития науки и культуры в России на формирование передовой общественной мысли в Галичине.

Параллельно с галицкой прогрессивной интеллигенцией развивали активную деятельность и польские демократические организации. Во второй половине 1840-х годов в Галичине вели революционную пропаганду польские демократы Эдвард Дембовский и Юлиан Гослар.

К реакционному лагерю принадлежали приверженцы феодально-крепостнического порядка, защитники австрийского абсолютизма, прежде всего верхушка униатского духовенства во главе с митрополитом Михаилом Левицким, который жестоко преследовал слушателей униатской духовной семинарии за их прогрессивные взгляды.

Останавливаясь на роли Ставропигийского института¹ в рассматриваемый период, автор называет его «своего рода придатком к австрийским государственным органам в Галичине» (стр. 30).

Основное место в книге отведено деятельности Русской троицы. В начале 1830-х годов три студента Львовского университета (одновременно они оставались воспитанниками Львовской семинарии): Маркиан Семенович Шашкевич (1811—1843), Иван Ниголаевич Вагилевич (1811—1866) и Яков Федорович Головацкий (1814—1888) основали кружок, просуществовавший до смерти М. С. Шашкевича. Трех друзей объединяли общие воззрения на судьбы родного края, любовь к родной истории, этнографии и фольклору. Друзья избрали литературные псевдонимы: Руслан (Шашкевич), Далибор (Вагилевич) и Ярослав (Головацкий). Любопытно, что митрополит Левицкий, считая имя Руслан видоизмененным Russland, Россия, ставил выбор этого псевдонима в особую вину Шашкевичу (стр. 46). Автор дает характеристику их просветительской деятельности, особо останавливаясь на том вкладе, который они сделали в этнографическое исследование Галичины. По словам Я. Ф. Головацкого, «решено было, что нужно идти между народ, исследовать на месте, собирать из его собственных уст песни... учиться у него его мудрости»². Я. Ф. Головацкий совершил несколько путешествий по Галичине, записывая песни, пословицы и поговорки и, несмотря на научные этнографические цели этих путешествий, едва избежал ареста. Побывав в Прикарпатье и в Закарпатье, он собрал огромное количество песен и дум, которые были изданы лишь в 1863 г.³ Это издание является до настоящего времени важнейшим источником изучения фольклора и этнографии Галицкой и Угорской Руси. Большое значение имеет и труд Я. Ф. Головацкого «Великая Хорватия»⁴, содержащий ценный историко-этнографический материал.

В начале 1830-х годов И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий прошли пешком на запад от Львова до Сандомира, изучая быт и говор галицкого населения. И. Н. Вагилевич совершил также несколько самостоятельных этнографических поездок по Галичине. Он ставил своей целью также пробуждать самосознание народа; вскоре он был арестован и отдан на попечение отцу, «чтобы не шатался по деревням и не возмущал на-

¹ Ставропигийское братство, или Ставропигион, возникло во Львове в XVI в. и было центром сопротивления полонизации Галичины, проводившейся польскими панями. В конце XVIII в. братство было преобразовано в Ставропигийский институт. Типографию Ставропигийского института основал русский первопечатник Иван Федоров.

² Я. Ф. Головацкий, Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче, «Литературный сборник, издаваемый галицко-русскою матицею», Львов, 1885, стр. 22.

³ См.: «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким», М., 1878, ч. 1—3.

⁴ Я. Ф. Головацкий, Великая Хорватия, или Галицко-карпатская Русь, «Москвитинин», 1841, ч. VI, № 11—12, стр. 213—232, 457—467.

род»⁵. М. С. Шашкевич также собирал народные песни и думы Галичины. Следует отметить, что все трое известны еще и как галицкие литераторы⁶.

Первым их печатным трудом был научно-литературный сборник «Зоря». Он должен был открываться портретом Богдана Хмельницкого и содержать народные песни и думы, стихи и статьи. «Зоря» была запрещена австрийской цензурой. Не пропустила цензура и следующего сборника «Русалка Днестровая». В сборниках не содержалось прямых революционных выступлений, но сам факт выхода в свет галицко-русского издания на народном языке, воскрешавшем древнерусские традиции Галичины, вызывал опасения габсбургского правительства. На членов Русской троицы посылались репрессии, причем их обвиняли в связях с русскими учеными, в нарушении дисциплины и грозили исключить из семинарии, что означало в тех условиях остаться без куска хлеба. Однако просветители продолжали свои исследования. Опубликовать их пришлось значительно позже. Сборник «Русалка Днестровая» Головацкому удалось издать впоследствии в Будапеште в 1837 г., и часть тиража все же попала в Галичину. Еще один сборник — «Венок русинам на обжинки» вышел в 1846 г. в Вене.

Трагическая сложилась дальнейшая судьба всех трех собирателей. М. С. Шашкевич после окончания семинарии получил бедный приход и вскоре умер от туберкулеза, 32 лет от роду. И. Н. Вагилевич всю жизнь боролся с беспросветной нуждой. Я. Ф. Головацкий, проживший дольше своих друзей, наконец эмигрировал в Россию.

Г. Ю. Гербильский показывает, что все они питали ненависть к крепостничеству, воспевали борьбу крестьян Галичины против угнетателей. В книге рассматриваются также воззрения Русской троицы на национальный вопрос в Галичине. Просветители выступали против взглядов на галичан как на часть польской нации, против попыток ввести польский алфавит в Галичине вместо кириллицы (статья М. С. Шашкевича «Азбука и Абецадло»). Они обращались к истории древнерусского государства, в которое составной частью входило Галицкое княжество, высоко оценивали благотворную роль русской и украинской литературы в развитии литературы Галичины.

Автор останавливается также на деятельности ряда просветителей, близких Русской троице, в частности И. Бирецкого и Г. Илькевича. Илькевич издал в 1841 г. в Вене сборник галицких поговорок и загадок.

Незаслуженно малое место отведено деятельности Д. И. Зубрицкого (1777—1862) — галицкого историка, писателя, этнографа, также тесно связанного с Русской троицей. Однако Г. Ю. Гербильский старается представить его идейным противником Русской троицы, что едва ли верно (об этом смотри подробнее ниже). В работе освещается связь Русской троицы с русскими и украинскими учеными и литераторами — И. И. Срезневским, М. А. Максимовичем, О. М. Бодянским, а также с М. П. Погодиным. Автор отмечает, что у галицких просветителей и М. П. Погодина во многом взгляды резко расходились (см. стр. 103). Приводятся также данные о их связях с передовыми польскими, чешскими, словацкими и другими деятелями.

Книга заканчивается сведениями о польском прогрессивном движении в Галичине в рассматриваемый период; к сожалению, этот раздел слабо связан с предыдущим изложением.

Следует признать правильным стремление автора показать литературное движение в галицкой среде в тесной связи с социальными движениями. Заслуживает внимания и попытка автора выявить прогрессивную роль передовых представителей галицкого низшего духовенства. Напомним, что они были воспитанниками Львовской семинарии, студентами Львовского университета, частично — выходцами из народа. Они дали немало борцов против крепостничества и национального угнетения.

В то же время автор высказывает ряд положений, с которыми мы не можем согласиться. Уже историографическое введение требует дополнений. Автор останавливается на анализе марксистских работ, а также работ русских, чешских и польских ученых. Однако некоторые важные работы автором не привлекаются⁷.

На наш взгляд, автор не учел специфики весьма сложной обстановки, в которой работали передовые деятели Галичины, обусловленной национальной политикой габсбургского правительства. Приводя слова Я. Ф. Головацкого о том, что в Галичине все помещики считаются поляками, однако среди них добрая половина «дворян русских», которые «отреклись от народности русской» (например, род Потоцких, Комарницких), автор делает оговорку, что галицкие помещики были по происхождению польской и украинской национальности, точнее — католического и униатского вероисповедания и что упоминаемые Головацким графы Комарницкие «не потеряли некоторых черт украинской народности, принадлежали к униатской церкви и даже принимали участие в ее делах» (стр. 19). Не будем говорить о том, что считать признаком украинской народности, притом, очевидно, единственным, принадлежность к униатской церкви —

⁵ Я. Ф. Головацкий, Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче, стр. 28.

⁶ Об их литературном творчестве в частности подробно см.: Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, М., 1916, т. 1.

⁷ См.: «История украинской литературы». Киев, 1954, т. 1; М. І. Марченко «Українська історіографія», Видавництво Київського університету, Київ, 1959, Ф. Ф. Аристов, Указ. раб.

странно для историка-марксиста. Если предположить даже, что Комарницкие действительно сохранили некоторые национальные черты, то все-таки они составляли редкое исключение на фоне польских или окончательно ополячившихся помещиков Галичины. К сожалению, автор недостаточно подчеркнул эту особенность, пытаясь найти «украинских помещиков» и, таким образом, исключение возвести в правило. Кроме того, под украинскими помещиками он зачастую подразумевает не украинцев по национальности.

В связи с этим необходимо указать, что автор даже не пытался полностью разобратся в национальном вопросе Галичины. Правильно отмечая, что члены Русской троицы боролись против попыток колонизации Галичины, автор не отвечает на вопрос кем же все-таки считали себя сами деятели галицкого национального возрождения? В тех случаях, когда у И. Н. Вагилевича или Я. Ф. Головацкого стоит в оригинале «русский» (иногда «русский», или «русин»), автор обозначает эти термины словом «русский» и дает им перевод — «украинский». Между тем, если внимательно прочитать произведения Вагилевича или Головацкого, которые цитирует автор, становится ясно, что именно подразумевали они под словом «русский». В рассматриваемый период крестьяне Галичины называли себя русскими. Это самоназвание сохранялось с глубокой древности, со времен Галицко-Волынского княжества, вызывая яркую ненависть польских помещиков и австрийского правительства, усердно пытавшихся доказать, что галицкие «рутены» (официальное австрийское название галичан) ничего общего не имеют с русским народом, хотя галичане в действительности являются потомками одной из ветвей древнерусской народности.

При чтении книги создается ложное впечатление, что М. С. Шашкевич, И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий были чуть ли не единственными представителями передовой общественной мысли в Галичине в 30—40-е годы. В частности, Г. Ю. Гербельский пытается противопоставить их (как упоминалось выше) Д. И. Зубрицкому. Автор прав, когда указывает на разницу воззрений двадцатилетних студентов-разночинцев и полного ученого, выходящего из обедневшей дворянской семьи. Мы не собираемся поднимать здесь сложный вопрос о взглядах Д. И. Зубрицкого, но должны лишь сказать, что выводы Г. Ю. Гербельского не подтверждаются материалами, на которые он сам ссылается⁸.

Гербельский в рецензируемой книге критикует Л. А. Коваленко, который в статье об исторических взглядах И. Франко «Історичні погляди І. Я. Франка» характеризует Д. И. Зубрицкого как идеолога украинских помещиков и духовенства Галичины. Правильно отмечая, что идеологом духовенства Зубрицкий никогда не был, Гербельский повторяет другие ошибки Коваленко и бездоказательно называет Д. И. Зубрицкого «заядлым крепостником» (стр. 80). Единственным основанием для этого служит мнение Д. И. Зубрицкого, высказанное им в 1819 г., что барщина является наследием обоюдной необходимости и соглашения (стр. 80). Досадно, что автор игнорирует высказывание Д. И. Зубрицкого об освобождении крестьян: «Их не желавших, не думавших, освободили на чужой кошт от обязанностей, работой исправляемых для помещика, а обременили их государственными, земскими и общинными налогами и работами. Легче было отработать один или два дни в неделю барину, употребив к тому домашнюю челядь, как теперь платить огромные подати». С горечью говорит Д. И. Зубрицкий о крестьянах, что «множество уже обнаженных бродит по городам и местечкам»⁹. Пусть даже Зубрицкий не понимал прогрессивности акта освобождения крестьян от крепостной зависимости — одно его сочувствие к тяжелой доле обманутых крестьян является фактом весьма знаменательным. Смелая позиция Д. И. Зубрицкого вызвала постоянное противодействие австрийских властей. Так, 26 февраля (10 марта) 1841 г. Зубрицкий сообщает, что книги, посылаемые ему из России, идут прямо в комитет полиции и цензуры¹⁰. 9(21) апреля 1858 г. он пишет о потере на почте своего письма к М. П. Погодину¹¹ и т. д. В дальнейшем Д. И. Зубрицкий претерпел много моральных и материальных трудностей при издании своей «Истории древнего Галицко-русского княжества»¹² и умер в нужде. Едва ли можно говорить о симпатиях, которые якобы питали к нему австрийские власти. Только некоторая осторожность и лояльность по отношению к Австрии, свойственная, кстати, многим деятелям Галичины, в том числе и Русской троице, избавили Д. И. Зубрицкого от прямых преследований. Едва ли можно говорить, что габсбургское правительство ему «доверяло» (стр. 81).

Не соответствует истине и утверждение Г. Ю. Гербельского, что весть о преследованиях Русской троицы полицией вызвала у Зубрицкого «стремление прекратить с нею всякие связи» (стр. 83). Автор ссылается на письмо Зубрицкого к Погодину от начала 1842 г., где он пишет, что не может передать записки от Погодина Ва-

⁸ Необходимо отметить, что в советской историографии вопрос о взглядах Д. И. Зубрицкого остается еще открытым. Так, характеристика Д. И. Зубрицкого в работе М. І. Марченко «Українська історіографія» (Київ, 1959) отличается от характеристики Г. Ю. Гербельского.

⁹ «Письма к М. П. Погодину из славянских земель», М., 1880, вып. 3, стр. 609.

¹⁰ Там же, стр. 552.

¹¹ Там же, стр. 606.

¹² Д. И. Зубрицкий, История древнего Галицко-русского княжества, Львов, 1852—1855, ч. 1—3.

гилевичу и Головацкому, так как последние на подозрении у австрийского правительства. Однако Д. И. Зубрицкий по-прежнему выражал им симпатии, хлопотал о них¹³. Очевидно, автору осталась не известной книга, изданная Студницким, где помещены дружеские письма Д. И. Зубрицкого к Я. Ф. Головацкому в этот период¹⁴.

Пытаясь противопоставить Д. И. Зубрицкого Русской троице, Г. Ю. Гербицкий отмечает, что тот не имел ничего общего со взглядами Шашкевича, Вагилевича и Головацкого (стр. 81), и тут же прибавляет, что в отдельных вопросах «оценки "троицы" и Зубрицкого сближались», — так у них были сходные взгляды по вопросу о претензиях польской шляхты на Восточную Галичину, т. е., добавим мы, по самому кардинальному вопросу.

Ни словом не упоминает автор и об этнографической деятельности Д. И. Зубрицкого. Между тем, еще задолго до этнографических работ М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого Зубрицкий первым в Галичине обратил внимание на огромное историческое значение народных песен Галичины, на их своеобразие и красоту и опубликовал некоторые из них вместе с нстами в своей работе «О галицких народных песнях», вышедшей во Львове в 1823 г.

В заключение следует еще раз отметить, что книга выиграла бы, если бы автор более продуманно подошел к сложному вопросу об этнической принадлежности галичан и не допускал бы терминологической путаницы в определениях.

Т. Аристова

Б. О. Долгих. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.* Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия, т. LV, М., 1960, 622 стр.

Книга Б. О. Долгих, посвященная анализу родоплеменного состава народов Сибири в XVII в., представляет собой результат многолетних исследований автора. Установление этнического состава и этнографической структуры коренного населения Сибири в период включения ее в пределы Русского государства является большим открытием. Решить эту смелую задачу, о которой еще недавно могли только мечтать сибиреведы — историки и этнографы, автору удалось благодаря включению в научный оборот новых исторических источников, сплошного их исследования с привлечением позднейших этнографических, топонимических, лингвистических и статистических данных. Документальной основой работы являются архивные материалы XVII в.

Народы Сибири интересовали царизм главным образом как поставщики драгоценной пушнины. Естественно, что усилия местной русской администрации были направлены в первую очередь на сбор ясака — подати, выплачиваемой мехами. В XVII в. выработалась определенная система взимания ясака с сибирских народов. Документально о ясачном сборе (книги сбора ясака, сметные и пометные списки, шертвозальные росписи, донесения о сборе и недоборе ясака), являющиеся своего рода статистическим материалом (в них указана численность ясачных плательщиков, количество внесенной пушнины), послужили основным источником для определения численности отдельных родоплеменных групп XVII в. Применяя различные коэффициенты к числу упомянутых в документах ясачных людей, автор определил численность всего населения той или иной группы, уезда или волости.

Упоминания о районах кочевек, пунктах сбора ясака, местах столкновений, встречающиеся в документах XVII в., в сопоставлении с этнографическими данными о расселении отдельных народностей, позволили нанести на карту ареалы распространения всех крупных родоплеменных групп Сибири. Свой метод автор очень кратко изложил во введении. Приводимый в книге обширный материал — в соответствии с источниками — сгруппирован по уездам.

Первая часть работы территориально охватывает всю Западную Сибирь и состоит из двенадцати глав, соответствующих двенадцати уездам; вторая часть — Среднюю Сибирь (шесть глав), третья часть — Восточную Сибирь (две больших главы). В каждой главе автор указывает границы уезда, приводит данные об основании главных острожков и зимовий и материалы, показывающие численность и движение населения на протяжении XVII в., а также расселение, этническую принадлежность и родоплеменную структуру каждой этнической группы. Логическим завершением работы служит карта распространения этнических групп, племен и родов народов Сибири в XVII в. и сводная таблица, показывающая численность и этнический состав коренного населения Сибири.

Не владеясь в пересказ содержания каждой из двадцати глав, мы позволим себе отметить то основное и новое, что дает рецензируемая работа в отношении истории и

¹³ См.: «Письма к М. П. Погодину из славянских земель», вып. 3, стр. 570.

¹⁴ См.: «Корреспонденция Якова Головацкого в летах 1835—1849», Львов, 1909.

этнографии отдельных народов Сибири. В XVII в. русские служилые люди на Урале столкнулись с вогулами (манси). Численность и расселение их освещены в первых трех главах (Верхотурский, Пелымский и Туринский уезды). Хотя население этих уездов нередко именовалось татарами, автор, основываясь на анализе списков ясачных людей и на позднейших этнографических наблюдениях, убедительно показал, что это были вогулы-манси.

Вогулы в то время представляли собой небольшую народность; по подсчетам Б. О. Долгих, их общая численность была 5140 чел. У вогулов автор выявил три разряда объединений: племя, род (обозначавшийся обычно русским термином «волость») и подразделение рода — юрт. Полемизируя с С. В. Бахрушиным, автор выдвинул убедительные аргументы в пользу того, что упоминаемые в документах вогульские Пелымские и Кондинское княжества — не феодальные образования, а племенные группировки с сильной аристократией.

Соседи вогулов — остяки (ханты) обитали в Тобольском, Березовском и Сургутском уездах. У остяков-хантов Б. О. Долгих также удалось выявить племена (Казымская, Сосьвинская волости), а также осколки племенных образований, родовые группы, и показать прямую связь с их группировками XIX в. Так, куноватские остяки вошли в Куноватскую волость Березовского округа, белогорские, ендырские, кодские остяки — в Котскую управу Березовского округа.

В главах IV—VI (Тюменский, Тарский и Тобольский уезды) приведены данные о численности, расселении и родоплеменной структуре западносибирских татар, занимавшихся скотоводством, коневодством и отчасти земледелием. Общая численность этой группы была около 12 тыс. чел. Татары подразделялись на волости и юрты. Однако для западносибирских татар родоплеменная структура, по мнению автора, была пережитком; у них преобладали территориальные объединения.

Такой же пережиточный характер носила родоплеменная структура томских татар (около 2500 чел.). У них были и племенные образования и конгломераты родов различного происхождения. Весьма интересные данные привел автор о тюрках Кузнецкого уезда — абинцах (предках северных шорцев), кондомских и мрасских шорцах, кумандинцах, шелканцах, тубаларах и других. В этой главе автор изложил некоторые материалы о так называемых «белых калмыках» и енисейских кыргызах, тесно соприкасавшихся с населением Кузнецкого уезда. Думается, что данные об этих народах можно было бы расширить. Архивные документы ярко освещают их историю.

Совсем иная картина родоплеменных связей раскрывается на материалах, касающихся оленеводов — самоедов (ненцев) и примыкавших к ним групп. В отношении самоедов в русских документах впервые широко стал применяться термин «род». Очевидно, он и был основной социальной единицей. У самоедов в отличие от вогулов, остяков и татар родоплеменное деление выступало весьма явственно. В Березовском уезде было три племенных группировки самоедов: обдорская, казымская и войкарская. Обдорские самоеды делились на 18 родов. Казымские и войкарские — на два рода. Родовые группы у самоедов были прочными социальными организациями. Численность отдельных самоедских родов колебалась от нескольких десятков до нескольких сот человек. Род у самодийцев-оленьеводов, как хорошо показано в работе, не превратился еще в XVII в. в омертвленную социальную единицу. Заслуживает внимания материал о фратриальном делении самоедских родов. Так, роды обдорских самоедов в XVII в., по современным этнографическим данным, можно распределить между фратриями Харючи и Вануйта. Наиболее отчетливо родоплеменная структура самоедов прослежена автором у предков современных нганасан. Они делились на четыре фратрии или какие-то другие большие группировки, носившие названия тотемического характера и состоявшие из нескольких родов.

Аналогичное явление отмечено автором и у предков лесных энцев, известных под названием хантайских самоедов. Крупные роды этих самоедов — Юндучей, Ссыта, Аныной, Таней и Минзчи были, по предположению автора, фратриями, а мелкие, например Ломбуев, Парасей, — родами.

В отличие от них родовая структура карасинских самоедов (лесных энцев) была несколько иной. Мелких родов у них было мало, преобладали объединения типа фратрий: Асида — 320 чел., Мангазея — 200. Все они сохранились до настоящего времени и еще недавно были экзогамными группировками. Если экзогамные коллективы типа фратрии объединяли от 30 до 80 чел. работоспособных мужчин, то роды, представлявшие части фратрий, состояли из групп родственных семей, насчитывавших 10—20 работоспособных мужчин. Таким образом, у самодийцев-оленьеводов Б. О. Долгих рисуется следующую родоплеменную структуру: племя, фратрия (большой основной род) и малый род, распадавшийся уже на семьи. По мнению автора, «в рамках фратрий происходило возникновение новых и распад старых родов» (стр. 133). Следы фратриального деления, выявленные автором, несомненны. Однако отличие фратрий от рода, малюго рода от большой семьи недостаточно ясно.

Большое внимание уделил автор также селькупам — народности, родственной ненцам по языку. Отметим попутно, что селькупы, так же как и ханты, обозначались в XVII в. общим термином «остяк». Лишь привлечение этнографических и топонимических данных для определения встречающихся в документах многочисленных локальных групп остяков позволило выявить предков современных селькупов.

В XVII в. селькупы — рыболовы и охотники — были значительной этнической группой — около 3000 чел. В Сургутском, Нарымском и Кетском уездах они подразделялись на волости, объединявшие от 60 до 400 чел.; в Томском уезде крупные волости, населенные ими, делились на более мелкие единицы. Эти волости (в них автор видит роды) имели эмблемы — знамена.

Кеты жили тогда в бассейне Енисея — в Мангазейском, Енисейском и Красноярском уездах. Общая численность их, по оценке автора, была 3600 чел. У кетов автору удалось выделить определенные экзогамные единицы. Так, кеты, платившие ясак в Имбатское зимовье Мангазейского уезда, делились на шесть родов: Богденский, Хонигетский, Инбацкий, Булванский, Хентянский и Зашацкий (численность работоспособных мужчин в этих родах колебалась от 7 до 30 чел.). Позднейшими этнографическими исследованиями было выявлено существование у этих кетов двух фратрий, названия которых представляют названия двух родов из числа существовавших в XVII в. (Богденского и Хентянского). Большая группа кетов обитала в Енисейском уезде. Здесь автору удалось выявить девять локальных группировок; некоторые из них, возможно, представляли собой фратрии или большие роды. Основные роды кетов объединялись парно по три группировки, возможно, племенного характера: сымско-касскую, кузнецко-кипанскую и натско-пумпокольскую. Кетоязычные племена скотоводов Красноярского уезда (аринцы, буклинцы, байкотовцы, котты, корчуны), часто соприкасавшиеся с кыргызами, подразделялись на улусы.

Приведенные в работе подробные материалы о численности и расселении самодийских и кетских племен в XVII в. имеют большое значение для понимания этнической истории Западной и Средней Сибири.

Как показал автор, северные самодийские племена — оленеводы, общей численностью около 10 тыс. чел., занимали огромную территорию от Урала до устья Оленека, доходя на юге до верховий Таза. Южная группа самодийских племен, отделенная от своих северных собратьев кетским массивом, обитала в бассейне Верхнего Енисея и его притоков. Это были скотоводы и коневоды — кашинцы, камасинцы, моторы, карагасы и другие — общей численностью 2 тыс. чел. Оленей они разводили в небольшом количестве. Само расселение самодийских племен — убедительное свидетельство в пользу южного происхождения этой этнической группы. Материалы о южной самодийской группе, ее взаимоотношениях с соседями существенно расширяют наши знания о предках современных саянских народов — тувинцах-тоджинцах, карагасах.

Для изучения этнических процессов, протекавших в Сибири в XVII в., несомненный интерес представляют данные о тунгусах-тидирисах, ассимилированных самоедами, о кетах-асанах, ассимилированных тунгусами, и о миграциях селькупов.

Огромную территорию от Енисея на западе до побережья Охотского моря на востоке в тот период занимали многочисленные тунгусские племена, подразделявшиеся на небольшие патриархальные роды и группы родственных семей. Обложенные яском тунгусские группы фигурировали под разными наименованиями — территориальными, родоплеменными, нередко к тому же искаженными в документах. В связи с этим автору, с целью выявления подлинных группировок тунгусов, пришлось проделать чрезвычайно трудоемкую работу по сравнению собственных имен в различно озаглавленных списках ясачных людей за разные годы. В Мангазейском уезде источники позволили автору выделить семнадцать тунгусских родоплеменных групп. Тунгусы-оленеводы занимали значительную часть Енисейского уезда (ичерильцы, топорки, варгаганцы и др.). Сравнительно крупные группы тунгусов-оленеводов (налягиры — около 800 чел., камчагиры — около 400 чел.) кочевали в Илимском уезде у истоков Лены и Киренги. Наиболее значительные по численности группы тунгусов-оленеводов обитали в таежной зоне Якутского уезда. Лишь на западе Якутии, в бассейне Лены и Оленека, тунгусы-азяны и синигиры проникали в тундру и вышли к побережью Ледовитого океана. Область расселения тунгусов-оленеводов обрывалась у Охотского побережья, где жили пешие охотские тунгусы. Весьма интересно выявленное автором соотношение пеших и оленных охотских тунгусов. Общая численность 26 пеших родов была около 2600 чел., численность 15 родов оленных тунгусов, занимавших огромную территорию, — около 3 тыс. чел. Близость родовых наименований обеих групп тунгусов, а также их взаимоотношения позволяют полагать, что пешие тунгусы представляли собой в XVII в. новообразование, возникшее в результате перехода части оленеводов к оседлому промысловому хозяйству. На юге Центральной и Восточной Сибири русские служилые люди встретили значительные группы тунгусов-скотоводов и коневодов. В Иркутском уезде по берегам Ангары кочевали тунгусы-кумчагиры — коневоды (около 450 чел.). В Баргузинский острог этого уезда также платила ясак группа конных тунгусов, а в Селенгинский острог — тунгусы, занимавшиеся и скотоводством и оленеводством. Большая группа тунгусов-скотоводов — нелюды и наматы, — около 8 тыс. чел., обитала в Нерчинском уезде. Наматы, как показал автор, находились под сильным влиянием монголов. Тунгусы-земледельцы жили тогда в Албазинском уезде.

Материалы о тунгусах, изложенные автором, вновь заостряют тунгусскую проблему. Крупные скотоводческие племена тунгусов, обитавшие от Иркутского уезда до Приамурья, можно себе представлять как первоначальную основу, от которой оторвались и ушли на север многочисленные тунгусские группы, перешедшие к оленеводству. Однако, как убедительно показал автор, все южные группы тунгусов находились под сильным влиянием своих соседей. Гейско-ангарские, удские, окинские, ийские тунгусы

Енисейского уезда подразделялись не на роды, а на улусы и вообще находились под влиянием бурят; впоследствии они слились с бурятами. Селенгинские тунгусы-скотоводы управлялись, как и буряты, шуленгами. Под сильным влиянием монголов находились нерчинские тунгусы — наматы; под влиянием маньчжуров-дауров — амурско-зейские тунгусы. Не являются ли южные группы тунгусов новообразованием, появившимся в результате перехода оленеводов к новым формам хозяйства под влиянием своих более культурных соседей? Думается, что дальнейшее углубленное исследование археологических и этнографических материалов, а также письменных источников позволит положительно ответить на этот важный вопрос, связанный с этногенезом тунгусов.

Более определенно удалось решить автору проблему соотношения северо-западных тунгусов и северо-восточных тунгусов, так называемых ламутов. Материалы, приведенные автором, позволяющие, по-видимому, отказаться, применительно к XVII в., от деления тунгусов на собственно-тунгусов и ламутов. Ламуты, как хорошо показал автор, — группа тунгусов, кочевавшая близ Охотского побережья, и группа выходцев из этих родов, отошедших в Якутию. У последних и возник этот этнический термин, прочно укрепившийся в документах.

Нерешенным остается вопрос о характере объединений, выявленных автором у тунгусов. В отличие от самодийских групп, экзогамных единиц — фратрий у большей части тунгусов автору выделить не удалось. Думается, что крупные группы тунгусов (ваняды, азяны, нюрумняль и др.) были не племенами, а большими патриархальными родами. Едва ли в каждой такой группе из 400—600 чел. был свой диалект. Малые роды, по терминологии автора, на которые делились племена, вполне возможно сблизить с большими семьями.

Значительное внимание Б. О. Долгих уделит выявлению численности и расселения бурят. В XVII в. самым северным бурятским племенем (Енисейский уезд) были икинаты (около 300 чел.) — островков бурят среди тунгусов. Икинаты были окружены данниками-кыштымами из тунгусов. По мнению Б. О. Долгих, вокруг икинатов складывалось новое племя, одним из компонентов которого были тунгусы. На примере икинатов можно видеть, как шел процесс просачивания скотоводов на север. Отдельные части племен отрывались, уходили в удобные пастбищные районы, обрастали окружением из дружественного или зависимого от них коренного населения.

Южнее икинатов, на верховьях Ангарты крупным массивом были расселены булагаты, общей численностью около 7600 чел. Автору удалось установить расселение всех подразделений (улусов) племени булагатов. Отметим, что эта крайне трудоемкая работа по анализу встречаемых в документах родоплеменных наименований и выявлению местообитания отдельных родов вполне себя оправдала. Так, автором установлено тождество Ашехабатского и Аспугатского родов; последний считался до этого в этнографической литературе особым родом.

Подробно реконструирована в рецензируемой работе карта расселения бурятов-эхеритов (шесть родов общей численностью 3250 чел.), обитавших в Илимском уезде, и хондогоров (пять родов общей численностью 1250 чел.), обитавших в Иркутском уезде.

Одним из составных элементов бурятской народности было, по данным Б. О. Долгих, большое монголоязычное племя табунутов (около 6 тыс. чел.), занимавшее территорию по правому берегу Селенги и по Хилку. Автор привел весьма убедительные свидетельства в пользу того, что хоринцы (бурятское племя, состоявшее из одиннадцати родов общей численностью 6300 чел.) в XVII в. жили не только на о. Ольхон и западном берегу Байкала, как предполагали раньше, но и в степи на восточном берегу этого озера и по правобережью Селенги.

Интересные и новые материалы содержатся в работе о якутах. В литературе неоднократно делались попытки установить численность и расселение якутов в XVII в. Однако высказанные различными авторами соображения не были в достаточной степени аргументированы. Б. О. Долгих впервые привел данные, показывающие движение численности ясачных плательщиков по всем центральным волостям якутов с 1631 по 1712 г. Установление численности, родоплеменной структуры и расселения подгорных якутов, составлявших в период вхождения Якутии в состав Русского государства основную массу якутского народа, существенным образом расширяет наши знания о Якутии XVII в. В группе подгорных якутов автору удалось выявить пять основных волостей, ответвлением которых являлись и все остальные группы якутов. В результате сложный вопрос о происхождении якутов свелся к происхождению якутского населения пяти волостей — Кангаласской, Мегинской, Борогонской, Намсуй и Батурусской. Близость некоторых этих названий к бурятским родоплеменным наименованиям — свидетельство в пользу южного происхождения якутов. Подробно рассмотрен в работе родоплеменной состав янских, вилюйских и олекминских якутов.

Общая численность якутов XVII в. была, по определению автора, около 28 тыс. чел. Для определения ее Б. О. Долгих пользовался данными учета 1650-х и даже 1660-х годов. Однако за два—три десятилетия после вхождения в состав Русского государства численность якутов могла возрасти; в состав якутов вошли, возможно, и тунгусские группы. Думается, что численность якутского народа ко времени прихода русских была меньше, всего 20—25 тыс. чел.

Весьма существенным вкладом в историю народов Севера является карта расселения юкагирских племен. Как известно, в наши дни юкагиры, сохранившие родной язык,

локализованы отдельными островками в бассейне рек Колымы, Чукочей и Алазен, но в устных преданиях якутов и эвенков юкагиры рисуются многочисленным народом. Документальные данные, собранные Б. О. Долгих, показали, что юкагиры занимали в XVII в. огромную территорию от низовий Лены до Анадыря. Все крупные группировки юкагиров автор рассматривает как племена. Однако размеры некоторых из этих объединений (200—300 чел.) скорее позволяют предполагать, что это не племена, а роды.

В работе рассмотрен и родоплеменный состав народов крайнего северо-востока Азии — чукчей, коряков, ительменов и айнов. Пользуясь скуными свидетельствами русских источников XVII и начала XVIII в. о встречах и столкновениях с чукчами, корректируя их позднейшими материалами, Б. О. Долгих все же удалось реконструировать карту расселения чукчей и эскимосов. В XVII в., согласно данным, приведенным в работе, оседлое береговое население Чукотки состояло из эскимосов, тогда как чукчи представляли собой сравнительно небольшую группу тундровых оленеводов, занимавших весьма ограниченную территорию.

Значительную часть Камчатки, а также районы, примыкающие к Охотскому побережью вплоть до Тауйской губы на юге, занимали тогда коряки. Наличие сравнительно большого количества архивных документов о коряках позволило нанести на карту и их группировки. Картографирование группировок ительменов и айнов было облегчено наличием обширных этнографических материалов Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. и списков ясачных плательщиков — ительменов, обнаруженных автором в Центральном государственном архиве древних актов и в рукописном фонде библиотеки им. Ленина. Реконструированная карта при всей ее условности наглядно свидетельствует о том, какие глубокие изменения произошли в расселении народов северо-востока Сибири за последние 300 лет.

В завершающей, XX главе автор рассмотрел население Албазинского уезда (Приамурье). Однако дошедшие до нас материалы XVII в. о численности и расселении народов Амура крайне фрагментарны. В связи с этим для определения численности и восстановления картины расселения этих народов автору пришлось широко привлекать позднейшие материалы. Так, численность нижнего населения, говорившего на сахалинском и амурском диалектах, определена Б. О. Долгих по аналогии с современными материалами о распространении этих диалектов. Полученные данные, разумеется, весьма гипотетичны. Как отметил сам автор, реконструированная им карта расселения народов Приамурья представляет только один из возможных вариантов. Тем не менее при современном состоянии наших знаний он может быть принят.

Всего в Сибири XVII в. автором выделены двенадцать основных этнолингвистических общностей, подразделявшихся на народности и племена. Общая численность коренного населения Сибири в тот период, вместе с населением, находившимся вне русских владений, по подсчетам автора не превышала 240 тыс. чел.

Напомним, что в 1897 г., по определению С. К. Паткаева, в Сибири было 822 тыс. чел. коренного населения; таким образом, оно увеличилось более чем в три раза. Особенно возросла численность бурят (более чем в десять раз), якутов (почти в восемь раз), сибирских татар, алтае-саянских тюркоязычных народов, чукчей. Эти данные полностью опровергают националистические басни о вымирании народов Сибири. Резкое увеличение численности ряда народов Сибири объясняется двумя основными причинами: переходом их — под влиянием русского крестьянства — к новым формам хозяйства, в первую очередь к земледелию, а также прекращением кровавых междоусобных столкновений после вхождения в состав Русского государства. Вскрыл автор и причины уменьшения численности ряда народов Сибири. Часть из них очень пострадала от оспы, часть — слилась с соседями. Так, южные скотоводы — кеты и саянские самоеды — вошли в состав хакасов и тувинцев. Часть юкагиров волилась в состав русских, эвенков.

Большую ценность для изучения этнических процессов, протекавших в Сибири, представляет карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. Даже установленная автором общая конфигурация расселения основных этнических групп позволяет сделать важные выводы. Сибирь в тот период представляла собой своеобразную арену широких этнических перемещений. По-видимому, только незадолго до появления русских в Сибири тунгусы — адяны и синигиры — отделили самодийские племена от юкагиров, заняв низовья Лены и Оленека. Контуры расселения якутских племен еще раз подчеркивают то обстоятельство, что якуты были тогда еще новоселами на Севере. Только крупные группы якутов-скотоводов, обитавшие компактными островками, могли обеспечить свою безопасность в окружении воинственных тунгусов-оленьеводов. Прижатые к крайнему северо-востоку чукчи в XVII в. расширили свою территорию за счет юкагиров и коряков.

Таким образом, реконструкция карты расселения народов Сибири в XVII в., с одной стороны, во многом объясняет их последующую историю, с другой, — дает возможность с большей долей достоверности углубиться в древнюю историю Сибири.

Не удивительно, что составленная Б. О. Долгих карта была использована еще до опубликования рецензируемой книги авторами «Истории Якутской АССР», «Истории Бурятской АССР» и ряда других работ о народах Сибири. Разумеется, реконструированная карта расселения этнических групп племен и родов народов Сибири в XVII в. не во всех частях одинаково полна и точна. С введением в научный оборот новых архивных материалов, возможно, уточнится расселение отдельных народностей. Думает-

ся, что некоторое уточнение этой карты было бы желательно произвести путем нанесения на нее незаселенных районов. Это можно сделать, используя землеустроительные карты, составленные в 1940—50-х годах. По-видимому, в XVII в. в Сибири было много неудобных земель. На одну такую область указал автор — это верховья Алдана, Амги и район между верховьем Амги и Леной. Однако на современных землеустроительных картах больше участков, непригодных для промыслового хозяйства и скотоводства. В целом же (это хочется особенно подчеркнуть), карта родоплеменного состава Сибири в XVII в. — большая удача автора.

Одним из важных результатов работы является также установление весьма своеобразной родоплеменной структуры у ряда народов Сибири, не совпадающей с нашими привычными представлениями на этот счет. Работа в этой области должна быть продолжена. Можно думать, что изучение ранних метрических книг, посемейных списков и ревизских сказок даст возможность более определенно обрисовать особенности родоплеменной структуры многих народов Сибири. Следует также отметить, что автору удалось не только конкретизировать наши общие представления о родоплеменном строе народов Сибири, но и хорошо показать, что этот строй не представлял собой чего-то неизменного. Судьба отдельных родоплеменных групп, прослеженная в книге, еще раз показывает, насколько сложной и своеобразной была история народов Сибири за последние три столетия. К сожалению, не все сопоставления группировок коренного населения XVII в. с группировками XIX в. обоснованы достаточно убедительно. В ряде случаев автор, видимо, стесненный размерами книги, просто указывал, какие старые группировки влились в новые. Тема о связи старых группировок, выявленных автором, с современными может, конечно, быть предметом особого исследования.

Нельзя не выразить также сожаления, что в такой фундаментальной и объемистой работе отсутствуют указатели. Географический и именной указатель были бы весьма полезны читателю. Следует отметить, что на итоговой карте расселения этнических групп и племен народов Сибири в XVI в. отсутствуют границы уездов. Это очень затрудняет пользование картой, так как материал в книге скомпонован не по народам, а по уездам.

При бесспорных достоинствах книги тем досаднее опечатки, к тому же не указанные в списке замеченных. Так, на стр. 129 таблица с перечнем источников из примечаний попала в текст; в таблице 114 (стр. 351) по вине типографии смещены колонки: даты года учета следует опустить на одну строку, а цифры численности населения поднять. В таблице 166 (стр. 492), показывающей численность плательщиков ясака на Алдане, Мае, Уде, Тугуре и Охотском море за 1656 г., следует переставить заголовки граф «уплачено» и «явилось». В таблице 138 (стр. 537) в графах численности плательщиков ясака приведена общая численность родов охотских тунгусов.

На стр. 60 упоминается волесть Супра, входившая в Тобольский уезд, а на карте ее нет. На стр. 618, очевидно, в результате какого-то пропуска, утверждается, что южные кеты и саянские самоеды слились с якутами, чего, конечно, не могло быть. Много и буквенных опечаток.

Общая оценка рецензируемой книги должна быть очень высока. Работа «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» является одним из наиболее значительных вкладов в изучение истории и этнографии Сибири за последние десятилетия.

И. Гурвич

Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадаса], т. 6, Махачкала, 1959, 368 стр.

Рецензируемая книга состоит из вводной статьи и трех разделов. Первый раздел — «История» (стр. 41—163) содержит шесть статей по отдельным вопросам истории и культурного строительства в Дагестане; второй — «Археология и этнография» (стр. 163—275) включает две статьи по археологии и искусствоведению и три по этнографии и, наконец, три статьи третьего раздела — «Языкознание» (стр. 275—368) посвящены исключительно вопросам языкознания.

В настоящей рецензии основное внимание обращено на этнографические статьи; остальные затрагиваются в той мере, в какой они представляют интерес для этнографа.

Сборник открывается вводной статьей Г.-А. Д. Даниялова «Рост кадров — решающее звено в развитии научно-исследовательской деятельности Института». Знакома читателя с основной проблематикой Института и давая характеристику работы отдельных секторов, автор отмечает многообразную помощь, оказываемую Институту истории, языка и литературы различными научными учреждениями и отдельными ведущими учеными. К сожалению, Г. А. Д. Даниялов не упоминает о той большой роли, которую сыграли институты Отделения исторических наук АН СССР, в том числе Институт

этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, в деле подготовки научных кадров из числа коренных жителей Дагестана через свою аспирантуру. Между тем помощь, оказанная Дагестанскому филиалу АН СССР в подготовке научных работников гуманитарного профиля, была весьма значительной. Достаточно сказать, что из шести этнографов (С. Агаширинова, А. Алиев, С. Гаджиева, М. Ихиллов, Х.-М. Хашаев, М.-З. Османов), работающих в Дагестане, только один не прошел специальной подготовки в Институте этнографии. В Дагестане много лет работали экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Е. М. Шиллинга, В. К. Гарданова, Л. И. Лаврова по изучению культуры и быта народов Дагестана, участники которых опубликовали ряд работ. Особо следует отметить ценность монографии о кубачинцах Е. М. Шиллинга. Результатом сотрудничества работников Института этнографии и Дагестанского филиала АН СССР явился изданный в 1955 г. сборник «Народы Дагестана». Можно было бы назвать и ряд других научных работ, выполненных сотрудниками Института этнографии и местными научными силами.

Большой интерес представляет статья А. Р. Шихсаидова «Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв.». Она построена на новых материалах, главным образом — арабских надписях, значительная часть которых найдена у рутульцев, цахур, лезгин и лакцев и переведена самим автором. А. Р. Шихсаидов вскрывает причины, которые благоприятствовали проникновению и утверждению ислама в южном Дагестане. С одной стороны, это успехи хозяйственного развития народов Дагестана, усиление социального и имущественного неравенства и в связи с этим необходимость в монотеистической религии как идеологическом оружии в руках феодалов, с другой — рост торговых и культурных связей с мусульманским Востоком, политика завоеваний, проповедническая деятельность и т. п.

Касаясь вопроса о проводниках идей ислама, автор характеризует деятельность арабов, сельджуков, монголов и Тимура по распространению новой религии. В связи с этим заслуживает серьезного внимания высказывание автора относительно мирной исламизации южного Дагестана арабами в X—XV вв.: «Проникновение арабских элементов на Кавказ, в том числе и Дагестан, имело место и позже (т. е. после VII—IX вв. — Г. С.) и связано не с завоеванием, а мирным переселением или проповеднической деятельностью отдельных лиц» (стр. 159). В подтверждение этого положения приведен ряд убедительных фактов. В целом выводы автора интересны и новы. Жаль, что в статье нет ни фото, ни прорисовок надписей, поэтому читателю приходится принимать их содержание на веру. Кроме того, допущены досадные ошибки при переводе годов хиджры на наше летосчисление.

В статье Р. Г. Маршаева «О термине „шамхал“ и резиденции шамхалов» предлагается новое толкование термина «шамхал». В противовес существующему в исторической литературе мнению о возникновении этого термина в период татаро-монгольского завоевания автор, на основании анализа местных легенд и преданий, а также разных документов связывает его происхождение с пребыванием в Кумухе арабов. Возникновение этого термина Р. Г. Маршаев относит к периоду сельджукских завоеваний, в которых приняли участие и проповедники ислама из Сирии. По вопросу об этимологии самого термина «шамхал» автор высказывает следующие соображения: «Термин „шамхал“ произошел от соединения двух слов: „шам“ у лаков означает Сирия, а „хьул“, „хьал“ „хал“ — окончание слова. По законам словообразования лакского языка аффикс „хьал“ является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту... „Шамхал“ в буквальном переводе с лакского языка значит „выходец из Шама (Сирии)“» (стр. 168). Насколько верно предлагаемое Р. Г. Маршаевым толкование термина «шамхал», — судить трудно, но сама постановка вопроса представляет научный интерес.

Вторая часть статьи построена на доказательствах того, что шамхалы имели резиденцию не в Тарках, а в Кумухе. Это вызывает недоумение, так как и сам автор признает, что вопрос о центре шамхальства до XVII в. уже был решен до него¹. Литературные и архивные материалы, приводимые в данном разделе, еще раз подтверждают правильность выводов, сделанных Л. И. Лавровым на основании расшифровки и изучения надгробных памятников шамхалов, обнаруженных им в Кумухе.

В статье Д. Атаева «Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Семира)» делается предварительная попытка хронологической классификации средневековых памятников Аварии, выявленных и раскопанных автором в течение последних лет. Средневековый период Д. Атаев делит на три этапа: V—VII, VIII—X, XI—XIII вв. Эта схема в основном приемлема и соответствует хронологическим членениям средневековой истории Кавказа. Несмотря на то, что в рассматриваемых памятниках не были обнаружены монеты, необходимые для твердых датировок, автору удалось выделить руководящие формы материальной культуры, которые Д. Атаев справедливо считает эталонами, позволяющими датировать те или иные погребальные комплексы. Вводимый в научный оборот материал показывает последовательность развития материальной культуры Аварии на протяжении всего средневековья.

¹ Л. И. Лавров, Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIX, 1953; его же, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, «Сборник Музея антропологии и этнографии». т. XVII, стр. 378—384.

Следует особо отметить наблюдения автора относительно изменения погребальных сооружений и погребального обряда, которые к концу XIV в. принимают единую форму. За этими изменениями Д. Атаев видит явления этнического порядка, т. е. определенный этап в консолидации аварского народа. Это явление, по мнению автора, можно поставить в связь с проникновением элементов монотеистических религий (христианства и ислама) в местную среду. С этой интерпретацией можно вполне согласиться. Иллюстративный материал дает представление о планах отдельных погребений и инвентаря. К сожалению, для подтверждения столь серьезных выводов он слишком скуден. Надо пожелать, чтобы в дальнейшем раскопки ценного многослойного памятника — Галлинского могильника — производились в более широких масштабах, что, несомненно, позволит установить хронологическую шкалу и археологическую периодизацию средневековых памятников Аварии.

Статья П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев» основана на полевом материале, собранном автором в пятидесяти поселениях Кахибского и Гунибского районов Дагестанской АССР летом 1958 г. Она посвящена описанию отдельных памятников петрографии Аварии. Работа насыщена новыми фактами, с которыми автор обращается с большим знанием и умением. П. М. Дебиров проводит хронологическую классификацию памятников искусства резьбы по камню: эпоха язычества, эпоха христианства и эпоха мусульманства. Особенно интересна та часть работы, где раскрывается содержание композиций и сюжетов резьбы на камнях эпохи язычества. Можно спорить по поводу трактовки того или иного памятника, но общие принципы расшифровки представляются нам правильными. Материалы по народно-декоративному искусству аварцев, изложенные в данной статье, интересны не только искусствоведам, но и этнографам, и историкам.

Статья С. С. Агашириновой «Поселения лезгин в XIX — начале XX в.» — небольшое, но ценное исследование. Насколько нам известно, специальных работ, посвященных характеристике поселений лезгин, до настоящего времени не было. Статья написана в основном на полевом материале, собранном автором у дагестанских и азербайджанских лезгин. В статье содержатся сведения о расселении лезгин в районах Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР, а также краткая справка о местных природно-географических условиях, наложивших определенный отпечаток на характер поселений. Выявляя особенности возникновения и развития поселений лезгин, С. С. Агаширинова на фактическом материале доказывает культурное и этническое единство лезгинской народности.

Автор делает попытку классифицировать типы поселений и выявить причины возникновения этих типов.

С. С. Агаширинова выделяет три типа поселений: «хуьр» — селение, основной и наиболее распространенный тип поселения; «казмаляр» — отселок, образованный на местах временных зимних или летних пастбищ выходцами из основного селения; «оба» — вид отселка, основатели которого были пришельцами из различных селений. «Оба» бытовал лишь на равнине в бывших Кубинском и Кюринском ханствах. Существование «оба» как самостоятельного типа поселения ставится под сомнение многими авторами, которые большей частью отождествляют его с казмаляром. Выдвигаемое С. С. Агашириновой положение о том, что «оба» и «казмаляр» — два разных типа поселения, безусловно, заслуживает внимания, но нуждается в дополнительной аргументации, тем более, что привлекаемый ею материал весьма незначителен. Отмечая длительный путь исторического развития лезгинских селений от небольшого родового до современных крупных, С. С. Агаширинова убедительно показывает, что лезгинские селения в горах существовали с глубокой древности, причем наиболее древние из них были расположены в высокогорной зоне. Об этом свидетельствуют археологические и эпиграфические находки, народные предания и легенды. Вполне допустимо предположение автора, что впоследствии часть дагестанских лезгин переселилась в предгорную и плоскостную зону, где ныне живут кубинские лезгины. Этому в значительной степени способствовали благоприятные климатические условия Азербайджана. С. С. Агаширинова отмечает зависимость планировки поселений от рельефа местности. Если селения горных районов, основанные в глубокой древности, располагались обычно на крутых склонах гор и представляли собой крепости, защищавшие лезгин от нашествия врагов, то селения предгорной зоны, процесс образования которых особенно интенсивно шел с конца XVIII в., располагались более свободно, без тесноты и скученности построек.

Нельзя не согласиться с автором, что при заселении горных районов учитывалось стратегически-выгодное положение для обороны от врагов. Однако не следует забывать и существовавшего острого малоземелья в горах. Очевидно, что при выборе места поселения лезгины не могли не руководствоваться желанием сохранить под пашню все более или менее пригодные для этого земли. Поэтому под строительство жилищ не только у лезгин, но и у аварцев, лакцев и других народов Дагестана, как правило, отводились неудобные для земледелия места — горные уступы, скаты, холмы и др.

В рецензируемой работе прослеживается связь типа поселения с общественно-экономическим строем. Автор отмечает, что развитие феодальных отношений постепенно привело к исчезновению тухумного принципа расселения по кварталам. В большинстве селений отдельные кварталы стали населяться представителями различных родовых групп, но родовые связи продолжали еще играть в жизни лезгин значительную роль. Проникновение капиталистических отношений внесло ряд изменений в планировку селе-

ний, в формы жилища. Отмечая существенные изменения, внесенные в быт лезгинского народа в советский период социалистическим строительством, С. С. Агаширинова дает описание современного облика горных селений, а также аулов, возникших в результате переселения части жителей из высокогорных мест на равнину.

Статья С. Ш. Гаджиевой «Брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX в.» заполняет существующий в литературе пробел по этим вопросам. Хотя сведения по свадебным обрядам и обычаям народов Дагестана довольно обширны, однако они большей частью вкраплены в этнографические работы с другой тематикой и отрывочны. Специальных этнографических исследований чрезвычайно мало. Тем большее значение имеет рецензируемая работа.

С глубоким знанием дела С. Ш. Гаджиева дает чрезвычайно подробное описание всех сторон свадебного цикла, знакомит читателя с нормами брачных отношений и формами брака, существовавшими у кумыков в рассматриваемый ею период.

Большое место в свадебных торжествах, в которых принимали участие все односельчане, отводилось танцам, песням, выступлениям певцов-профессионалов, исполнявших главным образом богатирские песни. Не ограничиваясь литературными источниками, С. Ш. Гаджиева привлекает новые материалы по кумыкскому фольклору, особенно песенному творчеству, рассказы современников-очевидцев. В этом бесспорная заслуга автора.

Следует остановиться и на отдельных недочетах этой в целом весьма ценной работы. В начале статьи С. Ш. Гаджиева указывает на наличие в литературе по кумыкам серьезных методологических и фактических ошибок, но, к сожалению, существа этих ошибок не раскрывает.

Основная задача статьи, как мы узнаем из вводного раздела, состоит в том, чтобы проанализировать брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX в. Однако знакомство с работой показывает, что автор порою уделяет много внимания эмпирическому описанию свадебных обрядов и обычаев, без достаточного их анализа и обобщения. Так, остались не раскрытыми причины существования в прошлом помолвки и сватовства малолетних детей (стр. 252), обычаев «избегания» и других запретов, которые соблюдали девушки-невесты и молодые женщины (стр. 256) и др. Говоря о способах заключения брака, автор отмечает два вида умыкания: похищение девушки без ее согласия, насильственным путем, и похищение по добровольному соглашению. Во втором случае, по мнению автора, это давало возможность девушке вступить в брак по своему выбору. Автору следовало бы сказать и об экономических причинах, часто обуславливавших умыкание. В ряде случаев именно экономическая несостоятельность семьи жениха, не дававшая ему возможности внести определенную сумму калыма, заставляла его прибегнуть к умыканию.

Описанию небольшой части рутульцев (около 400 чел.), проживающих в селении Хнов — одним из отдаленных и труднодоступных пунктов Ахтынского района Дагестанской АССР, — посвящена статья М. М. Ихилова «Хновцы». Этнографические сведения, приведенные в статье, собраны автором во время поездки летом 1957 г. Ценность данной работы заключается в том, что в научный оборот вводится прежде не известный материал по хозяйству, быту и культуре хновцев.

Историческая часть статьи не представляет особого интереса, так как большинство материалов, приведенных в ней, уже известны по опубликованной работе Л. И. Лаврова «Рутульцы»².

Вызывает серьезные сомнения датировка надгробной плиты шейха Магомеда ибн-Асада VII веком. Самыми ранними памятниками мусульманской культуры на северной стороне Кавказского хребта считаются памятники X в. Как сообщает М. М. Ихиллов, плита шейха была им обнаружена в селении Хнов; текст был скопирован автором от руки с помощью местного жителя. Ни фотоснимка, ни эстампажа с памятника сделать не удалось. Поэтому нам думается, что вопрос о датировке данного памятника нуждается еще в проверке и уточнении. Тем более, что стиль надписи характерен для поздних памятников этого рода, а пропуск в дате тысячи — довольно частое явление в эпиграфических памятниках. Этнографический раздел статьи более содержателен. М. М. Ихиллов с большим знанием дела описывает хозяйство, быт и культуру хновцев до Октябрьской революции, приводит сведения, касающиеся их современного хозяйственного и культурного развития. Показывая коренные изменения, происшедшие в материальной культуре, семейном быту, обрядах и обычаях хновцев в советский период, автор указывает и на отдельные вредные пережитки прошлого, еще имеющие место среди отсталой части населения (выдача замуж дочерей без их согласия, выкуп за невесту и пр.). Надо отметить небрежность некоторых формулировок. Вряд ли правильно, например, утверждение М. М. Ихилова, что с вхождением Дагестана в состав России в жилище хновцев появилась русская печь. Насколько нам известно, нигде на Кавказе (в частности в Дагестане) — нет русской печи. Если она встречается в селении Хнов, надо было ее описать. Скорее же всего автор имеет в виду железную печь или плиту. Вызывает сомнение и следующее положение автора: «В конце XIX в., — пишет М. М. Ихиллов, — намечились сдвиги в развитии животноводства... В сельском хозяйстве появляются серпы и косы» (стр. 279). Возникает вопрос, при помощи каких же орудий в таком случае в более ранний период истории убирали хновцы зерновые, косили траву? Можно предположить, что косы действительно появились не раньше XIX в., что же касается серпов, то их быто-

² См.: «Сов. этнография», 1953, № 4.

вание на территории Дагестана следует связывать с более ранними периодами. Уже в памятниках, датируемых II тысячелетием до н. э. (Каякентское поселение)³, были найдены кремневые вкладыши для серпа. Правда, эти памятники обнаружены в плоскостной части Дагестана, но если принять во внимание, что археологами установлена однотипность культуры древних жителей плоскости и гор (каякентско-хороцевская культура), остается предположить наличие кремневых серпов и у предков хновцев. О распространении же у горцев Дагестана серпов в более поздний период свидетельствуют материалы ряда раскопок советских археологов⁴.

В статье М. М. Ихилова нечетко проведены параллели с культурой лезгин и рутульцев (хновцы являются частью последних) (стр. 281, 282, 284). Некоторые обряды, приписываемые только хновцам (напр., обычай провода невесты в дом жениха с зажженной лампой), как известно, существуют и у других рутульцев, а также у лезгин. Во многих местах автор упоминает, что хновцы имеют отличительные черты в культуре и быту, но в чем эти черты выражаются, для читателя остается неясным. На стр. 281, описывая одежду хновцев, М. М. Ихлов заявляет, что она «мало чем отличается от общерутульской и лезгинской». Далее следует перечисление составных элементов комплекса мужской и женской одежды. То же самое можно сказать и о жилище (стр. 280). В типах домов и планировке селения автор прослеживает главным образом черты, общие с остальными рутульцами, забывая о другой задаче своего исследования — выявлении специфики в материальной культуре, в частности в жилище, хновцев.

Трудно согласиться с не аргументированным положением автора о том, что одноэтажный дом с верандой заимствован хновцами из Азербайджана. Хорошо известно, что подобные дома встречаются у многих народов Дагестана — аварцев, кумыков, лезгин и др. Вряд ли их возникновение следует связывать только с азербайджанским влиянием.

Нельзя не упрекнуть издательство за обилие опечаток и неряшливость издания. Например, в статье М. М. Ихилова арабский халиф датируется «XII—X вв.» (вместо VII—X вв.); исторический период, когда хновцы находились в политическом и экономической зависимости от рутульских беков, определяется XVI—XII вв. (вместо XVI—XVII вв.). Статья П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев» в оглавлении значится под другим названием, а именно: «Резные камни в народно-декоративном искусстве аварцев». В статье Р. Г. Маршаева перепутаны даты: вместо 1396 г. значится год 1936 (стр. 171). О недостаточной тщательности редактировании свидетельствуют, например, следующие фразы: «Овцы давали населению молоко, мясо, сыр, масло, овчину, шерсть. Последние использовались на изготовление одежды и ковров» (стр. 279) или «Основной хозяйственной единицей у хновцев... составляла малая семья» (стр. 282).

Эти недочеты особенно досадны, потому что рецензируемый том «Ученых записок» является вкладом в историческую науку, дает представление о большой работе, проводимой в институте, и, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей знаний.

Г. Сергеева

С. Ш. Гаджиева. *Материальная культура кумыков XIX—XX вв.* Махачкала, 1960, 169 стр.

За последние годы усилиями советских этнографов создан ряд работ по этнографии Дагестана, позволяющих более глубоко и всесторонне изучить богатейшую материальную и духовную культуру этой многонациональной и многоязычной «Страны гор».

В предисловии к вышедшему в 1955 г. научно-популярному сборнику «Народы Дагестана» говорится о предстоящем выпуске специальных исследований по отдельным народностям Дагестана. Одним из таких исследований и является работа С. Ш. Гаджиевой «Материальная культура кумыков XIX—XX вв.» — работа очень нужная, так как сведения о кумыках в литературе скудны.

В книге С. Ш. Гаджиевой широко использованы документальные материалы Центрального государственного архива Дагестанской АССР, Центрального государственного военно-исторического архива, фонды местных музеев, произведения дореволюционных и советских авторов, периодическая печать, рассказы и воспоминания старожилов. Но основным источником автор справедливо называет «самые предметы материальной культуры: орудия производства, жилища и иные постройки, одежду, посуду, утварь и т. д., сохранившиеся до наших дней».

Книга содержит большой полевой материал, чему немало способствовало знание автором языка, быта и обычаев кумыков. В ней последовательно освещаются основные элементы материальной культуры, что видно уже из названия глав: 1. Поселение; 2. Жи-

³ См.: А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, стр. 131.

⁴ Неопубликованные материалы Д. М. Атаева (Бежитинская экспедиция Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1959).

лище; 3. Одежда; 4. Пища. Во введении дан общий очерк хозяйства кумыков в XIX—XX вв.

Работа носит серьезный, исследовательский характер. Автор не только описывает, но и критически осмысливает факты, привлекая большой сравнительный материал. На конкретных примерах показано положительное значение культурного влияния русских на кумыков. Мы узнаем о появлении здесь в середине XIX в. железного плуга, улучшении обработки земли, выращивании новых сельскохозяйственных культур — картофеля, свеклы, помидоров, усовершенствовании оросительной системы, росте городов, развитии торговых связей и т. д. Строительство в 1890-х годах железной дороги между Ростовом и Баку, в особенности ее Петровской ветки, которая проходила от самой границы Хасавюртовского района до р. Самур, способствовало втягиванию кумыков в сферу хозяйства России, ускорению развития экономики кумыков, особенно их засулакских районов.

Заслугой автора является обстоятельная характеристика конкретных живых черт социалистического преобразования жизни и быта кумыков. Создаваемая на протяжении веков материальная культура кумыков получила в советское время все возможности для своего дальнейшего развития на новой основе. Успехи социалистического строительства в СССР обеспечили невиданный подъем материального благосостояния и культуры всех народов страны, в том числе и кумыков, внесли крупнейшие изменения в их быт. Это убедительно и ярко показано в работе С. Ш. Гаджиевой.

В первой главе автором дается характеристика кумыкских селений. В период феодализма им была свойственна бессистемная планировка, большая скученность. В каждом селении имелась главная улица, от которой в разные стороны расходились маленькие кривые улочки и переулки. На главной улице выделялось здание джума-мечети и были расположены дома богачей. Наблюдалась односторонняя застройка улиц жилыми домами.

Автор показывает постепенное изменение облика кумыкских селений, их перепланировку, правильно связывая это с развитием общественно-экономических отношений. С проникновением капитализма появляются двухэтажные дома купцов с большими окнами, балконами и остекленными галереями, складываются особые торговые кварталы; торговые помещения строят на русский лад. Возникают параллельные улицы. Крупные изменения в характере сельского строительства произошли в советское время. Центром общественной жизни становятся те кварталы, где сосредоточены административные и культурно-просветительные учреждения. Жители густонаселенных старых кварталов переселяются на новые улицы. Новостройки располагаются на более низких местах, где легче осуществлять водоснабжение и озеленение.

В этой же главе поднят вопрос о возникновении кумыкских селений, вопрос сложный, связанный с этногенезом кумыков, для решения которого требуются дальнейшие исследования. Приводимые автором предания о возникновении с. Башлы, с. Алхаджикент и другие предания, в которых фигурируют «1000 белых лошадей, слепых на один глаз», «чучело на трех ногах в широких женских штанах», не вносят ясности и лишь утяжеляют главу. Часть селений, как указывает автор, была создана переселенцами с гор. Расположение селений в труднодоступных горных местах, при наличии рядом низменности, правильно объясняется потребностью обороны от набегов врагов. Можно лишь добавить, что в Дагестане, испытывавшем большой земельный голод, это вызывалось и необходимостью сохранить плодородные земли низменной части поляны.

Глава о жилище — наиболее интересная в книге. Автор показывает жилище кумыков в развитии от простого однокамерного до современного многокомнатного дома, связывая этот процесс с развитием экономики и общественных отношений. В работе дана характеристика двух древнейших типов жилья. Первый — «алачыкъ» — представлял собой сплетенное из прутьев сооружение цилиндрической формы с конической крышей, напоминающее войлочную юрту кочевников; второй — «тавчуй» — простейший однокомнатный дом без окон, с очагом-костром посередине.

К сожалению, жилище типа алачыкъ не исследовано в достаточной степени, не выявлены границы его распространения; в XIX и начале XX в. оно было у кумыков как хозяйственное помещение. Автор лишь упоминает о «данных фольклора», называющих алачыкъ жилищем кумыков, но не приводит этих данных и не указывает источников. Имеется основание предполагать, что алачыкъ было древним жилищем лишь засулакских кумыков и не типично для южных кумыкских районов.

Непонятно, почему автор рассматривает саманное четырехугольное жилище с обычной плоской крышей как дальнейшую эволюцию алачыкъ, а не как самостоятельный тип строения.

У южных кумыков, селения которых расположены в возвышенной местности, более древним было, очевидно, жилище типа тавчуй, характерное и для других горцев Дагестана, тогда как засулакские кумыки не знают такого типа сооружений.

Конечно, изрезанность рельефа, подобная которой едва ли существует в другой стране мира, породила множество вариантов форм жилья, но лишь вариантов: древнейший тип один — обширная комната, служившая жильем большой семьи.

Описание тавчуь (тавча уьй — комната, построенная по-горски, горская комната) дается в работе не совсем ясно. На стр. 58 автор пишет: «Такой дом состоял из одной большой комнаты, которая тонкой перегородкой была разделена на две части: «тавчу» и «тачу вышаны» (г. е. наружная сторона «тавчу»). Перегородка шла до потолка. Ее

обычно делали из хвороста и обмазывали глиной...» В данном случае речь идет об одной комнате. А под рис. 9 на стр. 57, изображающим план этого дома, читаем: «План тавчу с пристройкой», т. е. имеется и комната, и пристройка. Что же представляет собой вторая половина: часть старинного однокомнатного дома или более позднюю пристройку к нему? Вернее всего, последнее. Очевидно, в прошлом ни перегородки, ни пристройки не существовало. Вся жизнь семьи проходила в большой комнате с очагом посередине (к сожалению, автор не указывает хотя бы приблизительные ее размеры). И лишь впоследствии в домах состоятельных семейств была выделена перегородкой или пристройкой вторая комната.

Тавчу тышаны характеризовалась лучшим убранством, чистотой, дым костра сюда не проникал, и она могла быть использована для приема гостей. О более позднем появлении тавчу тышаны говорит и указанная автором разница в уровне полов: в очаговой половине пол был на 20—25 см выше.

Вопрос об освещении тавчуш автор излагает противоречиво. Так, на стр. 58 говорится: «Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и через наружный вход». А несколькими строками выше читаем: «Перегородка... прикрывала сидящих у окна и защищала их от внезапного нападения».

Автор показывает большие прогрессивные изменения в жилище кумыков, происшедшие в советскую эпоху: дома стали многокомнатными, плоская земляная кровля сменяется двускатной железной и черепичной крышей; появились высокие потолки; повсеместное распространение получили большие остекленные окна; получила развитие отопительная система — от серединных очагов-костров без дымоходов до печей различных конструкций, как комнатных, так и надворных.

В книге сделана попытка показать положительный опыт строительства жилищ. По своей конструкции жилище все больше приближается к новому типу, свойственному современной сельской архитектуре. При этом удачно применяются национальные элементы декора (украшение деревянных частей дома — балоков, столбов, дверей, ставен, ворот резным орнаментом, резьба по камню, лепка по глине и т. д.). Изучение опыта народных мастеров в связи с развернувшимся после XX съезда КПСС жилищным строительством приобретает большое значение.

Глава «Одежда» — единственная пока в литературе попытка исследования одежды кумыков, причем автор подробно останавливается не только на самих предметах одежды, обуви, оружия и украшений, но подвергает рассмотрению и материал, из которого они изготавливаются. Со знанием дела автор говорит о производстве тканей, обработке овчины, окраске и т. д. Уже в XIX в. привозные ткани фабричного производства начали вытеснять ткани домашнего изготовления. Но гордская одежда была доступна только зажиточным людям. В настоящее время широкое распространение получила современная одежда — белье и верхнее платье, изготовленные на фабриках и в артелях.

Большие изменения произошли в питании кумыков. Наряду с мясной и молочной, широкое распространение получила растительная пища. Увеличилось потребление фруктов и овощей, стали более совершенными способы их заготовки впрок. Гастрономические и бакалейные товары, ранее не являвшиеся предметами народного потребления, также получили широкое распространение. Изменились кухонная утварь и сервировка стола.

Автор показывает, что сходство исторических судеб кумыков и других народностей Дагестана, их древние этнические, культурные и исторические связи определили и сходство их материальной культуры. Но вместе с тем элементы своего, присущего лишь кумыкам сохранились и в какой-то мере сохраняются и сейчас.

В целом рецензируемая работа представляет собой весьма ценное исследование по этнографии одной из народностей Северного Кавказа — кумыков и значительно расширяет наши знания о народах Дагестана.

М. Кургузова

Х. М. Х а л и л о в. *Лакский песенный фольклор*. Махачкала, 1959, 152 стр.

Памятники богатого народно-поэтического творчества горцев Кавказа начали записывать и издавать с 70-х годов прошлого столетия. В этом отношении особенно повезло нартским эпическим сказаниям, известным не только у всех горцев Северного Кавказа, но также у абхазцев, сванов, рачинцев и др.

На собрание и издание памятников песенного творчества горцев Кавказа обращалось мало внимания. Между тем, они представляют не меньший этнографический интерес, чем нартский эпос. Многие историко-бытовые и обрядовые песни также существуют у некоторых горских народностей, что облегчает историко-этнографический анализ этих песен. Нельзя, например, плодотворно изучать абхазские обряды и песни о человеке, пораженном молнией, не привлекая аналогичный материал осетин, или исследовать осетинские исторические песни, связанные с переселением горцев в Турцию в 1860-х годах, не зная их адыгейских, карачаево-балкарских, кабардинских, чеченских и других вариантов.

Состав и генезис отдельных сюжетов и мотивов северокавказского нартского эпоса привлекали внимание многих крупных отечественных и зарубежных ученых. Изучением же разнообразных обрядовых, бытовых, лирических и исторических песен горцев мало кто занимался. Отдельные небольшие очерки о песнях включены только в общие обзоры народного устного творчества осетин, кабардинцев и некоторых других горских народов.

Сами горцы в основном только после Великой Октябрьской социалистической революции стали планомерно и интенсивно собирать и издавать свои национальные песни. С этими песнями начали знакомить в школах, изучать их в вузах, они вошли в репертуар национальных ансамблей песни и пляски и хоров при радиокомитетах горских областей и республик. Песням Кавказа посвящены и специальные исследования в научных учреждениях на местах, где выращены кадры специалистов из среды горцев.

Рецензируемая книга Х. М. Халилова, научного сотрудника Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, — «Лакский песенный фольклор» представляет особый интерес как одно из таких исследований песен народов Кавказа. Лак по национальности, автор, владея родным языком, хорошо ориентируется не только в идейно-художественном содержании лакских песен, но и в особенностях их изобразительных средств. Книга состоит из двух частей. В первой, после краткого введения, где Х. М. Халилов говорит об истории записи и издания лакских песен и о современной методике их собирания и публикации, дан общий обзор лирических песен лакцев, затем детально рассмотрены семейно-бытовые, любовные, шуточные песни и песни социального протеста. Во второй части, после краткого обзора эпических песен лакцев, автор анализирует героические песни и характеризует наиболее талантливых исполнителей лакских песен. При анализе песен автор широко использует историческую и этнографическую литературу.

Автор отмечает, что лакская поэтическая песня, как правило, не имеет определенной мелодии, связанной с одним песенным текстом: «На одну и ту же мелодию поются слова различных песен, или же один и тот же текст можно петь на совершенно различные мелодии» (стр. 15). Это характерно в большей или меньшей степени и для лирических песен других горских народов.

Большой группой старинных лирических песен являются семейно-бытовые, в основном о тяжелом положении женщины в семье мужа, например:

И на мельницу я,
И на молотбу я,
Мне пыльная лепешка,
А мужу — прекрасный чурек.

(стр. 26)

В песнях про отходников повествуется о разлуке девушки с любимым человеком, о тяжелом труде отходника и о несбыточной надежде его о возвращении домой хорошо обеспеченным. В песнях социального протеста выражено неотразимое желание свободы, уничтожения социального неравенства:

Как же остановить сердце в груди,
Жаждущее свободы для всех бедняков?

(стр. 37)

Чтоб сгорел в крови
Этот проклятый мир.
Где одни плачут от горя,
Другие поют от радости.

(стр. 37)

При анализе поэтических особенностей лакской лирической песни автор отмечает частое употребление диалогической речи, обилие эпитетов, повторов, антитез («У богатых над крышей солнце, а у бедных — тень крыши богатых»), гипербол, риторических возгласов, перекрестной рифмы и пр. Лакская лирическая песня большей частью четырех- и одиннадцатисложная, во втором случае — с цезурой после четвертого слога.

Так называемые героические песни насыщены историческим содержанием. В песне о Парту Патиме рассказывается о лакской девушке, которая отважно боролась с полчищами Тимура и убила двух его лучших богатырей. В песне о разгроме Надир-шаха отражено нашествие этого персидского военачальника на Дагестан в 1737—1741 гг. и тот отпор, который дали ему дагестанские народы; борьбу возглавил Муртазали, сын сдавшегося в плен лакского царя Чулак Сухрая. Отметим, что в аварском варианте этой песни есть интересное указание певца на то, как повествование об историческом событии постепенно превращается в песню: «То, что было правдой, становится преданием» или «Нынче начнешь повесть... песней она стала, поется всюду» (97). Герои этой песни именуются нартами (нарт-вырталл; стр. 94, 112), а главный герой — Муртазали — обрисован эпическими чертами:

Его руки словно столбы,
Его глаза словно тарелки.

(стр. 102)

Конь (по прозвищу «дупдул») у героя «ветряной», т. е. несущийся быстро, подобно ветру (ср. в осетинском нартском эпосе «дурдура»).

Песни о набегах, называемые иногда «песнями дедов», рассказывают о вторжениях лакцев и других дагестанцев в Грузию с целью захвата имущества и рабов, что особенно участилось при грузинском царе Ираклии II; в песнях старики протестуют против таких набегов, боясь за жизнь своих детей. Отражен в этих песнях и старинный общегорский обычай: если головной убор горянки брошен среди сражающихся врагов, бой немедленно прекращается.

Антифеодальные песни XVI—XVII вв. про Магди, кумухского Саэда, «Султана из Хуна», «Батира Хучулава» и др. рассматриваются автором с обстоятельным обоснованием исторических причин зарождения этих песен. В них звучит непримиримая ненависть к феодалам и решимость покончить не только с ними, но и с их потомством, например в песне о сожжении двух сыновей Нуцала (см. стр. 131). В песне про Бук-Магомеда, одного из военачальников Шамиля, рассказывается о гибели его в бою с Аргутинским. В песне о Давди, относящейся к XIX в., описывается, как он был отравлен по приказу безжалостного лакского хана Агалара.

В главе о народных певцах указывается, что они исполняют под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов не только традиционные песни, но и песни, сложенные ими самими.

Важно утверждение автора, что «ислам не сумел убить народную песню, которая развилась вопреки всяческому запрету» (стр. 8). К сожалению, в книге не рассмотрена обрядовая поэзия. Даже там, где упоминается о наличии у дагестанцев (следовательно, и у лаков) праздника «выхода плуга» (стр. 5), не дано его описания и не приведено связанных с этим праздником обрядовых песен. Для сравнительного анализа устного творчества горцев на этой проблеме также полезно было бы остановиться.

Х. М. Халилов пишет, что при анализе народного песенного творчества он отбирал «все то, что выражает народное трудовое прогрессивное мировоззрение», и поясняет свою мысль следующими словами: «Нам дороги песни, отразившие образ труженика и труженицы» (стр. 14). Но вследствие такого подхода в рецензируемой книге и выпало исследование обрядовых песен (например, песен при засухе). Лакский фольклор вообще представлен несколько односторонне. Автором опущены, без всякой мотивировки, многие жанры песен: рабочие, охотничьи, плясовые, детские и пр.

Следовало бы сказать в книге и о том, как стихи лакских поэтов-профессионалов превратились в массовые народные песни. Недостаточно четок принцип деления песен на группы. Разве, например, в группу песен о социальной жизни народа не входят песни о неволе?

Работа издана на русском языке, следовательно, рассчитана преимущественно на русского читателя. А раз это так, то следовало бы дать первыми не лакские тексты песен, а русский перевод их, притом, в интересах науки, был бы желателен, кроме поэтического перевода, и подстрочник. Необходимо было бы дать точный перевод и всех заглавий песен и пояснения лакских слов и выражений, оставшихся непереуведенными (например, *годекан*, *чагана*, *бисмиллаг*, *салават*) или переведенных малопонятно: «*хозяин головы*» (стр. 29), «*серебряная грудь*» (стр. 33) — название традиционного нагрудного украшения женщин.

Можно пожелать, чтобы издание книги «Лакский фольклор» явилось стимулом к появлению исследований о песнях различных горцев Кавказа.

Б. Алборов

М. Н. Насирли. *Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР*, 1959, 140 стр.

Нахичеванская АССР в этнографическом отношении представляет собой наименее изученную часть Азербайджана. Специальных исследований, посвященных материальной и духовной культуре местного населения, не имеется. Исключением является труд И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи», имеющий к тому же лишь косвенное отношение к данному краю, да несколько более частных описаний отдельных городов и селений, выполненных преимущественно в дореволюционное время. Работа М. Н. Насирли — первая попытка более полного описания одной из сторон материальной культуры — народного жилища и сельских поселений, — имеющая целью восполнить существующий пробел в наших сведениях об этнографии республики.

Рецензируемая книга состоит из небольшого введения, трех глав и заключения. Во введении излагаются задачи и цели работы и отмечается актуальность разрабатываемой темы для истории Азербайджана и современной практики жилищного строительства в республике. В первой главе дается краткий географический и исторический обзор Нахичеванской АССР, приводятся данные о ее территории, границах, населении, политико-административном устройстве. Во второй главе рассматриваются поселения края. Описываются климат и рельеф страны, отразившиеся на характере и типе сельских поселений, подробно излагается история заселения территории республики, рассматриваются социальные и производственные отношения населения в средние века и в XIX в. Большое внимание уделено в главе вопросам планировки поселений и усадеб, причем

автор вносит излишне дробные элементы систематизации. Эти разделы иллюстрированы планами и чертежами.

В третьей, основной, главе книги рассматриваются крестьянское жилище, быт, обычаи, связанные со строительством жилищ, строительные материалы, и, наконец, народные способы возведения построек и т. п. По литературным источникам, а также по народным материальным памятникам прошлого, сохранившимся до настоящего времени, автор реконструирует архаические типы жилья — полуподземный карадам (жилище с ступенчато-пирамидальной кровлей, покоящейся на четырех столбах) и наземный лучший дом с плоской земляной крышей, перечисляет формы жилища кочевников. Вместе с тем автор проводит детальное подразделение современного крестьянского жилища — двух-, трехраздельного саманного или каменного дома — в зависимости от ровки, устройства интерьера, расположения на участке двора и т. д. на большое количество видов и разновидностей. Более бегло говорится о хозяйственно-бытовых постройках, особенно о ремесленно-производственных и культурно-просветительных. В заключение книги автор отмечает почти полное тождество жилища азербайджанцев, основного населения республики, с жилищем национальных меньшинств края — армян и курдов. По его мнению, обусловлено длительным совместным проживанием всех этих народов и сходными чертами их культуры и быта.

Современное сельское поселение и жилище Нахичеванской АССР, отмечает Насирли, еще сохраняет на сегодняшний день многие черты прошлого — узкие и кривые улицы, малогабаритную и нерасчлененную жилую площадь, соединенную подчас в единый блок с хозяйственными помещениями, и т. д. Однако в результате проведенного в последние годы укрупнения колхозов и возросшего благосостояния колхозников облик нахичеванских селений начинает постепенно меняться. Наиболее интенсивно этот процесс протекает в деревнях, расположенных на приараксинской равнине. Тем не менее в некоторых современных нахичеванских селениях еще много неразрешенных вопросов, требующих безотлагательного внимания со стороны советских и партийных органов и райкомов и республики в целом. М. Н. Насирли на некоторые из них указывает: 1) пример, на необходимость перепланировки старых селений, упорядочения индивидуального крестьянского строительства, в частности — более широкого внедрения типовых архитектурных проектов, и т. п. Этот упор на современность, стремление практически советом помочь решению задач сегодняшнего дня вместе с богатым фактическим материалом, собранным автором, составляют главное достоинство рассматриваемой книги.

Вместе с тем, работа М. Н. Насирли не свободна от некоторых существенных недостатков, в значительной степени снижающих ее научную и познавательную ценность. Так, в ней совершенно обойден вопрос о роли и влиянии различных этнических элементов в сложении народного жилища края. Во введении и в первой главе (стр. 5) автор много говорит о факторах, оказывающих воздействие на формирование народного жилища; в их число он включает климат, рельеф, особенности хозяйственной жизни населения, под которыми, очевидно, следует понимать уровень социально-экономического развития, но ни разу не упоминает о культурных и этнических связях населения Нахичевани с соседними народами. Нельзя сказать, чтобы автор отрицал или недооценивал сложность этногенеза азербайджанцев Нахичевани. Наоборот, он неоднократно указывает, что на данной территории в различные исторические времена осели многочисленные пришлые племена и народы — ассирийцы, скифы, мидийцы, болгары, а после присоединения края к России — армяне¹ и русские. Однако все это излагается не в связи с развитием жилища, а в связи с вопросом о заселении местности и отчасти с историей отдельных населенных пунктов. Действительно, что может сказать автор о влиянии на народную архитектуру, оказанном теми же ассирийцами, скифами и мидийцами, само пребывание которых на данной территории представляется еще весьма проблематичным? Гораздо важнее было бы сосредоточить внимание на выяснении роли ближайших соседей азербайджанцев — армян, доля участия которых в этнической истории и формировании материальной культуры края гораздо значительнее, чем роль всех других перечисленных народов, вместе взятых. Понять и отобразить процесс сложения и развития нахичеванского народного жилища без учета самых тесных культурных и исторических связей, существовавших на протяжении многих столетий между народами Нахичевани и соседней Армении, на наш взгляд, представляется совершенно невозможным.

В работе М. Н. Насирли неверно трактуется вопрос о происхождении крестьянского двора и усадьбы как следствия «проникновения в село чужеродных племен» и смешения их с аборигенами края, что, по мнению автора, «привело к изменению структуры

¹ Утверждение автора (стр. 34 и др.) относительно появления армян в крае после присоединения последнего к России не соответствует действительности. Армянское население на территории Нахичевани известно с древнейших времен; несколько ниже сам М. Н. Насирли отмечает, что «еще до присоединения Нахичеванского ханства к Российской империи некоторые села ханства объединяли в своих пределах разноязычные народности: армян, азербайджанцев и т. д. Например, в с. Тумбуз, состоявшем из 14 дворов, 7 дворов были азербайджанскими и 7 армянскими; в с. Ярымджа — соответственно 8 и 14 дворов; в с. Шихмахмуд — 7 из 33, в с. Бадамлы — 10 из 15, в с. Нурс — 7 из 23, в с. Ашагы Адамы — 8 из 14 и т. д.» (стр. 36). Однако из этой фразы понять, где идет речь об армянах, а где — об азербайджанцах — невозможно.

поселений: каждая крестьянская семья стала ограждать свой двор от соседей, как от чужих» (стр. 35). Это — надуманное объяснение, не имеющее ничего общего с действительностью. Возникновение обособленной сельской усадьбы — результат появления частной собственности на орудия и средства производства и зарождения новых социально-экономических отношений, пришедших на смену коллективной собственности и прежним родовым порядкам; инфильтрация «чужеродных племен» здесь ни при чем.

Ненаучно объясняет автор и происхождение узких улиц в нахичеванских селениях, особенно в горных, считая, что главными причинами в этом случае явились «патриархально-родовые отношения, ограничивавшие права землепользования в общине, без разрешения которой никто не мог самостоятельно предпринимать какие-либо действия для благоустройства улицы», а также применение «несовершенных видов транспорта» (стр. 50). Как известно, узкие улицы сел — обычное явление для периода средневековья, результат прежде всего крестьянского малоземелья, типичного для феодального строя и наиболее остро ощущавшегося именно в горных районах.

Не соответствует также действительности и утверждение автора, что «наиболее распространенным в Нахичеванской АССР типом жилых домов является карадам с эйваном» (стр. 94). Даже в конце прошлого столетия для края, особенно для его низменных районов, в которых проживала большая часть населения, основным видом жилища был однокомнатный турлучный дом с плоской земляной кровлей, что подтверждается как сохранившимся старым жилым фондом республики, так и письменными источниками, в частности некоторыми из тех, на которые ссылается сам М. Н. Насирли. Не следует также забывать, что карадам — это жилище большой патриархальной (а в древности материнской) семьи, которая в Нахичевани, как и в большинстве других районов Азербайджана, в XIX в. доживала свои последние дни.

Серьезные возражения вызывает резкая диспропорция отдельных частей работы и неодинаковая ценность представленного в ней материала. Так, если описанию поселений в книге отведена целая глава, жилищу — восемь обширных разделов (стр. 70—115), то хозяйственным, общественным, ремесленно-производственным постройкам и сооружением, вместе взятым, уделено всего 15 страниц. При этом, например, каждый из таких разделов, как «Хозяйственно-бытовые постройки», «Культурно-бытовые постройки», «Культурно-просветительные постройки» и «Ремесленно-производственные постройки», составляет от пяти до пятнадцати общих фраз. В то же время в книге много излишних сведений из области истории и географии, которыми, помимо специальной первой главы, заполнены первые страницы и двух последующих глав, в результате чего встречаются повторения. Так, в книге трижды (стр. 14, 31, 49) говорится о поселении мидийцев на территории края, два раза (в историческом очерке и в начале главы о поселениях) — о первоначальных этапах (палеолите, неолите и т. п.) его этнической истории. Особенно подробно излагаются вопросы землевладения, землепользования и социальных отношений в нахичеванской деревне в период существования самостоятельного феодального ханства и в XIX в. (стр. 37—44), что, по сути дела, не имеет прямого отношения к основной теме работы. Много в книге также общеизвестных истин и общих рассуждений вроде того, что «жилище необходимо человеку для отдыха, ночлега; здесь он укрывается от жары, холода, хранит в нем имущество, продукты и т. д.» (стр. 70).

Чтение рецензируемой книги затрудняется также из-за большого числа искажений имен. Например, персидский царь Кир назван Кирсом (стр. 14), немецкий историк-искусствовед Диз — Диром (стр. 17, прим. 2). В работе встречаются плохо отредактированные фразы. Так, на стр. 48 (в примечании) читаем: «Многоводная река Аракс, протекающая вдоль всей южной границы республики с Персией и Турцией, вследствие низкого расположения по сравнению с территорией мелиоративной техники, не могла способствовать развитию сельского хозяйства края» и т. п.

Тем не менее в целом работа М. Н. Насирли по содержащемуся в ней фактическому материалу заслуживает внимания со стороны тех, кто интересуется этнографией Азербайджана.

В. Кобычев

М. А. Бикжанова. *Семья в колхозах Узбекистана. На материалах колхозов Наманганской области*. Ташкент, 1959, 136 стр.

Глубокое, всестороннее изучение жизни народа, в частности семьи и семейного быта, имеет не только большое теоретическое, но и огромное практическое значение.

Стоящая перед советским народом задача построения коммунизма вызывает необходимость создания подлинно передовой семьи и решительной борьбы с феодальными и капиталистическими пережитками в семейно-брачных отношениях и семейном быту. Поэтому исследование истории семьи, как справедливо отмечает автор во введении к своей книге, «является одной из важных проблем изучения жизни народных масс страны Советов, осуществляющих под руководством Коммунистической партии переход от социализма к коммунизму» (стр. 6). Исходя из этой мысли, основной своей

целью автор рецензируемой книги ставит показ на этнографическом материале процесса сложения колхозной семьи в условиях Узбекистана и преодоления пережитков прошлого.

М. А. Бикжанова не является пионером в изучении колхозной семьи Средней Азии. Этому посвящены многие страницы в работах С. М. Абрамзона¹, Н. А. Кислякова², в «Среднеазиатском этнографическом сборнике» (вып. 1 и 2), в Трудах археолого-этнографических экспедиций и особенно — в журнале «Советская этнография» за послевоенный период. Колхозная семья узбеков была частично исследована и самой М. А. Бикжановой в книге «Прошлое и настоящее селения Айкыран», где этому отведена специальная глава³. Интерес советских этнографов к изучению семьи вызван актуальностью этой проблемы в настоящее время.

Рецензируемая книга является плодом многолетней полевой работы автора. В ней содержатся материалы, собранные М. А. Бикжановой во время неоднократных поездок (в основном в течение 1951—1953 гг.) в колхозы Наманганской области Узбекской ССР, ныне вошедшей в Андижанскую область. Вопросы семьи и семейного быта изучались автором в двенадцати колхозах, наиболее типичных для этой области. Как известно, данная область находится в Ферганской долине — жемчужине Узбекистана, древнем центре земледелия, и потому выбор автором объекта исследований надо признать весьма удачным.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении дается краткий обзор литературы по данной теме, а также общая характеристика современного хозяйства и культуры Наманганской области (в частности, обследованных колхозов).

Первая глава — «Из прошлого колхозной семьи» посвящена описанию дореволюционной семьи узбеков вообще и исследуемой области в частности. Автор отмечает, что для предреволюционного периода была типична неразделенная семья, состоявшая из двух поколений брачных пар и являвшаяся переходной формой от большой патриархальной семьи к малой семье. Однако принцип выделения из такой семьи женатых сыновей получил уже силу обычая, чему способствовало проникновение в Фергану товарно-денежных отношений. Для такой семьи были характерны деспотическая власть главы семьи, браки, заключаемые по воле родителей, многоженство в зажиточных семьях, уплата за невесту калыма или отработка за жену, развод только по инициативе мужа, бесправное положение женщины, особенно невестки, затворничество женщины.

Во второй главе — «Положение женщины в сельских районах после Октября» автор прослеживает путь борьбы за раскрепощение и фактическое равноправие женщины в этот период. Приводится содержание законодательных актов Советского правительства — запрещение многоженства, калыма, установление брачного возраста. Затем автор подробно излагает мероприятия, направленные на повышение культурного уровня женщины, вовлечение ее в общественную и производственную жизнь, на борьбу с затворничеством, неравноправием женщины в семье и обществе. Формы этих мероприятий, как известно, были весьма разнообразны: комиссии по улучшению быта (КУБТ), женотделы, институты женделегаток, так называемые «семейные кружки» (оиляви тугарак), курсы ликбеза, вовлечение женщины в различные виды кооперации, в частности создание кустарно-промысловых и бедняцких женских артелей. М. А. Бикжанова рисует также картину борьбы самой женщины за свое раскрепощение — поистине героические поступки передовых женщин 20-х годов, решившихся выступить против невежества и косности, злобных выпадов реакции, в частности духовенства, и нередко жертвовавших за это своей жизнью. Она останавливается на движении, известном под названием «Худжум», в 1927 г. — массовом сбрасывании паранджи.

Особо автор останавливается на значении коллективизации сельского хозяйства для достижения женщиной фактического равноправия и экономической независимости. Ярко показана в книге роль узбекских колхозниц в различных областях трудовой и общественной жизни в предвоенные годы и годы войны, а также в послевоенный период.

В последней главе «Современная колхозная семья» автор на конкретных примерах рассматривает коренные изменения, происшедшие в семейных отношениях узбеков в советский период. Носителями нового, прогрессивного начала были коммунисты и комсомольцы, воины, вернувшиеся с фронтов первой мировой и гражданской войн, наиболее сознательные женщины. Автор показывает значение колхозного строя в деле создания новой семьи, роль просветительной и воспитательной работы, школы, а также расширения политического кругозора и повышения общего культурного уровня колхозников.

¹ С. М. Абрамзон, *Киргизская семья в эпоху социализма*, Л., 1957.

² Н. П. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, С. П. Русаякина, *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства*, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIV, М.—Л., 1954, стр. 111—194.

³ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, *Прошлое и настоящее селения Айкыран*, Ташкент, 1955, стр. 179—236.

Подробному анализу подвергнуты отношения между супругами, между братьями и сестрами, отношение к престарелым родителям и к детям, улучшение положения невестки. Автор констатирует заключение браков по взаимной склонности, изживание ранних браков, увеличение числа смешанных (в отношении национальной принадлежности) браков. Автор рассматривает также ряд моментов, связанных с заключением брака — сватовство (которое теперь превращается в проформу), расходы на свадьбу, регистрацию в загсе и отношение к мусульманскому акту бракосочетания, изживание старой обрядности, а также разводы и их причины.

Автор отмечает, что в исследованных им районах, при довольно еще широком распространении пережитков неразделенной семьи, типичной стала моногамная семья (стр. 121). Большевесемейный уклад с некоторыми патриархальными чертами частично сохраняется лишь в силу традиции, причем и такие семьи в корне отличаются от прежних, вследствие экономической и правовой независимости их членов (стр. 122—132).

Основываясь на обширном материале, автор проводит мысль о том, что «семья в советское время не является частным делом, как это было до революции; в ее судьбах, в здоровой основе семейного быта заинтересовано все советское общество и государство в целом. Ее внутренний строй и отношения между ее членами, несмотря на их индивидуальный, личный характер, не отгорожены от общества стеной; они обусловлены общественными отношениями и находятся под общественным контролем» (стр. 88).

Работа завершается кратким заключением, в котором даны общие выводы.

Основные проблемы, связанные с темой исследования, решены М. А. Бикжановой удачно. Одним из важных упущений автора, однако, является недостаточное освещение семейного быта. Между тем, описание повседневной жизни колхозной семьи помогло бы, несомненно, еще ярче показать современное положение женщины, являющейся активным членом нового социалистического общества, обрисовать коренные отличия современной семьи от дореволюционной. Вопросы быта отодвинуты в работе на второй план, — в результате отдельные явления в семье остались невыясненными. Например, на стр. 47 и далее, говоря о значении семейных кружков (онияви тугарак), автор отмечает, что они способствовали проведению по-новому семейных празднеств по случаю рождения ребенка, свадьбы и т. п., но для читателя остается непонятным, в чем заключается это «новое»⁴.

Не уделяет автор должного внимания также исследованию хозяйства семьи и семейного бюджета, вскрывающего экономические основы и внутреннюю динамику развития семьи. Между тем, это дало бы представление как об уровне материальной жизни, так и об экономическом значении в семье общественного хозяйства, сыгравшего в конечном счете решающую роль в создании новой крестьянской семьи.

Не совсем убедительно показаны в книге пережитки феодально-байского отношения к женщине в современных условиях. Автору следовало бы, не ограничиваясь общими фразами, быть более смелым, вскрывая пороки, унаследованные от прошлого, в семье и семейных отношениях. Ведь кому, как не ученому-этнографу, заниматься этим важным вопросом и тем самым помочь советскому обществу в искоренении вредных пережитков.

Во введении автор слишком кратко останавливается на истории проблемы. Нужно было бы более подробно охарактеризовать работы дореволюционных исследователей, особенно таких, как супруги Наливкины; их труд «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886) имеет непосредственное отношение к теме рецензируемой работы.

В целом же рецензируемый труд представляет, несомненно, ценность для этнографического изучения узбекского народа.

И. Джаббаров

⁴ В 1925—1930 гг. «семейные кружки» были распространены почти повсеместно в районных центрах и крупных кишлаках Наманганской области. Целью этих кружков было вывести женщин из затворничества, поднять их культурный уровень и приучить их к товарищескому общению с мужчинами. «Семейные кружки», распространенные первоначально в среде коммунистов, комсомольцев и сельских активистов, способствовали установлению равноправных отношений между женщинами и мужчинами. В такие кружки объединялось несколько семей, которые собирались поочередно друг у друга в доме, обычно в выходной день, по пятницам. Иногда готовилось угощение, собравшиеся вели беседы; на таких кружках по-новому отмечались семейные праздники. В некоторых районах «семейные кружки» приобретали более общественный характер, типа собраний, на которых читались доклады и лекции. Со своих собраний члены таких кружков уходили организованно, так как необходимо было оберегать женщин от возможных нападений реакционных элементов. В свое время «семейные кружки» сыграли положительную роль в борьбе с феодально-байским отношением к женщине, способствовали установлению равноправных отношений между мужчинами и женщинами.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ ОБЩИННОГО ПРАВА В НОРВЕГИИ

(По поводу статьи R. Frimannslund «A Cluster Settlement in Western Norway»)*

Норвежский Институт сравнительного изучения культурных явлений, основанный в 1922 г. в Осло, с 1928 г. добавил к своей программе исследование развития форм крестьянской общины. До этого времени в стране не было организованного изучения бытующих донные пережитков характерного древнего права крестьянской общины, хотя норвежскими правоведами, историками и экономистами (Ф. Брандт, Э. Хериберг, Г. Танк, А. Тарангер, К. Вистед, О.-А. Енсен и др.) была проделана значительная работа по исследованию форм и путей развития общины, правда в основном в средневековой Норвегии. За 30 лет Институт собрал значительный полевой материал — около 15 тыс. рукописей. Однако обработано и опубликовано до сих пор немного: только четыре монографии, рассматривающие лишь часть хозяйства, — его горно-пастбищный сектор (сетер). Остальные материалы не опубликованы. Сотрудники Института занимаются узкими темами и работают над монографиями фактически изолированно. В этом плане счастливые исключения составляют несколько вышедших из печати докладов проф. А. Холмсена, Х. Бьерквика и особенно Р. Фриманнслунд, в течение многих лет занимающейся изучением общинных традиций норвежского крестьянства. Еще в конце 1930-х годов, будучи студенткой, Фриманнслунд участвовала в полевых экспедициях в Западной Норвегии. В 1943—1946 гг. она собрала по вопросам, разработанным Институтом, значительный материал, а в настоящее время руководит в Институте работами Отделения по изучению крестьянской общины. Ею написан по полевым материалам ряд небольших, но весьма интересных статей и сообщений, характеризующих современное положение западнонорвежской общины и общинные традиции норвежского крестьянства¹.

Рецензируемая работа Фриманнслунд «Групповые поселения в Западной Норвегии» посвящена историко-этнографическому исследованию отношений, возникающих между крестьянами, жилые и хозяйственные постройки которых образуют одно общее групповое поселение — тун (tun), а их земля, в прошлом составлявшая общую собственность, постепенно (особенно после закона 1857 г. о консолидации и перераспределении земель) становится частной собственностью. К сожалению, эта важная проблема решается автором весьма односторонне. Прежде всего, работа не дает четкого представления о той социальной среде, в которой до наших дней живут старые общинные традиции. Не выявлен также характер изменения этих традиций в связи с постоянно продолжающимся процессом все более углубляющейся в условиях капитализма классовой дифференциации норвежского крестьянства и не показано использование общинных традиций крупными буннами (кулаками) в целях усиления эксплуатации мелких буннов и хусманнов (батраков-арендаторов). Между тем, из работы по отдельным штрихам становится ясным, что батраки-арендаторы работают не только в хозяйствах района, но и в самом туне Стейнсланне, исследованию общинных традиций в котором посвящена работа. Мы узнаем, правда, по сообщенному мимоходом, что в долине Мудалена, где проводилось исследование, в 1900 г. проживала 41 семья крестьян-землевладельцев (неизвестно, крупных или мелких) и 10 семей батраков-арендаторов (стр. 210) и что по каким-то причинам один батрак-арендатор покинул арендуемую в Стейнсланне землю (год, когда произошел этот факт, не сообщен). Современный социальный состав изучаемого туна и селений долины Мудалена остается неясным. Исследовательница отрывает конкретные условия развития форм собственности в туне от общего капиталистического развития страны и часто сводит происходящие капиталистические преобразования архаических форм собственности и изменения традиций землепользования к внутрихозяйственной рационализаторской деятельности хозяев туна, идеалистически объясняя совершающиеся социально-экономические преобразования². Располагая большим фактическим материалом, иссле-

* Статья опубликована в издании: «Géographie et histoire agraires», Université de Nancy, Memoire № 21, 1959, стр. 209—220.

¹ См.: R. Frimannslund, Fellesskap og avhengighet i gård — og bygdesamfunn, Bergen, 1945; е е же, Gård — og grannesamfunnsundersøkelsen, Oslo, 1955; е е же, Co-operation and Exchange Work in Norwegian Cluster-Settlements, «The village», т. II, № 1, London, 1956, стр. 19—22; е е же, Church-Huts, «The village», т. II, № 2, London, 1956, стр. 55—57; е е же, Farm Community and Neighbourhood Community, Reprint from, «The Scandinavian Economic History Review», Stockholm, 1956, стр. 62—81.

² Так, она сообщает, например, что в начале 20-х годов, когда владельцы Стейнсланна пришли к выводу, что система ежегодного обмена лугами весьма трудоемка и что менее хлопотно пользоваться теми же полосами длительный срок (а столетиями этого не замечали!), ежегодный обмен участками по взаимному устному соглашению был прекращен.

довательница неоправданно мало внимания уделяет изучению генезиса капитализма в сельском хозяйстве Норвегии. Между тем хозяйство, перестав быть в капиталистической Норвегии натуральным, все более втягивалось в товарное производство продуктов животноводства на продажу, для чего нуждалось в более интенсивном использовании кормовой базы; однако этому препятствовал ежегодный передел лугов.

Работа страдает излишним описательством, композиционной рыхлостью и объективистским подходом к тем или иным явлениям, что подчас лишает исследовательницу возможности сделать правильные выводы из собранного материала. Однако, несмотря на серьезные недостатки, которые имеются в исследовании, для историка и этнографа оно представляет определенный научный интерес, так как содержит ценные фактические данные о характере землепользования в конкретном туне в глухом районе страны, где уцелели некоторые архаические формы собственности.

Фриманнслюнн выбирает для подробного анализа наиболее оригинальное, по ее мнению, поселение — тун Стейнсланн в долине Мудалена, севернее Бергена. На основании проведенных упомянутым Институтом по всей стране топонимических исследований, автор по суффиксу — land и некоторым археологическим изысканиям считает, что данный тун, по-видимому, существовал уже до 1000 года нашей эры. После опустошительной эпидемии чумы в XIV в. тун, как и многие другие поселения в районах с неплодородной землей, был покинут на 200 или более лет. Но с 1600 г. здесь уже значится одна семья, в 1661 г. — две, а между 1665 и 1701 гг. поселилась третья семья, причем все три хозяйства совместно владели землей. Три хозяйства сохранились на этой земле до наших дней.

Стейнсланну принадлежит территория в 150 км². Но эта площадь занята в основном горами, горными реками и озерами. Только небольшая часть земель покрыта лесами, а культивируемые земли составляют мизерную часть площади — при перераспределении в 1953 г. их значилось 376,1 декара³. Пахотные земли представляют собой тонкий перегнойный слой на каменистом грунте, на котором затруднительно возделывание зерновых культур⁴. В прошлом немалое значение имели рыболовство в озерах и горных реках, являвшихся общинной собственностью, а на общинной земле — охота. Основным же богатством Стейнсланна являлись и являются тучные пастбища и луга, обеспечивающие хорошее развитие животноводства; например в 1860 г. луга и пастбища Стейнсланна давали две трети зимних запасов сена, а одна треть дополнялась приусадебными пашнями, на которых, ввиду слабых урожаев злаковых, также высевались травы, особенно в более позднее время — в конце XIX и первой половине XX в.

Наиболее важная и интересная часть работы Фриманнслюнн посвящена анализу форм землепользования в туне. Еще полстолетия назад все угодья, кроме пашен, находились в общинной собственности. Карта владений туна до 1953 г. показывает, что используемая в хозяйстве земля до перераспределения состояла из 130 небольших участков. Каждый хозяин имел свой участок пользования на разных по местоположению, качеству и назначению угодьях. Пахотная земля была в частной собственности, и большая часть ее располагалась на приусадебном участке (innmark), отгороженном от общинных пастбищ общим забором. Часть пахотной земли находилась среди пастбища, и каждый отдельный кусок пашни был также огорожен. Луга не принадлежали постоянно какой-либо крестьянской семье, а ежегодно по очереди переходили к каждой по участкам. В период жизни последних поколений главы хозяйств время от времени пересматривали качество участков и устанавливали «как можно более справедливые границы», увеличивая или уменьшая общее число и размеры участков (стр. 214). Фриманнслюнн не указывает, каковы социально-экономические основы подобного передела.

В начале 1920-х годов луга перешли в частную собственность. А в 1953 г. при окончательном перераспределении земель была проведена консолидация пашен и луговых угодий в целые частновладельческие участки. Однако пастбища еще и теперь находятся в общем пользовании, а леса разделены на отдельные держания среди трех хозяйств.

В перераспределенном районе имеется также некоторое количество смешанных луговых и лесных угодий, и здесь наблюдается особенно сложная форма собственности. Луг, например, принадлежит одному хозяину, а редколесье на этом лугу — другому. Но владение угодьем усложняется тем, что существует особая традиция в отношении одного из видов деревьев — ольхи. Это дерево распределяется по жребью. На чисто лесном угодье, где все деревья принадлежат одному лицу, каждый из его двух соседей может иметь в собственности ольховые деревья. Объясняется это сравнительно недавним (с XIX—XX вв.) переходом лесных участков в частную собственность и известной непрочностью представлений о праве частной собственности на них. На лугу же ольха принадлежит хозяину луга, ибо считают, что владеlec

³ 1 декар = 0,1 га.

⁴ Стейнсланн в переводе означает «Каменная земля», что хорошо характеризует малоплодородную почву данной местности.

травы (луга) был вправе решать, следует ли расти побегам молодой ольхи или надо скосить их вместе с травой, и если оставлял, то для себя. Особое положение ольхи в Норвегии объясняется тем, что из ее древесины выжигают уголь, дающий, в отличие от древесного угля других пород, менее сильный жар, что используется при заострении лезвий серпов (которое производится здесь не точением, а выковыванием). Серпы еще кое-где в глухих западных областях страны, где техника остается низкой, до последнего времени сохраняют некоторое значение.

Интересна история возникновения участков пашни среди пастбищ. Все названия этих огороженных пашен имеют комбинацию с суффиксом «-trede». Первоначальное значение этого слова — место, вытоптанное скотом. Фриманнслюнн установила, что раньше эти участки были огороженными каменным забором загонами для скота, где производилось доение коров, и было легче защищать скот от диких зверей ночью. Эти ограды никогда не воздвигали на болотистой земле, а строили только на сухих местах. За несколько лет участок вытаптывался скотом и, обильно унавоженный, представлял отличное место для выращивания зерна. Таким образом, эти участки превращались в зерновые поля, которые были защищены сохранившимся забором от скота, пасущегося на расположенном вокруг пастбище. В настоящее время слово «trede» по традиции применяется для обозначения любого огороженного и даже неогороженного участка пахотной земли.

Вблизи туна такие первые пашни на местах загонных скота были со временем разгорожены, а от пастбищных земель, где оставались огороженные участки пашни, приусадебный участок был отделен одним общим забором. По мере роста пашен изгородь между приусадебным участком и пастбищем удалялась от туна. Однако остатки каменных стен непосредственно вокруг территории старого туна Стейнсланна свидетельствуют о том, что даже сам тун был когда-то также огорожен⁵.

Фриманнслюнн отмечает, что в древности и даже еще в первой половине XIX в., особенно до 1830 г., в Норвегии был широко распространен обычай, согласно которому каждый землепользователь имел право огородить для себя участок общинной земли под зерновое поле. В Стейнсланне это правило также существовало, однако, как и в других местах, здесь следили за тем, чтобы никто не брал долю больше, чем у других общинников. Вся земля должна была находиться в общей собственности или равно поделенной на три части для пользования. Фриманнслюнн не могла конкретно проследить всю эволюцию перехода общинной земли в частнособственническую ни на примере Стейнсланна, ни по любому другому туну. Однако она выдвигает ряд интересных мыслей для вскрытия подоплеку такого перехода. Потребность в собственной земле возникала постепенно и не включала все элементы общинной собственности. Пахотные участки первыми перешли в частную собственность. Затем, видимо, собственностью стала трава на лугах (но не сами луга!), в то время как другие общинники получили право владения на деревья на том же самом участке (но не на сам участок!). Сознание собственности на непахотную землю, травой и лесом которой владели крестьяне, было первоначально слабым или совсем отсутствовало. Оно относилось, вероятно, не к земле, а к тому, что земля производила. Норвежская исследовательница резюмирует, что чувство собственности на землю выросло с медленным процессом улучшения обработки почвы и что во время этого длительного процесса право на пользование землей, принадлежавшей общине, медленно развилось в право индивидуально владеть землей как частной собственностью. Стейнсланн является одним из примеров того, что право владеть ею индивидуально вместо права использовать сообщается является удивительно молодым.

Работа Р. Фриманнслюнн иллюстрирована двумя планами приусадебных земель старого и нового Стейнсланна и четырьмя фотоснимками: на первых двух изображены верховья долины Мудалена и местоположение в ней туна Стейнсланна, на двух других — участки пашен с типичными для горной Норвегии изгородями из камня и веток.

Г. Анохин

⁵ В Норвегии существует версия, что первоначально слово *tun* означало ограждение, забор, изгородь вокруг двора, усадьбы, хутора. Фриманнслюнн берет это под сомнение на том основании, что в других районах Норвегии обычно отсутствовали изгороди вокруг старых поселений.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Ким Иль Чхул. *Чосон минсок тхаль нори ёнку* (Этнографическое изучение корейских игр в масках), Изд-во Академии наук КНДР, Пхеньян, 1958.

Институт археологии и этнографии Академии наук Корейской Народно-Демократической республики предпринял издание серии публикаций по этнографии. В 1958 г. вышел первый выпуск этой серии: монография научного сотрудника Института Ким Иль Чхула «Этнографическое изучение корейских игр в масках». Автор в течение ряда лет вел полевые исследования и сбор материалов по играм в масках в различных районах Северной Кореи.

В журнале «Мунхва юсан» им были опубликованы интересные статьи, посвященные этому своеобразному виду древнего искусства корейского народа¹.

Рецензируемая работа Ким Иль Чхула является первым монографическим исследованием игр в масках. Она основана на собранном автором огромном полевом материале и на корейских и китайских письменных источниках. Книга состоит из шести глав, предисловия, краткого заключения и приложения. Каждая глава представляет собой отдельный законченный очерк и снабжена солидным научным аппаратом.

В монографии имеются две карты Кореи с указанием районов распространения игр в масках, большое количество иллюстраций и 32 фототаблицы, воспроизводящие танцы в масках, их персонажи, типы масок различных районов Северной Кореи (Понсан, Чхэрен, Кирын) и др. Киринские маски считаются наиболее древними из ныне существующих в Корее².

Как указывает автор в предисловии, рецензируемая книга является первой попыткой этнографического изучения традиций и развития игр в масках. В Корее существует несколько видов игр в масках: «тхаль нори» — народные игры в масках, «сандэ нори» и «огвандэ нори» — театрализованные представления в масках. Игры в масках (иногда корейский термин «нори» переводится как танцы) имеют древние традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Они занимали особое место среди ежегодных народных празднеств, связанных с сельскохозяйственным календарем — началом сева, уборкой урожая, а также в культовых обрядах.

Основное место в книге отведено народным играм в масках — тхаль нори. Изучение народных игр в масках началось в Корее только после освобождения страны. До этого как корейские, так и зарубежные исследователи ограничивались изучением истории театрализованных представлений «сандэ», получивших развитие в Корее в период династии Корё (918—1392)³.

Сандэ, ее истоком, происхождению, формированию и оформлению (сюжет, маски, костюмы) посвящена V глава. Автор на основе изучения древних летописей пришел к выводу, что танцы в масках имели широкое распространение в период Силла (57 г. до н. э.—935 г. н.э.) и развились потом в драматическое представление. Тхаль нори, по определению автора, представляют собой соединение песни, танца, диалога и пантомимы. Автор указывает, что тхаль нори по сравнению с другими видами игр в масках, бытующих среди народа, — «нонак нори» (крестьянские танцы) и «кут нори» (шаманские игры) являются более сложными и стоят на более высокой ступени развития театрального действия. Тхаль нори занимали большое место в народных празднествах. Они обычно продолжались всю ночь и вплоть до конца XIX в. являлись любимым развлечением корейского народа. В играх в масках нашли свое непосредственное выражение жизнь народа, его сознание и чувства.

В первой части книги автор рассматривает вопрос о происхождении масок вообще. Он указывает, что танцы в масках существовали в первобытную эпоху и развивались на основе трудовой деятельности человека. Эти положения подкреплены ссылками на исследования советских ученых (П. П. Ефименко, М. О. Косвен и др.).

Большое место в работе занимает описание и исследование различных видов танцев, особенно игр в масках в провинции Хванхэ (глава VI), где более всего сохранились древние традиции танцев в масках. Там автору удалось найти замечательных исполнителей этих танцев, таких как Ли Ги Ен, Ким Су Чхона и др. В отличие от других районов, танцы в масках этой провинции имеют определенный сюжет. Обычно это довольно сложное театрализованное представление, в котором участвуют танцоры в масках старого монаха, дворянина, шаманки и др.

Игры и маски в каждом районе Кореи имеют свои отличительные особенности. Так, маски района Хэчжу более реалистичны и близки к человеческому облику. Для масок же района Понсон характерны гротескные уродливые или комические образы. Эти маски отличаются яркими, пестрыми красками. Маски делаются из бумаги, тыквы, горлянки и значительно реже из дерева. В книге подробно описываются игры в масках и типы масок различных районов: Понсан, Сохым, Хэчжу, Каннен.

Исторический анализ происхождения отдельных видов масок, и танцев, сделанный автором на основе письменных источников, позволил ему вскрыть различные корни

¹ См. ж. «Мунхва юсан», 1957, № 1, 3, 4, 6; см. также рец. Ю. В. Ионовой «Этнографические материалы в журнале «Мунхва юсан», «Сов. этнография», 1959, № 2

² «Мунхва юсан», 1957, № 6.

³ На русском языке о сандэ см.: «Новая Корея», 1956, № 2.

происхождения тех или иных масок. Автор отмечает наличие в Корее масок, связанных с тотемом, служивших для устрашения врага и имевших культовое значение. Примером маски, связанной с тотемом, может служить маска «льва» — сачжи. Танец льва в Корее сохраняет свое значение и в наши дни. Другие маски животных — коровы, тигра, зайца, распространенные на восточном побережье страны в районе Пукчхон и в провинции Северный Хванхэ, утратили свое былое значение. Автор проделал большую работу по исследованию возникновения и происхождения игр льва в Корее, имеющих широкое распространение, хотя, как известно, львов в Корее нет. Он указывает, что танец льва проник в Корею извне, в эпоху Силла в V—VI вв., и развивался на основе традиций танца тигра, имевшего большое распространение среди народа силла. Впоследствии танец тигра трансформировался, и заимствованный образ льва слился с образом тигра. В народе до сих пор танец льва часто воспринимается как танец тигра (стр. 9). Маска льва обычно делается белого цвета и напоминает иногда морду теленка, тигра или кошки. В тигре, по религиозным представлениям корейцев, воплощается лесной дух. Тигру приписывались сверхъестественные свойства: он мог перевоплощаться в путника, красивую девушку и т. д. В книге отмечается, что вера в лесных духов была распространена в Корее повсеместно очень широко еще 20—30 лет тому назад. Верования, отождествляющие тигра с лесным духом, и обряды, связанные с тигром, уходят своими корнями в глубокую древность. Они сопровождалась музыкой и песнями и продолжались несколько дней и ночей. Все это подтверждает, что тигр был тотемным животным. Танец тигра, по мнению автора, мог возникнуть подобно медвежьему празднику у других народов в связи с религиозным представлением о тигре как тотеме. Добавим, что культ тигра нашел отражение и в некоторых обрядах, связанных с охотой на него (костюм, съедание печени тигра перед охотой и др.).

В Корее были распространены и маски воинов, надевавшиеся для устрашения врагов.

Отдельные виды танцев в масках связаны с религиозными ритуалами изгнания «злого духа», как, например, танец «мэгва», исполнявшийся группой людей, которые, играя на народных инструментах (барабаны, флейты), обходили дома. Автор указывает на наличие в Корее религиозных обрядов — «наре» (от китайского слова «на» — прогонять, изгонять бесов) ⁴. Наре в Корее связаны с обрядами заклинания злых духов, и при их исполнении надевались маски, изображающие духов. Некоторые танцы этих обрядов напоминают китайские. Автор подчеркивает большое сходство корейского обряда «тэмен» с древним китайским танцем «пансанси». В обоих случаях надевалась четырехглазая желтая маска и вывернутая шкура медведя. В книге дается подробное описание отдельных классических танцев, бытующих в Корее до настоящего времени, таких как «Чхоенму», «танца с мечами» и др. Танец «Чхоенму» восходит ко второй половине IX в. В то время его танцевали вчетвером, в гротескных масках и сопровождали возгласами. В танце «Чхоенму» автор находит отражение веры в морского духа-дракона. Впоследствии этот танец был драматизирован, и в нем принимали участие до 70 человек. Другой классический танец — «танец с кинжалами» — исполнялся, как сообщает автор, в эпоху Силла и в XIV—XV вв. в маске, которая впоследствии исчезла.

Размеры рецензии не позволяют нам всесторонне осветить вопросы, поднятые автором в его труде. Но и приведенные примеры свидетельствуют о большом научном значении этой работы, содержащей огромный фактический материал.

Работа Ким Иль Чхула ценна не только для специалистов, занимающихся изучением культуры Кореи, но и для широкого круга ученых — этнографов, историков, искусствоведов. В ней содержатся интересные сведения о народном искусстве — танцах в масках, зарождении театрализованных представлений, ранних формах религиозных верований и др. Желателен перевод книги на русский язык.

Ю. Ионова

ЖУРНАЛ «МАДЖАЛЕЕ МАРДОМШЕНАСИ» (1956—1958) *

Выходящий с 1956 г. ежемесячный журнал «Маджалее мардомшенаси» (Этнографический журнал) — орган Музея народоведения в Тегеране. На его страницах публикуются статьи и исследования иранских и иностранных ученых, освещающие различные стороны истории, быта, материальной и духовной культуры народов Ирана в прошлом и настоящем.

⁴ Архимандрит П а л л а д и й, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, ч. 1, стр. 447.

* «Маджалее мардомшенаси». Аз энтешарате эдарее колль хонархае зебае кешвар. Маджалее махиане. Тегеран (Этнографический журнал. Издание Главного управления изящных искусств. Издается ежемесячно). Главный редактор Али Ганибал. Годы издания первый и второй, Тегеран, 1956/57, 1958 (1335, 1337 иранской солнечной эры).

Журнал открывается рядом статей, в которых дается определение содержания и задач этнографии как науки. Нельзя не отметить, что в этом принципиальном вопросе иранская этнография, находясь в теоретическом отношении под сильным влиянием идеалистических течений европейской буржуазной науки, а подчас и под воздействием националистических настроений, еще не выработала у себя правильной научной методологии и четкого понимания задач этнографии как науки. Так, например, д-р Шафак (Тегеранский университет), встав на позиции социального дарвинизма, рассматривает этнографию как часть биологии; основную задачу этнографии он видит в изучении различных племен и народностей с точки зрения их «исторической жизнеспособности»¹. Во многих статьях, особенно принадлежащих буржуазным европейским ученым, усиленно проповедуются реакционные идеи «антропологической теологии»², а также исключительности «иранского народа, обладавшего еще в отдаленном прошлом якобы более ясным и тонким мышлением, чем остальные народы»³.

Основной интерес в рецензируемом журнале представляют, естественно, статьи и публикации передовых представителей иранской интеллигенции, содержащие полевого этнографического материал; к характеристике некоторых из них мы сейчас переходим.

Иранские ученые уделяют большое внимание фиксации некоторых сохранившихся до наших дней древнеиранских обычаев и обрядов. Статья Джихангира Михрбанпура «Свадебные обряды у зороастрийцев в окрестностях Иезда»⁴ основана на результатах личных наблюдений и даже участия в некоторых из них. Любопытно некоторые приведенные автором факты: во время помолвки жених и невеста обмениваются гранатом и зелеными ветками (кипариса или мирта)⁵. Иногда невеста одаривает жениха шелковым зеленым платком. Жених и невеста обмениваются золотыми кольцами⁶. До свадьбы жених имеет право иногда навещать невесту. Во время свадебной церемонии жених и невеста сидят рядом, и мубед во второй раз спрашивает согласие двух сторон. В это время один из приятелей жениха, стоя над ним, кладет на ладони рук яйцо и бросает его в воздух так, чтобы, упав, оно разлетелось на мелкие кусочки. Символику этого обряда автор объясняет так: если частички яйца можно собрать, то можно разорвать и семейные узы. Свадьба происходит вечером и в доме жениха, и в доме невесты. После ужина гости со стороны жениха отправляются за невестой. В доме невесты в это время готовятся к ее отправке в дом жениха. После того как гости со стороны жениха и со стороны невесты встретятся, отец невесты берет ее за руку и выводит вперед. Лицо невесты в это время закрыто большим шелковым платком зеленого цвета. Вся шумная процессия отправляется в дом жениха. По дороге у каждого дома складывают небольшие костры⁷, произносят благожелательные стихи и осыпают невесту сахаром и леденцами⁸. У дома жениха невеста останавливается, и ее отец требует у отца жениха подарок — пайандоз⁹ (это может быть баран, теленок, посуда и т. д.). Подарок включается в приданое невесты. Затем невесту вводят во двор, и жених вместе с дехмубедом, а иногда со своей сестрой трижды обводит ее вокруг разложенного во дворе костра¹⁰. Во время этой церемонии молодых осыпают конфетами и серебряными монетами. После завершения третьего круга жених и невеста идут в комнату и садятся на приготовленное для них ложе. В комнату вносят сосуд с шербетом. С лица невесты снимают покрывало, и жених поит ее шербетом. Гости расходятся. Автор отмечает, что правилом для зороастрийцев является единобрачие. Развод у них не принят. Вторичный брак возможен в случае смерти мужа или жены. В этом случае каждый из них волен в своем выборе. Брак разрешается девушкам с 14 лет, а юношам — с 15 лет. По зороастрийской религии разрешается кузенный

¹ См. рецензируемый журнал, 1956, № 1.

² См., например, статьи проф. А. Корбена (Парижский университет) в рец. журнале, 1956, № 2, и 1958, № 4, 5, 6.

³ См., например, статью «История религиозных верований в Кермане» (рец. журнал, 1956, № 2), а также статью проф. П. Эври (Кембриджский университет) в рец. журнале, 1958, № 1—3.

⁴ См. рец. журнал, 1956, № 1.

⁵ Ср.: Садек Хедаят, Нейренгистан, «Переднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIX, М., 1958.

⁶ Предварительные переговоры и помолвка происходят при посредстве дехмубеда, а на свадебной церемонии присутствует мубед, который, по объяснению автора, живет в городе и только в особых случаях приезжает в деревню (мубед — духовное лицо зороастрийцев).

⁷ Ср.: Н. А. Кисляков, Сочинение Абу Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник, «Труды АН Таджикской ССР», т. XXVII, 1954, стр. 60), где автор отмечает, что «традиция зажигания праздничных костров сохранялась главным образом на территории древних Согда, Осрушаны и прилегающих к ним районов», т. е. на территории древнего распространения зороастризма.

⁸ Ср.: Р. А. Галунов, Средняя персидская свадьба, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», XIII, 1930, стр. 193.

⁹ Пайандоз — букв. подстилка под ноги.

¹⁰ Ср.: Н. А. Кисляков, Указ. соч., стр. 60.

брак (дочери сестры отца — амма и сына брата отца — аму, а также детей сестер по матери — халэ). Принято также, чтобы зороастрийцы заключали браки только среди своих единоверцев.

В том же номере журнала помещена статья, посвященная небольшой группе древнеиранского населения — сабейцам, часть которого живет на юге Ирака, а другая часть (около 5 тыс. человек) — в Иранском Хузистане. Основная масса сабейцев живет в городах Ахвазе, Хоррамшахре, Абадане и занимается ювелирным ремеслом: изготовлением серебряного оружия и чеканкой по серебру. Статья в основном построена на материалах европейских авторов.

Как бы непосредственным дополнением к одной из первых иранских публикаций народных поверий, обычаев и обрядов¹¹ служит статья Н. Таджрибе Кар «Некоторые древние обычаи»¹². Внимание автора привлекли районы Кермана, Забуля, Берджена и Табаса, где еще живы различные доисламские верования и обычаи, сохранившиеся и в быту мусульман. Вот их краткое содержание: «Суфре андохтан»¹³ — гадание об исполнении желания; для него в комнате расстилают чистую скатерть и расставляют еду. При этом режут обязательно черную курицу. Место, где ее режут, должно быть абсолютно темным (где не видно ни неба, ни солнца). При ее приготвлении обязательно соблюдение ритуальной чистоты. Когда скатерть разостлана, берут чисто вымытое яйцо, заворачивают в вату, посыпают сверху майораном «авшан» (ogiganum majogana) и в посуде с растертой солью ставят на край скатерти. Затем зажигают несколько свечей, и на огонь сыплют испанд и ладан. Все эти обряды, пишет автор, у зороастрийцев исполняет мубед, а у мусульман — мулла. Приглашенные, родственники и соседи, должны тихо сидеть в соседней комнате. Двери комнаты, где разостлана скатерть, крепко закрывают, дочь царя пери должна спокойно отвеждать угощение. Перед тем как войти в комнату, мулла или мубед произносит молитву и только тогда зовет владельца скатери. Последний должен также прочесть молитву, назвать желаемое и провести по векам сурьмой. После этого всех приглашают к скатерти. Кости и все, что остается от курицы, должно быть зарыто в землю или брошено в проточную воду. На следующий день яйцо, которое было завернуто в вату, несут к человеку, гадающему по яйцам. Обычно это зороастриец. Он внимательно рассматривает яйцо и определяет, приняла дочь царя пери эту скатерть или нет. «Суфре андохтан» обычно проводят в дни нового года (весеннего равноденствия), хотя иногда это гадание совершается и в другое время. Аналогичен описанному обряд «бу хош кардан» — подношение курения. В этом обряде вместо еды на скатерть ставят зелень, цветы, ладан, испанд, куриное яйцо и сурьму. Это гадание больше распространено у бедняков. В своей молитве мубед, обращаясь к дочери царя пери, просит простить хозяину скатерти его бедность и исполнить его желание.

В статье описаны также два обряда, связанные с «устранением дурного глаза» — «назар гирифтан» и «заг сохтан»¹⁴. Последний является также и своеобразным гаданием о судьбе человека по тому, как квасцы горят и какую они примут форму, предсказывают судьбу.

Небольшим группам населения, живущим территориально изолированно и сохраняющим вследствие этого ряд характерных черт в материальной и духовной культуре, посвящены также две статьи, помещенные в № 1—3 рецензируемого журнала за 1958 г. Хабиб Ягмаи в статье, посвященной центральным областям Большой соляной пустыни¹⁵, подчеркивает, что язык жителей этого района в значительной мере сохраняет форму среднеперсидского языка. В подтверждение автор приводит названия некоторых селений, входящих в район Джандаке Биабанак, и дает этимологию каждого из них. В статье приведены также образцы кыта¹⁶, написанных на местном диалекте; к ним приложен словарь диалектных слов и выражений, встречающихся в тексте. Статья хорошо иллюстрирована, приложена подробная карта района. Большой недостаток этой статьи, как, впрочем, и журнала в целом, — отсутствие характеристики современных социальных отношений и жизненного уровня в деревнях. Бедственное положение населения автор объясняет только неблагоприятными климатическими условиями и отсутствием воды. Лет 30 назад сам Хабиб Ягмаи был организатором одной из первых государственных школ в этом районе. Позже было создано еще несколько школ, но этого, как пишет сам автор, недостаточно для 140 деревень. О медицинском обслуживании жители не имеют никакого представления.

Описанию одного из южных районов Ирана посвящена статья Хасана Дарахшана «Племена Джебалбареза»¹⁷. Автор побывал в трех волостях Джебалбареза — Амджаз, Гаукан и Максун и собрал материал по верованиям, свадебным обрядам и обычаям,

¹¹ См.: Садек Хедаят, Указ. соч.

¹² См. рец. журнал, 1956, № 4—5.

¹³ Суфре андохтан — букв. расстилание скатерти.

¹⁴ «Назар гирифтан» — устранение дурного глаза. «заг сохтан» — сжигание квасцов.

¹⁵ Хабиб Ягмаи, Джандаке Биабанак, рец. журнал, 1958, № 1—3.

¹⁶ Кыта — стихотворение из 2—3 или более стихов с рифмой типа *a, a, ...a*.

¹⁷ По современному административному делению Джебалбарез является одним из четырех районов (бахшей), входящих в шахристан Джирофт, который в свою очередь входит в восьмой астан с центром в г. Кермане.

связанным с похоронами и трауром. Население этого округа насчитывает 10 тыс. человек. В условиях гористой местности основное занятие населения — скотоводство, разведение лошадей и мулов и отчасти садоводство. По религии жители Джебалбареза мусульмане-шииты, в отличие от соседних белуджей-суннитов. Наиболее детально дано описание свадебных обрядов, в основных чертах совпадающее с известными в литературе описаниями персидской свадьбы. Особенно подчеркиваются обязательная стрельба из ружей при въезде в деревню, состязания в быстрой езде на лошадях, танцы вокруг костра под звуки барабана и саза. Распространен мужской танец с палочками — «чубази», хорошо известный у соседних белуджей. В качестве образца местного диалекта приведен народный тасниф¹⁸.

Статья Яхьи Зека о скороходах, сопровождавших вельможу при выезде и расчищавших ему путь, подробно излагает приемы тренировки и церемонии, связанные с поступлением в скороходы. Статья снабжена рисунками с изображением скороходов в различные эпохи, начиная с Сефевидов, и подробным описанием их одежды¹⁹.

В статье Сейда Мухаммеда Хашими «Изобретение каризов. Каризы Кермана»²⁰ автор приводит предания, связанные с изобретением каризов в Кермане, и различает два вида водоподъемных сооружений: для неглубоких колодцев — «дулаб», а для глубоких — «гоугард». Первое сравнивается с распространенным в арабских странах водоподъемным сооружением «нория». Глубина известных в Кермане колодцев доходит до 120—160 м, а протяженность каризов — до 8 фарсангов. Говоря о времени их появления, автор отмечает, что среди названий основных из них чаще всего встречаются имена эпохи Ахеменидов и Сасанидов. К статье приложен интересный рисунок гоугарда (букв. — «вращаемый быком»). На рисунке нанесены названия всех частей этого сооружения.

Кроме собственно этнографических материалов, в журнале уделяется большое место публикации фольклорного материала, литературоведческим исследованиям, описанию и истории архитектурных памятников. В № 1 журнала за 1956 г. помещена интересная статья известного собирателя иранского фольклора Кухи Кермани²¹, основанная на результатах поездки автора в Гульпайган, Хунсар и Камра в 1936 г. Автором было записано 9 кысса — сказок и около 300 бейтов. Две сказки записаны на местном диалекте. В качестве образца приведены два неопубликованных четверостишия из района Хунсара и лурский тасниф с комментариями автора.

Статья Хамзаи Сардадвара²² посвящена астрологическому гаданию «рамль». Она иллюстрирована фотографиями астрологических таблиц и гадательных кубиков, применяемых при этом гадании.

Описанию народных развлечений посвящена статья Хасана Раховарда «Зурхан»²³, в ней сделана попытка показать исторические корни этого вида народного развлечения. Журнал не ограничивает свои интересы этнографией только народов Ирана. Об этом свидетельствует публикация в нем перевода на персидский язык статьи английского ученого Хью Кэрлесса «Таджики долины Панджшира»²⁴.

Статья является результатом поездки автора в 1953 и 1956 гг. по долинам Панджшира и Андарараб с населением смешанного таджикско-узбекского происхождения и по долине Алингар, населенной кафирами (нуристанцами). Автор приводит некоторые географические данные, исторические предания, затрагивает вопрос о происхождении панджширских таджиков, об их языке, основных занятиях и современном положении. Интересны приводимые в статье сведения о современном составе, численности и занятиях населения долины Панджшира. Основным центром таджикского населения в Афганистане являются горные долины к северу от Кабула, долина Панджшира и Бадахшан. Встречаются группы таджиков и в окрестностях Герата и Газны. По Кэрлессу, в Афганистане сейчас живет около 3 млн. таджиков²⁵, из них в самой долине Панджшира живет от 80 тыс. до 120 тыс. человек²⁶.

Торговым центром Панджшира является Гульбахар, насчитывающий около 20 тыс. жителей. Многие панджширцы переселяются сюда и работают на новой текстиль-

¹⁸ Тасниф — род народного романа.

¹⁹ Рец. журнал, 1958, № 4, 5, 6; этому же автору принадлежат вышедшие отдельным изданием (на персидском языке) работы «Одежда женщин Ирана», Тегеран, 1957, и «Цыгане и их жизнь», Тегеран, 1957.

²⁰ См. рец. журнал, 1956, № 1.

²¹ О нем. см.: «Персидские сказки». Перевод Р. Алиева, А. Бертельса и Н. Османова, М., 1958.

²² См. рец. журнал, 1956, № 1, 2.

²³ См. рец. журнал, 1956, № 3.

²⁴ См. рец. журнал, 1956, № 1.

²⁵ Ср. С. И. Брук, Этнический состав и размещение населения в Передней Азии, «Переднеазиатский этнографический сборник» I, М., 1958, стр. 89, где приведена цифра в 2740 тыс. таджиков в Афганистане.

²⁶ Автор отмечает, что дать точную цифру очень трудно, так как селения разбросаны небольшими группами по несколько домов. Эта цифра основана на приблизительном подсчете, что в 400 селениях долины живет 20 тыс. семей, а каждая семья состоит из 5—6 человек.

ной фабрике. В поисках временного заработка дровоколы-панджширцы приходят и в Кабул.

Таджиков в Афганистане, в отличие от афганцев, говорящих на пушту, и от тюркоязычных узбеков и туркмен, называют фарсиван, так как они говорят на языке, близком к персидскому. Ссылаясь на работы Богданова и Мухаммада Таги, автор статьи называет язык панджширских таджиков кабульским диалектом персидского языка и отмечает его сходство с диалектами Хорасана. Однако приведенные автором образцы речи панджширцев дают основание утверждать, что это типичный таджикский язык. Кроме таджиков, в долине Панджшира насчитывается от 300 до 400 семей хазара. В отличие от хазара, живущих в Хазараджате и исповедующих шиизм, хазара долины Панджшира являются суннитами. Возможно, указывает Кэрлесс, перемена религии была платой за разрешение поселиться среди панджширских таджиков. В 50 милях от Гульбахара и в долине р. Шатуль Кэрлесс указывает несколько селений, отмеченных в 1924 г. Моргенштерном и в 1926 г. М. С. Андреевым как колыбель языка парачи. В наши дни на диалекте парачи говорит несколько сот человек.

В статье подчеркивается, что земледелие, садоводство в предгорной части и, в меньшей степени, скотоводство составляют основные занятия таджиков Панджшира. В садоводстве ведущее место занимает разведение тута. Собирают тут очень тщательно, практикуется несколько способов сбора, подробно описанных автором. Собранный тут раскладывают на глиняных крышах домов и сушат на солнце. Сушеный тут толкут и прессуют. В прессованное толокно тута — «талган» прибавляют толченый орех. В Верхнем Панджшире, или Парiane, из-за более сурового климата основную пищу населения составляют пшеница, ячмень, кукуруза и молочные продукты. Скот пасут на летних пастбищах, расположенных в соседней долине на высоте 3—5 тыс. м. Жители Парiane ведут полукочевой образ жизни — весной они переселяются со скотом на летние пастбища, где живут в хижинах — «колбе», стены которых сложены из камней, а потолок перекрыт листьями дикого ревеня и сверху обмазан глиной. На пастбищах по крутому склону Мир Самира Кэрлесс наблюдал афганских кочевников, пасших свой скот вместе с местными таджиками. Отличительным их признаком на пастбищах были только черные палатки из козьей шерсти. Эта группа афганцев появляется здесь с незапамятных времен и никаких налогов за пользование этими пастбищами не платит. С наступлением холода они перекечывают ниже, в Лагман (недалеко от Джалалабада). Время переходов длится несколько недель. Одежду жителей верхнего Панджшира составляют рубаха и широкие шаровары из хлопчатобумажной ткани домашнего производства, а обувь представляет собой сапоги — «чакма», доходящие до середины голени и завязывающиеся тесьмой.

В свободное от полевых работ время жители Панджшира занимаются изготовлением войлоков — «намад», грубошерстных безворсовых ковров — «гилим-е зибр» и других шерстяных изделий. Лучший сезон для охоты — зима, так как в это время куропатки и горные козлы спускаются вниз. Наиболее опытных и старых охотников называют миргун. Сохраняется следующий обычай «передачи мастерства» опытного охотника молодому: старый охотник прячет свое ружье, а молодые охотники ищут его. Тот, кто найдет, имеет право купить это ружье, а вместе с ним и «удачу» старого охотника.

Кэрлесс приводит интересные данные о налогах с крестьян: за лошадь — 8 афгани, за корову — 4 афгани, за овцу или козу — 2 афгани, за джариб земли — 4 афгани. Эти налоги, пишет автор, очень значительны по сравнению с огромными, ежегодно ложящимися на крестьян расходами по отправке группы панджширцев в Мекку на поклонение Каабе (21 тыс. афгани) или с той суммой, которую крестьянин должен уплатить за право жениться (от 5 тыс. до 8 тыс. афгани). Вместе с тем, говорится в статье, в Панджшире на 20 деревень нет ни одной лавки, чай и сахар являются роскошью.

Заканчивая краткий обзор доступных нам номеров журнала «Маджалее мардомшенаси» отметим, что значительная часть опубликованных в нем статей хорошо иллюстрирована.

Кроме этого журнала, за последние годы в Иране вышел в свет ряд интересных этнографических работ описательного характера, опубликованных как в различных периодических изданиях, так и в виде отдельных брошюр²⁷.

Ф. Люшкевич

²⁷ Кроме упомянутых работ Яхья Зека, отметим хорошо иллюстрированные статьи в ж. «Нагш ва негар» (например: «Одежда зороастрийцев Ирана», 1958, № 5; «Одежда иранцев XIX в.», 1958, № 6; «Изготовление и иллюстрация изделий из папье-маше», 1958, № 6, и др.). Из отдельных вышедших брошюр интересны работы А. Хедайатоллы «Обряд бракосочетания в древнем Иране», Тегеран, 1958; А. Касрави «О распространении курения в Иране и происхождении слов «чубук» и «кальян», Тегеран, 1958. Много работ посвящено истории древних городов Ирана.

СОДЕРЖАНИЕ

По ленинскому победному пути (К 40-летию советских республик Кавказа)	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
М. Г. Левин (Москва). Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов)	20
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
А. И. Робакидзе (Тбилиси). Новые черты современного грузинского крестьянского жилища	29
Б. А. Калоев (Москва). Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей	41
С. М. Абрамзон (Ленинград). Преобразования в хозяйстве и культуре казахов за годы социалистического строительства	54
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
С. А. Арутюнов (Москва), А. И. Мухлинов (Ленинград). Материалы по этнолингвистической классификации народов Вьетнама	72
В. А. Кацман (Москва). Рост имущественной дифференциации среди африканского крестьянства Танганьики после второй мировой войны	83
Е. А. Тарвердова (Москва). О некоторых специфических особенностях ислама в Западном Судане в XIII—XVI вв.	94
Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии	
Я. А. Федоров (Москва). К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана	102
В. П. Алексеев (Москва). О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры	116
Из истории этнографии и антропологии	
К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко (Киев). О периодизации истории украинской этнографии	130
Сообщения	
А. Г. Трофимова (Москва). Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем	143
Л. Е. Куббель (Ленинград). Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов	149
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Бронзовое зеркало из Термеза	153
Хроника	
Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин (Москва), Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Шестой международный конгресс антропологов и этнографов	156
С. Б. Рождественская (Москва). Новый этап развития художественных промыслов Российской Федерации	161
Т. В. Лукьянченко (Москва). Обсуждение работы Юкагирской экспедиции	169
Критика и библиография	
Общая этнография	
Ю. Аверкиева (Москва). Этнографические дневники Л.-Г. Моргана	171
Народы СССР	
Э. Литвин (Ленинград), Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.	175
Т. Аристова (Москва), Г. Ю. Гербильский. Передова суспільна думка в Галичині	176
И. Гурвич (Москва), Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.	180
Г. Сергеева (Москва). Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадаса]	185
М. Кургузова (Москва), С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв.	189
Б. Алборов (Орджоникидзе), Х. М. Халилов. Лакский песенный фольклор	191
В. Кобычев (Москва), М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР	193
И. Джаббаров (Ташкент), М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана	195
Народы зарубежной Европы	
Г. Анохин (Москва). Изучение пережитков общинного права в Норвегии	198
Народы зарубежной Азии	
Ю. Ионов (Ленинград). Ким Иль Чхул. Чосон минсок тхаль нори ёнку (Этнографическое изучение корейских игр в масках)	201
Ф. Люшкевич (Ленинград). Журнал «Маджалее мардомшенаси» (1956—1958)	202

SOMMAIRE

40-me anniversaire des Republiques Soviétiques du Caucase		
Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie		
M. G. Lévine (Moscou). L'ethnographie et l'anthropologie comme source des études historiques (Sur la méthodologie de l'étude historique des peuples n'ayant pas d'histoire écrite)		20
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS		
A. I. Robakidzé (Tbilissi). Nouveaux traits des habitations paysannes d'aujourd'hui en Géorgie		29
B. A. Kaloëv (Moscou). De l'histoire des liens économiques et culturels russo-tchéchénizes		41
S. M. Abramson (Léninegrad). Évolution économique et culturelle des Kasakhs pendant les années de l'édification socialiste		54
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des		
S. A. Aroutiounov (Moscou), A. I. Moukhlinov (Léninegrad) pour la classification ethno-linguistique des peuples de Vietnam		
V. A. Katzman (Moscou). Évolution de la différenciation économique africains de Tanganyika après la seconde guerre mondiale		
E. A. Tarverdova (Moscou). Particularités spécifiques de l'Islam occidental aux XIII—XVI ss.		
Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie		
J. A. Federov (Moscou). Sur la question des premières étapes des peuples de Daguestan	грома	Напечатан
V. P. Alexéev (Moscou). Du composant brachy crane parmi la population culture afanassienne	сн. св.	Метонга кан
Histoire de l'ethnographie et l'anthropologie		
K. G. Gouslisty, V. F. Gorlenko (Kiev). De la périodisation de l'ethnographie ukrainienne	столб. права св.	theam
Informations		
A. G. Trofimova (Moscou). Rites et fêtes lezghiens liés au calendrier	столб. лева	
L. E. Koubbel (Léninegrad). La plus ancienne communication de corégence de frère et soeur chez les peuples africains	сн. св.	им аро
G. A. Pougatchenkova (Tachkent). Le miroir en bronze de	столб. лева	
Chronique		
G. F. Débetz, M. G. Lévine (Moscou), D. A. Oldéroggué. VI Congrès International des sciences anthropologiques et ethnographiques	сн. св.	Cuilemin иганасан
S. B. Rojdestvenskaïa (Moscou). Nouvelle étape de développement artistique	сн. св.	Х а б а б назначитель
T. V. Loukiantchenko (Moscou) Délibération des travaux chez les Youkaghirs	сн. св.	J. A. Fede
Critique et bibliographie		
Ethnographie générale		
J. Averkiéva (Moscou). Le journal ethnographique de L. G. Morgan		171
Peuples de l'URSS		
E. Litvine (Léninegrad). B. N. Poutilov. Roussky istoriko-pessenny folklor XIII—XVI vv. (Le folklore russe de chansons historiques de XIII—XVI ss.)		175
T. Aristova (Moscou). G. Y. Guerbilsky. Peredova souspilna doumka v Galitchini (Chansons lyriques — doumkas — en Galicie)		176
I. Gourvitch (Moscou). B. O. Dolguikh. Rodovoï i plemennoï sostav narodov Sibiri v XVII v. (Clans et tribus des peuples de Sibérie au XVII s.)		180
G. Serguéeva (Moscou). Outchenye Sapiski (Travaux scientifiques de l'Institut d'histoire, de langues et de littérature G. Tzadas)		185
M. Kourgousova (Moscou), S. Ch. Gadjiéva. Materialnaïa cultura koumykov XIX—XX vv. (La culture matérielle des Koumyks en XIX—XX ss.)		189
B. Alborov (Ordjonikidzé). Kh. M. Khalilov. Laksky pessenny folklor (Folklore de chansons lakhs)		191
V. Kobytchev (Moscou). M. N. Nassirly. Selskie posselenia i krestianskie jilichtcha Nakhitchevanskoï SSR (Habitations rurales et demeures paysannes de la R. A. S. de Nakhitchévan)		193
I. Djabbarov (Tachkent). M. A. Bikjanova. Semia v kolkhosakh Ouzbékistana (La Famille dans les kolkhozes de l'Ouzbékistan)		195
Peuples de l'Europe étrangère		
G. Anokhine (Moscou). Études des survivances du droit communal en Norvège		198
Peuples de l'Asie étrangère		
J. Ionova (Léninegrad). Kim Il Tchkhoul. Tchossou minsok tkhal nori enkou (Étude ethnographique des jeux coréens en masques)		201
F. Liouchkevitch (Léninegrad). La revue «Madjalée mardomchenassi» (1956—1958)		202